ОКТЯБРЬ. № 8. 1904.

Д-02
В387

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Просмотр

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. АРСЕНЬЕВА, М. М. ВИНАВЕРА,
прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА, В. Д. НАБОКОВА
и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. „САМОВОЛЬНОЕ" ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ . . . . . В. В. Акимова.
2. КЕЛЕЙНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ. . . . . Н. И. Фалѣева.
3. ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ. Идеи свободы и права въ его философской системѣ . А. С. Гольденвейзера.
4. БАНКОВСКІЕ ДОЛГИ И ПОРЯДОКЪ ИХЪ ВЗЫСКАНІЯ. . . . . В. Л. Исаченко.
5. ПСИХОЛОГІЯ СВИДѢТЕЛЬСКИХЪ ПОКАЗАНІЙ И СУДЕБНОЕ СЛѢДСТВІЕ . Е. М. Кулишера.
6. УѢЗДНЫЙ ЧЛЕНЪ ОКРУЖНАГО СУДА. К. Н. Скворцова.
7. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.
   І. Э. Ламберъ. Очерки общаго законовѣдѣнія или сравнительнаго гражданскаго права . . . . . Проф. Ф. Ф. Зигеля.

(См. 2-ую стр. обложки).

При этой книги прилагается объявленіе о „Талмудѣ".

МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

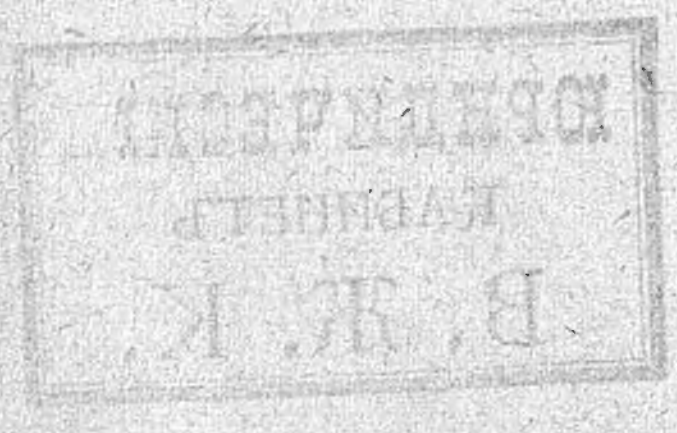
ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. АРСЕНЬЕВА, **М. М. ВИНАВЕРА,**
прив.-доц. **В. М. ГЕССЕНА,** **В. Д. НАБОКОВА**
и проф. **І. А. ПОКРОВСКАГО.**

XXXIV. Октябрь. 1904.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1904.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

1. „Самовольное“ переселеніе крестьянъ. **В. В. Акимова** . . . . . 1—35
2. Келейное заключеніе. **Н. И. Фалѣева** . . . 36—63
3. Гербертъ Спенсеръ. Идеи свободы и права въ его философской системѣ. **А. С. Гольденвейзера** . . . . . 64—120
4. Банковскіе долги и порядокъ ихъ взысканія. **В. Л. Исаченко** . . . . . 121—170
5. Психологія свидѣтельскихъ показаній и судебное слѣдствіе. **Е. М. Кулишера** . . . 171—212
6. Уѣздный членъ окружнаго суда. **К. Н. Скворцова** . . . . . 213—247
7. Литературное обозрѣніе:
   I. Э. Ламберъ. Очерки общаго законовѣдѣнія или сравнительнаго гражданскаго права. **Проф. Ф. Ф. Зигеля** . . . . . 248—267
   II. А. Вейнгартъ. Новое руководство для судебныхъ слѣдователей (Kriminaltatktik. Ein Handbuch für das Untersuchen von Verbrechen. Von Dr. A. Weingart. 1904). **А. А. Левенстима** . . 268—275
8. Уголовная хроника.—Банковская трилогія. **М. Л. Гольдштейна** . . . . . 276—285
9. Законодательная хроника. **Г. Г. Евангулова** . 286—293

10. Труды Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Продолженіе журнала образованной при Гражданскомъ Отдѣленіи Юридическаго Общества Коммисіи для разсмотрѣнія проектовъ книгъ I и IV Гражданскаго Уложенія (Положенія Общія и Наслѣдственное Право).

11. Объявленія . . . . . I—XVI

„САМОВОЛЬНОЕ“ ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

I.

Въ то время, какъ во всѣхъ культурныхъ государствахъ свобода передвиженія составляетъ одно изъ безспорныхъ правъ личности, въ Россіи это право подвергается въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма серьёзнымъ ограниченіямъ. Не задаваясь въ настоящемъ очеркѣ цѣлью разсмотрѣть подобныя ограничительныя постановленія во всей ихъ совокупности, мы имѣемъ въ виду остановиться лишь на постановленіяхъ, касающихся едва ли не неудачнѣйшей конструкціи дѣйствующаго уголовнаго права—проступка „самовольнаго“ переселенія крестьянъ [1]). Правда, новое уголовное уложеніе существенно видоизмѣняетъ господствующую нынѣ точку зрѣнія на этотъ проступокъ. Тѣмъ не менѣе съ господствующимъ взглядомъ приходится считаться, такъ какъ именнымъ Высочайшимъ указомъ 22 марта

---

[1]) Во избѣжаніе повторныхъ ссылокъ мы позволимъ себѣ здѣсь же указать на главнѣйшіе источники, откуда мы черпали матеріалъ для нашего очерка: „Объясненія къ проекту уголовнаго уложенія редакціонной коммисіи“, томъ III, Спб. 1897 г., стр. 369—370; И. Л. Горемыкинъ „Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ“, изд. 4 и 5; „Колонизація Сибири въ связи съ общимъ переселенческимъ вопросомъ“, изданіе канцеляріи Комитета Министровъ, Спб., 1900 г.; „Сборникъ узаконеній и распоряженій о переселеніи“, справочное изданіе переселенческаго управленія Мин. Внутр. Дѣлъ, Спб. 1901 г. Прочіе частные и оффиціальные матеріалы, бывшіе въ нашемъ распоряженіи, указаны подъ дальнѣйшимъ текстомъ очерка.

1903 г. введеніе въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія отсрочено на неопредѣленное время. Съ другой стороны, какъ извѣстно, для крестьянъ предполагается издать особый сельскій уставъ о наказаніяхъ, и заранѣе, конечно, трудно предвидѣть, какимъ окажется содержаніе проектируемаго устава. Между тѣмъ постановленія о самовольномъ переселеніи продолжаютъ сохранять силу дѣйствующаго закона и eo ipso оказываютъ свое далеко неблагопріятное вліяніе на нормальное развитіе переселенческаго движенія въ Россіи. Такимъ образомъ, представляется, по нашему мнѣнію, вполнѣ своевременнымъ подвергнуть вопросъ о такъ называемомъ „самовольномъ" переселеніи крестьянъ обстоятельному разсмотрѣнію, тѣмъ болѣе, что въ отечественной печати спеціально этому вопросу была посвящена, сколько намъ извѣстно, лишь одна замѣтка и, притомъ, чисто казуальнаго характера [1]).

Согласно ст. 948 улож. о наказ. „тѣ, которые, вслѣдствіе подговора, о коемъ упоминается въ предшедшей (947) статьѣ, или по собственному побужденію, будутъ, не имѣя на то права или особаго, по установленному порядку, разрѣшенія, дѣлать приготовленія къ переселенію, или же дѣйствительно противозаконно перейдутъ на другія мѣста для жительства", подвергаются за это аресту на время отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ. Если же переселеніе учинено или предпринято цѣлымъ семействомъ, то этому наказанію подвергаются лишь „начальники" или старшіе въ томъ семействѣ.

Изъ приведенныхъ постановленій явствуетъ признаніе закономъ „самовольнаго" переселенія крестьянъ проступкомъ столь существеннымъ, что считается необходимымъ облагать наказаніемъ не только самое учиненіе этого проступка, но даже и *приготовленіе* къ нему. Такая строгость закона должна имѣть какое-либо важное основаніе, потому что современная наука уголовнаго права, относя область приготовитель-

---

[1]) Замѣтка г. В. В. „Уголовная отвѣтственность за самовольное переселеніе или за одно только приготовленіе" въ Журналѣ Юридическаго Общества за 1897 г., книга X, стр. 68—71.

ныхъ дѣйствій къ обнаруженію умысла, а не къ осуществленію его, признаетъ въ принципѣ приготовительныя дѣйствія ненаказуемыми. Это признаніе явилось, какъ указываетъ Н. С. Таганцевъ [1]), результатомъ убѣжденія, что: 1) при оцѣнкѣ приготовительной дѣятельности судъ, за рѣдкими исключеніями, не можетъ сдѣлать точнаго вывода о характерѣ и энергіи злой воли, и 2) допуская уголовную отвѣтственность за всякое приготовительное дѣйствіе, государство по необходимости покроетъ тяжелою сѣтью весь жизненный обиходъ: всякое дѣйствіе сколько-нибудь подозрительнаго лица можетъ возбудить сомнѣніе въ томъ, не скрывается ли здѣсь приготовленія къ преступному дѣянію, и можетъ послужить основаніемъ для возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Отсюда открывается столь широкая перспектива для произвола, что бываетъ благоразумнѣе, безъ особо важныхъ побудительныхъ причинъ къ противоположному рѣшенію, вовсе отказаться отъ обложенія наказаніемъ приготовленія. Само за себя говоритъ уже одно то обстоятельство, что по дѣйствующему русскому праву приготовительныя дѣйствія, какъ таковыя, наказываются лишь: 1) при государственныхъ преступленіяхъ (т. е. при посягательствѣ на особу Государя и членовъ Царствующаго дома); 2) при поддѣлкѣ монетъ и денежныхъ знаковъ [2]); 3) при убійствѣ, по ст. 1457; 4) при поджогѣ, по ст. 1611, и 5) при приготовленіи къ переселенію, по ст. 948. Имѣется ли, однако, въ разсматриваемомъ проступкѣ такое особо важное основаніе и что представляетъ собою „самовольное“ переселеніе крестьянъ въ Россіи?

Случаи самовольныхъ переселеній изъ внутреннихъ губерній Имперіи, какъ видно изъ архивныхъ матеріаловъ, встрѣчались довольно часто еще въ 20-хъ и 40-хъ г.г. XIX вѣка, причемъ даже въ 50-хъ годахъ этого вѣка они совершенно не поддавались правительственной регламентаціи. Иногда

---

[1]) „Лекціи по русскому уголовному праву“, Спб. 1888 г., вып. II, § 590.

[2]) Въ нѣсколькихъ рѣшеніяхъ Сенатъ (1874 г. № 80, 1884 г. № 34), впрочемъ, разъяснилъ, что дѣйствія, указанныя въ ст. 573, наказываются, какъ самостоятельныя преступныя дѣйствія, а не какъ приготовленіе.

такіе переселенцы оставляли родину цѣлыми семействами, не дожидаясь законнаго разрѣшенія, съ лежащими на нихъ недоимками. Хотя по „Уставу о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“ всѣ семьи переселенцевъ, долженствовавшихъ отбывать рекрутскую повинность, а также не уплатившихъ недоимки, слѣдовало удерживать на прежнихъ мѣстахъ, тѣмъ не менѣе тогдашнимъ министромъ государственныхъ имуществъ принято было во вниманіе, что возвращеніе на родину самовольныхъ переселенцевъ, уже прибывшихъ въ Сибирь, „*привело бы ихъ къ совершенному разстройству, не принеся при этомъ никакой пользы казнѣ*“, въ виду чего Тобольской казенной палатѣ предписано было, при водвореніи 872 переселенцевъ, пришедшихъ въ Сибирь въ 1842 г. изъ Смоленской губерніи, отводить земельные участки и самовольнымъ переселенцамъ, безъ предоставленія имъ, однако, льготъ и пособій [1]). По тѣмъ же соображеніямъ состоялось въ 1843 г. положеніе комитета министровъ объ оставленіи на мѣстахъ новаго жительства всѣхъ уже водворившихся самовольныхъ переселенцевъ, обязавъ ихъ уплатить всѣ числившіяся на нихъ недоимки и отбывать рекрутскую повинность на новыхъ мѣстахъ. То же гуманное отношеніе проявлено было министерствомъ государственныхъ имуществъ ко всѣмъ лицамъ, переселившимся въ теченіе 1843—1845 г.г. въ губерніи Оренбургскую, Самарскую, Тобольскую и Томскую безъ соблюденія требованій Устава 1842 г. Это же продолжалось и послѣ 1845 г. По приблизительнымъ свѣдѣніямъ казенныхъ палатъ оказывается, что число самовольныхъ переселенцевъ въ Тобольской губерніи за 1838—1850 года составляло 3238 душъ мужскаго пола, а въ Томской губерніи за тотъ же періодъ—431 чел. Послѣдующія правительственныя мѣропріятія касались преимущественно отдѣльныхъ сторонъ переселенческаго дѣла вплоть до обнародованія закона 13 іюля 1889 г. („Правила о добровольномъ

---

[1]) Дѣло архива Министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за 1847 г. № 1359, по I Департаменту.

переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли“).

Этотъ законъ былъ первымъ правительственнымъ актомъ, признавшимъ за переселеніемъ значеніе народной потребности, подлежащей удовлетворенію. Имъ опредѣлено: 1) какія условія должны выполнить лица, желающія переселиться и 2) въ какихъ губерніяхъ переселенцы надѣляются землею. Несомнѣнно, что законъ 1889 г. имѣетъ особенно важное значеніе именно для громадной массы крестьянскаго населенія, такъ какъ изъ мѣщанъ подъ его правила подпадаютъ лишь тѣ, которые издавна занимаются хлѣбопашествомъ, какъ главнымъ источникомъ пропитанія себя и своихъ семействъ, и по быту своему не отличаются отъ крестьянъ; мѣщане же, пользующіеся по дѣйствующимъ законамъ правомъ водворенія на казенныхъ земляхъ, изъемлются отъ дѣйствія этого закона. Закономъ имѣлось въ виду предоставить право на переселеніе всѣмъ нуждающимся въ немъ лицамъ упомянутыхъ сословій, не стѣсняя ихъ какими-либо формальностями при полученіи соотвѣтствующихъ разрѣшеній. Одновременно онъ стремился подчинить самый процессъ переселенія такому воздѣйствію со стороны правительства, которое ставило бы самые размѣры переселенія въ ближайшую зависимость отъ возможности отвода переселенцамъ свободныхъ земель. Въ цѣляхъ осуществленія этихъ задачъ переселеніе допущено было не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія и государственныхъ имуществъ; лица, предпринявшія подобное переселеніе безъ указаннаго разрѣшенія, подлежали возвращенію въ мѣста приписки распоряженіями административныхъ властей. Разрѣшеніе, однако, выдавалось лишь въ случаяхъ, когда причины, вызвавшія ходатайство о переселеніи, признаны упомянутыми министрами заслуживающими уваженія, и когда, притомъ, имѣются свободные участки казенной земли, предназначенной для заселенія переселенцами. Въ просьбахъ о переселеніи дозволено указывать на тѣ мѣстности въ Имперіи, въ которыхъ крестьяне желали бы водвориться, но такія заявленія подлежали удовлетворенію лишь

при условіи согласованности ихъ съ общими видами правительства. Противоположность задачъ закона 1889 г. привела, такимъ образомъ, не къ облегченію, а скорѣе къ усложненію формальностей для полученія разрѣшенія переселиться, чѣмъ открыла широкій просторъ, какъ мы далѣе увидимъ, злоупотребленіямъ всевозможнаго рода.

Съ другой стороны, касаясь наиболѣе существенныхъ моментовъ переселенческаго дѣла, законъ 1889 г. не содержалъ въ себѣ постановленій болѣе или менѣе исчерпывающихъ какой-либо изъ этихъ моментовъ. Послѣдствія этого не замедлили сказаться. До 1892 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ выдано было, на основаніи новаго закона, 17289 семействамъ разрѣшеніе на переселеніе въ разныя мѣстности Имперіи, а между тѣмъ по даннымъ, добытымъ регистраціею, оказалось, что за эти же (1889—1891) годы прошло *только за Уралъ* 28911 семействъ. Итакъ, множество крестьянъ продолжало переходить въ Сибирь на свой страхъ и рискъ. Понятно, что къ столь значительному числу самовольныхъ переселенцевъ невозможно было примѣнять требованіе закона о возвращеніи ихъ на родину административнымъ порядкомъ, въ виду чего правительству не оставалось другого средства, какъ только пользоваться неоднократно примѣнявшеюся уже мѣрой, а именно—причислить всѣхъ переселенцевъ, перешедшихъ къ этому времени безъ установленнаго разрѣшенія въ Западную Сибирь, къ мѣстамъ водворенія на общемъ основаніи.

Вскорѣ, однако, оказалось, что наплывъ переселенцевъ значительно опередилъ ходъ работъ по заготовленію переселенческихъ участковъ. Поэтому министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министрами императорскаго двора и удѣловъ и государственныхъ имуществъ, признало необходимымъ „*пріостановить*“ (!) выдачу разрѣшеній на переселеніе. Но легче было предписать на бумагѣ остановить переселеніе, чѣмъ осуществить эту мѣру на дѣлѣ! Движеніе крестьянъ за Уралъ продолжалось и достигло за 1892 годъ 34200 душъ, а въ 1893 г.—61435 душъ. Переселенцамъ приходилось сталкиваться съ рядомъ неудобствъ, вызываемыхъ

отсутствіемъ правильной организаціи въ ихъ передвиженіи и, въ особенности, недостаткомъ продовольственной и медицинской помощи. Скопленіе переселенцевъ въ отдѣльныхъ пунктахъ на пути вызывало значительное развитіе инфекціонныхъ болѣзней во время слѣдованія къ новымъ мѣстамъ, а самый процессъ водворенія переселенцевъ былъ крайне затрудненъ отсутствіемъ заготовленныхъ участковъ земель. Такимъ образомъ, несмотря на наличность закона 1889 г., переселеніе продолжало сохранять свой прежній безпорядочный характеръ. Сооруженіе Сибирской желѣзной дороги снова привлекло вниманіе правительства къ переселенческому движенію, такъ какъ это движеніе естественно должно было разростись не только вслѣдствіе удешевленія проѣзда и устраненія многихъ неудобствъ прежняго пути, но и вслѣдствіе ожидавшагося наплыва изъ Европейской Россіи на постройку желѣзной дороги громаднаго количества рабочихъ, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи вступили въ ряды сибирскихъ новоселовъ. Во-первыхъ, былъ образованъ особый фондъ на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкой сибирской желѣзной дороги, причемъ размѣръ этого фонда первоначально былъ установленъ въ 14 милліоновъ рублей, а въ 1897 г. онъ увеличенъ былъ еще на 7,900,000 рублей. Во-вторыхъ, учрежденъ былъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора, особый комитетъ сибирской желѣзной дороги для распоряженія суммами, назначенными на вспомогательныя предпріятія этой дороги, и для разсмотрѣнія и разрѣшенія прочихъ вопросовъ, относящихся къ осуществленію вспомогательныхъ предпріятій, связанныхъ съ этою дорогою. Комитетъ занялся переселенческимъ вопросомъ, причемъ руководящимъ началомъ его предположеній по этому предмету должна была послужить высказанная въ засѣданіи комитета 8 Марта 1895 г. августѣйшимъ Предсѣдателемъ мысль, что „*къ крестьянскимъ переселеніямъ слѣдуетъ относиться безъ особыхъ опасеній, правительственное же воздѣйствіе должно направляться къ тому, чтобы переселеніе носило болѣе сознательный характеръ и получило вполнѣ правильную постановку*“. Обсуждая

размѣры и характеръ переселенческаго движенія, комитетъ нашелъ, что выселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ внутреннихъ губеній Россіи не можетъ оказывать невыгодное вліяніе на экономическое развитіе страны, такъ какъ численность выселяющихся является очень незначительною сравнительно съ ежегоднымъ приростомъ населенія въ странѣ, достигающимъ $1^1/_2$ милліона людей. Съ другой стороны, комитетъ обратилъ вниманіе на крайне благотворное вліяніе переселеній на политическое и экономическое развитіе Сибири. Вслѣдствіе этого комитетомъ поставленъ былъ въ ближайшую очередь вопросъ о допущеніи нѣкоторыхъ измѣненій въ переселенческомъ законѣ 1889 г. въ смыслѣ упорядоченія выхода крестьянъ съ родины и условій водворенія ихъ въ Сибири. Выработанныя подготовительною коммисіею правила получили 15 апрѣля 1896 г. Высочайшее утвержденіе. Въ виду неудобствъ, связанныхъ съ сосредоточеніемъ управленія переселенческимъ дѣломъ въ одномъ изъ отдѣленій земскаго отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ концѣ 1896 г. состоялось мнѣніе Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденное 2-го декабря того-же года, объ образованіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ особаго переселенческаго управленія, къ обязанностямъ котораго отнесены: 1) функціи чисто исполнительнаго характера, т. е. руководство выдачею разрѣшеній на переселеніе, а въ нужныхъ случаяхъ—и выдача этихъ разрѣшеній, попеченіе объ устройствѣ переселенія на мѣстахъ водворенія и завѣдываніе кредитами, открываемыми на переселенческое дѣло и 2) предварительная разработка всѣхъ законодательныхъ мѣропріятій по переселенческому вопросу.

Несмотря, однако, на принимавшіяся мѣры, число крестьянъ, самовольно переходившихъ на новыя мѣста, нисколько не уменьшалось. Дѣйствительно, по оффиціальнымъ даннымъ, число самовольныхъ переселеній составляло въ 1894 г. 78% всего переселенческаго движенія; понизившись въ 1895 г. до 24% общей массы переселенцевъ, оно составило въ 1896 г.—36%, въ 1897 г.—34% и, наконецъ, въ 1898 г.—44% всего движенія.

II.

Это неудержимое стремленіе крестьянъ къ „самовольному“ переселенію неизбѣжно должно было, уже въ силу своего стихійнаго характера, привлечь вниманіе правительства къ изученію источниковъ, его вызывающихъ. Съ проблесками раціональнаго отношенія къ дѣлу мы встрѣчаемся, какъ видѣли, еще въ 1842 г., когда тогдашній Министръ Государственныхъ Имуществъ призналъ нецѣлесообразнымъ возвращеніе на родину уже прибывшихъ въ Сибирь „самовольныхъ“ переселенцевъ, справедливо полагая, что такая мѣра, не принеся пользы казнѣ, привела бы лишь означенныхъ переселенцевъ къ совершенному разстройству. Любопытно отмѣтить, что вся послѣдующая исторія разсматриваемаго вопроса является въ сущности развитіемъ и обоснованіемъ доводовъ, подтверждающихъ вѣрность мысли о вредѣ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ самовольнымъ переселенцамъ. Первоначально правительству неоднократно приходилось силою вещей признавать совершившійся фактъ и, не прибѣгая къ мѣрамъ репрессіи, попросту причислять всѣхъ переселенцевъ (самовольныхъ и получившихъ надлежащее разрѣшеніе) къ мѣстамъ водворенія на общемъ основаніи. Въ новѣйшее же время мы встрѣчаемся съ сравнительно широкою оцѣнкою причинъ и послѣдствій „самовольнаго“ переселенія оффиціальными представителями власти. Такъ, напр., вопросъ о самовольныхъ переселенцахъ подробно обсуждался въ упомянутомъ уже нами засѣданіи комитета Сибирской желѣзной дороги 8 марта 1895 г. Августѣйшій Предсѣдатель комитета, нынѣ царствующій Государь Императоръ, призналъ *крайне нежелательнымъ принудительное возвращеніе на родину переселенцевъ, хотя бы и самовольно покинувшихъ мѣста постоянной осѣдлости*, въ виду того, что такіе выходцы, порвавъ всякія связи съ сельскими обществами и обнищавъ въ пути, едва ли будутъ охотно приняты вновь въ среду своихъ прежнихъ односельчанъ; *правительственное же воздѣйствіе должно быть направлено лишь къ правильной по-*

становкѣ переселенческаго движенія и передачѣ ему болѣе сознательнаго характера. Присоединяясь къ этимъ мыслямъ своего Предсѣдателя, комитетъ призналъ въ то же время несоотвѣтствующимъ цѣли и принудительное возвращеніе тѣхъ самовольныхъ переселенцевъ, которые находились еще на пути въ Сибирь, вслѣдствіе затруднительности для мѣстныхъ властей распознавать такихъ переселенцевъ отъ сельскихъ обывателей, направлявшихся по краткосрочнымъ паспортамъ на отхожіе заработки, и въ виду возможности причиненія матеріальнаго ущерба лицамъ, ошибочно подозрѣваемымъ въ самовольномъ переселеніи. Это побудило комитетъ *совершенно отказаться на будущее время отъ примѣненія какихъ-либо принудительныхъ мѣръ по отношенію къ самовольнымъ выходцамъ.* Одновременно комитетъ призналъ полезной разработку, въ законодательномъ порядкѣ, предположеній о такихъ мѣрахъ, которыя могли бы ослабить размѣры самовольныхъ переселеній *путемъ возбужденія сознательности и обдуманности въ средѣ крестьянъ, стремящихся выселиться.*

При выработкѣ этихъ предположеній, возложенной комитетомъ на состоявшую при немъ подготовительную коммисію, приходилось примирить два различныхъ принципа. Съ одной стороны, необходимо было принять во вниманіе указанія на нѣкоторыя отрицательныя послѣдствія „самовольныхъ“ переселеній. Эти указанія, правда, не отличались особенною убѣдительностью. Такъ, напр., обращали вниманіе на то, что учащеніе самовольныхъ переселеній оказывало будто бы вредное вліяніе на сельскихъ обывателей, собиравшихся идти въ Сибирь, укрѣпляя въ нихъ убѣжденіе въ нетвердости закона и въ возможности его неисполненія; затѣмъ наплывъ въ Сибирь многочисленныхъ самовольныхъ переселенцевъ возбуждалъ опасенія, какъ бы водвореніе ихъ на свободныхъ земляхъ, предназначенныхъ для заселенія, не обусловило въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ недостатка въ такихъ земляхъ для ожидаемыхъ законныхъ переселенцевъ. Съ другой стороны, въ интересахъ колонизаціи нѣкоторыхъ наименѣе заселенныхъ раіоновъ Сибири, а въ особенности—восточной ея части,

представлялось даже полезнымъ допустить возможно большій притокъ переселенцевъ, вслѣдствіе чего правительству приходилось относиться снисходительно къ водворенію на этихъ мѣстахъ самовольныхъ переселенцевъ, видя и въ нихъ залогъ экономическаго роста края. Поэтому признано было цѣлесообразнымъ примѣнить къ самовольнымъ переселенцамъ такія правила, которыя провели бы рѣзкое различіе между положеніемъ ихъ и законныхъ переселенцевъ при водвореніи на новыхъ мѣстахъ и, въ то же время, исключали бы необходимость періодическаго изданія отдѣльныхъ узаконеній для уравненія правъ той или другой группы переселенцевъ; переселенцы должны были твердо знать, что̀ именно они теряютъ, оставляя старыя мѣста безъ установленнаго разрѣшенія, и какія льготы они получаютъ при испрошеніи послѣдняго. Такимъ то образомъ появились ограниченія, узаконенныя Высочайше утвержденнымъ 15 Апрѣля 1896 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Эти ограниченія коснулись, прежде всего, момента водворенія самовольныхъ переселенцевъ: они поселяются на заготовленныхъ для переселенцевъ участкахъ на общемъ основаніи лишь по мѣрѣ возможности, при чемъ на нихъ переводятся всѣ состоящія за ними по прежнимъ обществамъ недоимки въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ съ освобожденіемъ прежнихъ обществъ отъ всякой по нимъ отвѣтственности; на самовольныхъ переселенцевъ не распространена льгота по отбыванію воинской повинности, и, наконецъ, только законнымъ переселенцамъ предоставлено право пользоваться льготнымъ желѣзнодорожнымъ тарифомъ.

Для придачи переселеніямъ возможной сознательности и устойчивости основною и наиболѣе дѣйствительною мѣрою признано было правительственное содѣйствіе развитію среди выселяющихся крестьянъ такъ называемаго „*ходачества*“, т. е. заблаговременнаго отправленія ими въ мѣстности, намѣчаемыя для переселенія, особыхъ довѣренныхъ лицъ или *ходоковъ* для предварительнаго ознакомленія съ дѣйствительными условіями жизни въ Сибири и для избранія наиболѣе подходящихъ къ привычнымъ условіямъ мѣстъ новой осѣдлости. На основаніи вышеупомянутаго мнѣнія Государственнаго Со-

вѣта отъ 15 Апрѣля 1896 г. за сельскими обывателями, получившими разрѣшеніе переселиться въ Сибирь, подтверждено право отправлять для осмотра мѣстъ, пригодныхъ къ заселенію, и зачисленія ихъ за собою на два года, ходоковъ, избранныхъ изъ среды переселяющихся и утвержденныхъ подлежащими административными органами. Такимъ ходокамъ дана возможность пользоваться при передвиженіи въ Сибирь и обратно всѣми льготами, предоставленными самимъ переселенцамъ.

Замѣчательная по полученнымъ данным поѣздка въ Сибирь, совершенная лѣтомъ 1896 г. управляющимъ дѣлами комитета сибирской желѣзной дороги, статсъ-секретаремъ Куломзинымъ, составляетъ несомнѣнно выдающійся фактъ въ исторіи отношенія правительственной власти къ переселенческому дѣлу въ Россіи, какъ первый примѣръ обращенія къ самимъ „самовольнымъ" переселенцамъ для выясненія истинныхъ причинъ массового уклоненія отъ выполненія требуемыхъ закономъ формальностей при переселеніи. Путемъ личнаго опроса переселенцевъ на мѣстѣ Куломзину удалось выяснить, что лишь незначительное число самовольныхъ переселенцевъ (именно 18% всѣхъ опрошенныхъ семействъ) рѣшилось предпринять переселеніе сразу на свой страхъ, не желая возбуждать ходатайства о разрѣшеніи и будучи увѣрены въ успѣшномъ водвореніи своемъ на новыхъ мѣстахъ наравнѣ съ получившими разрѣшеніе. Значительное же большинство крестьянъ предпочитало сдѣлать попытку попасть въ Сибирь законнымъ путемъ и только впослѣдствіи отказывалось отъ такого намѣренія влѣдствіе различныхъ препятствій, не зависѣвшихъ отъ ихъ воли. Главнѣйшимъ препятствіемъ служили *задержки въ удовлетвореніи со стороны мѣстной администраціи представленныхъ переселенцами ходатайствъ о выдачѣ имъ надлежащихъ разрѣшеній*; эта причина обусловила, напр., въ 1896 г. выходъ съ родины до 55% всего числа самовольныхъ переселенцевъ. Другой причиной самовольныхъ переселеній служили: *несочувственное отношеніе мѣстныхъ властей къ ходатайствамъ о переселеніи* и *отказъ въ выдачѣ разрѣшеній*; въ послѣднемъ случаѣ само-

вольное отправленіе въ путь для крестьянъ представлялось иногда, по признанію статсъ-секретаря Куломзина, *прямо неизбѣжнымъ* въ виду того, что они часто распродавали свое имущество немедленно вслѣдъ за подачей прошеній о дозволеніи имъ переселиться. Наконецъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, причиной самовольнаго ухода былъ даже *частичный отказъ администраціи въ разрѣшеніи переселенія нѣкоторымъ изъ семействъ, совмѣстно подавшимъ ходатайство о переселеніи*, такъ какъ онъ иногда значительно затруднялъ хозяйственные разсчеты, сдѣланные переселенцами сообща.

Результаты поѣздки Куломзина повліяли на дальнѣйшее развитіе законодательства о ходокахъ. Рѣшено было распространить право высылки ходоковъ на каждую семью, желающую переселиться въ Сибирь, позволивъ такую высылку до испрошенія узаконеннаго разрѣшенія и распространивъ на этихъ „*семейныхъ*“ *ходоковъ* всѣ льготы, предоставленныя уже ходокамъ закономъ 15 апрѣля 1896 г.; далѣе, проектировано было выдавать семьямъ, ходоки которыхъ запаслись уже въ Сибири опредѣленными земельными долями, разрѣшенія на переселенія безъ задержки. Всѣ эти положенія вылились въ законъ 7 декабря 1896 г., которымъ семейное ходачество разрѣшено въ видѣ временной мѣры. Законъ о семейныхъ ходокахъ имѣлъ въ виду, въ частности, уменьшивъ размѣры самовольнаго переселенія дарованіемъ каждой семьѣ, посылавшей ходока и, слѣдовательно, уже сознательно взвѣсившей выгоды устройства на избранномъ мѣстѣ, права обязательнаго обмѣна ходаческаго свидѣтельства на проходное, но уже для всей семьи. Въ то же время обращено было вниманіе и на облегченіе процедуры перечисленія въ число крестьянъ той губерніи или области, въ которой переселенцы водворились. Совершеніе этого акта влекло за собою прекращеніе формальной связи новоселовъ съ прежними обществами, что въ свою очередь ограничивало для нихъ возможность возвращенія на родину. Понятно, поэтому, что еще болѣе существеннымъ представлялось значеніе перечисленія для переселенцевъ, пришедшихъ въ Сибирь самовольно, такъ какъ съ момента его они освобождались отъ дальнѣйшаго

теченія податей по оставленнымъ обществамъ. Промедленіе съ этимъ актомъ влекло за собой накопленіе недоимокъ по прежнимъ мѣстамъ жительства, уплата которыхъ для нихъ была обязательна и могла лечь тяжелымъ бременемъ на ихъ неокрѣпшее хозяйство. По этимъ соображеніямъ правительство обратило вниманіе на достиженіе возможно скорѣйшаго перечисленія новоселовъ къ новымъ обществамъ, и въ 1897 г. министромъ финансовъ сдѣлано было циркулярное распоряженіе казеннымъ палатамъ въ Сибири о томъ, чтобы требованія закона объ ускоренномъ перечисленіи совершались неукоснительно. Перечисленіе самовольныхъ переселенцевъ, заявившихъ желаніе селиться на казенныхъ земляхъ, стало производиться нѣсколько болѣе упрощеннымъ, сравнительно съ прежнимъ, порядкомъ.

Между тѣмъ какъ, благодаря трудамъ комитета Сибирской желѣзной дороги, въ правительственныя сферы сталъ проникать раціональный взглядъ на значеніе „самовольныхъ" переселеній, благодаря чему самая конструкція проступка самовольнаго переселенія, казалось бы, утратила всякую почву для своего дальнѣйшаго существованія,—старое, опасливое отношеніе къ самовольнымъ переселенцамъ обнаружило бо́льшую живучесть, чѣмъ это можно было бы предполагать. Параллельное и одновременное существованіе двухъ взаимно противоположныхъ оффиціальныхъ точекъ зрѣнія по одному и тому же вопросу о самовольныхъ переселеніяхъ привлечетъ, быть можетъ, къ себѣ вниманіе будущаго историка переселенческаго дѣла въ Россіи, которому предстоитъ разрѣшить любопытную задачу, насколько это обстоятельство задержало устраненіе одного изъ наиболѣе существенныхъ и, казалось бы, безспорныхъ препятствій къ нормальному развитію переселенческаго движенія у насъ.

Отраженіе стараго взгляда на значеніе „самовольныхъ" переселеній мы находимъ въ циркулярахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ которыхъ полнѣе всего выражаютъ его циркуляры 1894 г. № 34 и 1897 г. № 1. По мнѣнію министерства, „самовольное" переселеніе (т. е. предпринимаемое безъ установленнаго разрѣшенія и въ нарушеніе дѣйствую-

щихъ узаконеній) есть несомнѣнное и, притомъ, существенное зло въ переселенческомъ дѣлѣ. Вреднымъ оно признается по двумъ основаніямъ: 1) „съ точки зрѣнія *излишняго* (?!) передвиженія населенія съ одного мѣста на другое“ и 2) „въ виду предшествующаго такому переселенію разрыва бытовыхъ и экономическихъ связей, соединявшихъ переселяющагося съ его родиной“. Отсюда дѣлается выводъ: „необходимо *всемѣрно* противодѣйствовать самовольнымъ переселеніямъ“. Какія же мѣры рекомендуетъ министерство? Главнѣйшія мѣры должны быть сосредоточены *на мѣстахъ жительства лицъ, предпринимающихъ самовольное переселеніе*, и быть направлены *къ предотвращенію возможности его осуществленія*. „Предотвращеніе“ понимается, однако, циркулярами не въ смыслѣ повышенія сознательнаго взгляда народа на переселеніе, а въ узкомъ, спеціальномъ значеніи слова, что именно и составляетъ характерную черту этихъ документовъ. Съ цѣлью „предотвращенія“ на губернаторовъ Европейской Россіи возлагается особливо бдительное, чрезъ посредство чиновъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ и полицейскихъ учрежденій, наблюденіе за тѣмъ, чтобы не предпринималось переселеній безъ надлежащаго на то разрѣшенія, и *чтобы обнаруженныя приготовленія къ самовольному переселенію были немедленно прекращаемы, а виновныя въ томъ лица привлекались къ законной отвѣтственности*. Отвѣтственности должны подлежать не только такіе переселенцы, но и должностныя лица, содѣйствовавшія имъ въ осуществленіи недозволеннаго переселенія. Циркуляры рекомендуютъ губернаторамъ имѣть надзоръ за дѣйствіями должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго общественнаго управленія по выдачѣ видовъ на отлучку и при распродажѣ самовольными переселенцами имущества, не допуская незаконныхъ поборовъ или выдачъ переселенцамъ, вмѣсто паспортовъ, разнаго рода документовъ, не установленныхъ закономъ, въ родѣ увольнительныхъ приговоровъ сельскихъ сходовъ, удостовѣреній личности переселенца, засвидѣтельствованія предполагаемой потребности даннаго лица въ переселеніи и т. д. Необходимо „неослабно наблюдать“, чтобы не была допускаема выдача

приговоровъ и какихъ-либо удостовѣреній ходокамъ, „самовольно“ избираемымъ сельскими обществами, товариществами или иными группами лицъ, не получившихъ установленнаго разрѣшенія на переселеніе. Такъ какъ однимъ изъ наиболѣе обычныхъ способовъ осуществленія „самовольнаго“ переселенія служитъ уходъ по паспорту цѣлою семьею, подъ видомъ заработковъ, то разсматриваемые циркуляры предлагаютъ подвергать взысканіямъ по ст. 62 пол. зем. нач., ст. 125 общ. пол. и п. 3 ст. 144 пол. учр. кр. волостного старшину и сельскаго старосту, какъ лицъ, стоящихъ въ непосредственной связи съ населеніемъ и всегда имѣющихъ, поэтому, возможность собрать совершенно точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ семьи, выбирающей паспортъ, въ случаѣ выдачи его семьѣ, предпринявшей затѣмъ незаконное переселеніе. Той же отвѣтственности предлагается подвергать волостного старшину и сельскаго старосту, если ушедшая безъ паспорта семья окажется впослѣдствіи предпринявшею самовольное переселеніе, ибо приготовленія къ послѣднему (распродажа имущества, пріобрѣтеніе предметовъ, необходимыхъ для дальняго пути и т. д) „не могутъ ускользнуть отъ ихъ вниманія, при надлежащей съ ихъ стороны бдительности“. Въ случаѣ же завѣдомости выдачи паспорта самовольному переселенцу, виновныя въ томъ должностныя лица крестьянскаго общественнаго управленія должны быть привлекаемы не только къ личной, но также и къ имущественной отвѣтственности, примѣнительно къ ст. 135 общ. полож. Въ циркулярѣ, отъ 20 января 1897 г. (№ 1), министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ предлагается „предупредить всѣхъ, намѣревающихся самовольно переселиться, что въ настоящемъ (т. е., слѣдовательно, 1897-мъ) году никто изъ нихъ не можетъ разсчитывать ни на полученіе казенной земли, ни на путевыя ссуды“. Это предупрежденіе, однако, какъ мы видѣли, не оказало замѣтнаго вліянія на пониженіе количества „самовольныхъ“ переселенцевъ, число которыхъ въ 1897 г. составило 34% всей массы переселенцевъ, а въ 1898 году достигло даже 44%.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ Сибири власти, подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, комитета сибирской желѣз-

ной дороги, стремились облегчить положеніе „самовольныхъ“ переселенцевъ, смотря на нихъ, какъ на пригодный колонизаціонный элементъ для края, въ Европейской Россіи власти продолжали смотрѣть на самовольное переселеніе, какъ на „несомнѣнное зло“, противодѣйствовать которому надлежитъ „всемѣрно“, и передъ этою цѣлью временно отходила на второй планъ другая, болѣе правильная точка зрѣнія, согласно которой основаніемъ для разрѣшенія вопроса должны послужить повышеніе сознательнаго отношенія къ переселенію въ народѣ и общая реорганизація переселенческаго дѣла въ Россіи.

III.

Что угроза уголовнаго закона по отношенію къ „самовольнымъ“ переселенцамъ представляется далеко не пустою, это нагляднѣе всего показываютъ случаи ея примѣненія. Вотъ, напр., случай, разсказываемый г. В. В. (см. Журналъ Юридическаго Общества, 1897 г., кн. X, стр. 68—71). Въ августѣ 1897 г. одному провинціальному окружному суду было предложено прокуроромъ дѣло съ актомъ по обвиненію крестьянина села Шадыма, Наровчатскаго уѣзда, Вас. Сав. Шендяйкина, 45 лѣтъ, въ томъ, что онъ, по собственному побужденію, съ конца зимы и весною 1897 г. самовольно дѣлалъ разныя приготовленія для переселенія въ Оренбургскую губернію. Съ этою цѣлью Шендяйкинъ продалъ свою лошадь, сдалъ свой земельный надѣлъ (душевой) однообщественнику Давыдову, посѣвъ ржи *предлагалъ* купить крестьянину Терешкину, *пытался* продать и свой домъ, но не нашелъ покупателя; когда же онъ, въ присутствіи сотскаго, попросилъ сельскаго старосту выдать ему билетъ для переселенія, то земскій начальникъ возбудилъ противъ него уголовное преслѣдованіе по ст. 948 улож. о наказ. Въ итогѣ оказалось, что „преступникъ“ Шендяйкинъ, *просившій, при томъ, о выдачѣ ему билета для переселенія и не получившій его*, окончательно разорился. Продолжать жалкое земледѣль-

ческое хозяйство въ своемъ селѣ онъ, какъ безлошадный, не могъ, а въ Оренбургскую губернію ему перебраться не удалось, такъ какъ онъ не попалъ въ число тѣхъ пятнадцати семействъ односельцевъ, которымъ удалось переселиться туда въ 1897 г. Шендяйкина почему-то не включили въ пріемный приговоръ; можетъ быть,—даже случайно пропустили его имя и фамилію.... Помимо разоренія Шендяйкину угрожалъ еще по ст. 948 улож. арестъ при полиціи отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ за одно только приготовленіе къ переселенію, хотя и остановленное начальствомъ. Надежда на оправданіе представлялась ему въ высшей степени слабою. Присяжные засѣдатели, конечно, оправдали бы его безъ малѣйшаго колебанія, но онъ за свой „проступокъ" подлежалъ окружному суду безъ присяжныхъ и, вдобавокъ, самъ себя призналъ виновнымъ при слѣдствіи. Хотя г. В. В. и не указываетъ, каковъ былъ судебный приговоръ по дѣлу Шендяйкина, однако, изложенный случай и безъ него весьма поучителенъ. Въ чемъ собственно заключалась вина Шендяйкина? Въ неисполненіи формальнаго требованія закона о предварительномъ полученіи законнаго разрѣшенія на переселеніе. Между тѣмъ на практикѣ полученіе такого разрѣшенія сопряжено съ потерею дорогого для земледѣльца времени и очень часто съ немаловажными затрудненіями, преодолѣть которыя не всегда бываетъ подъ силу желающимъ переселиться. Поѣздкою статсъ-секретаря Куломзина въ Сибирь въ 1896 г. выяснено, напр., что въ громадномъ большинствѣ случаевъ главнѣйшимъ препятствіемъ къ переселенію служили задержки со стороны мѣстной администраціи въ удовлетвореніи представленныхъ желавшими переселиться ходатайствъ о выдачѣ имъ надлежащихъ разрѣшеній, а также несочувственное отношеніе мѣстныхъ властей къ такимъ ходатайствамъ. Если бы Шендяйкинъ обратился за разрѣшеніемъ переселиться до распродажи своего имущества, онъ, конечно, спасся бы отъ разоренія, но такъ какъ онъ былъ твердо увѣренъ, что у „начальства" нѣтъ никакого основанія задерживать его на мѣстѣ послѣ выполненія всѣхъ неизбѣжныхъ хлопотъ по имуществу, связанныхъ съ переселеніемъ,

онъ разорился и, вдобавокъ, сталъ „преступникомъ“ уголовнаго закона. А семья Шендяйкина? Конечно, и она была разорена, потому-что большая часть имущества ея кормильца была уже распродана и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, значительно ниже своей дѣйствительной стоимости, но за то члены этой семьи избѣжали (не правда ли завидное преимущество?) наказанія, такъ какъ по ст. 948 улож. наказываются только „начальники или старшіе“ семействъ.

Не менѣе характернымъ является случай [1]), имѣвшій мѣсто въ новѣйшее время. Въ 1900 г. среди царанъ Надошитской волости Сорокскаго уѣзда (Бессарабской губерніи) возникло стремленіе къ переселенію на свободныя земли въ азіатскія владѣнія Россіи, въ Оренбургскую и Кубанскую области. Между тѣмъ въ этомъ же году циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ переселеніе изъ Бессарабской губ. временно было воспрещено, о чемъ въ предѣлахъ Надошитской волости и было объявлено по всѣмъ селамъ. Однако, какъ всегда, остановить переселенческое движеніе циркуляромъ не удалось: по селамъ составлялись списки желающихъ переселиться и дѣлались приготовленія къ самовольному переселенію. Душою дѣла былъ царанъ Сербушка, который былъ избранъ 163 домохозяевами уполномоченнымъ съ цѣлью пріисканія имъ мѣстъ для переселенія *и ходатайства о разрѣшеніи переселиться въ тѣ мѣста.* Весною 1900 г. Сербушка ходокомъ выѣхалъ на средства избравшихъ его въ Сибирь для пріисканія земель, но, доѣхавъ до Челябинска, возвратился назадъ домой. Осенью 1900 г. земскимъ начальникомъ было сдѣлано распоряженіе объ арестѣ возвратившагося Сербушки, такъ какъ онъ „продолжалъ волновать“ царянъ вопросомъ о переселеніи, но собравшаяся около его дома толпа людей изъ разныхъ селъ не допустила должностныхъ лицъ исполнить распоряженіе земскаго начальника, заявляя, что Сербушка отстаиваетъ ихъ интересы, и, благодаря ему, они получатъ землю въ Сибири. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Сербушка вновь выѣхалъ

---

[1]) Отчетъ объ этомъ дѣлѣ напечатанъ сперва въ „Донской Рѣчи“, а затѣмъ перепечатанъ въ „Правѣ“ (1902 г., № 28).

въ Сибирь вмѣстѣ съ цараномъ Галюкомъ, являвшимся ходокомъ отъ поселянъ села Малыхъ Асташанъ. Изъ Оренбургской губ. Сербушка посылалъ на родину письма, въ которыхъ говорилось о дешевизнѣ („близъ города десятина земли—рубль, а подальше—50 коп.") и о дорогѣ туда. Въ то же время вернулся домой Галюкъ, разсказавшій царянамъ изъ разныхъ селъ о необычайной дешевизнѣ жизни въ Оренбургской губ., о своемъ намѣреніи вновь уѣхать туда навсегда, такъ какъ тамъ „много земли даютъ", и совѣтывавшій немедленно идти къ земскому начальнику за полученіемъ проходныхъ свидѣтельствъ на переселеніе. 7 марта 1901 г. къ земскому начальнику Плѣшкову, въ его отсутствіе, пришло около 50 человѣкъ за полученіемъ проходныхъ свидѣтельствъ; 9 марта явилось за тѣмъ же уже человѣкъ 150, но, узнавъ, что земскій начальникъ возвратится лишь 11 марта, пришедшіе объявили его управляющему, что 11 марта за полученіемъ проходныхъ свидѣтельствъ придетъ около 300 человѣкъ. Подъѣхавъ 11 марта къ своей усадьбѣ вмѣстѣ съ исправникомъ, земскій начальникъ увидѣлъ ожидавшую его толпу человѣкъ въ 400—500, которые тотчасъ ихъ окружили и стали просить о выдачѣ проходныхъ свидѣтельствъ. Исправникъ разъяснилъ толпѣ существующій порядокъ для переселенія, необходимость соблюденія его и предложилъ толпѣ избрать изъ своей среды трехъ человѣкъ уполномоченныхъ для ходатайства о переселеніи передъ бессарабскимъ губернаторомъ. Толпа сначала, повидимому, согласилась съ этимъ и вышла на улицу, но затѣмъ снова сошлась и стала требовать земскаго начальника для объясненія. Когда тотъ вышелъ, представители толпы, поддерживаемые общимъ гуломъ, стали просить о немедленной выдачѣ имъ проходныхъ свидѣтельствъ, такъ какъ собравшимся просителямъ надо въ апрѣлѣ уже быть на мѣстѣ въ Сибири. Никакія убѣжденія на толпу не дѣйствовали, и она не хотѣла расходиться, говоря, что не уѣдутъ, пока не получатъ просимыхъ свидѣтельствъ, *такъ какъ имъ дома нечего ѣсть.* Такъ какъ въ этотъ день земскій начальникъ получилъ циркулярное предписаніе отъ бессарабскаго губернатора о разрѣшеніи переселенія въ Ени-

сейскую и Иркутскую губерніи, то онъ объ этомъ и объявилъ толпѣ, но отъ него потребовали подлинную бумагу и громогласно прочли въ толпѣ, причемъ, не уяснивъ себѣ ея содержанія, стали кричать, что въ циркулярѣ переселеніе разрѣшено, и что земскій начальникъ ихъ обманываетъ, такъ какъ ему и помѣщикамъ выгодно не отпускать народа, чтобы имѣть на мѣстѣ дешевыя рабочія руки. Ожесточеніе толпы стало рости, и она начала подступать къ земскому начальнику и исправнику, взойдя даже на ступеньки крыльца. Ожидая насильственныхъ дѣйствій съ ея стороны при неудовлетвореніи ея требованій, земскій начальникъ и исправникъ предложили послать губернатору телеграмму о разрѣшеніи выдать проходныя свидѣтельства и выждать отвѣта. Это предложеніе было принято, но телеграмма была составлена въ двухъ экземплярахъ: одинъ экземпляръ—о разрѣшеніи выдать проходныя свидѣтельства, а другой—съ донесеніемъ о дѣйствительномъ положеніи дѣла и ходатайствомъ объ оказаніи содѣйствія для разсѣянія толпы. Когда урядникъ направился на телеграфную станцію, держа въ рукахъ первый экземпляръ телеграммы и спрятавъ въ карманъ другой, то бывшій въ толпѣ нѣкій Чумакъ отобралъ отъ урядника телеграмму, которую тотъ несъ въ рукѣ. Телеграмма была прочитана громогласно въ толпѣ, возвращена уряднику, *и толпа, удостовѣрясь въ содержаніи ея, разошлась въ ожиданіи отвѣта отъ губернатора.* На слѣдующій день утромъ толпа вновь собралась тамъ же, продолжая требовать выдачи проходныхъ свидѣтельствъ. Въ тотъ же день, по распоряженію губернатора, къ мѣсту сборища прислано было два эскадрона драгунскаго полка. Въ виду приближенія войскъ участники толпы стали разбѣгаться въ разныя стороны, при чемъ *нѣкоторые изъ нихъ не съ цѣлью сопротивленія, а изъ чувства самосохраненія, отмахивались палками отъ надвигавшихся на нихъ всадниковъ.* Значительная часть толпы была окружена войсками, и тогда по указанію становыхъ приставовъ и полицейскихъ урядниковъ, арестовали замѣченныхъ въ толпѣ лицъ, являвшихся или подстрекателями ея, или представителями въ переговорахъ съ земскимъ начальникомъ

и исправникомъ, или обратившимъ на себя вниманіе своими дѣйствіями, направленными къ неисполненію законнаго требованія власти разойтись. Всего задержано было 13 человѣкъ; изъ нихъ 12 были арестованы при содѣйствіи солдатъ, *но при этомъ никакого сопротивленія не было.* Сербушка былъ задержанъ въ маѣ 1901 г. въ Тургайской области; при немъ оказался *списокъ лицъ, поручившихъ ему ходатайство о переселеніи*, представленный имъ кустан. уѣздному начальнику. По этому дѣлу вызвано было *198 свидѣтелей.* Судъ приговорилъ Сербушку къ лишенію правъ и отдачѣ въ арестантскія отдѣленія на два года; 17 обвиняемыхъ приговорены были къ тюремному заключенію на сроки отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ и только двое—оправданы.

Таковы печальные результаты этого дѣла, которое, какъ своимъ возникновеніемъ, такъ и всѣмъ своимъ бытіемъ, обязано, помимо неустройства у насъ переселенческаго движенія, исключительно довольно невинному намѣренію злополучныхъ царанъ уйти изъ мѣстности, гдѣ ихъ душило малоземелье, гдѣ имъ „ѣсть было нечего“, въ край, гдѣ „много земли даютъ“ и жизнь дешева. Правда, мечты о странѣ съ молочными рѣками и кисельными берегами были довольно наивны, но не слишкомъ ли сурово стали поперекъ ихъ осуществленію формальное примѣненіе закона и циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ? Любопытно отмѣтить ярко обрисовывающееся въ изложенномъ дѣлѣ взаимное непониманіе властей и царанъ. Земскій начальникъ и исправникъ толковали все время о буквѣ закона; царане же хлопотали о насущно важномъ для нихъ (по ихъ понятіямъ) дѣлѣ. Они старались добиться у „начальства“ разрѣшенія на переселеніе; никакихъ провинностей за собой они не знали и потому задержку въ выдачѣ проходныхъ свидѣтельствъ они объясняли по своему—интригами мѣстной администраціи, которая, будто бы, опасалась лишиться для работъ въ своихъ помѣстьяхъ дешевой рабочей силы. Раздраженіе ихъ росло, когда они убѣдились, что имъ такъ и не удастся попасть въ облюбованный край къ апрѣлю (время начала полевыхъ работъ), и, такимъ образомъ, лѣто

можетъ пропасть для нихъ. Все время, такимъ образомъ, царане стояли на дѣловой почвѣ, хлопотали о прекращеніи „интригъ“ начальства и ни на минуту не допускали мысли, чтобы высшая власть могла вовсе запретить имъ, вольнымъ людямъ, переселеніе, если они аккуратно уладили свои домашнія дѣла и разсчеты. Это взаимное непониманіе мѣстныхъ властей и царанъ составляетъ трагическій элементъ въ исторіи о попыткѣ царанъ переселиться. Особенно поплатился Сербушка, имѣвшій неосторожность поддерживать въ своихъ землякахъ надежду на возможность улучшить свое существованіе переселеніемъ, но даже и у Сербушки, при его задержаніи, найденъ былъ (послужившій, кстати сказать, почему-то уликою *противъ* него) списокъ лицъ, поручившихъ ему *ходатайствовать о переселеніи!*

Но если въ „преступникахъ“—самовольныхъ переселенцахъ большею частью не замѣчается тѣхъ свойствъ злой воли, которыя обычны во всякомъ преступномъ посягательствѣ, то чѣмъ объяснить себѣ появленіе постановленій о самовольномъ переселеніи въ дѣйствующемъ отечественномъ уголовномъ правѣ? Историческое толкованіе даетъ намъ интересный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Заключающіяся въ ст.ст. 947 и 948 улож. о нак. постановленія введены были въ наше законодательство впервые уложеніемъ 1845 г. Кромѣ постановленій о подговорѣ жителей Имперіи къ неразрѣшенному переселенію и о наказаніи, какъ подговорщиковъ, такъ и переселившихся, уложеніе изд. 1845 и 1857 г.г., въ виду существовавшаго у насъ тогда крѣпостного права, содержало въ себѣ и правила о наказаніи виновныхъ въ подговорѣ крѣпостныхъ дворовыхъ людей или крестьянъ къ побѣгу отъ своихъ помѣщиковъ (ст. 1213 улож., изд. 1857 г.). Поэтому и содержавшее эти статьи отдѣленіе пятое главы III раздѣла VIII уложенія о нак., изд. 1857 г., было озаглавлено: „*О подговорѣ къ побѣгу и неразрѣшенному властями законными переселенію*“. Послѣ отмѣны крѣпостного права постановленіе о подговорѣ крѣпостныхъ людей къ побѣгу отъ помѣщиковъ хотя и было отмѣнено, однако, общее заглавіе соотвѣтственнаго отдѣленія (четвертаго) главы III раздѣла VIII сохранено въ Уложеніи

изд. 1866 и 1885 гг. При этомъ, къ упомянутымъ выше статьямъ, содержавшимся въ уложеніи изд. 1845 и 1857 гг., прибавлено было еще новое постановленіе, а именно ст. 949, на основаніи которой „колонисты, самовольно и безъ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ переселившіеся изъ одной губерніи въ другую, исключаются навсегда изъ колонистскаго званія и, теряя навсегда права и преимущества, этому званію предоставленныя, приписываются къ инымъ податнымъ сословіямъ на общихъ основаніяхъ". Подъ „переселеніемъ" или „переходомъ", о которыхъ говорится въ ст. 947—948 улож., подразумѣвается перемѣна мѣстажительства *въ предѣлахъ Россіи.* Что же касается подговора къ переселенію или побѣгу за границу, то онъ предусмотрѣнъ въ ст. 328 разд. IV о прест. и прост. противъ порядка управленія, въ главѣ седьмой (о недозволенномъ оставленіи отечества). Эти историческія данныя *неоспоримо свидѣтельствуютъ, что въ постановленіи ст. 948 уложенія мы встрѣчаемся съ историческимъ пережиткомъ прошлаго, случайно уцѣлѣвшимъ въ системѣ дѣйствующаго законодательства.*

Въ проектѣ новаго уголовнаго уложенія постановленія ст. 947, 948 и 328 улож. о наказ. объединены, причемъ отступленіе отъ дѣйствующаго закона сдѣлано, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что наказуемость лица, подговаривающаго къ недозволенному переселенію, ограничена здѣсь требованіемъ лживости распространяемаго имъ среди мѣстнаго населенія слуха о выгодахъ переселенія, такъ какъ, по мнѣнію составителей, только въ этихъ случаяхъ подговоръ къ переселенію можетъ представляться опаснымъ съ точки зрѣнія постановленій, ограждающихъ народное благосостояніе, побуждая жителей къ безразсудному и разорительному для нихъ переходу иногда въ весьма отдаленныя мѣстности Россіи, откуда они нерѣдко бываютъ вынуждены вернуться назадъ обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Воспрещать же подъ страхомъ наказанія всякій подговоръ къ переселенію, хотя бы сообщаемыя лицами свѣдѣнія о выгодахъ перехода на новое мѣсто оказались вполнѣ отвѣчающими дѣйствительному

положенію вещей, редакціонная коммисія не усмотрѣла основаній „за отсутствіемъ закона, коимъ безусловно воспрещалось бы жителямъ Имперіи избирать себѣ новыя мѣста для постояннаго мѣста жительства“. Отсюда выводится другое существенное условіе для наказуемости подговора, а именно: подговоръ посредствомъ сообщенія или распространенія ложныхъ слуховъ долженъ быть направленъ къ недозволенному закономъ переселенію. Такимъ недозволеннымъ переселеніемъ, въ смыслѣ дѣйствующаго закона, является переселеніе, предпринятое безъ предварительнаго на то разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія и государственныхъ имуществъ [1]), а также переселеніе за границу безъ особаго въ каждомъ случаѣ разрѣшенія высшей власти. Въ проектѣ опредѣлено наказаніе, какъ за прямой подговоръ отдѣльныхъ лицъ къ переселенію посредствомъ сообщенія имъ завѣдомо ложнаго слуха, такъ и за распространеніе среди населенія ложныхъ слуховъ о выгодахъ такого переселенія; въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ лживости распространяемыхъ слуховъ, требуется еще, чтобы виновный имѣлъ намѣреніе побудить обывателей оставить свое мѣстожительство. Общимъ наказаніемъ за самый подговоръ, при указанныхъ выше условіяхъ, или за распространеніе слуховъ, вносящихъ безпокойство и замѣшательство въ обычный ходъ жизни мѣстнаго населенія, проектомъ назначена тюрьма, а въ тѣхъ случаяхъ, когда названное дѣяніе имѣло своимъ послѣдствіемъ разореніе одного или нѣсколькихъ выселившихся семействъ,— исправительный домъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. Что же касается самихъ переселившихся вслѣдствіе подобнаго подговора (ст. 948 и 949 улож.), то редакціонная коммисія не нашла возможнымъ сохранить существующія въ дѣйствующемъ уголовномъ законодательствѣ особыя взысканія за недозволенное переселеніе въ виду того, что не самый переходъ на новое мѣсто долженъ влечь за собою карательныя послѣдствія для предпринявшихъ его лицъ, а тѣ ихъ дѣй-

---

[1]) Для переселенія въ Сибирь выдача разрѣшеній предоставлена еще въ 1897 г. губернскимъ присутствіямъ.

ствія, благодаря которымъ переселеніе сдѣлалось недозволеннымъ (ослушаніе, неповиновеніе или сопротивленіе власти и т. п.) и которыя уже предусмотрѣны соотвѣтственными постановленіями проекта. Новое уголовное уложеніе, введеніе въ дѣйствіе коего, однако, отложено на неопредѣленное время, повторяетъ въ общемъ только что изложенныя постановленія проекта.

IV.

Съ юридической точки зрѣнія, слѣдовательно, конструкція дѣйствующаго уложенія о „самовольномъ" переселеніи представляется несостоятельною, а установленіе наказанія за приготовленіе къ такому переселенію ничѣмъ не оправдано. Постановленіе ст. 948 улож. о нак.—историческій пережитокъ прошлаго, случайно уцѣлѣвшій въ дѣйствующемъ правѣ. Такъ какъ, однако, въ дѣйствующемъ правѣ нѣтъ общаго закона, воспрещающаго жителямъ Имперіи избирать себѣ, по собственному усмотрѣнію, новыя мѣста для постояннаго жительства [1]), то, при такихъ условіяхъ, недозволенное переселеніе есть просто неисполненіе тѣхъ или иныхъ формальностей, требуемыхъ закономъ, а потому данное лицо должно отвѣтствовать именно за это неисполненіе, *а не за самое переселеніе.* При всей кажущейся маловажности этого обстоятельства, оно имѣетъ, въ дѣйствительности, громадное практическое значеніе: ничѣмъ инымъ, какъ забвеніемъ его, объясняется, что простой полицейскій проступокъ, субъектомъ котораго могло быть первоначально всякое лицо („житель Имперіи"—по терминологіи уложенія о нак.), независимо отъ сословія, къ которому оно принадлежало, получилъ спеціальное содержаніе, ставъ сперва *самовольнымъ переселеніемъ крестьянъ на казенныя земли* [2]), а затѣмъ и *самовольнымъ*

---

[1]) Въ дѣйствующемъ русскомъ правѣ имѣются лишь спеціальныя постановленія, ограничивающія свободу въ выборѣ мѣста жительства для опредѣленныхъ группъ лицъ.

[2]) Законъ 13 іюля 1889 г.

переселеніемъ крестьянъ вообще. Такимъ образомъ, крестьяне мало-по-малу очутились, въ отношеніи права на свободу въ выборѣ мѣста жительства, въ менѣе выгодномъ положеніи сравнительно съ прочими слоями народонаселенія и фактически въ значительной мѣрѣ прикрѣпленными къ землѣ. Но если, съ нашей точки зрѣнія, представляется необъяснимымъ тотъ логическій путь, которымъ ст. 948 улож. о нак. превращена въ *exceptio odiosa* для русскихъ крестьянъ, еще менѣе логично и справедливо наказывать крестьянъ за приготовленіе къ „самовольному“ переселенію. Не надо забывать, что ст. 948 угрожаетъ наказаніемъ не за всякое приготовленіе къ переселенію, а лишь за приготовленіе къ *„самовольному“* переселенію. Но какъ установить связь между этими двумя моментами? Какъ доказать, что лицо готовилось къ *недозволенному* переселенію? Безъ установленія причинной связи не можетъ быть рѣчи, вѣдь, о наказаніи. Намъ могутъ возразить, что по ст. 948 полученіе разрѣшенія на переселеніе должно предшествовать приготовительнымъ дѣйствіямъ къ нему. Однако, придавая столь рѣшительное значеніе послѣдовательности только что указанныхъ моментовъ (полученіе разрѣшенія и приготовленіе), мы все же не избѣгнемъ вопіющей несправедливости и несообразности, при практическомъ примѣненіи ст. 948 улож. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, такой случай. Крестьяне Иванъ и Петръ распродали каждый свое имущество съ соблюденіемъ существующихъ на этотъ предметъ законовъ. Иванъ послѣ этого переѣхалъ въ сосѣдній городъ и, выбравъ надлежащій документъ, пустилъ вырученныя отъ продажи своего имущества деньги въ оборотъ, успѣшно занявшись торговлей. Простодушный же Петръ, не подозрѣвавшій тайнаго смысла ст. 948 улож., отправился хлопотать о полученіи проходнаго свидѣтельства къ „начальству“, которое немедленно и возбудило противъ него уголовное преслѣдованіе по ст. 948 улож. за приготовленіе къ недозволенному переселенію. Въ результатѣ— Иванъ процвѣтаетъ, а Петръ разоренъ и, вдобавокъ, отсидѣлъ подъ арестомъ. Гдѣ же тутъ логика и справедливость? Намѣреніе переселиться могло возникнуть у Петра уже послѣ

распродажи имущества и, тѣмъ не менѣе, онъ будетъ наказанъ за приготовленіе къ недозволенному переселенію. Съ другой стороны, Иванъ могъ распродать свое имущество, имѣя мечту о переселеніи и намѣреваясь отправиться къ „начальству“ за проходнымъ свидѣтельствомъ, но во время встрѣтилъ разсудительнаго человѣка, который предостерегъ его отъ плачевныхъ послѣдствій такой просьбы, указавъ на судьбу Петра, и, благодаря этому, Иванъ счастливо избѣжалъ грозившей ему отвѣтственности.

Таковы эффекты примѣненія ст. 948 улож. о наказ., при возможности которыхъ основная цѣль каждаго уголовнаго закона—наказаніе дѣйствительно виновнаго—врядъ ли достижимы. Формальное толкованіе указанной статьи закона сдѣлаетъ, вѣдь, возможнымъ признаніе каждаго крестьянина, распродающаго свое имущество, самовольнымъ переселенцемъ. Неопредѣленность и юридическая, а равно и логическая несостоятельность разсматриваемой конструкціи раскрываютъ широкій просторъ всевозможнымъ, трудно уловимымъ подъ часъ, административнымъ злоупотребленіямъ и нежелательнымъ проявленіямъ недовольства, вслѣдствіе этого, среди крестьянъ. Единственное и, притомъ, кажущееся основательнымъ объясненіе причинъ сохраненія конструкціи „самовольнаго“ переселенія въ томъ значеніи, которое ему придается разсмотрѣнными нами циркулярами министерства внутреннихъ дѣлъ,—въ желаніи предохранить яко бы крестьянъ отъ экономическаго разоренія, такъ какъ землеустроительныя работы въ Сибири не въ состояніи въ настоящее время удовлетворить запросамъ на землю со стороны переселенцевъ. Здѣсь мы имѣемъ, однако, дѣло лишь съ однимъ изъ роковыхъ недоразумѣній, которыми такъ богата исторія переселенческаго дѣла въ Россіи. Не надо, прежде всего, забывать, что вышеупомянутые циркуляры находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ другими правительственными мѣропріятіями по отношенію къ самовольнымъ переселенцамъ. Путемъ долгаго изученія переселенческаго вопроса, путемъ кропотливаго примѣненія разнообразныхъ мѣръ правительство, какъ мы видѣли, приходило неоднократно къ сознанію полной безполезности и даже вредности

какихъ-либо принудительныхъ мѣръ для борьбы съ самовольными переселеніями. Въ самовольныхъ переселенцахъ начали видѣть не нарушителей общественнаго благоустройства и благочинія, а вполнѣ пригодный колонизаціонный элементъ, въ фактѣ же переселенческаго движенія усмотрѣно явленіе стихійно неизбѣжное, обусловленное причинами экономическаго порядка. Помимо малоземелья, тутъ иногда играло роль несоотвѣтствіе доходности крестьянскихъ земель потребностямъ земледѣльческаго хозяйства, а иногда и — затруднительность добывать себѣ заработки на сторонѣ. Ограниченіе при такихъ условіяхъ свободы переселенія крестьянъ могло бы лишь обострить безъ всякой пользы для государства ихъ и безъ того мѣстами весьма тяжелое экономическое положеніе. Съ другой стороны, такимъ ограниченіемъ несомнѣнно поражается одно изъ основныхъ благъ личности въ современномъ государствѣ, именно—свобода передвиженія въ смыслѣ выбора мѣстности. Крестьяне, вообще, крайне неохотно разстаются съ насиженными мѣстами. Рѣшаясь на это подъ давленіемъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, они желаютъ лишь воспользоваться тою долею свободы, которая предоставлена всѣмъ прочимъ сословіямъ Имперіи относительно выбора мѣстности для приложенія своего труда и которая, по ихъ понятіямъ, съ уничтоженіемъ крѣпостного права неотъемлемо принадлежитъ и имъ. Они дѣйствуютъ bona fide и, если нарушаютъ иногда формальныя требованія закона, то дѣлаютъ это не въ цѣляхъ нарушенія общественнаго порядка, а подъ вліяніемъ причинъ, кажущихся имъ болѣе, чѣмъ извинительными. Что правительство неоднократно руководилось такой точкой зрѣнія въ оцѣнкѣ явленія самовольныхъ переселеній, это видно изъ многочисленныхъ случаевъ перечисленія „самовольныхъ“ переселенцевъ къ мѣстамъ водворенія на общемъ основаніи, а опросъ такихъ переселенцевъ статсъ-секретаремъ Куломзинымъ, во время его поѣздки въ Сибирь, лишній разъ подтвердилъ, какой ничтожный процентъ ихъ руководился въ своихъ дѣйствіяхъ сознательнымъ желаніемъ обхода закона. Такимъ-то образомъ появились постановленія о „ходачествѣ“ и др. мѣры, раз-

считанныя на то, чтобы дать самимъ переселяющимся всѣ средства ознакомиться, какъ съ условіями переселенія, такъ и съ предполагаемыми новыми мѣстами водворенія.

Статистическія данныя показываютъ, что эти мѣры не остались безъ вліянія на переселенческое движеніе. Съ увеличеніемъ ходачества, это движеніе стало съ 1897 г. болѣе сознательнымъ, что выразилось въ крайне рѣзкомъ пониженіи числа ходаковъ, проходившихъ въ Сибирь безъ соотвѣтственныхъ разрѣшеній: *отношеніе этихъ самовольныхъ ходоковъ къ общему числу ходоковъ, составлявшее въ 1895 и 1896 г.г. 83%, понизилось въ 1897 г. до 23%.* Западныя губерніи Европейской Россіи, напр., выпустили въ 1897 г. изъ числа 6762 ходоковъ всего лишь 10% самовольныхъ. Данныя же регистраціи обнаружили, что измѣненія въ числѣ ходоковъ за 1897-й и послѣдующіе годы находились въ обратномъ соотношеніи съ размѣрами самовольныхъ переселеній: въ тѣхъ губерніяхъ, именно, гдѣ наблюдалось наиболѣе замѣтное уменьшеніе числа такихъ переселеній, одновременно обнаружено было наибольшее увеличеніе количество ходаковъ. Мало того, оффиціально установлено, что, подъ вліяніемъ постановленій о ходачествѣ, народъ сталъ все болѣе и болѣе проникаться сознаніемъ необходимости осмотрительнаго отношенія къ переселеніямъ. По наблюденіямъ переселенческихъ чиновниковъ, въ послѣднее время бывали случаи вторичной отправки ходоковъ послѣ неудачныхъ или недостаточно удовлетворительныхъ первоначальныхъ развѣдокъ, причемъ иногда, даже послѣ второй неудачи, ходоки посылались въ третій разъ, и только послѣ упорныхъ, давшихъ дѣйствительно благопріятные результаты, развѣдокъ совершалось окончательное переселеніе партій и отдѣльныхъ семействъ. Весьма полезнымъ надо признать и предпринятое канцеляріею комитета министровъ, съ цѣлью ознакомленія крестьянъ съ условіями жизни въ Сибири, изданіе ряда брошюръ для народа съ краткими, но вѣрными, свѣдѣніями о характерѣ свободныхъ земель въ Сибири и объ условіяхъ водворенія на нихъ. Въ числѣ этихъ изданій надо упомянуть народную брошюру подъ заглавіемъ „Сибирское пере-

селеніе“. Въ количествѣ до 400,000 экземпляровъ эта брошюра была разослана по уѣзднымъ земскимъ управамъ и губернскимъ и по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ для распространенія по продажной цѣнѣ въ $1^1/_2$ коп. Съ 1897 г. составленіе подобнаго же рода справочныхъ книжекъ предпринято было и переселенческимъ управленіемъ. По своему содержанію эти книжки можно раздѣлить на два разряда: 1) изданія, предназначенныя для должностныхъ лицъ, соприкасающихся съ переселенческимъ вопросомъ на мѣстахъ выхода переселенцевъ, и 2) ежегодно издаваемыя народныя брошюры, содержащія свѣдѣнія о передвиженіи по Сибири и водвореніи въ этомъ краѣ. Кромѣ того, правительствомъ было поручено административнымъ властямъ давать разъясненія всѣмъ интересующимся переселенческимъ вопросомъ крестьянамъ необходимыхъ законовъ и условій переселенія, равнымъ образомъ и содѣйствовать распространенію среди сельскихъ обывателей правильныхъ свѣдѣній объ условіяхъ жизни въ Сибири. Съ этою цѣлью должностныхъ лицъ даже снабдили особыми сборниками законоположеній, относящихся къ переселенческому дѣлу, краткимъ описаніемъ губерній и областей Сибири, а также изданіемъ канцеляріи комитета министровъ „Маршруты для переселенцевъ“. Знакомство крестьянъ съ условіями переселенія и предполагаемыми мѣстами водворенія, съ законами, регулирующими переселенческое движеніе, со льготами, на которыя переселенцы могутъ разсчитывать, если озаботятся согласованіемъ своихъ интересовъ съ требованіями закона,—все это составныя части разумной программы, дѣйствительно способной придать переселенческому движенію болѣе сознательный характеръ. Можно ли было при такой программѣ примѣнять требованіе закона о возвращеніи самовольныхъ переселенцевъ на родину административнымъ порядкомъ и о преслѣдованіи ихъ уголовныхъ порядковъ? Контрастъ постановленій о самовольномъ переселеніи и разсмотрѣнныхъ нами циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ по тому же предмету, съ одной стороны, и общихъ правительственныхъ задачъ по переселенческому дѣлу, съ другой, слишкомъ бьетъ въ глаза,

чтобы не обратить на него вниманія. При обширныхъ незаселенныхъ пространствахъ Имперіи, при безлюдьѣ Сибири, особенно оказавшемся ощутимымъ вслѣдствіе вспыхнувшей на дальнемъ востокѣ войны, понятіе о самовольномъ переселеніи у насъ должно было бы, казалось, совершенно исчезнуть, и каждый новосёлъ—быть желаннымъ на мѣстѣ водворенія. Если землеустроительныя работы въ Сибири не соотвѣтствуютъ спросу на землю, эти работы должны быть расширены, не щадя на нихъ средствъ, такъ какъ они несомнѣнно окупятся. Въ помощь правительству, для распространенія среди населенія возможно полныхъ и точныхъ свѣдѣній относительно переселенческихъ участковъ, ихъ климатическихъ, почвенныхъ и др. условій, желательно привлечь земскія учрежденія, и переселеніе наиболѣе бѣдныхъ крестьянскихъ семействъ было бы полезно поощрять правительственными субсидіями и денежными пособіями со стороны сельскихъ обществъ.

Съ отмѣной круговой поруки въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи указомъ 12 марта 1903 г. вопросъ о перечисленіи новоселовъ къ мѣстамъ водворенія значительно упростился, благодаря чему упростилось и разрѣшеніе вопроса о злополучныхъ „самовольныхъ“ переселенцахъ. Существующія ограниченія относительно ихъ тѣмъ болѣе необходимо отмѣнить, что эти ограниченія нерѣдко ведутъ къ нежелательнымъ злоупотребленіямъ не только со стороны администраціи, но и со стороны самихъ переселяющихся. Такъ, напр., въ 1896 г. нѣкоторые начальники губерній сдѣлали попытку препятствовать переходу въ Сибирь малоимущихъ крестьянъ и запретить имъ продавать ихъ хозяйства до предъявленія удостовѣренія въ наличности 300 р. свободныхъ денегъ. Эти распоряженія въ концѣ концовъ повели къ тому, что крестьяне, желавшіе уйти въ Сибирь, сообща собирали требуемую сумму и представляли удостовѣреніе о наличности у нихъ необходимыхъ денегъ; по полученіи же разрѣшенія на продажу имущества собранная сумма передавалась другимъ крестьянамъ, и такимъ образомъ желаемое разрѣшеніе удавалось получить всѣмъ собиравшимся въ путь. Новѣйшимъ примѣ-

ромъ цѣлесообразнаго отношенія къ „самовольнымъ“ переселенцамъ можетъ служить разсказанная недавно въ „Туркест. Вѣдом.“ исторія образованія въ Сыръ-Дарьинской области 59-го русскаго поселенія. Въ августѣ 1903 г. къ главному начальнику Туркестанскаго края поступило прошеніе отъ 82 крестьянъ и 22 запасныхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ о разрѣшеніи имъ поселиться на землѣ, арендованной ими у киргизовъ Толкановской волости, Ауліэатинскаго уѣзда, и объ отводѣ имъ, кромѣ того, земли подъ усадьбы и пашни. По наведеніи справокъ выяснилось, что поселенцы заняли эти земли „самовольно“, т. е. безъ разрѣшенія мѣстной администраціи. Такъ какъ, однако, заселеніе совершилось съ согласія киргизовъ Толкановской волости, которые, кромѣ того, рѣшили уступить поселенцамъ подъ пашни и сѣнокосъ еще 500 десятинъ земли, орошаемой рѣкою Карабалтинкой, то военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области вошелъ съ представленіемъ къ главному начальнику края о разрѣшеніи ходатайства просителей въ ихъ пользу, тѣмъ болѣе, что названные переселенцы, проживая на занятой ими землѣ уже долго, возвели тамъ постройки и обзавелись хозяйствомъ. Насильственное удаленіе разорило бы ихъ и, конечно, не отвѣчало бы стремленію насаждать въ Туркестанскомъ краѣ русскій элементъ. Такъ какъ закрѣпленіе за переселенцами самовольно занятыхъ ими земель выходитъ изъ предѣловъ компетенціи мѣстныхъ властей, то вопросъ этотъ, по ходатайству главнаго начальника края, былъ повергнутъ военнымъ министромъ на Высочайшее благовоззрѣніе, и 5 Апрѣля 1904 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на укрѣпленіе за названными поселенцами уступленныхъ имъ киргизами земель—46 десятинъ подъ усадьбы и 500 десятинъ подъ пашни и сѣнокосъ. Благодаря такому рѣшенію, „самовольные“ переселенцы поселка превратились изъ нарушителей закона въ піонеровъ русскаго дѣла на окраинѣ. Въ заключеніе отмѣтимъ, что бывшій министръ финансовъ С. Ю. Витте въ извѣстномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ о поѣздкѣ на Дальній Востокъ указывалъ на необходимость облегченія выхода переселенцевъ изъ Россіи, подчеркивая стихійный характеръ стремленія къ

переселенію въ средѣ нашего малоземельнаго крестьянства и то обстоятельство, что правительству уже неоднократно приходилось мириться съ совершившимся фактомъ и, въ изъятіе изъ закона, давать самовольнымъ переселенцамъ право на надѣленіе казенными землями въ Сибири.

Изложенное приводитъ къ выводу, что для разрѣшенія вопроса о „самовольнымъ" переселеніи нѣтъ даже надобности въ какой-либо коренной ломкѣ существующихъ порядковъ на этотъ счетъ. Необходимо лишь отказаться отъ двойственнаго отношенія къ „самовольнымъ" переселенцамъ, выражающагося въ томъ, что на мѣстахъ выхода предлагается „всемѣрно" противодѣйствовать самовольнымъ переселеніямъ и, за приготовленіе къ нему, привлекать виновныхъ къ отвѣтственности, а на мѣстахъ прихода—самовольныхъ переселенцевъ не только не возвращаютъ обратно и не наказываютъ, но оказываютъ имъ всевозможныя льготы. Свобода перемѣны мѣста жительства должна быть признана правомъ каждаго, не исключая и крестьянъ. Въ видахъ же согласованія переселенческаго движенія съ колонизаціонными стремленіями правительства возможно сохранить существующія и установить новыя льготы для крестьянъ, переселяющихся въ опредѣленныя мѣстности или представавившихъ установленныя доказательства своей имущественной обезпеченности. Такимъ путемъ свобода передвиженія населенія ничѣмъ не будетъ стѣснена, чѣмъ достигнется наиболѣе выгодное въ экономическомъ отношеніи распредѣленіе его по территоріи государства, а правительство удержитъ въ своихъ рукахъ, въ нужныхъ ему случаяхъ, контроль надъ направленіемъ переселенческой волны. Повышеніе сознательнаго отношенія переселенцевъ къ осуществленію своего намѣренія можетъ быть достигнуто мѣрами культурнаго характера: распространеніемъ грамотности въ населеніи и точныхъ свѣдѣній обо всемъ, касающемся переселенческаго движенія, а также развитіемъ сѣти учрежденій, на подобіе существующихъ въ западно-европейскихъ государствахъ, спеціально предназначенныхъ для обслуживанія интересовъ переселяющихся, какъ на мѣстахъ выхода, такъ и на мѣстахъ прихода послѣднихъ. Ст. 948 Улож. о нак. должна

быть исключена изъ дѣйствующаго права, какъ устарѣвшее и вредное наслѣдіе эпохи крѣпостного права, и замѣнена соотвѣтствующимъ современнымъ теоретическимъ и практическимъ требованіямъ постановленіемъ ст. 265 не введеннаго еще въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія. Въ основу разрѣшенія вопроса должна быть положена, однимъ словомъ, мысль Августѣйшаго Предсѣдателя комитета сибирской желѣзной дороги, нынѣ царствующаго Государя Императора, высказанная еще 8 Марта 1895 г., о необходимости отказаться отъ примѣненія какихъ-либо принудительныхъ мѣръ по отношенію къ самовольнымъ переселенцамъ. Категорическое разрѣшеніе вопроса представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что появившіяся въ № 131 „Собр. Узак. и Распоряж. Прав." 24 Августа текущаго года (ст. 1390) Высочайше утвержденныя 6 іюня 1904 г. новыя „Временныя правила о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ-земледѣльцевъ" нисколько не измѣняютъ, къ сожалѣнію *status quo* относительно конструкціи самовольнаго переселенія.

В. Акимовъ.

КЕЛЕЙНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

VII.

Келейное заключеніе и болѣзненность.

Не смотря на то, что келейное заключеніе существуетъ, какъ говорятъ, „съ незапамятныхъ временъ“, тѣмъ не менѣе вопросъ о томъ, поскольку келейное заключеніе является въ качествѣ одного изъ дѣятельныхъ производителей болѣзненности, совершенно не разработанъ. Мало того, въ обществѣ, среди юристовъ и даже медиковъ, не говоря уже о правительствѣ, существуетъ убѣжденіе, что келья не можетъ содѣйствовать болѣзненности, а если и содѣйствуетъ иногда, то въ очень рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ.

Если мы возьмемъ отчеты по военному министерству, то въ отдѣлѣ военно-медицинскаго надзора мы натолкнемся на такое явленіе: отчеты констатируютъ, что болѣзненность въ войскахъ, сама по себѣ не большая, отягчается въ процентномъ отношеніи числомъ больныхъ изъ военно-тюремныхъ заведеній. Въ самомъ дѣлѣ, наши тюрьмы даютъ очень много больныхъ, но, мы увѣрены, не потому, что въ нихъ установлены худшія санитарныя условія, не потому, что въ нихъ хуже медицинскій персоналъ, а потому, что наша тюрьма есть прежде всего келья—строгая, прямолинейная, неосмысленная.

Во время моей поѣздки по келейнымъ тюрьмамъ я наблюдалъ заключенныхъ: у нихъ у всѣхъ выхоленныя лица, странно

бѣлыя,—не блѣдныя, а именно бѣлыя, безкровныя; такія лица встрѣчаются у малокровныхъ дѣтей. Со многими я разговаривалъ; были среди нихъ интеллигентныя—вольноопредѣляющійся съ университетскимъ образованіемъ, были вовсе непосредственныя натуры, были раскольники, евреи, татары. И всѣ въ одинъ голосъ повторяютъ: въ первые дни по вступленіи чувствуется тоска, именно та тоска одиночества, которая иныхъ злитъ и раздражаетъ едва-ли не до бѣшенства, другихъ—дѣлаетъ пассивными, апатичными и равнодушными, третьихъ покорными, молчаливыми и рабски-трусливыми. Къ этому чувству тоски присоединяется страхъ заболѣть: заключенный чувствуетъ, что въ его самочувствіи происходитъ надломъ, какъ передъ болѣзнью, и не можетъ забыть, что въ случаѣ болѣзни его отправятъ въ госпиталь, а проведенное въ госпиталѣ время вычтутъ изъ срока заключенія,—и все это дѣйствуетъ удручающе. Не рѣдки также эротическія побужденія у заключеннаго: они сильны, требовательны, интенсивны, и случаи онанизма крайне часты. А вокругъ голыя стѣны, отсутствіе осмысленной работы, отсутствіе движенія—и безысходная тоска.

Мало-по-малу заключенный свыкается со своимъ положеніемъ, чувство тоски смѣняется какимъ-то равнодушіемъ.

Таково психическое состояніе заключенныхъ, состояніе, которое можетъ служить почвой для какихъ-угодно заболѣваній.

Это—одно, и здѣсь въ болѣзнетворности повинна сама келья. Но бываютъ и другіе случаи, на которые пора бы обратить вниманіе. Извѣстно ли кому-нибудь, что представляетъ собою подслѣдственный арестъ для нижнихъ чиновъ, который отбывается въ карцерахъ на полковыхъ гауптвахтахъ или въ другихъ помѣщеніяхъ. Полковыя гауптвахты предназначаются для лицъ, наказанныхъ арестомъ, и для подслѣдственныхъ заключенныхъ. Иногда это подслѣдственное задержаніе продолжается очень долгіе мѣсяцы. Войдите въ любую гауптвахту не только гдѣ-нибудь въ медвѣжьемъ углу Россіи, но даже на гауптвахту столичныхъ городовъ: это гдѣ-нибудь въ дальнихъ закоулкахъ, въ подвалахъ, въ

сырыхъ негодныхъ для жилья помѣщеніяхъ, въ сырости, грязи, въ отвратительной атмосферѣ приспособленное зданіе; тамъ дежуритъ караулъ, тамъ, рядомъ, содержатся заключенные. И вотъ эти-то лица, подорвавшіе свое здоровье въ карцерѣ или въ общемъ помѣщеніи гауптвахты, приходятъ на судъ, судъ направляетъ ихъ въ тюрьмы, а тюрьма посылаетъ ихъ въ госпитали и отягчаетъ медицинскіе отчеты. И здѣсь никто не виноватъ: ни заброшенная гауптвахта, ни дурное устройство подслѣдственнаго заключенія, ни судъ, ни тюремное начальство, ни госпиталь...

Такимъ образомъ, болѣзнетворность нашей тюрьмы обусловливается, прежде всего, самою кельею, а затѣмъ—подслѣдственнымъ изнуреніемъ заключеннаго.

Счастливая случайность столкнула меня съ драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ по санитарному состоянію заключенныхъ: въ одной изъ тюремъ я натолкнулся на подробныя и добросовѣстныя записи многихъ исторій болѣзней заключенныхъ, которыя велись тюремнымъ врачомъ. Эти записи, случайно видящія теперь свѣтъ, въ свою очередь не замедлятъ пролить свѣтъ на многія стороны келейнаго заключенія и помогутъ юристамъ и врачамъ разобраться въ интересующемъ насъ вопросѣ о пользѣ или вредѣ кельи, не смотря на то, что эти записи относятся къ 1875—1881 г.г.

Прежде всего врачъ констатируетъ, что келейное заключеніе очень нерѣдко служитъ причиною различныхъ заболѣваній. Заболѣванія эти сводятся, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ: 1) головокруженіе, шумъ въ ушахъ и головная боль, 2) безсонница по ночамъ, 3) пораженіе слизистой оболочки желудка и кишекъ, 4) малокровіе, или анемія, 5) цынга, 6) страданіе дыхательныхъ органовъ, 7) глазныя болѣзни, 8) психическія—душевное разстройство.

1. Что касается первой формы болѣзненныхъ явленій, то врачъ констатируетъ, что *головокруженіе* является непосредственнымъ результатомъ келейнаго заключенія, равно какъ *шумъ въ ушахъ* и *головная боль*, то давящая, гнетущая, то рѣзкая и кратковременная. Въ другихъ случаяхъ, вслѣдствіе приливовъ крови къ головѣ у лицъ полнокровныхъ, напоръ

крови къ мозгу вызываетъ головное кровотеченіе, вслѣдъ за которымъ головные припадки временно облегчались. Вообще же въ этихъ случаяхъ головныя боли устранялись доступомъ въ кельи свободнаго воздуха, примачиваніемъ головы свѣжей холодной водой, кратковременной прогулкой по корридору, а для лицъ, весьма ослабленныхъ келейнымъ заключеніемъ— и фармацевтическимъ леченіемъ, въ видѣ, напримѣръ, гофманскихъ, валеріановыхъ капель, нюханіемъ нашатырнаго спирта. Если такой больной выказывалъ наклонность къ обмороку, то ему разрѣшалось *днемъ* полежать на своей койкѣ въ кельѣ. Такого рода скоро проходящія страданія, хотя и мучительныя для заключеннаго, въ категорію болѣзней не включались, хотя, какъ извѣстно, головныя боли у нѣкоторыхъ субъектовъ могутъ достигать крайней степени напряженности и приносить тяжкія страданія.

2. Болѣзненные припадки въ формѣ *безсонницы по ночамъ*, въ смыслѣ происхожденія своего у заключенныхъ, могутъ быть объяснимы исключительно лишь нервною раздражительностью головного мозга. Состояніе это, по удостовѣренію врача, является болѣе мучительнымъ для заключенныхъ, нежели предшествующія головныя боли. Въ этихъ случаяхъ врачъ могъ лишь искусственно пособлять природѣ и, сообразно индивидуальности заключеннаго, назначать успокаивающія средства, и въ этомъ случаѣ опій былъ однимъ изъ благодѣтельныхъ, ничѣмъ незамѣнимыхъ средствъ: страдавшіе долговременной безсонницей послѣ пріема опія буквально перерождались. Случаевъ безсонницы было всегда очень много, но они, разумѣется также не включались въ графу заболѣваній заключенныхъ.

3. Было бы ошибочно думать, что наблюдающееся у заключенныхъ болѣзненное явленіе, извѣстное подъ именемъ *катаральнаго пораженія слизистой оболочки желудка и кишекъ*, встрѣчается рѣдко: оно повседневно и выражается то совершенной потерей аппетита и запорами при постоянномъ лихорадочномъ состояніи, то слизистымъ упорнымъ поносомъ. Происхожденіе катаральнаго процесса пищеварительныхъ путей у заключенныхъ находитъ себѣ объясненіе въ физиче-

скомъ бездѣйствіи келейнаго сидѣльца, въ отсутствіи движенія, которое иногда приводитъ даже къ ослабленію ножныхъ мышцъ. Такимъ образомъ, единственнымъ средствомъ противъ такихъ страданій, не говоря уже объ улучшеніи пищи, должно служить болѣе дѣятельное препровожденіе времени заключеннымъ, что едва ли выполнимо при келейномъ заключеніи.

Ради иллюстраціи,—съ одной стороны, и огромнаго интереса для врачей—съ другой, приводимъ нижеслѣдующія описанія болѣзненныхъ случаевъ, касающихся пораженія пищеварительныхъ органовъ и стоящихъ въ прямой и непосредственной связи съ самымъ заключеніемъ.

Заключенный кельи № 195; поступаетъ въ тюрьму въ третій разъ; срокъ заключенія трехмѣсячный; предшествовавшія болѣзни маловажны; прибываетъ въ тюрьму 19 апрѣля. Скоро заключенный начинаетъ жаловаться на боль въ груди и изрѣдка кашляетъ; осмотромъ врача выясняется присутствіе у заключеннаго золотухи. Заключенный переноситъ келью съ большимъ трудомъ; почти ежедневно у него появляется рвота, какъ на тощакъ, такъ и по принятіи пищи. День-ото-дня замѣтно худѣетъ, 30 мая въ кельѣ получаетъ острый бронхитъ. 2 іюня отправляется въ лазаретъ, въ которомъ послѣ 46-ти дневнаго пользованія не замѣчается облегченія; учащенная рвота; самый мучительный припадокъ 18 іюня при развивающейся брюшной водянкѣ; заключенный отправляется въ госпиталь, гдѣ по письменному заявленію тюремнаго врача, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ тогда ординаторомъ арестантскаго отдѣленія, назначена коммисіи для освидѣтельствованія состоянія здоровья заключеннаго; коммисія признаетъ его неспособнымъ къ военной службѣ; заключенный увольняется на родину для поправленія здоровья; число дней его болѣзни—110: въ госпиталѣ 56, въ лазаретѣ 50 и въ околоткѣ—4 дня.

Заключенный кельи № 50; рецидивистъ; солдатъ пѣхотнаго полка; тюремный срокъ 4 мѣсяца; принятъ въ тюрьму 16 мая; ему 23 года отъ роду, сложенъ хорошо, всегда пользовался хорошимъ апетитомъ и правильнымъ пищеваре-

ніемъ. Съ первыхъ дней по прибытіи въ тюрьму заключенный начинаетъ жаловаться на урчаніе и рѣзь въ кишкахъ, затѣмъ развивается упорный поносъ. Даютъ противопоносныя средства, но безуспѣшно. Больной замѣтно падаетъ въ силахъ, тюремной пищи не принимаетъ; 2-го іюня принятъ въ лазаретъ, черезъ 6 дней поправился и выписался изъ него 18 іюня. Но 14 іюля поносъ снова ожесточился; леченіе—околоточное; на нѣкоторое время облегченіе; 24 іюля характеръ болѣзни принимаетъ изнурительную форму, леченіе лазаретное, и 2-го августа выписанъ значительно поправившимся послѣ девятидневнаго леченія. Въ кельѣ снова въ промежуткахъ и въ неопредѣленные дни замѣчаются проявленія поноса—то упорнаго, то съ послабленіями; 1-го октября больной оставляетъ тюрьму съ припадками поноса и съ явственно замѣтной отъ упадка питанія худобой тѣла.

Крѣпостной артиллеріи канониръ, 25 лѣтъ отъ роду; приговоренъ въ тюрьму на четыре мѣсяца за кражу; принятъ съ замѣтными признаками катара желудка и кишекъ. Въ кельѣ своей сильно тоскуетъ, постоянно страдаетъ рвотой послѣ принятія пищи; вслѣдствіе частыхъ головокруженій и обмороковъ подвергается частымъ паденіямъ и ушибамъ. Отъ постоянной рвоты больному угрожаетъ голодная смерть. Вслѣдствіе внезапно развившагося тифознаго воспаленія 12-го іюня принимается въ тюремный лазаретъ, 16-го іюня отправленъ въ госпиталь, въ которомъ и умираетъ черезъ четыре часа послѣ принятія.

По утвержденію врача, значительное содѣйствіе къ устраненію всѣхъ выше перечисленныхъ болѣзненныхъ явленій могли оказать правильно организованныя гимнастическія упражненія. Разумѣется, нечего говорить о томъ, что систематически примѣняемая къ дѣлу гимнастика укрѣпляетъ организмъ. Кратковременныя, хотя бы и ежедневныя прогулки заключенныхъ на дворѣ, доставляя при движеніи организму усиленный обмѣнъ веществъ, при посредствѣ увеличеннаго потребленія и воспринятія кислорода изъ воздуха, несомнѣнно приноситъ извѣстную пользу для заключеннаго; тѣмъ не менѣе въ санитарномъ отношеніи этими прогулками еще не

все сдѣлано: при этихъ кратковременныхъ тѣлесныхъ движеніяхъ многія важныя мышцы для дыханія, напримѣръ, грудныя, надплечевыя и плечевыя почти вовсѣ не упражняются, а этой слишкомъ слабой дѣятельностью мышцъ объясняются и тѣ болѣзненныя симптомы, которыя находятся въ прямой зависимости отъ мѣрныхъ въ органахъ застоевъ крови, т. е. частыя головныя боли, носовое кровотеченіе, дурное пищевареніе и т. п. Другими словами—благодаря болѣе продолжительнымъ гимнастическимъ упражненіямъ для заключенныхъ во многомъ устранялось бы пагубное вліяніе одиночной тюрьмы. Эти мѣры принесли бы самыя благопріятныя послѣдствія какъ на тѣло, такъ и на настроеніе духа у заключенныхъ, послѣдніе менѣе предавались бы тоскѣ, унынію, онанизму, не думали бы о „злоумышленіяхъ", получали бы естественный правильный сонъ, пользовались бы хорошимъ апетитомъ, а потому менѣе подвергались бы изнурительнымъ болѣзнямъ.

Но такъ какъ гимнастическія упражненія требуютъ соблюденія извѣстныхъ условій относительно тѣлосложенія и состоянія здоровья заключеннаго, каковыя условія требуютъ иногда даже совершеннаго устраненія гимнастическихъ занятій для нѣкоторыхъ изъ сидѣльцевъ при наклонности ихъ къ той или другой болѣзни, то, естественно, правильное распредѣленіе гимнастическихъ упражненій должно находиться подъ непосредственнымъ контролемъ врача; на его прямой отвѣтственности и совѣсти лежатъ заботы о здоровьѣ заключенныхъ, а, слѣдовательно и стараніе о томъ чтобы самое полезное—не превращалось на дѣлѣ въ ущербъ физическимъ силамъ заключеннаго.

Таковы болѣзни и таковы средства ихъ предупрежденія и леченія, рекомендуемыя для келейной тюрьмы.

4. Страданіе извѣстное подъ именемъ *малокровія или анеміи* наблюдается въ келейныхъ тюрьмахъ весьма нерѣдко; главнымъ образомъ, въ видѣ анемичныхъ субъектовъ, являются тѣ заключенные, которые долго находились подъ слѣдствіемъ и судомъ, а также и тѣ, которые, будучи приговорены на долгій срокъ, находятся уже въ послѣднемъ періодѣ своего

заключенія. Всѣми этими лицами заключеніе отбывается съ трудомъ, они замѣтно худѣютъ и блѣднѣютъ. Приходящіе въ тюрьму изъ-подъ подслѣдственаго ареста больше другихъ, чуть ли не ежедневно, нуждаются во врачебной помощи; приходящіе на долгій срокъ, за немногими исключеніями, уже на первыхъ порахъ своего заключенія, ясно выражаютъ собою отпечатокъ болѣзненнаго худосочія, которое, кажется, удачнѣе было бы назвать особымъ терминомъ „тюремное малокровіе". Хотя это послѣднее болѣзненное состояніе, въ строго паталогическомъ смыслѣ, и не важно, такъ какъ съ измѣненіемъ гигіеническихъ и санитарныхъ условій, оно болѣе или менѣе скоро исчезаетъ; тѣмъ не менѣе, не считая такихъ лицъ больными de facto, приходится неоднократно и имъ оказывать медицинскую помощь въ родѣ разнаго рода укрѣпляющихъ капель, винограднаго вина, чая, назначеніе простыхъ или возбуждающихъ ваннъ, грѣлокъ, экстренныхъ прогулокъ по корридорамъ или на открытомъ воздухѣ, дневного отдыха въ кельѣ и т. п.

5. Проявленіе цынги хотя и является рѣдко, но связь ея съ условіями келейной жизни—очевидна. Мы не можемъ воздержаться отъ фактическаго подтвержденія этого и приведемъ нижеслѣдующій фактъ, записанный врачемъ одной изъ тюремъ.

Артиллерійскій солдатъ, келья № 39, роста средняго, тѣлосложенія здороваго, 24 лѣтъ отъ роду, всегда пользовался состояніемъ здоровья удовлетворительнымъ, по разсказамъ, только одинъ разъ въ жизни, послѣ сильнаго холода, получилъ лихорадку, которою, впрочемъ, былъ одержимъ очень не долго. Въ тюрьму прибылъ 31 мая срокомъ на 4 мѣсяца. На первыхъ порахъ у заключеннаго въ кельѣ появляется цынготное худосочіе, выражавшееся то пятнами на разныхъ частяхъ тѣла, то струпьями, то трахомой глазъ; по поводу этихъ страданій заключенный два раза принимается въ лазаретъ, въ которомъ всякій разъ, благодаря улучшенію пищи и другихъ болѣе выгодныхъ гигіеническихъ условій, его болѣзненные припадки замѣтнымъ образомъ облегчались. Но лишь только заключенный возвратился въ келью, то всѣ страданія его возвращались crescendo, такъ что въ день своего

возвращенія на свободу онъ представлялъ собою слѣдующую картину: высокой степени истощеніе, на всѣмъ тѣлѣ замѣтны пятна, и струпья бугорки цынготнаго происхожденія; на лицѣ, твердомъ небѣ и нижнихъ конечностяхъ настоящіе подтеки синебагроваго цвѣта, какъ бы послѣ ушибовъ; глаза красны, слезятъ и боятся свѣта; запахъ изо рта—непріятный, гнилостный; апетитъ совершенно потерянъ; оба колѣна распухли; подкожная клѣтчатка отвердѣла: сгибаніе и разгибаніе колѣнъ совершенно воспрепятствовано и движеніе совершается только при помощи костылей и то съ опасеніемъ, что больной можетъ упасть и ушибиться: руки—синія, на ощупь—холодныя, съ кровянистыми подкожными выпотами; удары сердца едва слышны; пульсъ—малъ, учащенъ, сжатъ; мочи отдѣляется весьма мало, испражненія—кровянисты. Столь безнадежное состояніе больного заставило тюремнаго врача отправить заключеннаго въ госпиталь для пользованія, откуда больной былъ уволенъ на родину для поправленія здоровья.

6) Вліяніе келейнаго заключенія *на дыхательные органы* заключеннаго стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; если присоединить къ заключенію производство работъ, связанныхъ неизбѣжно съ порчею воздуха, какъ, напримѣръ, трепанье мочалы, шитье мѣшковъ и т. п., то это вліяніе скажется еще болѣе рѣшительнымъ образомъ.

Но это только одна сторона вопроса. Другая, болѣе важная, заслуживаетъ и большаго вниманія, и здѣсь-то необходимо какъ можно скорѣе принять мѣры. Дѣло въ томъ, что келья служитъ для заключеннаго часто не какъ факторъ болѣзни, но какъ факторъ развитія начала болѣзни; допустимъ на минуту, что келья, сама по себѣ взятая, не оказываетъ вліянія на дыхательные пути заключеннаго; но если припомнимъ, что тюрьма—естественный этапъ отъ подслѣдственнаго заключенія, то наша мысль получаетъ свое объясненіе.

Въ самомъ дѣлѣ, зародыши этихъ болѣзней гнѣздятся, главнымъ образомъ, не въ тюрьмѣ, не въ кельѣ, а въ тѣхъ негигіеническихъ, антисанитарныхъ, заброшенныхъ пунктахъ гдѣ стекаются заключенные до суда, въ періодъ слѣдствен-

наго производства. Изнуренные, съ расшатаннымъ здоровьемъ, съ подорванною психикою, идутъ нарушители порядка не въ больницы и въ госпитали, а въ негостепріимныя кельи тюрьмы, гдѣ зародышевая болѣзнь, подъ вліяніемъ новыхъ импульсовъ тюрьмы, развивается, крѣпнетъ и сводитъ въ могилы много полезныхъ для государства жизней.

Чахотка-бичъ военно-тюремныхъ заведеній, но напрасно тюрьма пользуется незаслуженной дурной славой; не тюрьма повинна началомъ чахотки, не тюрьма отягчаетъ отчетность смертныхъ случаевъ, но тюрьма содѣйствуетъ продолженію болѣзни и естественно ведетъ къ тому концу, который является по необходимости.

Врачи тюремъ свидѣтельствуютъ, что поступленіе въ тюрьму и пребываніе въ ней одержимыхъ хроническимъ груднымъ страданіемъ представляется всегда самымъ неблагопріятнымъ для тюремной администраціи, и въ этихъ случаяхъ врачу, при назначеніи медицинскаго пособія, неоднократно приходится выносить борьбу съ условіями келейнаго заключенія.

Уничтожьте требованіе закона о томъ, что исполненіе наказанія должно слѣдовать непосредственно за провозглашеніемъ приговора; установите правило, въ силу котораго всякій разъ врачебный осмотръ констатировалъ бы возможность для даннаго лица перенести келейное заключеніе; а главное — устраните подслѣдственный арестъ въ условіяхъ тяжелаго негигіеническаго содержанія,—и бичъ тюрьмы, бичъ арміи исчезнетъ самъ собою. Это наше твердое убѣжденіе, основанное на долголѣтнемъ изученіи живыхъ, дѣйствительныхъ фактахъ.

Чтобы показать, какъ быстро развивается чахотка въ кельяхъ, мы позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ случаяхъ изъ практики тюремъ, каковыя данныя могутъ служить наилучшимъ подспорьемъ для разрѣшенія вопроса о развитіи въ кельѣ болѣзней дыхательныхъ органовъ.

Заключенный кельи № 94, 24 лѣтъ отъ роду; приговоренъ на 3 мѣсяца; въ день прибытія 7 января при медицинскомъ освидѣтельствованіи найденъ *совершенно здоровымъ*. Вслѣдствіе малой дѣятельности, качества тюремной воды и

„другихъ неуловимыхъ вліяній“, заключенный получаетъ горячку; 5 февраля принимается въ лазаретъ; къ означенной болѣзни присоединяется страданіе легкихъ съ кровохарканьемъ; 22 февраля отправляется въ госпиталь. Начавшееся циморное худосочіе у больного усиливается въ госпиталѣ, а отъ затвержденія клѣтчатки низшихъ конечностей больной совершенно лишенъ возможности движенія и мѣсяцами прикованъ къ постели. Однако, 27 іюня заключенный на подводѣ возвращенъ изъ госпиталя, пробывъ въ немъ почти безъ всякаго облегченія 125 дней. Картина страданій его выразилась слѣдующимъ образомъ: шатаніемъ зубовъ, рыхлостью и кровоточивостью десенъ, пятнами на тѣлѣ, опухолью ногъ, невозможностью ходить, носовымъ кровотеченіемъ и кровяными испражненіями; хлѣбъ, прежде его употребленія въ пищу, сперва размачивается въ водѣ. Больной считается околодочнымъ еще 59 дней; назначаются ежедневно противоскорбутныя средства; кровохарканье увеличивается; освобожденіе изъ тюрьмы 27 августа. Такимъ сталъ *совершенно здоровый человѣкъ.*

Заключенный кельи № 187; тюремный срокъ 2 мѣсяца, принятъ въ тюрьму 29 марта, при медицинскомъ освидѣтельствованіи у него найдено уплотненіе легкихъ, какъ признакъ неразрѣшившей болѣзни; заключенный худощавъ, лихорадитъ, имѣетъ одышку и страдаетъ безсонницей; на другой же день принимается въ лазаретъ для пользованія; по истеченіи 22 дней значительно поправился и возвратился въ келью, гдѣ снова наблюдается ожесточеніе грудныхъ припадковъ; 28 апрѣля заключенный отправленъ въ госпиталь; черезъ 48 дней—значительное улучшеніе какъ груди, такъ и питанія тѣла; возвращенъ въ келью; черезъ два дня въ кельѣ снова возвратъ лихорадки, одышки, кашля и т. п. Снова отправляется въ лазаретъ; черезъ 6 дней снова улучшеніе здоровья, выписывается 18 іюня. Въ кельѣ опять хуже; 22 іюня снова лазаретное леченье, черезъ семь дней облегченіе припадковъ; 8 іюля заключенный въ четвертый разъ принимается, въ виду ухудшенія здоровья, въ лазаретъ, и черезъ 18 дней пользованія одышки и кашля не замѣчается, боль-

ной веселъ, имѣетъ правильный аппетитъ и сонъ, отекъ лица прошелъ. Возвращенъ въ келью. Но болѣзненный процессъ идетъ своимъ чередомъ: новый лихорадочный приступъ, новое отложеніе бугорчатки легкихъ; въ кельѣ больному предоставляются нѣкоторыя льготы, и заключенный „при весьма подорванномъ здоровьѣ“ оставляетъ тюрьму 31 августа съ сомнительной надеждой на скорое улучшеніе. Число дней болѣзни—104.

Заключенный кельи № 35; роста выше средняго, тѣлосложенія посредственнаго, отъ роду 27 лѣтъ; приговоренъ на 4 мѣсяца за кражу. Заключенный страдаетъ недержаніемъ мочи и язвами венерическаго происхожденія въ глоткѣ; съ означенными болѣзнями заключенный принятъ въ тюрьму 26 апрѣля. За неимѣніемъ средствъ, спеціальныхъ противъ сифилиса, больной отправленъ черезъ 3 дня для пользованія въ госпиталь, изъ котораго выписался относительно выздоровѣвшимъ и съ замѣтнымъ исхуданіемъ тѣла, а равно и съ кровохарканьемъ. 30 іюня принимается въ лазаретъ по поводу кровотеченія изъ легкихъ; поправившись, 9 іюля возвращенъ въ келью; заключенному предоставляются нѣкоторыя льготы, прогулка по корридору; тѣмъ не менѣе у заключеннаго 16 августа проявляется рецидивъ кровотеченія изъ легкихъ, опасный по количеству и угрожающій для самой жизни; снова принимается въ лазаретъ, изъ котораго, получивъ облегченіе, выписанъ 22 августа. Съ тѣхъ поръ здоровье заключеннаго значительно подорвано: онъ замѣтно исхудалъ, началъ чувствовать одышку, жалуется на кашель и боль въ груди; 22 сентября къ сказаннымъ болѣзненнымъ явленіямъ присоединяется возвратъ венерической болѣзни (примитивный шанкръ и язвы въ глоткѣ), почему снова для пользованія отправленъ въ госпиталь, изъ котораго возвратился 1 ноября; 26 ноября, послѣ предшествовавшихъ головныхъ болей, обмороковъ, частыхъ паденій и ушибовъ головы, у больного вдругъ развивается идіонотическое воспаленіе оболочекъ головного мозга, съ бредомъ, безпокойствомъ, потерей самосознанія, недержаніемъ мочи и другими явленіями. Предпринятое леченіе безуспѣшно; при невозможности надзора въ

лазаретѣ надъ подобнаго хода болѣзнью, больной отправленъ въ госпиталь.

Заключенный П., отъ роду 23 лѣтъ, поступаетъ въ тюрьму въ третій разъ. Первое заключеніе П. не сопровождалось никакими болѣзнями, но при выходѣ изъ тюрьмы обнаружена потеря въ вѣсѣ тѣла 4 фунта; при второмъ заключеніи П. уже подвергался разнообразнымъ болѣзнямъ какъ въ околодкѣ, такъ два раза и въ лазаретѣ. Потеря въ вѣсѣ — 7 фунтовъ. Третье пребываніе П. въ тюрьмѣ переносилось имъ весьма тяжело, онъ постоянно хворалъ, то глазнымъ воспаленіемъ, то цинготными явленіями, то, наконецъ, острымъ катаромъ дыхательныхъ путей, то упорнымъ поносомъ; вообще пользовался въ лазаретѣ четыре раза. Въ послѣдніе дни исхуданіе тѣла П. было до того велико, что онъ съ большимъ трудомъ могъ дотянуть свой срокъ, и объ отправленіи его изъ тюрьмы прямо въ команду не могло быть и рѣчи; на полное его выздоровленіе не было никакой надежды.

Были случаи и смертельнаго исхода болѣзней; къ сожалѣнію, всѣ описанные случаи извлечены мною изъ тюремнаго архива, относящагося ко времени первыхъ годовъ существованія тюрьмы; тѣмъ не менѣе за время 25—30 лѣтъ ничего не измѣнилось въ келейной тюрьмѣ, и краткое описаніе болѣзнееныхъ случаевъ должно имѣть извѣстную цѣнность, въ смыслѣ характеристики вліянія келейнаго заключенія на организмъ заключенныхъ.

Приведемъ еще нѣсколько аналогичныхъ случаевъ, въ которыхъ устанавливается связь болѣзни съ келейнымъ заключеніемъ.

Рядовой С., 26 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія хорошаго, *до своего поступленія въ тюрьму никогда ничѣмъ не болѣлъ*. Одиночное заключеніе переноситъ съ большимъ трудомъ, постоянно страдаетъ въ кельѣ такъ называемой трахомой глазъ. Ни перемѣна кельи, ни разныя льготы, даваемыя заключенному, не приносятъ пользы, онъ видимо чахнетъ, мало принимаетъ пищи, не спитъ по ночамъ, а вслѣдствіе глазного страданія не переноситъ дневного свѣта; зрѣніе значительно въ упадкѣ, зрачки сужены, предполагается атрофія зритель-

ныхъ нервовъ. Благодаря всему этому, онъ пользуется 6 разъ въ тюремномъ лазаретѣ и два раза въ госпиталѣ; въ началѣ апрѣля у С. развивается скоротечная чахотка легкихъ, 25 апрѣля заключенный умираетъ въ госпиталѣ.

Канониръ С., истощенъ, съ давняго времени страдаетъ бронхіальнымъ катаромъ. Въ кельѣ постоянно раздражителенъ, грустенъ, харкаетъ кровью и весьма мало принимаетъ пищи, постоянно нуждается во врачебной помощи; несмотря на всѣ принятыя мѣры, больной умираетъ.

Солдатъ И., 25 лѣтъ отъ роду, истощенъ, всегда пользовался здоровьемъ плохимъ; приговоренъ въ тюрьму за пьянство. Болѣзнь И. заключается въ обширной язвѣ промежности, сильно гноящейся; въ дальнѣйшемъ теченіи болѣзни къ мѣстному страданію присоединяются грудные припадки. Больной не подаетъ надежды къ жизни; для дальнѣйшаго леченія 1 мая отправленъ въ госпиталь, въ которомъ умеръ 28 мая отъ общаго изнуренія и чахотки легкихъ.

Рядовой А., изъ мѣщанъ, 26 лѣтъ; худощавъ, слабъ, боленъ съ давняго времени грудными припадками; сужденія заключеннаго весьма разумны, много занимается, въ своей жизни много читалъ. Одиночное заключеніе переносится весьма тяжело; 15 мая А. получаетъ дольчатое воспаленіе легкихъ, 1 іюня отправляется въ госпиталь, гдѣ и умираетъ отъ чахотки легкихъ 21 іюня.

Солдатъ Ш., тѣлосложенія посредственнаго, отъ природы слабъ въ силахъ, 36 лѣтъ. Въ кельѣ постоянно задумчивъ; заговаривается; страдаетъ то поносомъ, то упорной перемежающейся лихорадкой; въ дальнѣйшемъ времени присоединяется боль груди, кровохарканье и кашель, и 12 іюля, при усиленіи припадковъ, отправляется въ госпиталь, гдѣ умираетъ отъ чахотки легкихъ черезъ 33 дня.

Рядовой Б., изъ казачьяго сословія, 35 лѣтъ, тѣлосложенія посредственнаго, прежнія болѣзни—маловажны, при поступленіи въ тюрьму состояніе здоровья удовлетворительное; по временамъ въ кельѣ страдаетъ глазами. Б. поражаетъ всѣхъ своею вѣжливостью и добродушіемъ; появившіеся грудные припадки переноситъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и

покорностью судьбѣ; 15 іюля принимается въ лазаретъ съ отекшими ногами и бугорчаткою легкихъ. Смерть послѣдовала 5 сентября въ госпиталѣ отъ чахотки.

Мы могли бы привести еще длинный рядъ интересныхъ случаевъ; но, въ виду ихъ однообразія, мы ограничимся лишь заявленіемъ, что связь кельи и чахотки не только стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, но и положительно подтверждается. Суду и администраціи необходимо помнить это обстоятельство при постановкѣ или исполненіи приговоровъ.

7. Мы не останавливались бы на описаніи нижеприводимыхъ двухъ случаевъ *глазныхъ болѣзней*, если бы они не были характерны и не указывали вполнѣ точно на значеніе келейнаго заключенія для этого рода болѣзней.

Первый случай съ заключеннымъ кельи № 194; заключенный, 25 лѣтъ отъ роду, здоровъ, хорошо сложенъ, никогда ничѣмъ не болѣлъ, принятъ въ тюрьму 10 августа; въ скоромъ времени у заключеннаго появляется глазное воспаленіе; къ концу сентября оно усиливается, появляется незначительный заворотъ рѣсницъ внутрь глазного яблока и хроническое воспаленіе железъ, роговая оболочка глазъ потускнѣла, зрѣніе ослаблено; больной считается околодочнымъ въ теченіе 33 дней; даются медицинскія пособія, успѣшнѣе всѣхъ дѣйствуетъ атропинъ и нажимательная повязка. 10 ноября заключенный оставляетъ тюрьму; долговременное леченіе его представляется необходимымъ.

Второй случай—болѣе разителенъ: заключенный кельи № 190, 38 лѣтъ, прибылъ въ тюрьму 17 мая; при освидѣтельствованіи найденъ незначительный простой коньюктивитъ лѣваго глаза. На свѣжемъ воздухѣ, при соблюденіи опрятности и чистоты, болѣзнь разрѣшилась бы безслѣдно, но въ дальнѣйшемъ теченіи болѣзнь принимаетъ другой характеръ: развивается настоящая трахома и на другомъ глазу. Глаза слезятъ, боятся свѣта, соединительная оболочка глазъ красна. Имѣя въ виду, съ одной стороны, четырехмѣсячный срокъ тюремной жизни, а съ другой—важность заболѣвшаго органа, больной 3 іюня принимается въ лазаретъ для пользованія. Черезъ 15 дней пребыванія въ немъ—абсолютное выздоро-

вленіе; по возвращеніи въ келью черезъ нѣсколько дней снова наступаетъ рецидивъ болѣзни; леченіе околодочное, но безуспѣшное, роговица глазъ помутнѣвшая, зрачекъ суженъ, на томъ и другомъ глазу зрѣніе значительно ослаблено, а нервныя головныя боли совершенно лишаютъ больного сна. 31 августа больной снова принимается въ лазаретъ, и только черезъ 35 дней могъ быть снова возвращенъ въ келью послѣ совершеннаго прекращенія глазного воспаленія. Въ кельѣ, несмотря на всѣ предпринятыя гигіеническія мѣры, болѣзнь глазъ снова проявилась, хотя и въ меньшей степени, но осложнилась катаромъ легкихъ; леченіе околодочное. Освобожденіе заключенный получаетъ 6 ноября съ грануляціями на соединительной оболочкѣ глазъ и другими явленіями, требующими энергическаго вмѣшательства врача. Всѣхъ дней болѣзни—73.

8. Наконецъ, мы должны остановиться на послѣднемъ видѣ болѣзней, появленію и развитію которыхъ содѣйствуетъ келейное заключеніе; это—*душевное разстройство.*

Напряженіе нервной системы у заключенныхъ достигаетъ различныхъ степеней: одни относятся къ заключенію равнодушно, особенно натуры, не избалованныя жизнью, лица, любящія уединеніе; тѣ и другія переносятъ его легко и во всякомъ случаѣ спокойно; натуры сангвиническія гораздо воспріимчивѣе: они тоскуютъ, томятся, нервничаютъ; у третьихъ развивается особое тюремное бѣшенство, выражающееся въ постоянномъ буйствѣ и нарушеніи тюремнаго порядка; четвертые доходятъ до заболѣваній, извѣстныхъ подъ именемъ душевныхъ болѣзней.

Я считаю нелишнимъ привести нѣсколько исторій этихъ болѣзней.

Заключенный кельи № 3, 26 лѣтъ отъ роду, приговоренъ на 3 мѣсяца, имѣетъ тѣлосложеніе хорошее. Со дня прибытія 1 мая до 2 іюня ведетъ себя въ кельѣ тихо и подчиняется съ охотой всѣмъ тюремнымъ правиламъ; 2 іюня заключенный какъ будто внезапно пораженъ параличемъ органа рѣчи; лицо больного апатично, выражаетъ пугливость, взглядъ тупой, сосредоточенный на одномъ пунктѣ; въ дви-

женіяхъ тѣла ненормальность, повидимому, больной не сознаетъ своихъ дѣйствій, отправленія мочевыхъ органовъ непроизвольны, зрачки глазъ расширены; однимъ словомъ, всѣ явленія—болѣзненны и указываютъ на угнетеніе душевныхъ способностей и подавленіе воли; отправляется въ госпиталь; 1 августа возвращается оттуда съ малымъ облегченіемъ; 17 августа рецидивъ болѣзни, осложненный малокровіемъ, леченіе лазаретное; по освобожденіи у больного явленія маніи прошли, но сужденія остались не вполнѣ естественными.

Заключенный кельи № 60, 21 года отъ роду, сложенъ весьма хорошо, до поступленія въ тюрьму никакимъ, даже маловажнымъ болѣзнямъ не подвергался, прибылъ въ тюрьму 6 августа. Заключенный впечатлителенъ съ сильно развитымъ и живымъ воображеніемъ; словоохотливъ, на предлагаемые вопросы отвѣчаетъ толково и сознательно,—всегда въ веселомъ расположеніи духа, при ежедневной визитаціи всегда получаются удовлетворительные отвѣты о здоровьѣ, въ кельѣ заключенный всегда въ движеніи. Спустя нѣкоторое время, заключенный впадаетъ въ задумчивость и начинаетъ заговариваться. Съ 12 на 13 сентября у заключеннаго проявляется настоящій, нелихорадочный бредъ, блуждающій взглядъ, безпокойныя автоматическія тѣлодвиженія и по ночамъ лишеніе сна. Разговоръ дѣлается безсвязнымъ, однѣ идеи быстро смѣняются другими, больной то поетъ, то плачетъ, то разговариваетъ самъ съ собой и производитъ различныя кривлянья и гримасы. Принятый въ лазаретъ, несмотря на насильно вливаемыя въ ротъ наркотическія средства для произведенія сна, по ночамъ всетаки не спитъ и своимъ шумомъ, лаемъ безпокоитъ прочихъ окружающихъ больныхъ; исхуданіе тѣла незамѣтно, проявленіе физической силы такъ велико, что четыре здоровыхъ человѣка едва могутъ удержать его въ постели. 16 сентября заключенный отправленъ въ госпиталь, 28 числа того же мѣсяца возвращается въ тюрьму съ видимымъ поправленіемъ здоровья; тѣмъ не менѣе даже 18 декабря въ день освобожденія изъ тюрьмы, у заключеннаго еще наблюдались нѣкоторые симптомы душевнаго разстройства, хотя не въ столь сильной степени.

Рядовой В., келья № 169, 27 лѣтъ, сложенъ хорошо, предшествовашія болѣзни маловажны, прибылъ въ тюрьму 4-го ноября. Поведеніе заключеннаго въ кельѣ—безукоризненное; внезапно 29 ноября у заключеннаго появляются галлюцинаціи: ему представляется костеръ, раскаленная плита и всѣ ужасы пытки; его навязчивая идея состоитъ въ томъ, что его должны сжечь живымъ на огнѣ, почему онъ обращается ко всякому, прося защиты, а если защита уже невозможна, то онъ умоляетъ, чтобы пламя костра не было такъ сильно; его палачъ-каптенармусъ—неумолимъ, просьбы заключеннаго остаются безъ уваженія и когда его повели въ присутствіи врача въ лазаретъ, онъ кричитъ, что его ведутъ сожигать, отбивается отъ всѣхъ, на каждомъ шагу видитъ засаду, ловушку, враговъ своихъ, упирается ногами, вопитъ о помощи. При большихъ усиліяхъ возбужденное состояніе заключеннаго было успокоено. Сонъ и сознаніе начали возвращаться къ больному исподволь. Освобожденіе В. получаетъ 26 февраля, а ложныя представленія все еще имѣли мѣсто, такъ что, даже по истеченіи трехъ мѣсяцевъ со дня заболѣванія, нельзя было признать состояніе его здоровья вполнѣ нормальнымъ.

Заключенный кельи № 27, 28 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія посредственнаго, никогда ничѣмъ не болѣлъ, поступилъ въ тюрьму 4 сентября на 2 съ половиною мѣс. Онъ неграмотенъ и въ кельѣ остается безъ всякихъ занятій; онъ сильно тоскуетъ въ кельѣ; безсонница, явныя приливы крови къ головѣ и глазамъ, головокруженіе были какъ будто предвѣстниками неправильнаго отправленія общаго чувства. Съ 5 на 6 октября болѣзненные симптомы психическаго разстройства выразились яснѣе: у заключеннаго появляется сосредоточенный взглядъ на одномъ предметѣ, пугливость, непониманіе предлагаемыхъ вопросовъ или неестественные на нихъ отвѣты. Пятидневное пребываніе заключеннаго въ лазаретѣ, развлеченіе, искуственно вызванный ежедневный сонъ, отвлекающія и т. п. средства привели больного къ постепенному сознанію. Но въ кельѣ 24 октября заключенный снова впалъ въ задумчивость; движенія его автоматичекія, взглядъ безъ цѣли, зрачки расширены, бормочетъ про себя безсвязныя

слова, кстати и некстати употребляетъ одну и ту-же фразу: „по присягѣ Его Величества“, „я ѣлъ хлѣбъ по присягѣ Его Величества“, „у меня болитъ голова по присягѣ Его Величества“ и т. п. 27 октября заключенный получаетъ освобожденіе въ такомъ именно состояніи здоровья.

Рядовой В., 30 лѣтъ, тѣлосложенія посредственнаго, въ тюрьму принятъ 22 апрѣля совершенно здоровымъ, срокъ тюрьмы—три мѣсяца. Съ самаго начала принятія въ тюрьму заключенный В. обнаруживаетъ душевное настроеніе религіознаго характера, чему много содѣйствовали первоначальныя задатки—воспитаніе въ деревнѣ у священника, а затѣмъ исполненіе обязанностей церковника при полковой церкви. Заключеннаго почти во всякое время дня въ его кельѣ можно было застать коленопреклоннымъ и молящимся Богу. Къ сожалѣнію, возбужденное болѣзненнымъ образомъ состояніе его усилилось чтеніемъ книгъ, преимущественно церковныхъ: часослова, псалтыря, стараго славянскаго молитвенника, но безъ правильнаго пониманія, и все прочитанное объясняется заключеннымъ по своему личному разумѣнію. Нрава весьма тихаго, все требуемое отъ него исполняетъ съ покорностью и безпрекословностью. Но 4 іюня характеръ заключеннаго внезапно измѣняется: онъ сдѣлался видимо безпокойнымъ, раздражительнымъ, въ разговорѣ замѣчаются нѣкоторыя странности и несообразности; заключенный всякому старается доказать, что въ его желудкѣ сидитъ злой духъ, требующій умерщвленія плоти, почему несмотря ни на какія убѣжденія и настоянія, вовсе не принимаетъ пищи, вслѣдствіе чего исхуданіе тѣла значительно усиливается; по ночамъ бредъ. Принятый въ лазаретъ на время, онъ попадающимся подъ руки предметамъ не даетъ пощады: все портитъ, ломаетъ и рветъ. 7 іюня отправляется въ госпиталь, изъ него возвращается 28 іюня не вполнѣ поправившимся, 29 іюня по причинѣ рецидива болѣзни вторично отправляется въ госпиталь. Получаетъ освобожденіе 15 августа; въ день выписки В. изъ тюрьмы настроеніе его мрачное, психическое растройство его такъ глубоко, что дальнѣйшая служба его въ арміи едва ли возможна.

Наконецъ, приведемъ описаніе еще одного случая душев-

наго растройства: рядовой О., рецидивистъ, отъ роду 27 лѣтъ, тѣлосложенія весьма хорошаго, при медицинскомъ освидѣтельствованіи принятый 29 ноября въ тюрьму признанъ совершенно здоровымъ, срокъ заключенія—два мѣсяца; проступокъ—пьянство. Предшедствовавшее одиночное заключеніе прошло для него безслѣдно, и онъ всегда чувствовалъ себя здоровымъ; вторичное заключеніе до 21 декабря точно также не представляло для здоровья заключеннаго ничего особеннаго. Съ этого же дня больной началъ отказываться отъ пищи, сдѣлался задумчивымъ, грустнымъ и лишился сна. 22 декабря перемѣнъ не замѣчается; взглядъ заключеннаго разсѣянный, блуждающій, отвѣчаетъ на предлагаемые вопросы несвязно и невпопадъ, весь день отказывается отъ хлѣба и отъ горячей пищи; установленъ бдительный надзоръ за заключеннымъ и къ ночи данъ снотворный порошокъ; 23 декабря снова отказъ отъ пищи, несмотря на настоятельныя требованія фельдшера; 24 декабря при утренней визитаціи по тюрьмѣ врачъ нашелъ заключеннаго въ кельѣ колѣнопреклоненнымъ и молящимся Богу; на вопросъ о здоровьѣ заключенный не далъ никакого отвѣта, и только послѣ долгаго и настойчиваго ожиданія врача узнать причину подобнаго отказа отъ пищи, заключенный отвѣтилъ, что этого требуетъ Духъ Святой, что самъ больной уже не принадлежитъ этому міру, а потому тѣло его не нуждается въ пищѣ, а только въ молитвѣ, что самъ онъ сообщенія съ людьми имѣть не можетъ, а потому желалъ бы прекратить всякій разговоръ; убѣжденія врача подкрѣпиться пищей на заключеннаго совершенно не подѣйствовали: хлѣбъ и обѣдъ остались не тронутыми; 25 декабря около 6-ти часовъ утра врачъ былъ призванъ въ келью заключеннаго, причемъ было найдено слѣдующее: заключенный, ничѣмъ не прикрытый лежитъ на койкѣ и дрожитъ; все его тѣло холодное и въ оцѣпенѣніи, глаза раскрыты, зрачки расширены, не реагируютъ къ свѣту; дыханіе поверхностное, короткое и едва замѣтное для глазъ, пульсъ замедленъ, зубы судоржно стиснуты; въ углахъ рта небольшое количество слюнистой пѣны, тѣло потеряло гибкость, шейные мускулы напряжены и весьма ясно обозначаются; сознаніе, повидимому, потеряно,

кожа покрыта потомъ, мочеотдѣленіе—непроизвольно, другими словами—совокупность всѣхъ этихъ явленій указывала пораженіе общаго чувствилища, при которомъ необходимо для сохраненія жизни быстрая врачебная помощь. Заключенный, завернутый въ одѣяло, отнесенъ въ лазаретъ, въ которомъ употреблено сообразное припадку пособіе; спустя два часа больной приходитъ въ сознаніе, но галлюцинаціи продолжаются; его заставляютъ выпить стаканъ горячаго чаю и принять лекарство. На предложеный вопросъ—помнитъ ли онъ, что съ нимъ было нѣсколько часовъ тому назадъ,—заключенный отвѣтилъ, что видѣлъ вокругъ себя ангеловъ, указывавшихъ ему путь въ Царство Божіе. Дальнѣйшій ходъ леченія, состоявшій въ улучшеніи пищи, сна и развлеченіи, а также и въ возстановляющихъ средствахъ, привелъ къ тому, что душевныя и тѣлесныя силы больного стали возвращаться.

Таковы данныя, уцѣлѣвшія случайно до нашего времени. Ни въ одной изъ другихъ тюремъ мнѣ не удалось встрѣтить такихъ добросовѣстныхъ записей, тѣмъ не менѣе нижеприводимыя данныя помогутъ установить нѣсколько положеній, хотя послѣднія данныя и почерпнуты исключительно изъ отчетовъ.

За пятилѣтіе 1897—1901 г. санитарное состояніе заключенныхъ, напр., въ Московской тюрьмѣ, выразилось слѣдующимъ образомъ:

	въ 1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.
на общее число заключенныхъ	957	959	836	828	810 чел.
было больныхъ: во врачеб. заведеніяхъ . .	37	33	36	76	58 „
было больныхъ: амбулаторныхъ	268	289	302	560	524 „
Умерло	2	3	—	—	1 „
Отношеніе числа больныхъ къ среднему личному составу на 1000 человѣкъ	145	145	142	125	122 „
Случаи особенно важные	2 случая чахотки со смертельнымъ исходомъ.	6 случаевъ чахотки, изъ нихъ 2 случая со смертельнымъ исходомъ.	—	—	4 человѣка исключены въ неспособные по болѣзни нервной системы. 1 случ. смерти отъ хронической болѣзни, не зависящей отъ тюрьмы.

Не менѣе интересны данныя, извлеченныя изъ Рижской тюрьмы, относительно случаевъ увольненія въ запасъ по болѣзни и процентнаго отношенія къ числу уволенныхъ—страдающихъ душевнымъ разстройствомъ.

Такъ въ	1896 г.	увол. 4 чел.,	изъ нихъ	псих. больн.	2,	что сост.	50	проц.
„	1897 г.	„ 6 „	„	„	„ 2	„ „	33	„
„	1898 1898 и 1899 не было уволенныхъ							
„	1900 г.	увол. 11 чел.,	изъ нихъ	псих. больн.	6	„ „	50,1	„
„	1901 г.	„ 8 „	„	„	„ 4	„ „	50	„
„	1902 г.	„ 2 „	„	„	„ 1	„ „	50	„
Или за	7 лѣтъ	„ 31 „	„	„	„ 15 чел.			

Въ заключеніе мы считаемъ также не лишнимъ остановиться на вопросѣ о томъ, поскольку сказывается вліяніе келейнаго заключенія на вѣсъ тѣла заключенныхъ. Этотъ вопросъ крайне важенъ въ отношеніи санитарнаго состоянія тюрьмы. На основаніи личныхъ разспросовъ и разсмотрѣнія отчетности я могу констатировать, что

1) заключенные въ большинствѣ случаевъ получаютъ увеличеніе вѣса тѣла (около 60%);

2) уменьшеніе вѣса тѣла наблюдается у меньшаго числа заключенныхъ (около 30%);

3) безъ перемѣны остается вѣсъ тѣла у очень немногихъ заключенныхъ (не болѣе 10%).

Увеличеніе вѣса тѣла наблюдается въ слѣдующихъ предѣлахъ: чаще всего увеличеніе ограничивается 3 фунтами, затѣмъ 2-мя, 4-мя, 1-мъ, 5-ю фунтами; увеличеніе замѣчается по преимуществу въ вѣсѣ тѣла евреевъ и татаръ, при чемъ въ Московской тюрьмѣ былъ случай увеличенія вѣса тѣла у одного еврея на 32 фунта; обыкновенно же увеличеніе свыше 12—14 фунтовъ поднимается крайне рѣдко. По числу заключенныхъ съ наибольшимъ увеличеніемъ вѣса тѣла даютъ присужденные на 2-хъ мѣсячный срокъ.

Уменьшеніе вѣса тѣла, главнымъ образомъ, ограничивается 1—2 фунтами, хотя бываютъ случаи уменьшенія даже до 18 фунтовъ, но послѣднее является исключеніемъ.

Для иллюстраціи приводимъ слѣдующія данныя за два года, извлеченныя изъ Варшавской тюрьмы.

Срокъ заключенія.	1894 г. Прибыло. Число заключен.	% общаго числа.	Средняя прибыль въ фунтахъ.	Убыло. Число заключен.	% общаго числа.	Средняя убыль въ фунтахъ.	Безъ перемѣны. Число заключен.	% общаго числа.	Всего. Заключенныхъ.	% по срок. % общаго числа.	1895 г. Прибыло. Число заключен.	% общаго числа.	Средняя прибыль въ фунтахъ.	Убыло. Число заключен.	% общаго числа.	Средняя убыль въ фунтахъ.	Безъ перемѣны. Число заключен.	% общаго числа.	Всего. Заключенныхъ.	% по срок. % общаго числа.
3 нед.	9	1,4	2,6	10	2,2	3,1	1	1,0	20	17,0	9	1,3	2,8	5	1,2	3,8	„	„	14	1,2
3½ нед.	2	0,3	4,0	2	0,4	4,0	1	1,0	5	0,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4 нед.	85	13,2	3,1	57	12,4	2,8	18	18,6	160	13,3	105	15,6	2,8	79	19,5	2,8	13	21,7	197	17,3
4½ нед.	9	1,4	2,9	13	2,8	3,0	2	2,1	24	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5 нед.	7	1,1	3,9	9	2,0	1,9	1	1,0	17	1,4	32	4,9	3,6	26	6,4	3,2	4	6,7	62	5,4
5½ нед.	14	2,2	3,0	18	4,0	3,8	5	5,2	37	3,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1 мѣс. 2 нед.	75	11,6	3,9	47	10,2	3,4	17	17,5	139	11,5	87	12,8	3,6	40	9,9	3,3	7	11,6	133	11,8
1 мѣс. 3 нед.	69	10,7	4,2	44	9,6	4,5	15	15,5	128	10,6	97	14,4	3,7	54	13,3	3,6	6	10,0	157	13,8
2 мѣс.	123	19,1	4,1	86	18,8	4,0	14	14,4	223	18,9	133	19,8	4,3	74	18,2	5,7	11	18,3	218	19,1
2 мѣс. 1 нед.	58	9,0	5,3	26	5,7	4,0	2	2,1	86	7,1	53	7,9	4,7	21	5,2	4,2	6	10,0	80	7,0
2 мѣс. 2 нед.	90	14,0	4,5	62	13,5	5,3	10	10,3	162	13,5	86	12,8	4,6	35	8,6	3,9	8	13,4	129	11,3
2 мѣс. 3 нед.	8	1,2	4,9	7	1,5	5,9	„	„	15	1,2	6	0,9	3,0	12	3,0	6,9	2	3,3	20	1,8
3 мѣс.	70	10,9	4,7	58	12,6	4,9	10	10,3	138	11,5	46	6,7	4,3	45	11,0	3,5	3	5,0	94	8,3
3 мѣс. 1 нед.	5	0,8	4,8	2	0,4	6,5	„	„	7	0,6	„	„	„	1	0,2	5,0	„	„	1	0,1
3 мѣс. 2 нед.	5	0,8	3,0	1	0,2	2,0	„	„	6	0,5	3	0,5	5,0	2	0,5	6,5	„	„	5	0,4
3 мѣс. 3 нед.	1	0,1	3,0	„	„	„	„	„	1	0,1	„	„	„	„	„	„	„	„	„	„
4 мѣс.	14	2,2	5,0	17	3,7	6,2	1	1,0	32	2,6	16	2,4	5,3	12	3,0	5,3	„	„	28	2,5
Итого.	644	100	3,9	459	100	4,1	97	100	1200	100	673	100	3,9	406	100	4,0	60	100	1139	100

	Величина прибыли въ вѣсѣ		Величина убыли въ вѣсѣ	
	въ 1894 г.	1895 г.	въ 1894 г.	1895 г.
на 1 фун.	89 чел.	108 чел.	84 чел.	83 чел.
2 „	112 „	104 „	84 „	76 „
3 „	104 „	118 „	68 „	68 „
4 „	101 „	100 „	53 „	54 „
5 „	74 „	90 „	46 „	41 „
6 „	61 „	48 „	33 „	29 „
7 „	37 „	40 „	33 „	17 „
8 „	16 „	32 „	19 „	18 „
9 „	28 „	17 „	16 „	5 „
10 „	5 „	7 „	4 „	7 „
11 „	8 „	2 „	5 „	2 „
12 „	6 „	2 „	4 „	1 „
13 „	— „	3 „	— „	— „
14 „	3 „	— „	3 „	— „
15 „	— „	2 „	2 „	2 „
16 „	— „	— „	— „	3 „
17 „	— „	— „	1 „	— „
18 „	— „	— „	3 „	— „
Итого . .	644 чел.	673 чел.	459 чел.	406 чел.

Врачи объясняютъ увеличеніе вѣса, главнымъ образомъ, отсутствіемъ дѣятельности; какъ бы то ни было, мы тѣмъ не менѣе считаемъ необходимымъ привести эти данныя, такъ какъ онѣ могутъ служить для спеціалистовъ показателемъ какого-либо другого явленія, стоящаго въ непосредственной связи съ тюрьмою.

Въ заключеніе настоящей главы, на основаніи предшествующаго изложенія, мы должны придти къ слѣдующимъ выводамъ. Здоровье въ келейномъ заключеніи подвергается такимъ явленіямъ, мѣстнымъ для тюрьмы, которыя очень нерѣдко ведутъ къ заболѣваніямъ. Я не стану утверждать, что смертность или болѣзненность вообще больше въ кельѣ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ мѣстѣ заключенія, но въ то же время нельзя не отмѣтить того, что келья, сама по себѣ, какъ таковая, безъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, можетъ порождать болѣзни и развивать болѣзни уже имѣющіяся.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, въ какомъ другомъ тюремномъ зданіи, кромѣ келейныхъ камеръ, можетъ такъ быстро и такъ интенсивно выходить изъ нормы душевная жизнь человѣка. Если санитарныя условія даже достигнутъ совершенства, то

все-таки они останутся безъ вліянія на психическій міръ заключеннаго и на его нервную систему. Мы знаемъ число сумасшедшихъ, болѣзнь которыхъ говоритъ языкомъ яснымъ и выразительнымъ, но мы не знаемъ числа неврастениковъ, которыхъ рождаетъ келья, мы не знаемъ числа неуравновѣшенныхъ заключенныхъ, которые въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ могутъ прогрессировать, въ смыслѣ своего болѣзненнаго состоянія. Ко всему этому присоединяются болѣзни дыхательныхъ и пищеварительныхъ органовъ, головныя боли, анемія и весь арсеналъ болѣзненныхъ явленій, на описаніи которыхъ мы останавливались выше. Я думаю,—и въ этомъ отношеніи я руководствуюсь личными наблюденіями въ теченіе многихъ лѣтъ,—что наша келейная тюрьма оставляетъ на заключенномъ такую рѣзкую черту, отъ которой онъ не можетъ никогда освободиться: нервная система его слишкомъ поражается келейнымъ рабствомъ, пассивностью и одиночествомъ.

VIII.

Выводы.

Наиболѣе важныя стороны келейнаго быта, разсмотрѣнныя выше, даютъ возможность приступить къ краткой оцѣнкѣ нашей дѣйствующей въ военныхъ тюрьмахъ келейной системы, тѣмъ болѣе что весьма возможно заимствованіе изъ военныхъ тюремъ нѣкоторыхъ принциповъ и перенесеніе ихъ въ тюрьмы гражданскія. Мнѣ извѣстно, напримѣръ, что въ 1893 г. начальникъ главнаго тюремнаго управленія посѣтилъ нѣкоторыя изъ военныхъ тюремъ и пораженный нѣсколькими штрихами изъ тюремной жизни, „приказалъ сопровождавшему его инспектору тюремъ сдѣлать нѣкоторыя замѣтки для введенія въ подвѣдомственныхъ ему тюремныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства“.

Прежде всего мы должны замѣтить, что увлеченіе началами келейнаго заключенія способно привести къ нежелательнымъ явленіямъ. Единственными достоинствами этой системы являются: предупрежденіе тюремныхъ знакомствъ, от-

сутствіе вліянія заключенныхъ другъ на друга, невозможность побѣга. И только.

Что касается отрицательныхъ сторонъ келейнаго заключенія, то онѣ слишкомъ многообразны и могутъ быть сведены къ слѣдующимъ:

1. Келья переноситъ человѣка—существо общежительное по природѣ—въ полное одиночество; если это обстоятельство противоестественно вообще, то оно еще болѣе противоестественно въ отношеніи русскихъ людей изъ простонародья, для которыхъ одиночество—едва ли не высшее страданіе; такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ тюремная администрація.

2. Келейное заключеніе вовсе не обезпечиваетъ отъ сношеній заключенныхъ между собою: перестукиваніе—великолѣпная азбука для заключенныхъ; они ей скоро выучиваются, съ тѣмъ большою охотою, что скука въ кельѣ—чувство невыносимое. А если возможно сношеніе между заключенными, то, слѣдовательно, и коллективное нарушеніе тюремнаго порядка можетъ имѣть мѣсто во время прогулокъ заключенныхъ.

3. Болѣе или менѣе удовлетворительная организація работъ для келейно заключенныхъ немыслима, ибо, съ одной стороны, тюрьма, построенная по этой системѣ, должна быть краткосрочна, такъ какъ она—тяжела, а съ другой—долгосрочна, чтобы выработать изъ заключенныхъ мастеровъ дѣла. Но, и помимо этого, производство работъ въ кельяхъ мало удобно, выдача инструментовъ заключеннымъ—не безопасна и требуетъ усиленія надзора; наконецъ, долговременная тюрьма устраняетъ всякую рабочую конкуренцію со стороны тюрьмы келейной.

Поднятіе умственнаго уровня заключенныхъ при келейномъ содержаніи требуетъ разрѣшенія двухъ противорѣчащихъ одна другой задачъ: удлинить сроки содержанія въ кельѣ нельзя, а поднять умственный уровень хотя бы и въ четырехмѣсячный срокъ не представляется возможнымъ; кромѣ того, или надо увеличить число тюремныхъ учителей, или сводить заключенныхъ для обученія вмѣстѣ; первое противорѣчитъ экономическимъ требованіямъ, а также и нарушаетъ принципы келейнаго содержанія, такъ какъ вводитъ въ келью

постороннее тюрьмѣ лицо, второе не менѣе рѣшительно уничтожаетъ важность и значеніе одиночной кельи.

5. Тюремная архитектура, преслѣдующая цѣли облегченія надзора, въ наше время мало удовлетворительна, такъ какъ, хотя, на практикѣ, одинъ дежурный можетъ слѣдить за порядкомъ, но не за тѣмъ, какъ проводитъ заключенный свое время въ кельѣ; чтобы надзоръ осуществлялся, для этого необходимо учредить огромный кадръ надзирателей, иначе заключенные въ своихъ кельяхъ легко будутъ нарушать тюремный порядокъ.

6. Современныя, дѣйствующія въ тюрьмѣ дисциплинарныя взысканія, представляютъ собою или отягченіе лишенія свободы различными придатками—лишеніемъ свѣта и пищи, что не гигіенично, или тѣлесное наказаніе, о безполезности котораго говорить въ наше время представляется анахронизмомъ.

7. Келья можетъ служить и часто служитъ источникомъ различныхъ заболѣваній; она сильно поражаетъ духовную область заключеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ главною причиною развитія имѣющихся у заключеннаго болѣзней.

Мы не будемъ сравнивать системъ одиночнаго или совмѣстнаго заключенія, но не можемъ вступить въ число сторонниковъ келейнаго заключенія. Это послѣднее, какъ таковое, безъ всякихъ другихъ средствъ исправительнаго воздѣйствія, не болѣе нуля. Если заключеніе въ тюрьму вообще есть продуктъ изобрѣтательности человѣческаго ума, то заключеніе въ келью только недоразумѣніе.

Нельзя быть серьезнымъ и въ то же время, опираясь на полицейскую безопасность кельи, говорить о келейномъ заключеніи, какъ о лучшей формѣ лишенія свободы. Она лучшая, поскольку служитъ цѣлямъ полиціи, но во всемъ остальномъ она хуже совмѣстнаго заключенія. Заключеніе насчитываетъ за собой нѣсколько вѣковъ и ни къ чему не приводитъ. Для правовѣрнаго юриста келья съ присоединеніемъ тѣхъ особыхъ мѣръ, о которыхъ они стали размышлять въ самое послѣднее время, есть нѣчто, достойное вниманія. Но—да не сочтутъ эту мысль за утопію—у тюрьмы нѣтъ будущаго, она достигла предѣльнаго возраста и можетъ отойти

въ область исторіи. Если и думаютъ въ наше время о кельѣ, о прогрессивномъ заключеніи, о неопредѣленныхъ приговорахъ, то все это дѣлается не для того, чтобы пересоздать существующую тюрьму, а для того, чтобы расчистить путь для новыхъ, невѣдомыхъ намъ карательныхъ мѣръ.

Цѣль нашего очерка—предупредить возможность повторенія ошибокъ: вводить въ будущемъ келейное заключеніе значитъ отдалять моментъ окончательнаго краха тюрьмы, задерживать естественный ходъ развитія карательной системы, увлекающейся въ наше время человѣческою свободою, какъ единственнымъ объектомъ наказанія. Тѣмъ болѣе, что мысль о возведеніи келій такъ соблазнительна для дѣлателей порядка.

Н. Фалѣевъ

ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ.

Идеи свободы и права въ его философской системѣ.

Берлинскій профессоръ Людвигъ Штейнъ помѣстилъ лѣтомъ 1902 г. въ газетѣ „Neue freie Presse“ фельетонъ, посвященный Герберту Спенсеру и его философской системѣ. Ознакомившись съ этимъ фельетономъ, Спенсеръ немедленно написалъ Штейну письмо, въ которомъ выразилъ ему особую благодарность за объективное изложеніе самой системы и за сдѣланную критику ея. „Симпатія“, говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, „намъ всегда доставляетъ удовольствіе, но намъ она вдвойнѣ дорога, когда доносится изъ далека и, притомъ, на закатѣ нашихъ дней. Никто въ моемъ отечествѣ не сдѣлалъ на столь ограниченномъ пространствѣ такой полной оцѣнки общаго значенія моихъ сочиненій. Такъ какъ мнѣ теперь болѣе 82 лѣтъ, а прошлую недѣлю я провелъ въ постели, то вы согласитесь, конечно, со мною, что я имѣю уважительныя причины быть краткимъ и потому должны будете удовольствоваться этою краткою, вмѣсто слѣдовавшей бы вамъ болѣе обстоятельной, признательностью съ моей стороны“.

О сущности той оцѣнки, которую дѣлаетъ въ своемъ этюдѣ профессоръ Штейнъ философскому міровоззрѣнію Спенсера могутъ дать понятіе слѣдующія заключительныя слова этюда, содержащія въ себѣ характеристику этого міровоззрѣнія путемъ противоположенія его міровоззрѣнію Шопенгауера:

„Смыслъ нашего существованія, по Спенсеру,—въ поднятіи человѣческаго типа, въ преумноженіи всѣхъ жизненныхъ возможностей, въ облегченіи и расширеніи всѣхъ жизненныхъ условій, словомъ, въ извлеченіи наибольшей суммы жизни для насъ, для нашихъ ближнихъ и для нашего потомства. Точно такъ, какъ Шопенгауеръ является классическимъ философомъ отрицанія жизни, Спенсеръ является великимъ представителемъ утвердительнаго рѣшенія вопроса о жизни. Но Шопенгауеровскій отвѣтъ есть плодъ неврастеническаго разстройства и фантастическихъ причудъ, плодъ произвольный, сильный и капризный, какъ того требуетъ природа самого Шопенгауера,—тогда какъ Спенсеровскій отвѣтъ покоится на точныхъ наблюденіяхъ, на многочисленныхъ естественно-историческихъ данныхъ, на результатахъ этнографическихъ и статистическихъ изслѣдованій. Тамъ зигзагъ, тутъ прямая линія; тамъ настроеніе, тутъ характеръ; тамъ возбужденная фантазія, тутъ трезвое мышленіе; тамъ причудливые завитки и діалектическое рококо, тутъ монументальная готика чистой мысли; тамъ художникъ, тутъ ученый. Премудрость художественнаго философа Шопенгауера приводитъ къ наставленію: предпочитай смерть! Премудрость философскаго художника Спенсера выражается въ словахъ: предпочитай жизнь!“

Это оптимистическое воззрѣніе на жизнь, ея содержаніе и задачи, дѣйствительно, составляетъ самую характерную черту натурфилософіи Спенсера и вмѣстѣ съ тѣмъ краеугольный камень его космологическихъ, соціологическихъ и этическихъ воззрѣній [1]). Поэтому ни одно изъ этихъ воззрѣній его не можетъ быть изложено сколько-нибудь близко къ подлиннику, если не дать прежде всего изображенія того, что разумѣетъ подъ жизнью и ея тенденціями Спенсеръ, при чемъ, чѣмъ болѣе сложно и отвлеченно явленіе, къ которому относится интересующее насъ воззрѣніе, тѣмъ подробнѣе и полнѣе должно быть дано понятіе о томъ, что онъ разумѣетъ подъ жизнью. Строй мыслей Спенсера столь матема-

---

[1]) См. его „Weismannism once more“—p. 23.

тически точенъ и послѣдователенъ, что у него, какъ въ учебникѣ геометріи, нельзя понять ни одной послѣдующей теоремы, не зная всѣхъ предыдущихъ и, при томъ, начиная съ простѣйшихъ; поэтому для усвоенія себѣ его понятія жизни требуется знакомство съ основными началами его міровоззрѣнія, обнимающими наравнѣ съ органическимъ и надъ органическимъ и неорганическій міръ, т. е. надо, хоть въ общихъ чертахъ, серьезно познакомиться съ его біологіею, психологіею, основами познанія и самого космическаго бытія [1]). Слѣдуетъ, впрочемъ, тутъ же замѣтить, что философское міровоззрѣніе его глядитъ на вещи не примѣнительно къ спокойнымъ формамъ математическаго разсужденія, а съ точки зрѣнія свойствъ и атрибутовъ перманентнаго движенія; въ этомъ отношеніи философская система Герберта Спенсера, англичанина и, притомъ, инженера, есть поистинѣ квинтъ-эссенція интеллектуальныхъ успѣховъ XIX вѣка. Онъ всѣ виды космическихъ явленій обнялъ одной общей идеею, построенною на научныхъ основаніяхъ, выраженныхъ въ терминахъ механики.

I.

Что же есть жизнь по Спенсеру?

Біологія его даетъ на это такой философскій отвѣтъ: жизнь нужно понимать, какъ опредѣленное сочетаніе разнородныхъ внутреннихъ измѣненій, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, соотвѣтственно внѣшнимъ сосуществованіямъ и послѣдовательностямъ. Въ это отвлеченное опредѣленіе

---

[1]) Такой очеркъ всей его философской системы для уразумѣнія его политическихъ и этическихъ воззрѣній, диктуемый ближайшимъ знакомствомъ со стройнымъ ходомъ мыслей въ его основныхъ сочиненіяхъ, получаетъ особое оправданіе въ его собственномъ признаніи, дѣлаемомъ въ появившейся послѣ его смерти автобіографіи, что первый вопросъ, занимавшій его умъ, былъ вопросъ о предѣлахъ правительственной власти, вопросъ, которому посвящена его первая литературная работа (1842 г.) и подъ непосредственнымъ вліяніемъ котораго онъ, постепенно углубляясь, выработалъ свои воззрѣнія на весь ходъ міроваго процесса, изложенныя и выработанныя въ его синтетической философіи. Autobiography, II, p. 173.

вносится далѣе еще одинъ признакъ, существенный для придачи указаннымъ измѣненіямъ ихъ жизненнаго характера. Барометръ, напр., вѣдь также претерпѣваетъ извѣстныя измѣненія, сообразно внѣшнимъ перемѣнамъ; разница ихъ отъ жизненныхъ измѣненій та, что въ барометрическихъ измѣненіяхъ нѣтъ никакого *приспособленія* къ внѣшнимъ измѣненіямъ. Жизнь, именно этимъ свойствомъ обладающую въ высокой степени, надо поэтому еще болѣе обще опредѣлить, не какъ простое сочетаніе внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, а какъ *непрерывное приспособленіе* внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ отношеніямъ (Biology, § 25).

Внутреннія отношенія, соотвѣтственныя внѣшнимъ отношеніямъ, тутъ составляютъ самые характерные признаки явленія, потому-что жизнь состоитъ изъ балансирующаго взаимодѣйствія организма съ его внутреннимъ строеніемъ и окружающей среды съ ея дѣйствіями на него извнѣ. Жизнь въ этомъ смыслѣ заключается въ преодолѣваніи различія между окружающимъ, которое тянетъ органическое къ равновѣсію съ собою и организмомъ, постоянно это равновѣсіе разстраивающимъ; преодолѣваніе же это происходитъ путемъ приспособленія внутреннихъ соотношеній и послѣдовательностей къ внѣшнимъ соотношеніямъ и послѣдовательностямъ. Низшія формы жизни, каковы онѣ, напр., у растеній, показываютъ самый простой видъ физическихъ и химическихъ процессовъ, которыми ихъ жизнь принаравливаетъ для себя внѣшніе элементы—свѣтъ, теплоту, воду и угольную кислоту, вездѣ въ окружающемъ находящіеся. Жизнь животныхъ показываетъ это въ болѣе сложномъ видѣ. То, что имъ нужно, не вездѣ готово; поэтому требуется способность движенія для отыскиванія, способность схватыванія, а, затѣмъ, еще и способность ассимиляціи получаемаго изъ окружающаго путемъ пищеваренія. Всѣ эти внутреннія приспособленія составляютъ лишь пріемы для поддержанія органическаго баланса въ цѣлости противъ физическихъ, химическихъ и прочихъ агентовъ, старающихся его разстроить. Что есть погоня хищнаго звѣря за добычей и бѣгство добычи отъ него, какъ не сочетаніе измѣненій въ этихъ орга-

низмахъ въ видахъ соотношенія съ извѣстными измѣненіями во внѣшнемъ мірѣ? Что есть схватываніе пищи, что есть процессъ перевариванія пищи, какъ не примѣненіе внутреннихъ соотношеній къ внѣшнимъ? (*First Principles*, § 25).

Смерть же это то состояніе, въ которое приходитъ организмъ, потерявъ способность удовлетворять запросамъ и вліяніямъ окружающаго, что съ нимъ происходитъ вслѣдствіе старости, болѣзни или разстройства, т. е. когда онъ не можетъ болѣе встрѣчать надлежащимъ согласованіемъ или отпоромъ внѣшнія отношенія. Если бы на каждое внѣшнее существованіе или послѣдовательное измѣненіе организмъ могъ дать соотвѣтственный отвѣтъ своими дѣйствіями, то одновременныя измѣненія въ немъ должны бы быть безконечно многочисленны и сложны, а послѣдовательныя безконечны во времени; это было бы наивысшимъ мыслимымъ соотвѣтствіемъ, а жизнь такая была бы наивысшею, и въ степени, и въ продолжительности.

Будучи приспособленіемъ и состоя изъ приспособленій, жизнь въ своей степени должна, очевидно измѣняться со степенью своего соотвѣтствія. Растеніе своими жизненными функціями принаровлено къ постоянному существованію потребныхъ ему элементовъ подлѣ корней и листьевъ; всѣ процессы въ немъ происходятъ и мѣняются въ зависимости отъ одного лишь нагрѣванія и освѣщенія солнцемъ; никакихъ иныхъ приспособленій въ немъ нѣтъ и жизнь его настолько же проста въ своихъ проявленіяхъ. Жизнь животнаго принаровлена уже къ пріемамъ, связаннымъ съ пользованіемъ органами чувствъ, и его жизнь гораздо сложнѣе и разнообразнѣе въ своихъ проявленіяхъ. У человѣка ко всѣмъ чувственнымъ приспособленіямъ прибавляется духовное приспособленіе, обуславливаемое соціальными требованіями, и степень жизни у него, очевидно, еще сложнѣе и разнообразнѣе. Само окружающее для всего живаго существа тѣмъ сложнѣе, чѣмъ выше становится его собственная жизнь, ибо окружающее для него это только то, на что онъ можетъ реагировать; напр., цвѣта смежныхъ предметовъ, очевидно, не относятся къ окружающему для червя, лишеннаго зрѣнія. Съ другой

стороны, значительно менѣе разнородна жизнь морскихъ растеній и животныхъ, чѣмъ жизнь имъ подобныхъ на сушѣ, потому-что ихъ среда болѣе однородна: въ ней легче двигаться, въ ней меньше колебанія температуры, освѣщенія, давленія. Гораздо разнообразнѣе это на сушѣ и соотвѣтвѣтственно этому выше и разнообразнѣе формы жизни на ней. Степень одного строго соотвѣтствуетъ другому и если бы не существовало другихъ внѣшнихъ измѣненій, какъ тѣ, которыя организмъ готовъ встрѣчать, и если бы организмъ никогда не ошибался въ пріемѣ, которымъ онъ долженъ встрѣчать ихъ, то жизнь его была бы вѣчна (*Biology* § 35).

Организмы все болѣе и болѣе отличаются отъ окружающей среды *по своему строенію* (въ Protozoa простота строенія еще подобна строенію воздуха, воды и земли), *по формѣ* (первичныя животныя имѣются совсѣмъ безформенныя), *по химическому составу* (первоначальные виды водяныхъ существъ почти изъ одной воды и состоятъ, а высшіе виды земныхъ растеній и животныхъ въ химическомъ отношеніи имѣютъ уже мало общаго съ землею, на которой стоятъ, и съ воздухомъ, въ которомъ живутъ), *по удѣльному вѣсу* (водяныя почти одного вѣса съ самой водой), *по температурѣ* и по способности *произвольнаго движенія*. Это отдѣленіе отъ условій среды выражается и въ возрастающей жизненности организмовъ. Низшій жизненнообразный организмъ прозрачный и безцвѣтный, такъ что его съ трудомъ можно отличить отъ воды, въ которой онъ плаваетъ; на-сколько онъ схожъ со своею средою въ механическомъ, химическомъ, термическомъ и остальныхъ отношеніяхъ, на-столько же онъ схожъ съ нею въ пассивности, съ которою онъ подвергается вліяніямъ и перемѣнамъ; тогда какъ млекопитающее, насколько далеко отъ неодушевленной природы по своимъ свойствамъ, настолько же отличается отъ нея жизненностью, съ которою оно отзывается своими собственными измѣненіями на измѣненія въ окружающемъ. Можно сказать, что поскольку организмъ физически подобенъ окружающей его средѣ, постолько онъ является пассивнымъ участникомъ происходящихъ въ его средѣ перемѣнъ; тогда какъ настолько, на-

сколько онъ одаренъ способностью противодѣйствовать этимъ перемѣнамъ, онъ обнаруживаетъ несходство со своею средою.

Если мы разсмотримъ съ этой точки зрѣнія отношенія, возникающія между окружающимъ какого нибудь высшаго существа и имъ самимъ въ его послѣдовательныхъ фазисахъ развитія, то увидимъ аналогичный рядъ контрастовъ. Сначала структура зародыша у млекопитающаго мало отличается отъ окружающей среды. Отличіе это растетъ постепенно въ отношеніи формы, удѣльнаго вѣса, температуры, способности къ произвольному движенію и появленія отдѣльныхъ органовъ. Развитіе индивидуальнаго организма есть одновременно возрастаніе различія его частей и возрастаніе отличія его самого отъ окружающаго; въ одномъ, какъ и въ другомъ отношеніи, существуетъ общая аналогія между прогрессированіемъ въ развитіи индивидуальнаго организма и прогрессомъ отъ низшихъ порядковъ организмовъ къ высшимъ порядкамъ организмовъ. Съ этой точки зрѣнія можно поэтому сказать, что жизнь есть стремленіе къ индивидуализаціи, ибо, очевидно, становясь болѣе отличнымъ другъ отъ друга и отъ окружающей ихъ среды, организмы пріобрѣтаютъ болѣе выраженную индивидуальность (*В.* § 53). Спенсеръ, согласно съ вышеизложеннымъ, индивидуумъ, индивидуальность опредѣляетъ съ біологической точки зрѣнія, какъ конкретное цѣлое, имѣющее строеніе, дѣлающее его способнымъ, при помѣщеніи въ подходящія условія, постоянно приспособлять свои внутреннія отношенія къ внѣшнимъ отношеніямъ такъ, чтобы поддерживать равновѣсіе своихъ функцій (*В.* § 74). Вѣдь фактъ, говоритъ онъ, что организмы болѣе раннихъ геологическихъ періодовъ, нынѣ вымершіе, никогда не возвращаются уже въ позднѣйшихъ періодахъ, можетъ получить раціональное объясненіе только въ томъ, что форма организма, порождаемая условіями окружающаго, не можетъ болѣе появиться, когда безвозвратно исчезли эти условія (*В.* § 140).

Точно также, какъ ростъ всего организма, говоритъ Спенсеръ, происходитъ путемъ извлеченія изъ окружающаго веществъ, подобныхъ веществамъ, входящимъ въ составъ организма, также и образованіе каждаго органа въ организмѣ

происходитъ путемъ извлеченія изъ веществъ, содержащихся въ организмѣ, веществъ, потребныхъ его особымъ органамъ; органы по отношенію къ организму совершаютъ каждый для себя то, что организмъ, какъ цѣлое, совершаетъ по отношенію къ своей средѣ; качественно органы отличаются другъ отъ друга такъ же, какъ организмъ весь качественно отличается отъ своего окружающаго (*B.* § 53).

Для уразумѣнія же тѣхъ причинъ, по которымъ происходитъ отдѣленіе частей отъ цѣлаго, а самого цѣлаго отъ его окружающаго, слѣдуетъ обратиться къ тѣмъ идеямъ Спенсера, которыми онъ объясняетъ всеобщій ходъ космическаго процесса развитія. Идеи эти содержатся въ первомъ томѣ его синтетической философіи подъ названіемъ основныхъ принциповъ—*First Principles.*

Это самая отвлеченная, самая, такъ сказать, математическая часть его философіи, ближайшее же знакомство съ нею составляетъ необходимое вступленіе къ уразумѣнію какой бы то ни было изъ остальныхъ ея частей.

II.

Разобравъ сперва наиболѣе общія свойства всѣхъ и всякихъ явленій міра, Спенсеръ сводитъ ихъ къ слѣдующимъ началамъ, которыя мы можемъ здѣсь только перечислить, не входя въ подробное ихъ изложеніе и полагаясь на общеизвѣстныя изъ физики истины.

Неразрушимость матеріи, непрерывность движенія, постоянство силы, постоянство отношеній между силами и къ слѣдующимъ выводамъ изъ этихъ истинъ столь же высокой степени общности: превращеніе силъ въ эквивалентныхъ мѣрахъ, направленіе силъ по линіямъ наибольшаго тяготѣнія и наименьшаго сопротивленія и ритмичность характера движенія. Это истины, говоритъ Спенсеръ, относящіяся не къ какимъ либо астрономическимъ явленіямъ, или только къ явленіямъ неорганическимъ, не къ твердымъ только тѣламъ или къ жидкимъ, не къ цѣлымъ только тѣламъ или къ ихъ моле-

кулямъ, но одинаково ко всѣмъ процессамъ міра и ко всѣмъ видамъ матеріи и силы.

Даетъ ли это, однако, идею космоса, сущности мірового процесса? Нѣтъ. Это аналитическія истины и онѣ не могутъ дать понятія о сути того синтетическаго процесса, который происходитъ въ мірѣ; установить законы, по коимъ дѣйствуютъ отдѣльные факторы міра, не значитъ еще установить законы кооперативной дѣятельности этихъ факторовъ. Не правъ тотъ, кто думаетъ, что, найдя наиболѣе общій законъ обнимающій всѣ остальные законы, онъ тѣмъ установилъ уже суть мірового процесса; какъ не правъ и тотъ, кто думаетъ опредѣлить эту суть, дойдя до мельчайшаго изъ процессовъ, свойственнаго, какъ основа, всѣмъ остальнымъ процессамъ (напр. молекулярное движеніе). Нужно найти законы сложнаго процесса, происходящаго съ совокупностью всѣхъ основныхъ процессовъ. Напримѣръ, возьмемъ химика, объясняющаго процессъ горѣнія свѣчки, геолога, объясняющаго землетрясеніе, ботаника, объясняющаго ростъ растенія. Каждый изъ нихъ можетъ свести свои объясненія до самыхъ общихъ началъ: молекулярнаго движенія, какъ причины горѣнія и тепла, вліянія тепла и лучеиспусканія, какъ физической причины сжатія земного ядра, тѣхъ же вліяній, какъ химической причины процесса роста; но все это будутъ общія истины, дѣйствующія какъ бы независимо одна отъ другой. Тогда какъ то, что происходитъ въ космосѣ, въ мірѣ, есть единый цѣльный процессъ развитія, единый трансформизмъ, котораго отдѣльныя лишь части разсматриваются отдѣльными науками. Надо поэтому найти формулу, объемлющую законы совмѣстнаго ихъ дѣйствія, а это будутъ законы матеріи и силы вообще. Если матерія неразрушима, движеніе непрерывно, сила постоянна, то что же это даетъ въ совокупности? Какъ все происходитъ при совмѣстномъ дѣйствій этихъ факторовъ? Абсолютнаго покоя нигдѣ не существуетъ—что же происходитъ въ смыслѣ мірового процесса? Происходитъ непрерывное перераспредѣленіе матеріи и силы. Нужно, слѣдовательно, установить динамическій законъ, регулирующей этотъ процессъ вѣчной метаморфозы (*F. p.* § 91).

Первую принадлежность этого закона Спенсеръ устанавливаетъ въ видѣ двухъ противоположныхъ прогрессовъ—интеграціи и дезинтеграціи. Первый это процессъ сгущенія матеріи, какъ, напримѣръ, образованіе изъ туманнаго пятна съ теченіемъ времени твердой планеты, второй—противоположность этого процесса. Тотъ и другой не могутъ происходить безъ вліянія какой нибудь силы. Сила же въ каждомъ изъ нихъ претерпѣваетъ обратное измѣненіе. По-этому части цѣлаго не могутъ его составить, какъ сплоченное цѣлое, какъ аггрегатъ, не теряя части относительнаго движенія, и не могутъ, обратно отдѣлиться одна отъ другой безъ того, чтобы имъ не было дано извѣстное движеніе. Процессъ такого соединенія въ одно цѣлое есть интеграція его, а движеніе, о которомъ здѣсь говорится, не движеніе составныхъ частей одной массы по отношенію къ составнымъ частямъ другой массы, а лишь движеніе составныхъ частей цѣлаго другъ къ другу. По отношенію къ этому внутреннему движенію должно признать аксіомой, что когда происходитъ прогрессъ къ консолидаціи, то это предполагаетъ уменьшеніе его—этого внутренняго движенія, а что возрастаніе его, этого внутренняго движенія, предполагаетъ прогрессирующее разложеніе—дезинтеграцію.

Взятые совмѣстно, эти два противоположные процессы составятъ простѣйшую форму образованія и исторіи всего существующаго по такой формулѣ: потеря движенія и происходящая отъ этого интеграція и послѣдующее пріобрѣтеніе движенія и сопутствующая дезинтеграція. Всякое измѣненіе въ состояніи доступнаго воспріятію существованія есть измѣненіе въ одномъ или другомъ изъ этихъ противоположныхъ направленій. Да въ этомъ процессѣ никогда не можетъ быть вовсе остановки; все растетъ и умираетъ, накопляется и разсѣивается; т. е. интегрируется и дезинтегрируется. Количество матеріи въ предметѣ и количество содержимаго имъ движенія постоянно или увеличивается или уменьшается. Постоянное пріобрѣтеніе или постоянная потеря частицъ, какъ бы малы онѣ ни были, влекутъ безконечное наростаніе или окончательное исчезновеніе предмета; потеря же или

пріобрѣтеніе движенія, хотя бы въ минимальныхъ дозахъ, должны въ концѣ концовъ произвести: первая—полную интеграцію, а второе—полную дезинтеграцію. Да такъ какъ постоянной температуры нигдѣ не существуетъ, то уже по этой причинѣ всякій аггрегатъ находится постоянно въ одномъ изъ двухъ этихъ процессовъ.

Въ дѣйствительности все происходитъ сложнѣе, ибо всякій аггергатъ одновременно продѣлываетъ два процесса, активный и пассивный: поглощая, напр., теплоту, онъ въ то же время ее лучеиспускаетъ, и наоборотъ; начиная песчинкой и кончая планетами, все даетъ лучи своего тепла остальнымъ и въ тоже время воспринимаетъ теплоту остальныхъ (*F. p.* § 94).

Въ живыхъ существахъ точно также интеграція происходитъ и активно и пассивно. Чрезъ переработку продуктовъ питанія одновременно происходитъ съ живымъ существомъ каждый изъ этихъ процессовъ. Сначала, по возрастамъ, происходитъ перевѣсъ интеграціи—это ростъ. Средній періодъ характеризуется перемѣннымъ превосходствомъ каждаго изъ этихъ процессовъ. Циклъ затѣмъ заканчивается періодомъ преобладанія дезинтеграціи, которая растетъ и растетъ, разрушая всѣ результаты прежней интеграціи. И ни въ одинъ изъ моментовъ ассимиляція матеріаловъ и расходованіе ихъ не балансируетъ такъ, чтобы не происходило, или увеличеніе или уменьшеніе массы. Это, притомъ, происходитъ, какъ въ цѣломъ организмѣ, такъ и въ частяхъ его. Такимъ образомъ, исторія каждаго организма и каждаго аггрегата вообще можетъ быть опредѣлена какъ переходъ изъ разсѣяннаго состоянія въ концентированное состояніе, и снова въ разсѣянное состояніе; а каждая деталь этой исторіи можетъ быть опредѣлена какъ часть той или другой изъ этихъ перемѣнъ. Таковъ и есть универсальный законъ перераспредѣленія матеріи и силы. (*F. P.* § 97).

Тамъ, гдѣ дѣйствующія силы прямо направлены на производство аггрегаціи или разсѣянія, вся исторія аггрегата состоитъ изъ приближенія его частицъ къ какому нибудь общему центру или къ отдаленію отъ него. Точно то же происходитъ тамъ,

гдѣ эти силы въ значительной степени превосходятъ всѣ остальныя привходящія силы. Малое вліяніе производятъ на-ряду съ главнымъ процессомъ привходящія силы и тогда, когда по причинѣ незначительности интегрирующейся массы, или по малости получаемаго ею извнѣ движенія процессъ этотъ совершается быстро, въ короткій незначительный періодъ времени. Когда же, напротивъ, интеграція происходитъ медленно, по причинѣ ли количества массы, или количества содержащагося въ ней или прибывающаго извнѣ движенія, тогда привходящія силы производятъ въ аггрегатѣ замѣтныя видоизмѣненія; на-ряду съ интеграціею тутъ происходятъ дополнительныя перемѣны; эволюція, вмѣсто простой, становится уже сложной (*F. P.* § 98). Тогда происходитъ отдѣльный процессъ интеграціи въ цѣломъ и отдѣльный въ его частяхъ. Этому сложному процессу можно привесть иллюстраціи изо всѣхъ родовъ и видовъ явленій.

Звѣздная система и еще больше наша солнечная система весь свой процессъ развитія обнаруживаетъ прежде всего интеграціею: связь частей солнечной системы, ея планетъ, этихъ планетъ съ ихъ спутниками, конечно, больше въ нынѣшнемъ видѣ, чѣмъ была, когда все это составляло туманную массу. Геологія земли показываетъ то же, а именно: переходъ ея изъ жидкаго состоянія въ теперешнее, переходъ водяныхъ паровъ атмосферъ въ жидкій видъ и проч., а вмѣстѣ съ тѣмъ соединеніе земли въ материки, а водъ въ океаны. Органическая эволюція, затѣмъ, состоитъ въ интеграціи растеніемъ воздушныхъ и другихъ элементовъ окружающаго и въ интеграція животнымъ, питающимся растеніями, продуктовъ интеграціи растеній. Первичная исторія жизни, въ видѣ развитія сѣмени и яичка, показываетъ этотъ процессъ нагляднѣе послѣдующей, ибо она вся состоитъ тогда изъ поглощенія питательныхъ средствъ безо всякаго ихъ выдѣленія.

Параллельно съ увеличеніемъ массы путемъ интеграціи идетъ особая формація отдѣльныхъ частей организма (вторичный процессъ). Это показываетъ намъ исторія развитія каждаго органа въ животномъ мірѣ вообще и, затѣмъ, фазисы эмбріональной жизни каждаго животнаго въ частности.

Наряду съ прогрессирующей интеграціею, воплощаемою въ отдѣльныхъ представителяхъ жизни, растетъ, какъ проявленіе дальнѣйшей интеграціи, связь разныхъ видовъ органической жизни между собою: жизнь животныхъ, какъ извѣстно, зависитъ отъ растеній, а многихъ растеній отъ животныхъ; жизнь млекопитающихъ отъ травоядныхъ и т. д. Флора и фауна всегда и повсюду другъ друга обусловливаютъ. То же мы видимъ и въ жизни общественной, надъ—органической. Исторія развитія общежитія показываетъ переходъ отъ семьи къ роду, отъ рода къ націи; поселенія объединяются въ провинціи, провинціи—въ страны. То же и съ властью: отцовская переходитъ во власть родоначальника, власть родоначальника во власть королевскую и т. д. Объединеніе происходитъ съ обществами не только внѣшнее, но и внутреннее по мѣрѣ увеличенія своею сложностью составляющихъ его группъ: это сказывается на объединеніи разныхъ формъ управленія и разныхъ видовъ производства. Тотъ же законъ эволюціи съ переходомъ менѣе связнаго въ болѣе связное, менѣе объединеннаго въ болѣе объединенное можетъ быть прослѣженъ и на разныхъ продуктахъ человѣческой дѣятельности и человѣческаго творчества, какъ языкъ, наука, искусство.

Все это примѣры перехода разъединеннаго въ объединенное, безсвязнаго въ связное. Но параллельно съ этимъ переходомъ происходитъ все бо̀льшее обособленіе болѣе связныхъ уже самихъ по себѣ частей, которыя получаютъ при этомъ бо̀льшую самостоятельность въ строеніи и въ отправленіяхъ. Эта часть эволюціоннаго процесса носитъ у Спенсера особое названіе—дифференціаціи.

Переходъ отъ несвязнаго къ связному, говоритъ онъ, непремѣнно содержитъ въ себѣ и переходъ отъ одноформнаго къ многоформному, отъ однороднаго къ разнородному. По мѣрѣ того, какъ составныя части цѣлаго интегрируются, онѣ сами все болѣе и болѣе дифференцируются. Это также легко прослѣдить по явленіямъ космоса.

Таковъ звѣздный міръ съ разнообразіемъ своихъ туманныхъ пятенъ: однихъ по степени сгущенія, другихъ по формѣ (спиральныя, кольцеобразныя), со своими звѣздными кучами,

различающимися количественнымъ составомъ (отъ нѣсколькихъ тысячъ до двухъ), наконецъ, съ отдѣльными своими звѣздами, различающимися по объему, по цвѣту, по спектрамъ. Разновидность представляютъ однѣ части неба, которыя изобилуютъ туманными пятнами, и другія части, изобилующія звѣздами; тамъ пустыя мѣста, а тамъ густо наполненныя. Въ солнечной системѣ существуетъ различіе солнца, планетъ и спутниковъ, ихъ наклоненіе къ орбитѣ, наклоненіе самихъ орбитъ, ихъ вѣса, ихъ физическаго строенія и т. д. Геологія земли показываетъ отдѣленіе тверди отъ воды, отъ воздуха, затѣмъ, отложеніе слоевъ; затѣмъ дифференціацію климатовъ, какъ послѣдствіе дифференціаціи возвышенностей и плоскостей и проч.

Но больше всего дифференціаціи въ органическихъ и живыхъ существахъ. Вѣдь исторія всякаго растенія и животнаго, будучи исторіею увеличенія объема, въ то же время есть исторія возрастающей разности между частями.

Такъ и въ строеніи общества. Въ немъ постепенно вырабатываются органы власти, олицетворяемые правителями, долгое время они функціонируютъ слитно; впослѣдствіи же отдѣляются органы свѣтской власти отъ духовной. Церемоніи, которыя сперва имѣются лишь для королей и жрецовъ, постепенно распространяются на цѣлые классы; привѣтствія и ихъ формы постепенно распространяются на обращеніе всѣхъ между собою. Въ организаціи самого правительства вырабатывается все возрастающая масса особыхъ и новыхъ органовъ. Далѣе тотъ же процессъ показываетъ разнообразіе этихъ правительственныхъ формъ, а равно обычаевъ у разныхъ народовъ. Параллельно съ развитіемъ управляющихъ органовъ происходитъ особое развитіе въ средѣ управляемыхъ. Раздѣленіе труда сперва обнаруживается въ семьѣ, а потомъ въ обществѣ, въ народѣ, въ человѣчествѣ (*F. P.* §§ 130—135).

На всемъ, что̀ до сихъ поръ было приведено, мы видѣли, что происходитъ съ матеріею при интеграціи ея по требованіямъ эволюціи; движеніе при этомъ, какъ было сказано, разсѣевается. Но что же происходитъ съ остающеюся въ сгущающейся матеріи частью движенія?

Если прослѣдить по явленіямъ космоса метаморфозу удержаннаго движенія, которая сопровождаетъ метаморфозу слагающейся матеріи, то надо констатировать слѣдующее.

Движенія туманнаго пятна переходятъ въ разнородное, многообразное и болѣе опредѣленное движеніе планетъ и ихъ спутниковъ. То же съ атмосферическими циркуляціями и съ океаническими теченіями. Въ органической жизни параллельно съ разнородностью органовъ растетъ разнообразіе ихъ функцій. Сначала есть только движеніе въ тѣлѣ жидкости по всѣмъ направленіямъ, а потомъ изъ этого вырабатывается его стройное кровообращеніе. Такъ что, какъ видимъ, происходитъ процессъ все большей консолидаціи движенія.

По мѣрѣ же консолидаціи отдѣльныхъ видовъ движенія возрастаетъ ихъ связь между собою и обусловленность однихъ другими. Такъ, процессъ питанія, доставляющій матеріалъ для циркулирующей крови и для дыханія, до такой степени становится связанъ съ этими процессами, что не можетъ ни минуты продолжаться безъ нихъ. Эти три фундаментальныхъ для жизни процесса сами, затѣмъ, подпадаютъ, по мѣрѣ эволюціи, все большему и большему контролю со стороны нервныхъ функцій.

Явленія психическія, далѣе, въ своемъ развитіи показываютъ то же возрастаніе разнородности, связности и опредѣленности, какую обнаруживаетъ нервная система съ ея функціями въ высшихъ своихъ формахъ. Возьмемъ хотя бы прогрессъ рѣчи у ребенка. Сперва звуки, имъ производимые, однородны и повторяются безо всякаго разнообразія; потомъ являются болѣе сложные звуки, но еще нечленораздѣльные; до простыхъ согласныхъ дѣло доходитъ не скоро; потомъ лишь наступаетъ правильное сочетаніе ихъ съ гласными, но сперва и оно происходитъ въ простыхъ словахъ и постепенно лишь распространяется на дву- и многосложныя слова. То же и съ дѣтскими понятіями.

Эволюціи, послѣ всего изложеннаго, Спенсеръ даетъ такое опредѣленіе: она есть интеграція матеріи и сопутствующее ей разсѣяніе движенія, въ теченіе которой матерія переходитъ изъ неопредѣленной, несвязной однородности къ

опредѣленной связной разнородности, а сохраненное движеніе подвергается параллельному видоизмѣненію. (*F. p.* §§ 139, 142, 143, 145).

Должна же всѣмъ этимъ метаморфозамъ быть какая нибудь единая причина. Ее Спенсеръ находитъ въ законѣ постоянства силы. Всѣ черты эволюціи сводятся имъ на то, что при существованіи постоянства силы все перераспредѣленіе матеріи и движенія идетъ очерченными путями именно для соблюденія требованій этого постоянства. Въ этомъ отношеніи аргументація его такова.

Изъ общихъ условій, которыя порождаютъ перераспредѣленіе, прежде всего, вниманіе на себѣ останавливаетъ тотъ фактъ, что состояніе однородности представляется неустойчивымъ. Неустойчивымъ называется такое состояніе, которое отъ малѣйшаго вліянія приводитъ предметъ въ другое положеніе, напр., состояніе палки, поставленной на свой конецъ и падающей отъ малѣйшаго дуновенія; противоположное состояніе—это палки, подвѣшанной съ одного конца: какъ ее не толкай, она возвращается къ прежнему положенію. Неустойчивость однороднаго въ связи съ послѣдствіями постоянства силы видна на любомъ явленіи.

Если одинъ предметъ ударяется о другой, онъ не можетъ одинаково и одновременно толкнуться обо всѣ его части; если падаетъ лучъ свѣта на предметъ, онъ не можетъ одинаково и сразу освѣтить его верхнія и нижнія, переднія и боковыя части. Таково вліяніе и отдѣльныхъ частей любой массы между собою. А въ такомъ случаѣ, такъ какъ въ самой даже однородной массѣ дѣйствіе каждой изъ силъ между частицами не можетъ быть одинаково во всѣхъ направленіяхъ, то и воздѣйствіе внѣшнихъ силъ не можетъ оказываться одинаковымъ; поэтому то совмѣстное вліяніе внутренней и внѣшнихъ силъ должно непремѣнно порождать разнообразіе. Въ виду же того, что такое вліяніе обнаруживается не только, такъ сказать, въ началѣ дѣйствія силъ, но и въ теченіе всего времени ихъ дѣйствія, какъ на цѣломъ, такъ и на частяхъ, то эволюція должна неустанно обнаруживать стремленіе отъ меньшей однородности къ еще мень-

шей и, затѣмъ, отъ большей разнородности къ еще большей. (*F. p.* § 155).

Людскія массы, какъ и всякія другія массы, показываютъ намъ то же самое. Возрастающее въ ихъ составѣ разнообразіе мы видимъ на томъ, какъ подраздѣленіе на управляющихъ и подчиняющихся проходитъ, и чрезъ исторію правительствъ, и чрезъ исторію промышленнаго сотрудничества и производства. Пока всѣ занимаются всѣмъ, нѣтъ устойчиваго равновѣсія, и это потому, что разныя части подвергаются вліянію разныхъ силъ или въ разной степени одной и той же силѣ. Такъ что раздѣленіе труда, какъ часть міроваго процесса, получаетъ объясненіе съ точки зрѣнія неустойчиваго равновѣсія однороднаго. Все это не болѣе, какъ послѣдствіе того свойства силы, которое называется ея постоянствомъ. (*F. p.* § 154).

Вторымъ, кромѣ неустойчивости однороднаго, существеннымъ процессомъ перераспредѣленія является размноженіе слѣдствій. Наряду съ переходомъ однороднаго въ разнородное въ находящейся подъ извѣстнымъ вліяніемъ средѣ происходитъ такой же переходъ однороднаго въ разнородное въ самой вліяющей силѣ. При столкновеніи предметовъ, напр., сила удара, кромѣ непосредственнаго слѣдствія, вызываетъ звукъ, тепло, накаленіе частицъ и т. д.; или горѣніе свѣчи, представляющее собою химическія перемѣны отъ нагрѣванія, чрезъ это же нагрѣваніе порождаетъ лучеиспусканіе, воздушныя теченія, испаренія и т. д. Процессъ размноженія слѣдствій въ высшей степени существененъ, какъ ускоряющій ходъ эволюцій. Отъ каждой изъ дифференцирующихся силъ вслѣдствіе этого процесса должны получиться новыя причины для новыхъ слѣдствій; поэтому размноженіе слѣдствій должно происходить въ геометрической прогрессіи; хотя, конечно, эти размножающіяся волны послѣдствій постепенно ослабѣваютъ въ интенсивности. Примѣры размноженія слѣдствій безконечны.

Чего только не порождаетъ одно вращеніе земли вокругъ своей оси? Отъ этого ея сплющенность, отъ этого смѣна дня и ночи, отъ этого океаническія и атмосферическія теченія, отъ

этого же, въ свою очередь, различіе климатовъ, а отъ этого опять множество новыхъ различій. Или каковы геологическія послѣдствія, происходящія отъ одного лишь охлажденія, земли? Безконечное разнообразіе поверхности, происходящее какъ слѣдствіе отъ ея сморщиванія, отъ этого ея горы и долы; а отъ этого въ свою очередь послѣдствія, отражающіяся и на водахъ, и на атмосферѣ. Для наглядности хода такихъ явленій Спенсеръ пускается въ интересныя предположенія, насчетъ того, что произошло бы, если бы, вдругъ, провалилась Центральная Америка. Кромѣ непосредственныхъ послѣдствій, въ видѣ сліянія океановъ, неимовѣрнаго изверженія вулкановъ, колоссальной разрядки электричества, наступилъ бы, говоритъ онъ, рядъ послѣдующихъ, одна другую порождающихъ перемѣнъ въ океаническихъ теченіяхъ, въ вѣтрахъ, въ приливахъ и отливахъ, въ распредѣленіи дождей и т. д. и т. д. (F. P. § 158). Точно также безконечны были бы измѣненія въ климатѣ, въ флорѣ и фаунѣ, если бы индійскій архипелагъ (Борнео, Суматра, Новая Гвинея) почему нибудь превратился въ сплошной материкъ (§ 159).

То же многообразіе послѣдствій мы видимъ и въ явленіяхъ жизни общественной. Какихъ только не произвелъ перемѣнъ, не говоря уже о парѣ вообще, одинъ локомотивъ, какъ новый способъ передвиженія! Чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ многообразнѣе вліяніе всякаго новаго фактора; нѣкоторымъ дикарямъ, напр., давно знакома резина, а какъ мало они изъ этого извлекли пользы въ сравненіи съ европейцами. Это же доказывается и тѣмъ, какое теперь имѣетъ вліяніе всякое усовершенствованіе или открытіе въ одной наукѣ для всѣхъ другихъ наукъ.

Множественность послѣдствій какъ и неустойчивость однороднаго не только по подобнымъ наблюденіямъ дѣйствительности, но и дедуктивно вытекаетъ изъ свойства силы, называемаго ея постоянствомъ: если вліяніе одной силы на разныя части объекта должно производить разное дѣйствіе, то вѣдь разныя слѣдствія должны бы потеряться безслѣдно, если бы ихъ разницы не порождали все новыхъ различій (§ 162).

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

Размноженію слѣдствій Спенсеръ придаетъ въ ходѣ эволюціи выдающееся значеніе; онъ къ этой темѣ возвращается въ послѣднемъ сборникѣ своихъ статей, вышедшемъ за два года до его смерти,—*Facts and Comments.* Онъ иллюстрируетъ тутъ это явленіе обратными примѣрами, а именно того, какъ каждое кажущееся намъ теперь простымъ, явленіе имѣетъ свою сложнѣйшую и все болѣе и болѣе развѣтвляющуюся въ прошедшемъ генеалогію. Глядя на водопадъ, устремляющійся книзу, можно, говоритъ онъ, подумать, что онъ являетъ собою простую и однородную силу. Не то, однако, оказывается при изслѣдованіи его прошедшаго. Тогда приходится вспомнить о многочисленныхъ струйкахъ воды, изъ которыхъ онъ образовался; мысли объ этихъ струйкахъ приводятъ къ мысли объ ихъ происхожденіи; а это, въ свою очередь, къ мысли о дождяхъ и ливняхъ, ихъ своими каплями производившихъ, а эти, далѣе, къ мысли о тучахъ, изъ которыхъ они вылились и т. д. (p. 150, *The regressive multiplication of causes*).

Изъ прочихъ иллюстрацій того, какъ преумножаются слѣдствія, существеннымъ представляется для пониманія явленій жизни, еще та, которую Спенсеръ приводитъ изъ эмбріологіи, а именно: никакой зародышъ, ни животный, ни растительный, не содержитъ въ себѣ ни малѣйшей части, ни малѣйшаго слѣда или указанія на имѣющій изъ него развиться организмъ; слѣдовательно, развитіе зародыша пріобрѣтаетъ всякій свой послѣдующій фазисъ изъ результатовъ предыдущаго путемъ усложняющихся послѣдствій первоначально совсѣмъ простаго процесса (*F. P.* § 159).

Переходъ отъ однороднаго къ разнородному, о которомъ была рѣчь выше, есть вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно переходъ къ упорядоченной, а не къ хаотической разнородности. Какъ же и почему это упорядоченіе происходитъ? Когда осенью вѣтеръ срываетъ съ деревьевъ листья, онъ сначала обрываетъ всѣ болѣе желтые, а болѣе зеленые еще остаются; сорванные листья вихремъ сбиваются въ отдѣльныя комья, смотря по плотности. Точно также—если раскрыть на вѣтру кулакъ, наполненный пескомъ разнаго калибра, то бо̀льшія зерна упадутъ тутъ же, меньшія нѣсколько по отдаль, а мельчайшія,

какъ пыль разнесутся по вѣтру и упадутъ гдѣ нибудь въ отдаленіи. Сортировка разновѣсныхъ зеренъ путемъ воздушнаго теченія вѣдь знакома человѣчеству споконъ вѣка: на этомъ основано отдѣленіе хлѣбнаго зерна отъ шелухи чрезъ вѣялки. Текучая вода также разновременно осаждаетъ растворенныя въ ней вещества по степени ихъ плотности.

Все это показываетъ, какъ подъ вліяніемъ однообразной силы группируется разнообразнаго состава матерія. Дѣйствіе привходящей силы бываетъ видимое и невидимое, механическое и химическое, бываетъ оно на все тѣло и на его молекулы; а въ такомъ случаѣ, если составъ тѣла не однороденъ и однѣ его части подвергаются больше химическому дѣйствію данной силы, чѣмъ другія, то подъ ея вліяніемъ движеніе этихъ частей будетъ иное чѣмъ другихъ; а потому неизбѣжно должна произойти ихъ *группировка*: однѣ части отодвинутся дальше, другія останутся позади, или что нибудь въ этомъ родѣ произойдетъ съ разными частями подъ вліяніемъ однородной силы. И чѣмъ опредѣленнѣе будетъ различіе между частями, тѣмъ группировка будетъ точнѣе. А такъ какъ дѣйствіе и противодѣйствіе одинаковы, то такъ же, какъ сортируется разная матерія подъ вліяніемъ однородной силы, должна разная по составу сила сортироваться подъ вліяніемъ однородной матеріи.

Все строеніе нашего скелета, напр., какъ показываетъ его исторія, есть продуктъ лишь разныхъ приспособленій къ противодѣйствію одной силѣ, а именно силѣ давленія при разныхъ условіяхъ и въ разныхъ мѣстахъ. А весь процессъ естественнаго подбора держится на томъ же правилѣ, что и группировка просѣваемаго чрезъ различныя сита вещества.

Переходъ изъ одноформности къ многоформности не можетъ не отразиться на томъ, какъ вырабатываются отношенія и между отдѣльными частями цѣлаго. Онъ дѣйствительно сопровождается переходомъ неопредѣленности въ отношеніяхъ между частями къ опредѣленности въ этихъ отношеніяхъ. Примѣры этого даны въ приводившихся выше указаніяхъ, какъ отдѣльныя части совершенствующейся организаціи, от-

дѣльные органы организма все точнѣе и точнѣе прилаживаются въ своей разной дѣятельности.

И это явленіе есть послѣдствіе постоянства силы, ибо дѣйствіе ли одинаковой силы на различествующія части объекта, или разной силы на одинаковыя части его, должны производить разный эффектъ, результаты же этого эффекта непремѣнно размѣщаются при продолжающемся воздѣйствіи по степени сходства и различія, такъ какъ только такъ меньшая часть силы дастъ меньшій эффектъ, а бо̀льшая—бо̀льшій эффектъ; при образованіи же отъ этого отдѣльныхъ частей, каждая изъ нихъ становится сама опредѣленнѣе, а, слѣдовательно, и отношенія между ними выразятся опредѣленнѣе. (*F. P.* 163, 167, 169).

До какихъ же предѣловъ доходятъ эти измѣненія? Гдѣ конецъ интеграціи и дифференціаціи? Предѣлъ такой есть, это предѣлъ, который являетъ собою и предѣльную границу эволюціи, онъ—въ явленіяхъ равновѣсія, баланса.

Катящійся камень отдаетъ по частямъ свое движеніе предметамъ, встрѣчающимся на его пути, и, наконецъ, останавливается. Колебанія струны на арфѣ расходятся по атмосферѣ, постепенно ослабѣвая, и окончательно исчезаютъ, превратившись въ термическія колебанія эфира. Уголекъ изъ жаровни и лава изъ вулкана одинаково лучеиспускаютъ свою теплоту, пока не остановятся на температурѣ, равной температурѣ окружающихъ предметовъ.—Всѣ эти процессы объясняются положеніемъ о размноженіи слѣдствій; сила движенія все идетъ разлагаясь, а разложенныя ея части разлагаются дальше и еще дальше, пока не дойдетъ она до неощутимыхъ размѣровъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ явствуетъ окончательная тенденція именно къ равновѣсію съ окружающимъ.

Движенія не у всякаго аггрегата просты. При сложномъ же движеніи равновѣсіе, установившееся между отдѣльными составными частями цѣлаго, не останавливаетъ еще движенія всего цѣлаго. Переставшій вибрировать отъ звона корабельный колоколъ не перестаетъ колебаться взадъ и впередъ отъ движенія корабля. Поверхность воды въ рѣкѣ, на которой замерли круги выско-

чившей рыбы, продолжаетъ свое теченіе съ прежней быстротою. Упавшее ядро не перестаетъ двигаться вмѣстѣ съ землею. Отношеніе между уравновѣшеннымъ движеніемъ частей и движеніемъ цѣлаго лучше всего иллюстрируется примѣромъ вертящагося волчка. Когда отпускаютъ его, волчекъ, сперва, кромѣ вращательныхъ вокругъ оси движеній, бѣжитъ впередъ и имѣетъ наклонъ въ ту или другую сторону; имѣя въ отношеніи этихъ второстепенныхъ движеній необходимость преодолѣвать особо сопротивленіе воздуха и неровностей поверхности, волчекъ вскорѣ останавливается на одномъ мѣстѣ и выпрямляется; движеніе, въ этомъ состояніи съ нимъ происходящее, называется состояніемъ подвижнаго равновѣсія (equilibrium mobile); затѣмъ, когда быстрота вращенія оси уменьшается, обнаруживаются новыя движенія, которыя возрастаютъ, доколѣ волчекъ не упадетъ (F. P. § 170).

Изъ разныхъ видовъ равновѣсія особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ порядокъ его, который существуетъ въ аггрегатахъ, получающихъ постоянно столько движенія, сколько они расходуютъ; напримѣръ, паровая машина, въ особенности та, которая сама наполняетъ свою топку и свой котелъ; здѣсь сила, расходуемая ежеминутно на преодолѣваніе сопротивленія движимаго механизма, ежеминутно же возстановляется изъ топлива; балансъ ихъ поддерживается поднятіемъ или паденіемъ расходованія, сообразно съ различіемъ въ притокѣ силы: каждое увеличеніе или уменьшеніе въ количествѣ пара проявляется въ поднятіи или ослабленіи движенія машины, приводящемъ ее въ балансъ съ возросшимъ или уменьшившимся сопротивленіемъ. Это правильнѣе всего назвать *зависимымъ подвижнымъ равновѣсіемъ*; такое то равновѣсіе болѣе и чаще всего встрѣчается въ разныхъ фазисахъ эволюціи.

По всей эволюціи въ явленіяхъ всякаго рода существуетъ непрерывное стремленіе, или къ установленію, или къ удержанію въ большей или меньшей степени этого подвижнаго равновѣсія.

Живой организмъ являетъ собою образецъ зависимаго подвижнаго равновѣсія. Тутъ постоянно расходованіе силъ

въ одну сторону вызываетъ на смѣну накопленіе ихъ въ ихъ источникѣ, причемъ расходъ зависитъ отъ размѣра запаса, а запасъ отъ питанія извнѣ. Въ сложномъ ритмѣ, какимъ представляется живой организмъ, всякій избытокъ измѣненій, происходящій въ одномъ мѣстѣ и въ одномъ направленіи, постепенно уменьшается и въ заключеніи нейтрализуется противодѣйствующими силами, которыя вызываютъ компенсирующее измѣненіе въ противоположномъ направленіи; такъ что послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ одну и другую сторону возстановляется обычное среднее состояніе (въ явленіяхъ патологическихъ процессъ этотъ медики называютъ vis medicatrix naturae).

Въ общемъ жизнь организма слагается изъ выработки силъ сперва болѣе, чѣмъ расходуется — это періодъ роста; затѣмъ, въ зрѣломъ возрастѣ — баланса расхода и прихода; потомъ, въ старости—избытка расхода надъ приходомъ, и, наконецъ, полнаго равновѣсія—смерти: ни расхода, ни прихода. Когда же извѣстная перемѣна въ условіяхъ вызываетъ постоянное возстановленіе нарушаемаго равновѣсія въ одну и ту же сторону, то происходитъ соотвѣтственная перемѣна въ самой структурѣ тѣла. Эти структурныя измѣненія и осложненія, сопровождающія необходимость функціональнаго равновѣсія, таковы, что они въ организмѣ вырабатываются во столько спеціальныхъ частей, сколько окажется необходимымъ для того, чтобы быть въ состояніи порознь и вмѣстѣ противостоять дѣйствующимъ порознь и вмѣстѣ силамъ, среди которыхъ организмъ живетъ. Это есть механическая сторона того процесса, который въ біологіи называется приспособленіемъ. Требованіями этого процесса опредѣляется предѣлъ органической разнородности; человѣкъ такому предѣлу приблизился болѣе другихъ созданій. Такъ называемый естественный подборъ есть тотъ же процессъ въ отношеніи цѣлыхъ видовъ растеній и животныхъ.

Если съ этой стороны взглянуть и на духовную жизнь, то нетрудно усмотрѣть, что наша умственная дѣятельность собственно имѣетъ назначеніемъ довесть связь внутреннихъ состояній до полнаго равновѣсія съ соотношеніями силъ во

внѣ. Когда это будетъ вполнѣ достигнуто (что можетъ случиться лишь въ безконечно отдаленное отъ насъ время), то эволюція окончится.—Напримѣръ, наблюдая, что дождь бываетъ послѣ тучи, умъ привыкаетъ связывать эти являнія, какъ причину и слѣдствіе, и когда въ умѣ эта связь состояній будетъ такая же, какая существуетъ во внѣ, во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣми привходящими условіями,—словомъ, такая, какая существуетъ между тучею и дождемъ во внѣ, познаніе этого явленія получитъ полное совершество; но это же и будетъ полнымъ равновѣсіемъ между модусами внѣшней силы и вызываемыми ими внутренними умственными состояніями (*F. P.* § 175).

Это такъ и со всѣми нашими дѣйствіями. Они должны соотвѣтствовать въ интересахъ жизни все больше и больше условіямъ внѣшняго міра, т. е. достигать все большаго и большаго равновѣсія съ противодѣйствующими силами внѣшняго существованія; удовольствіе, субъективно доставляемое этими дѣйствіями, должно, если должна сохраниться жизнь, соотвѣтствовать этому балансу, а, слѣдовательно, желанія наши должны быть направлены именно на такія дѣйствія. Поэтому предѣлъ нравственнаго развитія (достижимый развѣ въ безконечно отдаленное отъ насъ время) это, когда наши желанія и основанныя на нихъ дѣйствія будутъ вполнѣ уравновѣшиваться съ условіями наилучшаго существованія.

То же будетъ и съ обществомъ. Прежде всего должно произойти уравновѣшиваніе количества населенія со средствами существованія. Всѣ соціальныя функціи также стремятся въ равновѣсію (спросъ и предложеніе, цѣны на товары и проч.). Функціональное равновѣсіе вызываетъ структурное равновѣсіе (раздѣленіе труда, профессій и проч.). Да и въ дѣлахъ управленія, какъ въ промышленности, есть своего рода спросъ и предложеніе: это колебанія между мѣрою власти и желаніемъ подчиняться. Равновѣсіе полное будетъ, когда природа человѣка и организація общества станутъ таковы, что индивидуумъ не будетъ имѣть другихъ желаній, какъ тѣ, которыя могутъ быть удовлетворены безъ выхода за предѣлы его собственной сферы дѣйствія, а общество

не будетъ налагать другихъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, которымъ индивидуумы добровольно будутъ подчиняться. Тутъ и предѣлъ разнородности. Все же это непреложныя слѣдствія постоянства силы, такъ какъ ни одна часть ея не можетъ исчезнуть безъ дѣйствія, ни одна дать меньшаго эффекта, чѣмъ ея размѣръ, и такъ какъ размножающіяся слѣдствія ея не могутъ остановиться, пока не установится ихъ настоящій балансъ.

Изъ постоянства силы выводится, такимъ образомъ, Спенсеромъ и наклонность каждаго отдѣльнаго организма, при нарушеніи въ немъ порядка, возвращаться въ уравновѣшенное состояніе, и способность, какъ каждаго индивидуума, такъ въ особенности рода и вида ихъ, къ приспособленію къ новымъ условіямъ. Но, кромѣ того, что изъ постоянства силы выводятся всѣ основныя свойства эволюціи, изъ этого же постоянства Спенсеромъ почерпается гарантія, что эволюція можетъ окончиться лишь достиженіемъ наибольшаго совершенства и наиполнѣйшаго счастья, ибо она окончится только тогда, когда организація будетъ вполнѣ гармонична внѣшнимъ условіямъ, а душевныя стремленія и желанія гармоничны тому и другому (*F. P.* § 176) [1]).

III.

Возвращаясь снова къ біологическимъ воззрѣніямъ Спенсера, надо теперь указать еще на то, что индивидуальныя особенности каждаго вида особей онъ объясняетъ себѣ на подобіе того, какъ современная химія объясняетъ особенности каждаго вида предметовъ. По химіи, не взирая на то, что всѣ предметы состоятъ изъ тѣхъ же атомовъ, каждый изъ нихъ имѣетъ свою самостоятельную единицу въ видѣ своей молекулы, образуемой особой группировкой атомовъ. Надо думать, говоритъ Спенсеръ, что химическія единицы

---

[1]) Тезисы идей, развитыхъ въ First Principles, изложены Спенсеромъ въ особомъ этюдѣ „Reasons for dissenting from the philosophy of M. Comte". Essays, II, p. 140.

соединяются въ единицы несравненно болѣе сложныя, чѣмъ онѣ сами, и что въ каждомъ организмѣ особыя единицы, образующіяся отъ дальнѣйшаго сложенія этихъ весьма сложныхъ единицъ, имѣютъ свой болѣе или менѣе отличный характеръ. Эти особыя органическія единицы онъ сперва назвалъ физіологическими единицами, а впослѣдствіи конституціональными единицами (*Biology § 66, Weismannism once more*, p. 24)

На этомъ основаніи, по его теоріи, размноженіе можетъ быть объясняемо, какъ продолженіе жизни индивидуума, ибо зародышевая клѣточка, состоящая изъ физіологическихъ единицъ даннаго индивидуума, придаетъ возникающимъ новымъ перераспредѣленіямъ матеріала форму своего собственнаго происхожденія. Гипотеза физіологическихъ единицъ, по его мнѣнію, даетъ, далѣе, объясненіе ходу органическаго развитія согласно съ законами эволюціи вообще: строеніе физіологическихъ единицъ есть переходъ атомовъ неорганическаго міра къ болѣе интегрированнымъ, болѣе разнороднымъ, болѣе неустойчивымъ, болѣе многоформнымъ атомамъ; а ихъ равновѣсіе устанавливается согласно съ требованіями постоянства силы (§ 97).

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того же постоянства силы должна быть и передача пріобрѣтенныхъ организмомъ приспособленій по наслѣдству. Ибо коль скоро всѣ функціи организма координируются для удержанія подвижнаго равновѣсія организма въ окружающей средѣ, то каждая изъ нихъ своимъ измѣненіемъ непремѣнно вліяетъ на всѣ остальныя, такъ какъ и граница, до которой могутъ доходить такія измѣненія въ одной части организма, опредѣляется тѣмъ предѣломъ, за которымъ окончилась бы общая гармонія всѣхъ частей. А въ такомъ случаѣ измѣненія въ одной части, будь онѣ молекулярныя или какія иныя, отражаясь на всѣхъ остальныхъ частяхъ, не могутъ не отразиться и на той, которая создаетъ зародыши новыхъ организмовъ; а, значитъ, и она будетъ видоизмѣняться впредь до достиженія гармоніи съ измѣненіями остальныхъ частей. А это измѣненіе зародышевой ткани, выразится ли оно въ видоизмѣненіи струк-

туры или пропорціи своихъ частей, во всякомъ случаѣ отразится соотвѣтственнымъ образомъ на имѣющемъ отъ него произойти индивидуумѣ (*Biology*, § 314).

Съ точки зрѣнія требованій равновѣсія объясняется и происхожденіе прогрессивныхъ видовъ живыхъ созданій. Всякій живой организмъ находится суммою и размѣрами своихъ силъ въ состояніи подвижнаго равновѣсія съ суммою и размѣрами воздѣйствующихъ на него силъ; его видъ подвижнаго равновѣсія отличается, однако, отъ того, который представляетъ, напримѣръ, движеніе солнечной системы, а, именно, тѣмъ, что тогда какъ въ ней источникъ силъ движущихъ ея части (тяготѣніе) содержится въ нихъ самихъ, т. е. не нуждается въ подкрѣпленіи, въ живомъ организмѣ развитіе силъ внутри происходитъ на счетъ постоянно свѣжаго притока питанія извнѣ. Но какъ же должно на состояніи силъ организма отразиться, если произойдетъ какая нибудь перемѣна въ воздѣйствующихъ на него силахъ? Произойдетъ нарушеніе въ равновѣсіи. Какая нибудь изъ вырабатываемыхъ организмомъ силъ окажется или слишкомъ малою или слишкомъ большою для уравновѣшенія воздѣйствій окружающаго; отъ этого получится или избытокъ силы въ организмѣ, воздѣйствующій на окружающее, или избытокъ силы въ окружающемъ, дѣйствующемъ на организмъ; а въ такомъ случаѣ результатъ этого, обнаружившись сперва на соотвѣтствующемъ органѣ или его функціи, постепенно перейдетъ на другіе и распредѣлится между ними. И тутъ также либо избытокъ силы окажется такой, что сразу приведетъ все къ состоянію полнаго равновѣсія, т. е. убьетъ организмъ, или же онъ инкорпорируется въ видоизмѣненное состояніе подвижнаго равновѣсія. Тамъ, гдѣ результатъ этихъ измѣненій есть непосредственное нарожденіе новой силы или новаго состоянія въ организмѣ, мы имѣемъ *прямое уравновѣшеніе*, тамъ же гдѣ этотъ результатъ получается инымъ способомъ измѣненія въ функціяхъ и структурѣ, мы имѣемъ *косвенное уравновѣшеніе*.

Прямое уравновѣшеніе это то, которое обыкновенно называется приспособленіемъ. Организмъ, помѣщенный въ новую

для себя среду, начинаетъ преобразовываться и примѣняться къ этимъ новымъ условіямъ. Дѣлается это не сразу; накопленныя измѣненія передаются путемъ наслѣдованія и продолжаются до потребнаго размѣра въ послѣдовательномъ рядѣ поколѣній. Если бы вмѣсто наслѣдованія индивидовъ, составляющихъ видъ, имѣлся непрерывно существующій индивидуумъ, то всякое функціональное или структурное отклоненіе, произведенное воздѣйствіемъ новой силы, продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока новая воздѣйствующая сила не была бы уравновѣшена. Законъ же сохраненія силы не допускаетъ, чтобы это было иначе изъ-за того только, что непрерывно существующій индивидуумъ замѣненъ, смѣняющимся путемъ наслѣдованія, поколѣніемъ индивидуумовъ (*В.* §§ 159—160).

Есть, однако, множество особенностей, которыхъ выработку такимъ путемъ совершенно немыслимо себѣ представить. Хотя бы, напр., образованіе достаточно прочной скорлупы у яйца птицъ. Оно не можетъ получиться непосредственно воздѣйствіемъ на процессъ его образованія, такъ какъ тѣ силы, которыя на яйцо дѣйствуютъ и натискъ которыхъ оно должно быть способно выдержать, начинаютъ свое дѣйствіе тогда, когда яйцо уже отдѣлилось отъ матери; поэтому никакія давленія на него не могутъ вызвать реакціи или приспособленій въ организмѣ матери; онъ поэтому будетъ продолжать производить такія же яйца, какъ прежде, какая бы судьба по ихъ несовершенству ни постигла уже произведенныя.

Это показываетъ необходимость другого сорта причины, поддерживающей равновѣсіе организмовъ съ окружающей средой. Такая причина косвенное уравновѣшеніе. Заключается оно въ томъ, что тѣ индивиды, которые меньше приспособлены, раньше вымрутъ или меньше оставятъ потомства, чѣмъ болѣе приспособленные по внутреннимъ ли свойствамъ, либо по случайнымъ выгоднымъ отступленіямъ отъ видовыхъ свойствъ и качествъ. Это есть *Дарвиновскій естественный подборъ* или сохраненіе благопріятствуемыхъ расъ въ борьбѣ за существованіе. Сохраненіе здѣсь происходитъ вслѣдствіе того, что изъ числа разныхъ отступленій отъ видовыхъ признаковъ нѣкоторыя оказываются пригодными для лучшаго

уравновѣшенія воздѣйствующихъ антагонизирующихъ силъ; всѣ незначительныя измѣненія въ функціи или строеніи, случающіяся у членовъ одного вида, служатъ какъ бы такимъ же числомъ экспериментовъ въ поискахъ за равновѣсіемъ; большинство изъ нихъ не достигаетъ цѣли, а нѣкоторые оказываются удачными. Одни животныя въ борьбѣ за существованіе спасаются большой быстротой, другія лучшимъ зрѣніемъ, иныя остротою обонянія, другія тонкимъ слухомъ, иныя большою силою, другія способностью долго переносить голодъ или жажду, иныя особою предусмотрительностью, другія особою робостью, иныя особой храбростью, а еще другія особыми тѣлесными или умственными качествами. Легче уцѣлѣютъ отъ травоядныхъ животныхъ тѣ растенія, у которыхъ окажутся зачатки шиповъ или жгучихъ волосинокъ, чѣмъ тѣ, у которыхъ нѣтъ на это намека; а потому эти скорѣе оставятъ потомство; а отъ этого потомства опять таки уцѣлѣютъ скорѣе тѣ, у которыхъ эти придатки окажутся болѣе развитыми, чѣмъ были у родителей и т. д. Той курицы потомство уцѣлѣетъ скорѣе, у которой яйца были съ болѣе крѣпкой скорлупой, а эти уцѣлѣвшія содержатъ въ себѣ цыплятъ, которые будутъ способны современемъ производить яйца со свойствами, равными тѣмъ, отъ которыхъ они сами произошли.—Безъ такого процесса переживанія наиболѣе приспособленнаго совсѣмъ нельзя было бы себѣ объяснить существованіе безполыхъ индивидовъ у пчелъ и муравьевъ. Вѣдь они не могли же выработаться такимъ путемъ наслѣдованія, такъ какъ они не могутъ имѣть наслѣдниковъ; происхожденіемъ же своимъ они обязаны тому, что потомство только той пчелы или того муравья лучше сохранится, которые произведутъ вмѣстѣ съ половыми многочисленные безполые экземпляры (В. §§ 164, 165).

Вліяніе того, что, по Дарвину, получило названіе естественнаго подбора, на условія человѣческой жизни въ обществѣ, указано было Спенсеромъ въ журнальной статьѣ, появившейся въ 1852 г., т. е. до напечатанія Дарвиномъ своего изслѣдованія о происхожденіи видовъ и естественномъ подборѣ. Поэтому Спенсеръ и считается опередившимъ Дар-

вина въ этой теоріи. Въ ходѣ его соображеній, приведенныхъ въ той статьѣ, идея натуральнаго подбора и ея вліянія на усовершенствованіе организмовъ, уже занимаетъ выдающееся мѣсто. По этому поводу Спенсеръ въ одной выноскѣ въ Біологіи замѣчаетъ, что этотъ законъ эволюціи имъ тогда всетаки не былъ обнятъ вполнѣ, а также не былъ названъ по имени, при чемъ онъ съ трогательной откровенностью добавляетъ: „это показываетъ, какъ можно быть близкимъ къ великому обобщенію и не видѣть его“ (B. § 373).

Тутъ кстати будетъ обратить вниманіе на тѣ отличія, которыя должно установить между теоріями Дарвина и Спенсера. Естественный подборъ, вызываемый борьбою за существованіе, у Дарвина есть обобщенный эмпирическій фактъ естественной исторіи животныхъ; у Спенсера же это одно изъ проявленій всеобщаго закона эволюціи и, при томъ, не обнимающее всей причины этихъ явленій (F. P. § 159). Къ Дарвиновскому обобщенію надо, по Спенсеру, прибавить, въ качествѣ агента по перерожденію организмовъ, ту внутреннюю связь, обусловливаемую требованіями поддержанія равновѣсія между частями организма, которая влечетъ за всякимъ существеннымъ измѣненіемъ одного органа потребность въ соотвѣтственномъ измѣненіи многихъ другихъ. Если, напримѣръ, какому нибудь быку оказалось выгоднѣе въ борьбѣ за существованіе, что у него была большая, чѣмъ у другихъ, голова, то перейди къ его потомству только это качество, нельзя бы еще сказать, что это потомство будетъ лучше защищено, чѣмъ потомство остальныхъ быковъ; потому что имѣть большую голову безъ болѣе сильной шеи, или безъ болѣе сильныхъ ногъ, пожалуй, окажется не преимуществомъ предъ другими, а недостаткомъ сравнительно съ тѣми, которые хотя слабѣе въ этой части, но уравновѣшеннѣе въ цѣломъ. Тамъ, гдѣ жизнь сравнительно проста, какъ у растеній, а окружающія условія дѣлаютъ какое либо отправленіе особенно важнымъ, одно переживаніе приспособленнѣйшихъ можетъ легко выработать соотвѣтствующее структурное измѣненіе. Но по мѣрѣ того, какъ жизнь дѣлается болѣе сложною, какъ число тѣлесныхъ и духовныхъ способностей воз-

растаетъ; по мѣрѣ того, какъ поддержаніе жизни начинаетъ зависѣть не столько отъ величины одной какой нибудь способности, сколько отъ комбинированной дѣятельности всѣхъ способностей,—образованіе частностей въ свойствахъ, характеризующихъ новыхъ индивидумовъ, становится труднымъ объяснить однимъ лишь естественнымъ подборомъ; таково, напримѣръ развитіе у человѣка эстетическихъ наклонностей, свойствъ, принимающихъ слишкомъ ничтожное участіе въ силахъ, играющихъ роль при борьбѣ за существованіе (В. § 166).

Истинное понятіе о характерѣ органической эволюціи даетъ лишь представленіе *о коопераціи факторовъ*, о совмѣстномъ дѣйствіи всѣхъ агентовъ. Въ совокупности же факторовъ, по мѣрѣ эволюціи, одни получили преобладаніе надъ другими. Сперва всѣ измѣненія органической жизни обусловливались лишь комбинаціею силъ астрономическихъ, геологическихъ и метереологическихъ; потомъ только, когда чрезъ это выработались разные виды и роды организмовъ, стали играть выдающуюся роль взаимныя вліянія органическихъ формъ однѣхъ на другія; пока, наконецъ, въ человѣческомъ родѣ этотъ факторъ сталъ главнѣйшимъ. Что же касается не этихъ внѣшнихъ причинъ для перемѣнъ, а внутреннихъ причинъ, то по мѣрѣ того, какъ способности умножаются, и по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ число органовъ, кооперирующихъ при каждомъ отправленіи, косвенное уравновѣшеніе чрезъ естественный подборъ дѣлается все менѣе и менѣе способнымъ производить специфическія приспособленія и оно сохраняетъ только способность поддерживать общую приспособленность строенія къ условіямъ. Одновременно съ этимъ приспособленіе чрезъ прямое уравновѣшеніе становится главнымъ, такъ что косвенное уравновѣшеніе ему уже только помогаетъ. Усовершенствованіе, напр., духовныхъ силъ, на которомъ исключительно держится прогрессъ человѣчества, есть продуктъ прямаго уравновѣшенія; вымираніе неприспособленныхъ лишь очень отдаленно вліяетъ въ этомъ отношеніи (*В.* § 170).

Выживаніе сильнѣйшаго и не можетъ по самому ходу

мыслей Спенсера играть преобладающей роли среди творческихъ факторовъ эволюціи, ибо это явленіе есть у него только одна изъ частностей общаго закона эволюціи, имѣющаго столь же полное примѣненіе и въ мірѣ неорганическомъ для неодушевленной природы, въ которомъ прогрессирующее развитіе никакъ, очевидно, не можетъ быть приведено въ связь съ явленіями переживанія.

Полную картину и доорганической эволюціи на основаніяхъ одного общаго съ органической эволюціею закона Спенсеръ предполагалъ изобразить въ отдѣльныхъ трактатахъ по астрономіи и геологіи, составленіе которыхъ было имъ отложено до окончанія трактатовъ о жизни органической и общественной [1]); вполнѣ привесть эту мысль въ исполненіе ему не удалось; но идеи его по этому предмету, хотя и эпизодически въ видѣ иллюстрацій къ каждой частности закона эволюціи, достаточно полно развиты по разнымъ поводамъ въ его синтетической философіи и въ особенности въ первомъ томѣ ея—въ основныхъ принципахъ.

Борьба за существованіе, по Спенсеру, не есть зиждительное начало, подъ которымъ оно въ публикѣ слыветъ, когда заходитъ рѣчь о теоріи Дарвина. По общепринятому представленію борьба за существованіе есть послѣдствіе тѣхъ препятствій, которыми окружено всякое живое существованіе и которыя оно должно постоянно преодолѣвать и въ преодолѣваніи которыхъ лежитъ причина его совершенствованія. Окружающая обстановка и живое существо по этому представленію два антагонизирующихъ начала, одно другое, если не исключающія, то во всякомъ случаѣ стремящіяся одно другое уничтожать, пожрать; такъ что, гдѣ обстановка выходитъ побѣдителемъ, гибнетъ жизнь и наступаетъ смерть; гдѣ жизнь беретъ верхъ, обстановка ей покоряется и получается усовершенствованіе жизни насчетъ обстановки. По Спенсеру же, сама жизнь есть ничто иное, какъ совершенствованіе обстановки. Обстановка и жизнь не два антагонизирующихъ съ самого, такъ—сказать, своего сотворенія начала; а одно

---

[1]) Essays,—II p. 142.

и то же начало, давшее постепеннымъ совершенствованіемъ, какъ одинъ изъ плодовъ—жизнь, и продолжающее въ этомъ видѣ совершенствоваться дальше. Жизнь развилась путемъ дифференціаціи процессовъ обстановки, которые, въ свою очередь, порождены отсутствіемъ покоя въ мірозданіи и требованіями равновѣсія, регулирующаго всѣ виды и формы безпокойства, т. е. движенія. Спенсеръ развиваетъ философски то, что Дарвина интересовало только зоологически или біологически. Развитіе начинается до органической жизнью и въ сей послѣдней представляется лишь новой формой общеміровыхъ процессовъ, группирующихся и спеціализирующихся подъ дѣйствіемъ двухъ основныхъ міровыхъ процессовъ: покоя и движенія,—равнодѣйствующая которыхъ воплощается въ требованіяхъ равновѣсія въ двухъ его видахъ: равновѣсія простаго и равновѣсія подвижнаго. Жизнь есть только одна изъ высшихъ формъ движенія, проявляющаяся въ требованіяхъ подвижнаго равновѣсія между движущимися и разнообразно подъ этимъ вліяніемъ группирующимися элементами міра. По общепринятому воззрѣнію, Дарвиновская теорія понимаетъ антагонизмъ обстановки и жизни такъ, что, коли обстановка одолѣла и умертвила жизнь, она торжествуетъ побѣду и, такъ сказать, ликуетъ отъ того, что ей удалось снивеллировать все подъ одно начало. И Спенсеръ также говоритъ о томъ, что обстановка постоянно противодѣйствуетъ условіямъ правильнаго движенія жизни, а жизнь постоянно стремится ихъ преодолѣвать и отъ того совершенствуется. Но, по его представленіямъ, обстановка, одолѣвъ жизнь и умертвивъ тотъ или другой видъ ея, не торжествуетъ, а, такъ сказать, печалится о неудачной своей формѣ и принимается за образованіе новой и болѣе удачной, т. е. болѣе устойчивой формы жизни. Обстановка, среда не воюетъ съ организмомъ, а лишь стремится привесть его съ собою въ состояніе одного общаго подвижнаго равновѣсія. При правильномъ разумѣніи это міровоззрѣніе не содержитъ въ себѣ ничего пессимистическаго, какъ то усматривается обычно въ теоріи Дарвина, а, наоборотъ, взглядъ на окружающее, на характеръ и смыслъ жизненныхъ процессовъ получается бодрящій, полный привлека-

тельныхъ надеждъ, оптимистическій. Жизненная борьба по этому взгляду вовсе не борьба за жизнь. Борьба эта есть постоянная проба разныхъ комбинацій обстановки въ степени ихъ совершенства для того, чтобы достигнуть наивысшаго, т. е. пригоднаго для ассимиляціи элементовъ жизни въ наибольшемъ, наипропорціональнѣйшемъ, наипрочнѣйшемъ, наидолговѣчнѣйшемъ видѣ [1]). Это особенно полно и всесторонне иллюстрируется Спенсеровскими воззрѣніями на духовныя способности, какъ на ростъ соотвѣтствія организма со средою, со степенью совершенства коего растетъ полнота жизни по содержанію. Объ этомъ у насъ будетъ рѣчь ниже. Тутъ надо еще лишь добавить, что выраженіе *struggle for existense, for life* по англійски означаетъ не совсѣмъ то, что передаютъ по русски слова: „борьба за существованіе, за жизнь"; выраженіе это означаетъ въ подлинникѣ также и борьбу *для* жизни. Правильнѣе всего для предупрежденія недоразумѣній переводить это выраженіе словами: „борьба жизни"; а всего неумѣстнѣе переводъ: „борьба изъ-за жизни", т. е. то, что нѣмцы передаютъ словами „Kampf um's Dasein". Ни Дарвинъ, ни тѣмъ менѣе, Спенсеръ, не понимали термина *struggle for life* въ этомъ смыслѣ. Этотъ неточный переводъ немало способствовалъ неправильному представленію о томъ, что они разумѣютъ подъ явленіями выживанія, какъ творческомъ началѣ въ органическомъ совершенствованіи; вѣдь сказать, что жизнь состоитъ изъ борьбы, это далеко не то, что сказать, что она существуетъ, благодаря борьбѣ [2]).

---

[1]) Essays; I p. 428 Asg., 472.

[2]) Различіе въ этомъ направленіи между Спенсеромъ и Дарвиномъ характеризуется тѣмъ, что тотъ процессъ, который Дарвинъ называетъ естественнымъ подборомъ (natural selection), какъ бы подчеркивая необходимость для этого борьбы, Спенсеръ предложилъ назвать выживаніемъ приспособленнѣйшаго (survival of the fittest), т. е. перевелъ на простой процессъ баланса въ силу требованій равновѣсія. Ср. Autob. II. p. 100.

IV.

Тѣ же начала эволюціоннаго развитія, которыя установлены по отношенію къ явленіямъ органической жизни вообще, Спенсеръ усматриваетъ и въ *эволюціи духовныхъ способностей*. Первое изданіе его психологіи,—надо это имѣть въ виду,—появилось въ свѣтъ раньше, чѣмъ онъ приступилъ къ своей синтетической философіи; такъ что въ ходѣ его идей не общія представленія объ эволюціи предшествовали представленіямъ о духовной эволюціи, а, скорѣе, наоборотъ.

Объективную сторону психической жизни онъ устанавливаетъ на основаніи свойствъ, построенія и постепеннаго возрастанія нервной системы, обнаруживая и тутъ возрастающую интеграцію цѣлаго и дифференцію частей по мѣрѣ большаго и болѣе совершеннаго приспособленія внутреннихъ функцій къ внѣшнимъ надобностямъ. А субъективную—на основаніи положенія, что всякую волну молекулярнаго измѣненія въ нервѣ человѣкъ воспринимаетъ какъ нервный толчекъ.

Ходъ его идей о человѣческой психикѣ слѣдующій.

Ощущенія и эмоціи, реальныя или идеальныя, изъ которыхъ построено сознаніе, кажутся простыми, однородными, неразложимыми, недоступными съ этой стороны для изслѣдованія. Въ дѣйствительности же они совсѣмъ не таковы, что особенно наглядно устанавливается на происхожденіе такого рода чувствованій, какъ музыкальный звукъ. Извѣстно, что если одинаковые звуковые удары или толчки не превосходятъ 16 въ секунду, то, произведенный ими на слуховой аппаратъ, эффектъ воспринимается какъ отдѣльные толчки или шумъ. Когда же число ихъ превосходитъ 16 въ секунду, то получается одно цѣльное ощущеніе, называемое тономъ. По мѣрѣ увеличенія быстроты толчковъ, измѣняется то, что называется высотою тона, пока, наконецъ, за извѣстнымъ предѣломъ быстроты, ухо перестаетъ совсѣмъ воспринимать звукъ. Итакъ, каждый звукъ воспринимается какъ нѣчто цѣльное и единое, тогда какъ внѣ сомнѣнія онъ состоитъ изъ быстро повторяющихся отдѣльныхъ толчковъ, въ зависи-

мости отъ быстроты коихъ звуки кажутся различными. Мало того, доказано, что наряду съ одной серіей быстро повторяющихся колебаній въ музыкальныхъ инструментахъ, нарождается другая серія ихъ болѣе быстрая, но не столь громкая, которая придаетъ звукамъ инструмента такъ называемый тембръ. На этомъ примѣрѣ мы видимъ огромное число качественно различныхъ сортовъ состоянія въ сознаніи, которые кажутся всѣ элементарными, тогда какъ они оказываются составленными изъ одного простого состоянія сознанія, комбинируемаго и перекомбинированнаго съ самимъ собою множественными путями. Слѣдовательно, различныя ощущенія, извѣстныя какъ звуки, построены изъ одной общей единицы нервнаго толчка. Вѣроятно, что всѣ несходства между нашими чувствованіями вытекаютъ лишь изъ несходства въ способахъ интеграціи такой конечной единицы.

Для уясненія этой гипотезы можетъ содѣйствовать аналогія съ нынѣшней гипотезой о свойствахъ матеріи. Зная, что всѣ формы матеріи, повидимому, столь несходныя по своей природѣ, могутъ быть образованы несходнымъ расположеніемъ сходныхъ единицъ, мы поймемъ возможность того, что многочисленныя формы духа, извѣстныя какъ различныя чувствованія, могутъ быть составлены изъ болѣе простыхъ единицъ чувствованія и даже изъ единицъ по существу однородныхъ.

Свести вопросъ о субстанціи духа на представленіе о простой единицѣ въ видѣ нервнаго толчка не значитъ еще, однако, приблизиться къ пониманію ея существа, какъ не приближаетъ къ пониманію субстанціи матеріи возможность сведенія ея на простую молекулу, какъ конечную единицу. Эти конечныя единицы и въ томъ и въ другомъ случаѣ должны по свойствамъ нашей познавательной способности остаться для насъ абсолютно неизвѣстными. Да и думать объ этихъ единицахъ мы должны не иначе, какъ о символахъ, такъ какъ каждый видъ ихъ мы можемъ себѣ представлять только въ терминахъ другого вида (*Psychology*, § 60).

Сведеніе явленій сознанія къ такому первичному составу приводитъ Спенсера къ установленію полнаго параллелизма

законовъ общей эволюціи со стадіями эволюціи духа. Неопредѣленная чувствительность, образуемая чувствованіями, имѣющими лишь малое разнообразіе въ родѣ и лишь малую комбинируемость, мы можемъ считать нарождающимся духомъ, которымъ обладаютъ тѣ низшіе типы, у коихъ нервы и нервные центры еще не ясно дифференцировались одинъ отъ другого или отъ ткани, въ которой они содержатся. На ступени высшей, чѣмъ эта, пока органы высшихъ чувствъ еще рудиментальны, а тѣ нервы, которые уже существуютъ, разрознены, духъ быть можетъ проявляется въ формѣ немногихъ чувствованій, которыя, подобно обнаруживаемымъ нашими внутренностями, просты, неопредѣленны, несвязны. А затѣмъ слѣдуетъ все возрастающая интеграція цѣлаго и дифференціація частей; возрастаетъ разнообразіе аггрегатовъ и отчетливость строенія въ этихъ аггрегатахъ. Такимъ образомъ, субъективно происходитъ переходъ „отъ неопредѣленной, безсвязной однородности къ опредѣленной связной разнородности", параллельно тому перераспредѣленію матеріи и движенія, которое составляетъ объективное проявленіе эволюціи (*Ps.* § 75).

Спенсеръ предостерегаетъ отъ весьма распространеннаго отождествленія успѣховъ духовнаго развитія съ возрастаніемъ одного разума, безотносительно къ росту и совершенствованію чувствованій. Хотя понятно, что вниманіе людей главнѣйшимъ образомъ сосредоточено на наиболѣе развитой и выдающейся области духа, на разумѣ, но не должно тѣмъ не менѣе отождествлять разума со всѣмъ духомъ. Духъ состоитъ въ значительной части изъ чувствованій, они составляютъ тотъ матеріалъ, изъ котораго выработался разумъ и надъ которымъ онъ оперируетъ; повсюду чувствованіе есть сущность того, чего форму составляетъ разумъ. А гдѣ разумъ не участвуетъ, или мало участвуетъ, духъ состоитъ изъ безформенныхъ или малоформенныхъ чувствованій. Разумъ содержитъ въ себѣ лишь относительный элементъ духа; а потому опускать чувствованія—это значитъ опускать термины, между которыми существуютъ разнообразныя отношенія (*Ps.* § 76).

Идя далѣе, Спенсеръ показываетъ, что среди чувствованій

руководящее значеніе должно имѣть чувства удовольствія и неудовольствія, какъ результатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стимулъ эволюціонныхъ надобностей.

На этой части психологіи должно остановиться подробнѣе, такъ какъ она имѣетъ ближайшее отношеніе къ Спенсеровской этикѣ.

Вѣдь только тѣ породы, говоритъ онъ, могли выжить, у которыхъ въ среднемъ выводѣ пріятныя или желательныя чувствованія совпадаютъ съ дѣятельностями, способствующими поддержанію жизни, а непріятныя и обыкновенно избѣгаемыя чувствованія совпадаютъ съ дѣятельностями, прямо или косвенно разрушающими жизнь. При прочихъ равныхъ условіяхъ, тѣ породы будутъ имѣть наиболѣе многочисленныхъ и наиболѣе живучихъ потомковъ, у которыхъ это приспособленіе чувствованій къ дѣятельностямъ будетъ наилучшее и которыя будутъ постоянно стремиться улучшить это приспособленіе. На низшихъ видахъ животныхъ, неспособныхъ предвидѣть и взвѣшивать отдаленныя послѣдствія, представляется нагляднымъ, что каждое изъ нихъ будетъ настойчиво придерживаться того вида дѣятельности, который доставляетъ удовольствіе, и также настойчиво избѣгать того вида дѣятельности, который доставляетъ страданіе; если бы же ему доставляло удовольствіе не то, что полезно, а страданіе доставляло не то, что вредно, то, значитъ, оно искало бы вреда и избѣгало пользы; а тогда, конечно, оно не могло бы выжить. Такимъ образомъ, чувство удовольствія и неудовольствія есть одинъ изъ видовъ приспособительныхъ способностей живого организма къ окружающимъ условіямъ. Съ перемѣной условій результаты установившагося приспособленія могутъ оказаться непригодными и даже пагубными; тогда должно произойти переприспособленіе или исчезновеніе вида. Человѣчество показываетъ во многихъ наглядныхъ видахъ непригодность приспособленій, слѣдующую за измѣненіемъ условій,—измѣненіемъ, порождаемымъ не столько перемѣною мѣстъ, хотя и эти должно принять во вниманіе, сколько ростомъ историческихъ и общественныхъ условій. Для людей, перешедшихъ къ осѣдлому образу жизни, напр., расположеніе

къ удовольствіямъ и страданіямъ, какія испытывались ихъ дикими предками, есть серьезное препятствіе къ правильному прогрессу. Этотъ разладъ между унаслѣдованными предрасположеніями и новыми требованіями жизни замѣтенъ постоянно въ исторіи человѣческаго общежитія. Съ одной стороны, еще и теперь мы имѣемъ переживаніе тѣхъ чувствъ, вполнѣ естественныхъ у нашихъ отдаленныхъ предковъ, которыя находятъ удовлетвореніе въ разрушительныхъ дѣйствіяхъ охоты и борьбы, чувствъ, которыя настолько, насколько антисоціально вызываемое ими поведеніе, причиняютъ не мало несчастія. Далѣе. Постоянная и однообразная работа стала вслѣдствіе густоты населенія необходимостью; и хотя для цивилизованныхъ людей работа не такъ противна, какъ для дикарей, а для многихъ она даже источникъ удовольствія, тѣмъ не менѣе это переприспособленіе понынѣ еще далеко не дошло до того, чтобы удовольствіе испытывалось отъ того размѣра работы, какой обыкновенно требуется. Сверхъ того, большинство индустріальной дѣятельности современнымъ людямъ нужно исполнять въ закрытомъ помѣщеніи, въ прямой контрастъ съ унаслѣдованнымъ отъ отдаленныхъ предковъ расположеніемъ къ разнородной дѣятельности на открытомъ воздухѣ. Еще видъ разлада и происходящее отъ этого разстройство въ нормальномъ поведеніи вызывается принудительнымъ пребываніемъ среди условій жизни, противорѣчащихъ требованіямъ организма. Сидячее занятіе, исполняемое годами въ спертомъ воздухѣ, вопреки протестамъ чувствъ, приводитъ къ вырождающемуся физическому состоянію, при которомъ унаслѣдованныя чувствованія совершенно разноголосятъ съ требованіями организма: пища, которой желаютъ, оказывается неперевариміой; свѣжій, доставляющій удовольствіе здоровымъ, воздухъ вызываетъ простуду и ревматизмы. Еще одна производная причина того же несоотвѣтствія состоитъ въ томъ, что людямъ приходится подъ рядъ и сплошь пребывать въ трудѣ безъ перемежки съ удовлетвореніемъ иныхъ потребностей, отъ этого стремленіе къ удовлетворенію послѣднихъ растетъ выше мѣры, а самое удовлетвореніе производится съ жадностью; такимъ образомъ, нормальныя по-

требности вырождаются въ стремленія къ эксцессамъ. А это отражается на извращеніи другихъ чувствъ, которыя безъ того имѣли бы удовлетворенность и неудовлетворенность въ полномъ согласіи съ нормальнымъ здоровьемъ. Въ виду сложности тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ существованіе столь многосложнаго аггрегата, какъ человѣкъ, выживаніе наиприспособленнѣйшаго, какъ было указано въ біологіи, среди людей не есть всегда успѣхъ лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ; косвенное приспособленіе, т. е. выживаніе болѣе приспособленныхъ, здѣсь имѣетъ второстепенное значеніе; тутъ, напротивъ, имѣетъ главное мѣсто прямое приспособленіе, т. е. приноровленіе организма самого внутренней своей реорганизаціей къ новымъ условіямъ; этотъ процессъ же совершается не чрезъ одно поколѣніе, а чрезъ серію поколѣній, которымъ пока по наслѣдству передаютъ и тѣ чувствованія, которыя получили извращенное направленіе. Вдобавокъ, вѣдь не только среда вліяетъ на человѣка, но человѣкъ вліяетъ на среду и въ значительной степени создаетъ свою среду; поэтому перемѣнчивость съ этой стороны условій среды дѣлаетъ необходимымъ переприспособленіе достигнутыхъ уже переприспособленій. Такимъ-то путемъ у чувства возникло и должно долго продолжаться глубокое разстройство естественной связи между удовольствіями и полезными дѣятельностями, между страданіями и вредными дѣятельностями. Разстройство, которое до такой степени затемняетъ эти естественныя связи, что полагали даже будто бы существуютъ связи обратнаго рода. Согласованіе пріятной дѣятельности съ полезною и непріятной съ вредною, составляющее основу процесса эволюціи, надо, конечно, понимать, какъ согласованіе не всегда съ полезною или безполезною для индивида дѣятельностью, а лишь съ пользою или вредомъ для всего вида индивидуумовъ (*Ps.* § 124).

Въ біологіи было доказано, что степень жизни растетъ со степенью приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Въ психологіи съ этой точки зрѣнія подвергаются детальному изслѣдованію свойства духа; жизнь и духъ разсматриваются какъ извѣстное соотвѣтствіе.

У слабо развитыхъ органическихъ формъ, какъ, напр., у дрождеваго растенія, дѣятельность организма непосредственно зависитъ отъ сродства элементовъ, прикасающихся къ нему со всѣхъ сторонъ; и внутреннія измѣненія у нихъ совершаются однообразно или почти однообразно, потому что въ теченіе ихъ кратко продолжающейся жизни внѣшнія отношенія остаются однообразными или почти однообразными. Здѣсь имѣется *соотвѣтствіе прямое и однообразное* (*Ps.* § 113).

Соотвѣтствіе прямое, но разнородное имѣется у тѣхъ организмовъ, которые живутъ, хотя и окруженные потребнымъ пищевымъ матеріаломъ, но не всегда находящимся въ подходящемъ для нихъ состояніи. Отъ этого вырабатывается, сверхъ соотвѣтствія съ немногочисленными, постоянно находящимися налицо сосуществованіями въ окружающей средѣ, соотвѣтствіе съ немногочисленными послѣдовательностями въ ней. Высшія растенія, нуждающіяся не только въ угольной кислотѣ, смѣшанной съ воздухомъ, но требующія свѣта, извѣстной температуры, извѣстной почвы, извѣстнаго количества влаги, обнаруживаютъ видоизмѣненія въ жизненной дѣятельности, соотвѣтствующей видоизмѣненіямъ, которыя происходятъ въ окружающей средѣ въ отношеніи этихъ условій, т. е. въ зависимости отъ часа, отъ погоды, отъ времени года.

Подымаясь отъ низшихъ формъ жизни выше, мы замѣчаемъ ясно выраженное возрастаніе соотвѣтствія въ увеличеніи разстоянія, на которомъ сосуществованія и послѣдовательности въ окружающей средѣ вызываютъ въ организмѣ приспособительныя измѣненія. Этотъ прогрессъ сопровождаетъ развитіе чувствъ, обонянія, зрѣнія, слуха и т. д. и слѣдующее за ними развитіе ума. Есть основаніе полагать, что воспріимчивость къ запахамъ, цвѣтамъ, звукамъ и проч. развивается постепенно изъ раздражительности, которою животная ткань въ ея низшихъ формахъ обладаетъ. Изреченіе Демокрита, что всѣ чувства лишь видоизмѣненія осязанія, современною наукою серьезно подтверждается (*Ps.* §§ 135—138).

Расширеніе соотвѣтствія въ пространствѣ есть несомнѣнно одинъ изъ общихъ результатовъ, порождаемыхъ обладаніемъ со стороны организма особыми органами чувствъ. Изобразить, напр., эволюцію чувства обонянія въ его развитіи до того совершенства, которое встрѣчается у собакъ и у оленей, значитъ показать, что одна изъ сторонъ прогресса есть возрастаніе разстоянія, съ котораго извѣстныя внутреннія и внѣшнія отношенія могутъ приспособляться и показать также, что одновременно съ этимъ повышается степень жизни (*Ps.* § 140).

Отъ такого расширенія соотвѣтствія въ пространствѣ возникаетъ способность приспособленія и къ предметамъ, отдаленнымъ для возможности непосредственнаго ихъ воспріятія; примѣръ этого представляютъ почтовые голуби.

Увеличеніе соотвѣтствія въ пространствѣ замѣчается не только на восходящихъ ступеняхъ животной жизни, но и на послѣдовательныхъ фазисахъ человѣческой цивилизаціи. Отъ раннихъ расъ, знакомыхъ только со своими ближайшими окрестностями, и до современныхъ географовъ, которые опредѣляютъ долготу и широту каждаго пункта на земномъ шарѣ; отъ древнихъ строителей и металлурговъ, знавшихъ только поверхностные слои, до геологовъ нашихъ дней, данныя коихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даютъ имъ возможность описывать матеріалъ, существующій на глубинѣ, которой еще не достигалъ ни одинъ рудокопъ; отъ дикаря, способнаго сказать лишь чрезъ сколько дней возвратится полнолуніе, до нынѣшняго астронома, опредѣляющаго періоды возмущеній двойной звѣзды—все было постепеннымъ разсширеніемъ окружающаго раіона, по которому распространяется приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Каждое такое расширеніе соотвѣтствія въ пространствѣ увеличиваетъ число внѣшнихъ отношеній, къ которымъ приспособлены внутреннія отношенія, т. е. увеличиваетъ число внутреннихъ перемѣнъ, а, слѣдовательно, увеличиваетъ и количество жизни.

Такимъ образомъ, жизнь является комбинаціею процессовъ, результатомъ дѣятельности которыхъ является ихъ собствен-

ное поддержаніе: жизнь и способность поддерживанія жизни— двѣ стороны одного и того же факта (*Ps.* § 144).

Затѣмъ идетъ *расширеніе соотвѣтствія во времени.* Первоначально всѣ люди сообразовали свои дѣйствія съ будущимъ такъ, какъ теперь еще дѣлаютъ австралійцы и бушмены, т. е. пріурочивая ихъ къ перелету птицъ, разлитію рѣкъ, цвѣтенію растеній. Дикари, которые при созрѣваніи извѣстной ягоды отправляются къ берегамъ моря, зная, что они тогда найдутъ тамъ извѣстный сортъ рыбы даннаго сезона, очевидно, руководятся въ этихъ дѣйствіяхъ соображеніями врядъ ли на много болѣе сложными, чѣмъ тѣ, которыми руководится собака, которая, видя, что накрывается столъ, отправляется къ окну, чтобы ожидать своего хозяина, возвращающагося домой къ обѣду. Совсѣмъ не тотъ уже характеръ имѣютъ такія дѣйствія, расчитанныя на отдаленныя слѣдствія, какъ сажаніе деревьевъ, которыя дадутъ плоды лишь будущимъ поколѣніямъ; сложное воспитаніе, даваемое теперь дѣтямъ; постройка зданій, которыя должны выстоять столѣтія; страхованіе жизни; борьба изъ-за будущей славы или будущаго благосостоянія (*Ps.* § 149).

Затѣмъ, далѣе, идетъ *возрастаніе соотвѣтствія въ спеціализаціи.*

Когда развившаяся способность осязанія, вкуса, обонянія, зрѣнія и слуха сдѣлала организмъ пригоднымъ для различенія болѣе мелкихъ и простыхъ отличій въ свойствахъ предметовъ, выросла способность реагировать и на такія сложныя свойства тѣлъ, которыя непознаваемы путемъ однихъ ощущеній. Это та спеціализація соотвѣтствія, которая требуется сложными отношеніями пространства или времени, или того и другого вмѣстѣ. Ее можно иллюстрировать развитіемъ способности различать по расположенію и размѣру зрительныхъ воспріятій дѣйствительную величину и отдаленіе вызывающаго ихъ предмета, отъ этого получается возможность принаравливать различно свои дѣйствія, смотря по тому, добыча или врагъ, находятся ли въ опасной близости или въ безопасномъ отдаленіи.

Увеличеніе соотвѣтствія ясно обнаруживается съ ходомъ

человѣческаго прогресса. Въ дѣйствіяхъ, руководимыхъ точною наукою, цивилизація представляетъ намъ новые и обширные ряды соотвѣтствій, далеко превосходящихъ по спеціализаціи тѣ, которыя предшествовали имъ. Ибо точная наука есть въ сущности *количественное предвидѣніе*, отличающее ее отъ того качественнаго предвидѣнія, которое составляетъ обыкновенное знаніе. Развитіе ума дало способность сказать, какъ то, что такіе-то и такіе-то предметы находятся въ соотношеніи сосуществованія или послѣдовательности, такъ и то, что отношеніе между ними опредѣляется такими-то и такими-то размѣрами пространства времени, силы, температуры и т. д. Стало возможнымъ предсказывать не просто то, что при данныхъ условіяхъ двѣ вещи всегда будутъ найдены вмѣстѣ, а предсказывать, какое количество одной будетъ найдено при такомъ-то количествѣ другой. Стало возможнымъ предсказать не только то, что одно явленіе наступитъ послѣ другого, но и то, въ какомъ разстояніи, въ какое время и проч. Громадное различіе въ приспособительныхъ дѣйствіяхъ существуетъ между поведеніемъ древняго воина, наводившаго свой боевой таранъ, который не могъ быть точенъ въ исполненіи своего назначенія, и поведеніемъ теперешняго артиллерійскаго офицера, который, благодаря извѣстному количеству пороха, состоящаго изъ извѣстнаго количества веществъ смѣшанныхъ въ извѣстной пропорціи, помѣщенному въ дуло извѣстнаго наклона, посылаетъ ядро извѣстнаго вѣса на извѣстное разстояніе, гдѣ оно должно разорваться въ извѣстный моментъ.

Это возрастаніе спеціализаціи соотвѣтствія, подобно расширенію соотвѣтствія въ пространствѣ и во времени, есть само по себѣ высшая жизнь и въ то же время приводитъ къ большей продолжительности жизни. Нѣтъ болѣе простой формулы, которая такъ хорошо выражала бы прогрессъ жизни, какъ это возрастаніе въ спеціализаціи соотвѣтствій между внутренними и внѣшними отношеніями. Ибо, доводя его до крайняго предѣла, ясно, что, отвѣчай дѣятельность организма въ точности всѣмъ сосуществованіямъ и послѣдовательностямъ всевозможныхъ вещей въ окружающемъ, жизнь его была бы

вѣчна. Точно также ясно, что безконечныя внутреннія измѣненія, занятыя приспособленіемъ къ безконечнымъ внѣшнимъ отношеніямъ, содержали бы въ себѣ высшую степень жизненной дѣятельности (*PS.* §§ 153—155).

Ни въ чемъ, далѣе, возрастающее соотвѣтствіе, выработанное цивилизаціею, не такъ наглядно, какъ въ ростѣ нашихъ обобщеній, все болѣе многочисленныхъ и все болѣе обширныхъ. Огромный ростъ знаній, свидѣтелемъ коего были послѣднія десятилѣтія, главнымъ образомъ состоитъ въ объединеніи многочисленныхъ частныхъ истинъ въ общія истины и въ объединеніи многихъ общихъ истинъ въ истины еще болѣе общія. Научныя обобщенія споспѣшествуютъ искусствамъ, а искусства управляютъ людскимъ благосостояніемъ; это одно уже достаточно показываетъ, что *возрастаніе соотвѣтствія въ общности* подобно другимъ видамъ возрастанія соотвѣтствія, дѣлаетъ возможнымъ не только бо́льшую продолжительность жизни, но и болѣе высокую ея степень (*PS.* § 158).

Стрѣлокъ изъ лука прицѣливается выше цѣли, зная что стрѣла должна по тяготѣнію книзу описать на лету дугу. Инженеръ, строющій висящій мостъ чрезъ рѣку, сообразуется съ законами, опредѣляющими силу сцѣпленія желѣза, размѣры прогиба балокъ, порядокъ распредѣленія силъ, словомъ съ данными ариѳметики, геометріи, механики. Дѣятельность человѣка въ томъ и другомъ случаѣ не есть результатъ просто навыка, а примѣненіе данныхъ одного порядка къ дѣятельности по поводу обстоятельствъ иного порядка. Такимъ образомъ, *соотвѣтствіе возрастаетъ въ сложности*. На этомъ основаніи каждое изъ высшихъ соотвѣтствій, обнаруживающихъ разумность, предполагаетъ приспособленіе внутреннихъ отношеній не просто къ воспринятымъ частнымъ, внѣшнимъ отношеніямъ, но къ различнымъ общимъ отношеніямъ, не воспринятымъ въ данный моментъ, но установленнымъ предшествующимъ опытомъ (*PS.* § 161).

Можно сказать, что въ высшихъ своихъ формахъ соотвѣтствіе между организмомъ и его окружающимъ производится при помощи воспомогательныхъ чувствъ и вспомога-

тельныхъ членовъ. Всѣ наблюдательные инструменты, всѣ вѣсы, мѣры, микрометры, микроскопы, термометры и т. д. суть искусственное расширеніе чувствъ; всѣ рычаги, винты, молоты, колеса, станки и т. д. суть искусственно расширенные члены. Увеличительное стекло есть лишь еще одна чечевица, присоединенная къ имѣющемуся въ глазу хрусталику; ломъ есть лишь еще одинъ рычагъ, присоединенный къ системѣ рычаговъ, изъ которыхъ состоитъ рука. И въ этомъ порядкѣ идетъ прогрессъ, опираясь на ранѣе достигнутые уже успѣхи; первоклассный астрономическій квадрантъ можетъ быть исполненъ лишь при помощи первоклассной дѣлительной машины; а первоклассная дѣлительная машина можетъ быть исполнена лишь при помощи первокласснаго станка и первоклассныхъ рѣзцовъ и т. д.

Сочетаніе возрастающей спеціализаціи и возрастающей общности соотвѣтствія, каковымъ является возрастающая сложность соотвѣтствія, обусловливаетъ, конечно, бо̀льшую продолжительность жизни и болѣе высокую степень ея *(PS.* §§ 164, 165).

Согласованіе дѣйствій должно быть особенно хорошо выработано, когда надо въ настоящемъ на основаніи указній прошедшаго предупреждать опасность или обезпечивать успѣхъ будущаго, когда, напр., по указанію барометра человѣкъ располагаетъ своимъ временемъ; или когда врачъ по запутаннымъ и переплетающимся симптомамъ предписываетъ поведеніе паціенту. Наиболѣе развитую форму координаціи представляютъ количественныя науки. Напримѣръ, при постройкѣ парохода вычисленіе, сколько именно лошадиныхъ силъ нужно будетъ придать машинѣ, должно быть соображено съ данными, выведенными изъ законовъ о томъ, что сопротивленіе, встрѣчаемое тѣломъ, движущимся въ водѣ, пропорціально квадрату скорости движенія, что плоскость сопротивленія судна въ водѣ пропорціональна квадрату его измѣреній, что вѣсъ груза пропорціоналенъ кубу измѣреній и мн. др. Нужно правильное согласованіе всѣхъ этихъ общихъ и спеціальныхъ данныхъ, чтобы получить вѣрный выводъ.

Такою координаціею дѣйствій, основанною на сочетаніи

всѣхъ нужныхъ данныхъ, опредѣляютъ люди свое поведеніе вообще. Неразвитая людская жизнь руководится ассоціаціями нѣкоторыхъ поверхностныхъ аттрибутовъ вещей; развитая жизнь руководится ассоціаціею тѣхъ фундаментальныхъ аттрибутовъ, отъ которыхъ дѣятельность вещей на самомъ дѣлѣ зависитъ. Когда сочетаніе внутреннихъ отношеній, или познаніе, вполнѣ согласно съ сочетаніемъ внѣшнихъ отношеній, или явленіемъ—когда имѣется на лицо то, что мы называемъ пониманіемъ явленія, тогда составъ явленія въ нѣкоторомъ смыслѣ параллеленъ составу познанія его. Прогрессъ, находящійся въ зависимости отъ возрастающей безошибочности этихъ координацій, этимъ показываетъ все ту же истину, что жизнь есть поддерживаніе соотвѣтствія между организмомъ и его средою и что степень жизни измѣняется со степенью соотвѣтствія (*Ps.* §§ 167, 168).

Изъ координаціи вытекаетъ *интеграція соотвѣтствія*, т. е. сліяніе сложныхъ воспріятій и дѣйствій въ такія, которыя дѣлаютъ ихъ равными простымъ, а потому способными къ координаціи и сліянію съ новыми комбинаціями, слившимися точно также въ одно недѣлимое сочетаніе. Если бы время протекающее у дитяти между тѣмъ, какъ оно увидитъ чужого и расплачется, было бы мѣркою времени между зрительными воспріятіями и отвѣтными дѣйствіями у взрослыхъ, то жизнь должна была бы прекратиться.

Если бы буквы, изъ которыхъ состоитъ каждое слово, должны были бы быть опознаваемы въ одиночку, какъ это дѣлаетъ дитя, когда учится читать, вся наша система чтенія была бы съ весьма малою пользою или даже совсѣмъ безъ пользы.

Интеграція ощущеній въ одно дѣлаетъ сложную систему возможною; слово, состоящее изъ дюжины буквъ, узнается съ быстротою, какъ если бы оно состояло изъ одной (*Ps.* §§ 169—172).

Соотвѣтствія въ ихъ цѣломъ, разсмотрѣнныя до сихъ поръ по частямъ, суть лишь различные виды, въ которыхъ обнаруживается общій прогрессъ соотвѣтствія. Всѣ разсмотрѣнныя съ этой точки зрѣнія явленія въ сущности иллюст-

рируютъ одну общую непрерывную и нераздѣльную эволюцію. Каждый рядъ прогресса (въ пространствѣ, во времени, въ спеціализаціи и т. д.) разсчищалъ дорогу прогрессамъ другихъ родовъ; всѣмъ способствовалъ каждый и каждому всѣ (*Ps.* § 173).

Давъ общее изображеніе духовной дѣятельности, какъ приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, которое постоянно расширяется въ пространствѣ и во времени, которое возрастаетъ въ спеціальности и сложности, и элементы котораго становятся все болѣе точно координированными и болѣе полно интегрированнными, Спенсеръ, затѣмъ, спеціально изслѣдуетъ различныя степени и виды интеллекта, извѣстные какъ инстинктъ, память, разумъ, эмоціи, воля и проч. въ терминахъ этой общей концепціи.

Ростъ интеллекта, по его ученію, вообще подчиняется такому закону: когда два какія нибудь психическія состоянія возникли непосредственно другъ за другомъ, результатомъ этого бываетъ то, что когда впослѣдствіи первое состояніе вновь возникнетъ, оно порождаетъ извѣстное стремленіе къ возникновенію вслѣдъ за нимъ второго состоянія. Рефлексы и инстинкты составляютъ результатъ опыта, но не индивидуальнаго организма, ихъ проявляющаго, а опыта цѣлой расы индивидумовъ, служащихъ его предками; автоматическія душевныя связи являются слѣдствіемъ регистраціи опыта длившагося чрезъ безчисленныя поколѣнія.

Непремѣнное слѣдствіе этого закона будетъ то, что психическія соотношенія въ каждомъ организмѣ лучше всего будутъ соотвѣтствовать тѣмъ физическимъ соотношеніямъ, съ которыми онъ наиболѣе приходитъ въ соприкосновеніе. Окружающее вообще безконечно. Окружающее каждаго вида созданій въ дѣйствительности болѣе или менѣе ограничено. И всякій видъ созданій имѣетъ окружающее, которое, кромѣ того, что ограничено, въ дѣйствительности еще болѣе или менѣе для него спеціально. Поэтому изъ даннаго закона слѣдуетъ, что психическія соотношенія, обнаруживаемыя каждымъ видомъ созданій, будутъ тѣ, которыя повторяются наичаще въ предѣлахъ его опыта. Для того же, чтобы организмъ сталъ про-

являть новый видъ внутреннихъ отношеній, нужно, чтобы появилось какое нибудь для него новое соотношеніе во внѣ (*Ps.* § 189).

И генезисъ инстинкта, и развитіе изъ него памяти и разума, и консолидація разумныхъ дѣйствій и выводовъ въ инстинктивные—одинаково хорошо могутъ быть объяснены на основаніи одного и того же принципа, гласящаго, что *сила сцѣпленія между психическими состояніями пропорціональна частотѣ, съ которою отношеніе между соотвѣтствующими внѣшними явленіями повторялось въ опытѣ организма.* То же нужно сказать и о развитіи высшихъ формъ разумности изъ низшихъ. Никто не станетъ отрицать, что разсужденія дитяти сперва ничѣмъ не отличаются отъ степени разумности собаки, откликающейся на зовъ по имени, отличающей домашнихъ отъ чужихъ, замѣчающей время дня, когда въ домѣ ѣдятъ и проч. Шаги же, дѣлаемые умомъ ребенка, которые приводятъ его къ болѣе общимъ заключеніямъ и выводамъ въ позднѣйшемъ возрастѣ, такъ постепенны, что невозможно отмѣтить съ точностью ихъ постепенность; ни одинъ человѣкъ не можетъ назвать дня, когда онъ перешелъ отъ способности конкретнаго мышленія къ мышленію абстрактному. Существуетъ серія безконечно малыхъ градацій, чрезъ которыя грубая раціональность переходитъ въ человѣческую разумность. Если же развитіе и совершенствованіе разума въ отдѣльномъ человѣкѣ получаетъ достаточное объясненіе съ точки зрѣнія консолидированныхъ результатовъ личнаго опыта, то результатами опыта можетъ быть объяснена и эволюція ума живыхъ созданій вообще (*Ps.* § 207).

Способность человѣческаго разума отвѣчать на сложнѣйшія и запутаннѣйшія внѣшнія отношенія совсѣмъ не нужно объяснять какой нибудь разъ навсегда данной „предустановленной гармоніей“. Въ животномъ царствѣ вообще дѣйствія находятся въ зависимости отъ нервнаго строенія. Физіологи показываютъ намъ, что каждое рефлективное движеніе предполагаетъ дѣятельность извѣстныхъ нервовъ и узловъ, что развитіе сложныхъ инстинктовъ сопровождается осложненіемъ нервныхъ центровъ и ихъ сочетанія; что одни и тѣ же со-

зданія въ разныхъ состояніяхъ, какъ, напр., личинка и куколка, измѣняютъ свои инстинкты соотвѣтственно измѣненію ихъ нервнаго состоянія; и что, когда мы приближаемся къ созданіямъ высокаго разума, замѣчается значительное возрастаніе въ объемѣ и въ сложности нервной системы. Какой изъ этого неизбѣжный выводъ? Тотъ, что способность координировать впечатлѣнія и исполнять надлежащія дѣйствія всегда предполагаетъ предварительное существованіе извѣстныхъ нервовъ, извѣстнымъ образомъ расположенныхъ. Значеніе центральнаго органа нервовъ—мозга проистекаетъ изъ того, что всѣ установленныя отношенія между его частями соотвѣтствуютъ такому же количеству установленныхъ отношеній между соотвѣтствующими психическими перемѣнами. *Всякая постоянная связь между фибрами мозговой массы отвѣчаетъ на какую нибудь постоянную связь явленій, испытанную данной расою.* Аппаратъ для чиханія своимъ существованіемъ не вызываетъ постояннаго чиханія, но даетъ возможность чиханія. Строеніе мозга, унаслѣдованное, даетъ возможность воспроизведенія тѣхъ внутреннихъ соотношеній, до степени коихъ органическое развитіе предковъ его довело; но для приведенія ихъ въ полное дѣйствіе нуженъ индивидуальный опытъ. Безъ этой организаціи индивидуальный опытъ не далъ бы такихъ результатовъ; безъ опыта предковъ не было бы такой организаціи. Эти предустановленныя внутреннія отношенія не зависятъ отъ индивидуальнаго опыта, что ничуть не означаетъ, что они совсѣмъ не зависятъ отъ опыта. Такъ, напр., человѣческая мимика есть непроизвольный теперь результатъ вполнѣ въ свое время произвольныхъ дѣйствій нашихъ предковъ (*Ps.* § 502). Человѣческій же мозгъ представляется организованнымъ регистромъ безконечнаго множества испытаній, полученныхъ въ теченіи эволюціи жизни, или, точнѣе, въ теченіе эволюціи той серіи организмовъ, чрезъ которую получился человѣческій организмъ. Оттого европеецъ наслѣдуетъ отъ 20 до 30 куб. вершковъ мозга больше, чѣмъ папуасъ. Оттого происходитъ, что способности, вродѣ музыки, которыя еле существуютъ у нѣкоторыхъ низшихъ человѣческихъ расъ, становятся прирожденными у высшихъ. Оттого

происходитъ, что отъ дикарей, не могущихъ насчитать числа, равнаго ихъ пальцамъ, и говорящихъ на языкѣ, состоящемъ только изъ названій и глаголовъ, происходятъ въ заключеніе наши Ньютоны и Шекспиры (*Ps.* § 218).

Основной, всеобщій процессъ ума есть *ассимиляція впечатлѣній*. Тѣ различія, которыя обнаруживаются на восходящихъ степеняхъ ума, возникаютъ вслѣдствіе лишь возрастающей сложности впечатлѣній. Сознаніе не можетъ ни возникнуть, ни поддерживаться безъ существованія различія въ его состояніяхъ. Оно должно постоянно переходить изъ одного какого-нибудь состоянія въ другое несходное состояніе; а чтобы новое, возникающее отсюда, состояніе, сдѣлалось мыслью, оно должно соединиться съ ранѣе испытанными состояніями. Это два антагонизирующихъ состоянія, которыми поддерживается сознаніе, это центробѣжная и центростремительная дѣятельность, которыми поддерживается его балансъ. Слѣдовательно, всякая душевная дѣятельность въ своихъ самыхъ общихъ чертахъ, въ виду этого постояннаго сліянія и выдѣленія состояній сознанія, можетъ быть быть опредѣлена, какъ *безпрерывная дифференціація и интеграція состояній сознанія.*

Эта истина параллельна той, къ которой біологія пришла относительно жизни тѣла; тѣ же два вида антагонизирующихъ процессовъ, что тамъ, то и здѣсь. Всякая ткань для своей дѣятельности должна диффенцироваться, но для способности исполнять свое назначеніе она должна интегрировать въ свой составъ приносимый ей кровью матеріалъ. И тутъ, какъ и въ психической сферѣ, остановка одного изъ этихъ смѣняющихся процессовъ есть остановка ихъ обоихъ. Высшія обобщенія психологіи и физіологіи представляются, такимъ образомъ, лишь разными сторонами одной основной истины; онѣ суть выраженія того же основнаго процесса жизни (Ps. §§ 380—382, 475 g.).

Ходъ, строй и формированіе нашихъ мыслей о вещахъ совершается и всегда совершался по образцу самихъ вещей. Отношенія, которыя абсолютны въ окружающемъ, абсолютны въ насъ, которыя вѣроятны въ окружающемъ, вѣроятны въ насъ; которыя случайны въ окружающемъ, случайны въ насъ;

внутреннія тенденціи пропорціональны внѣшнимъ постоянствамъ, а внутреннія связи приспособляются къ внѣшнимъ постоянствамъ накопленіемъ опыта внѣшнихъ постоянствъ. Силлогизмъ, напримѣръ, относится не къ принадлежностямъ нашихъ мыслей, а къ принадлежностямъ самихъ вещей (*Ps.* §§ 430, 475, 302).

Весьма характеренъ ходъ разсужденій Спенсера, которымъ онъ психическій процессъ человѣческой мысли сводитъ на общія начала своей теоріи.

Въ чемъ же собственно, съ этой точки зрѣнія, состоитъ мыслительное разсужденіе? Оно состоитъ въ образованіи связныхъ серій состояній сознанія. Какимъ процессомъ это производится? Мысли, выраженныя предложеніями, различествуютъ вообще по силѣ связи между подлежащимъ и сказуемымъ; разсужденіе и состоитъ въ провѣркѣ силы связности въ составныхъ частяхъ мысли. Провѣряется, дѣйствительно ли названный предметъ относится къ классу, къ которому онъ отнесенъ; провѣрка эта дѣлается попыткой подумать о немъ, какъ не относящемся къ этому классу, непохожимъ на него. Затѣмъ, провѣряется, дѣйствительно ли приписываемый предмету аттрибутъ свойственъ всѣмъ предметамъ этого класса; дѣлается это попыткой представить себѣ обратное. Тогда только вѣрность предложенія признается установленною, когда испробованная такимъ образомъ связь частей окажется сильнѣе, чѣмъ въ противоположныхъ предположеніяхъ. Если же окажется въ какой нибудь части сильнѣе противоположная связь, то принимается то, а не это предложеніе. Такимъ образомъ обсужденіе въ сознаніи оказывается просто пробою силы между разными связями сознанія, систематизированной борьбой, служащей для опредѣленія того, какія изъ состояній сознанія менѣе связны; и результатъ этой борьбы тотъ, что менѣе связныя состоянія сознанія отходятъ, въ то время какъ болѣе связныя остаются вмѣстѣ, образуя предложеніе, сказуемое коего остается неразлучно со своимъ подлежащимъ (*Ps.* § 446). Сила же сцѣпленія въ представленіяхъ есть прямой результатъ связи признаковъ предмета или явленія въ дѣйствительности; поэтому для насъ невозможно

подумать о какой нибудь связи ихъ обратно тому, какъ насъ научилъ опытъ дѣйствительности.

Въ Біологіи было показано, что физически эволюція организмовъ обнаруживается въ возрастающей по опредѣленности дифференціанціи ихъ отъ окружающей среды въ отношеніи строенія, формы, состава, удѣльнаго вѣса, температуры и подвижности. Въ Психологіи Спенсеръ показываетъ, что эволюція духа состоитъ въ томъ, что аггрегатъ состояній и перемѣнъ, образующихъ сознаніе, увеличиваясь въ количествѣ, возрастая разнородностью своихъ составныхъ частей, интегрируясь въ болѣе связное цѣлое, пріобрѣтая большую опредѣленность въ видахъ и отношеніяхъ своихъ частей, становится все болѣе и болѣе отличнымъ отъ окружающихъ дѣятельностей (*Ps.* § 475 р.).

Не есть ли все это, въ такомъ случаѣ, рождается вопросъ, сведеніе конечной причины къ матеріализму? Но не къ одной матеріи тутъ все сводится, а къ присущему ей движенію, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Спенсеръ. Движеніе не можетъ быть понято безъ матеріальнаго субстрата, но не можетъ быть понимаемо какъ имѣющее матеріальную субстанцію: вѣдь движеніе передается однимъ предметомъ другому безъ всякой передачи какой нибудь части своего вѣса. Сведеніе явленій духа на движеніе такъ же мало содержитъ въ себѣ отождествленіе ихъ, какъ мало отождествленія въ музыкѣ и производящемъ ее инструментѣ. Подобно тому, какъ движеніе, данное автоматическому музыкальному инструменту, пройдя чрезъ его спеціальную структуру, выходитъ въ формѣ особой комбинаціи воздушныхъ колебаній, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, точно такъ движеніе, включенное въ человѣческой пищѣ, преобразуется въ то время, когда оно проходитъ чрезъ его нервную систему, въ тѣ комбинаціи нервныхъ дѣйствій, которыя въ своемъ субъективномъ видѣ суть мысли и чувствованія. Считать движеніе чѣмъ то непремѣнно низшимъ, чѣмъ духъ, нѣтъ резона (*Ps.* §§ 269—279).

Эти соображенія Спенсеровской психологіи должны быть пояснены слѣдующими мыслями на ту же тему, содержащимися въ его основныхъ принципахъ.

Движенія животнаго, внутреннія и внѣшнія, есть новая форма той силы, которую растеніе поглотило въ видѣ тепла и свѣта. Совпаденіе можно прослѣдить не только качественное между тѣмъ и другимъ, но и количественное: подъ тропиками больше солнечнаго тепла и свѣта, больше и животныхъ, и самыя растенія и животныя больше; то и другое убываетъ параллельно по направленію къ полюсамъ. Тепломъ яйцо превращается въ цыпленка и этого тепла нужно извѣстное количество въ теченіи извѣстнаго времени—значитъ, опредѣленный пріемъ. Но пользованіе этой силой нужно только, когда организація происходитъ поглощеніемъ извнѣ какихъ нибудь элементовъ; когда этого нѣтъ, какъ, напримѣръ, при превращеніи куколки въ бабочку (простая перемѣна формы), не нужно и нагрѣванія. Но всякій ростъ, растенія ли, или животнаго, т. е. инкорпорація внѣ ихъ существующей матеріи, происходитъ благодаря существовавшей ранѣе внѣ ихъ силѣ, на счетъ которой эта инкорпорація производится.

Всѣ душевные процессы имѣютъ непремѣнно ту же подкладку. Мозгъ въ своемъ химическомъ составѣ содержитъ фосфоръ, котораго мало въ дѣтствѣ, въ старости и при идіотизмѣ. Составомъ крови опредѣляется состояніе нашего сознанія. Затѣмъ выдѣленіе почками отработавшихъ составныхъ частей крови происходитъ тѣмъ обильнѣе, чѣмъ усиленнѣе умственная работа мозга. Количественное соотношеніе одного съ другимъ видно изъ дѣйствія извѣстнаго количества вина извѣстной степенью опьяненія или извѣстной дозы лѣкарства извѣстнымъ размѣромъ вліянія. Какъ происходитъ метаморфоза физическихъ силъ въ психическія—тайна, но самая метаморфоза несомнѣнна; таинственность же этого процесса въ сущности для насъ не больше, чѣмъ и метаморфозы однѣхъ физическихъ силъ въ другія.

Всѣ эти явленія неизбѣжный корроларій понятія постоянства силы; думать иначе о превращеніи и эквивалентности силъ даже для насъ невозможно, ибо это значило бы, что или какая нибудь сила превратилась въ ничто или какая нибудь возникла изъ ничего (*F. P.* §§ 70—71).

Полная истина, говоритъ онъ затѣмъ въ психологіи, не можетъ быть выражена, ни матеріализмомъ, ни спиритуализмомъ. Изслѣдованія психолога, какъ бы они далеко ни шли, не приведутъ къ открытію конечной природы духа, подобно тому, какъ изслѣдованія химика не приведутъ къ открытію конечной природы матеріи, а изслѣдованія физика не откроютъ конечной природы движенія. Хотя химикъ и тяготѣетъ къ мнѣнію, что существуетъ первичный атомъ, разнообразныя комбинаціи котораго образовали такъ называемые элементы, подобно тому, какъ разнообразныя комбинаціи этихъ элементовъ образуютъ окиси, кислоты, соли и множество другихъ, болѣе сложныхъ, веществъ, однако, относительно этого гипотетическаго атома онъ и теперь знаетъ не больше того, что зналъ съ самого начала. Подобно этому, хотя и есть основанія предполагать, что существуетъ первичная единица сознанія (нервный толчекъ), что ощущенія всѣхъ порядковъ образованы изъ этихъ единицъ, комбинированныхъ въ различныхъ отношеніяхъ, что соединеніемъ этихъ ощущеній и ихъ различныхъ отношеній образованы воспріятія и идеи, и такъ далѣе, до самыхъ высокихъ мыслей и эмоцій; однако, эта единица сознанія остается недоступною для изслѣдованія. Предположимъ, что для насъ сдѣлалось вполнѣ яснымъ, что толчекъ въ сознаніи и молекулярное движеніе суть субъективная и объективная сторона одного и того же явленія; мы все таки остаемся совершенно неспособными соединить обѣ эти стороны такимъ образомъ, чтобы понять реальность, противоположныя стороны которой они образуютъ. Мы можемъ мыслить о матеріи только въ терминахъ духа. Мы можемъ мыслить о духѣ только въ терминахъ матеріи.

Когда мы доводимъ изслѣдованіе первой до послѣднихъ предѣловъ, мы приходимъ ко второму, въ качествѣ конечнаго отвѣта (такъ какъ свойства матеріи получаютъ для насъ реальность только въ связи съ разными состояніями нашего сознанія); а когда мы ищемъ конечнаго отвѣта для духа, мы возвращаемся для истолкованія его къ матеріи (сознаніе безъ представленія о реальностяхъ внѣшняго происхожденія перестаетъ быть сознаніемъ, и единственный видъ какъ бы

безтѣлеснаго духа есть только наблюдаемое внутреннимъ окомъ наше сознаніе). Мы опредѣляемъ значеніе X въ терминахъ У, а значеніе У въ терминахъ X; и это мы можемъ продолжать вѣчно, не приближаясь къ рѣшенію. Антитеза субъекта и объекта,—антитеза, которой никогда нельзя уничтожить, пока существуетъ сознаніе,—дѣлаетъ невозможнымъ знаніе конечной реальности, въ которой субъектъ и объектъ соединяются.

Но хотя природа того, что проявляется подъ каждою изъ этихъ формъ, оказывается недоступною для изслѣдованія, однако, порядокъ проявленій этого неизвѣстнаго во всѣхъ явленіяхъ духа есть тотъ же, что и порядокъ его проявленій во всѣхъ матеріальныхъ явленіяхъ (по всѣмъ фазисамъ основныхъ законовъ эволюціи). Поэтому можно сдѣлать тотъ общій выводъ, что существуетъ одна конечная реальность, которая проявляется для насъ субъективно и объективно (*Ps.* § 272; *F. P.* § 198).

Эти идеи Спенсера находятся въ органической связи съ его ученіемъ о познаваемомъ и непознаваемомъ для нашего ума.

Сущее само въ себѣ, говоритъ онъ, непознаваемо. Непознаваемо оно по самымъ свойствамъ нашего мышленія. Вѣдь что мы называемъ знакомствомъ съ предметомъ, познаніемъ его? Знаніе такихъ его признаковъ и свойствъ, которые мы можемъ включить въ классы знакомыхъ намъ признаковъ и свойствъ съ возможностью перевести ихъ на какія нибудь болѣе общія идеи, служащія къ ихъ объясненію. Какъ мы изучаемъ любое явленіе, хотя бы физіологическое, напр., дыханіе или пищевареніе? Мы стараемся для этого свести его къ законамъ болѣе общимъ физическимъ, а эти къ положеніямъ математическимъ. Разъ же мы сводимъ все къ болѣе общей идеѣ, то самая общая не можетъ быть понята, если ее не свести на еще болѣе общую: пониманіе должно перестать быть пониманіемъ, чтобы мы могли понять самую конечную общую идею. Познаніе требуетъ знанія отношенія, различія и сходства; поэтому невозможно познаніе безконечнаго или абсолютнаго: не можетъ птица вылетѣть за предѣлы атмосферы, къ свойствамъ которой только и приспособленъ ея летательный аппаратъ.

Знаніе можетъ быть только относительное. Такъ какъ оно плодъ эволюціи жизни, т. е. приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, то оно другимъ и быть не можетъ; да абсолютное знаніе, будь оно даже возможно, было бы для насъ безполезно, такъ какъ оно никакимъ жизненнымъ надобностямъ не служило бы: намъ вѣдь не пересоздавать міръ нужно, а лишь пользоваться имъ на основаніи того, какъ онъ существуетъ. Относительность знаній, однако, не исключаетъ глубины познанія объективнаго хода вещей, какъ показываютъ намъ результаты приложенія математическихъ истинъ (составляемыхъ изъ чистѣйшаго представленія объ отношеніяхъ между величинами и пространствами) къ астрономическимъ выкладкамъ и основываемыя на нихъ предсказанія.

Однако, прибавляетъ еще къ этому Спенсеръ, должно ли исключить всякое знаніе, кромѣ относительнаго? Можно ли считать, что безконечное, абсолютное, составляютъ только одно отрицаніе тѣхъ условій, при которыхъ возможно познаніе? Нѣтъ, подъ всѣмъ относительнымъ находится непреложное сознаніе чего-то реальнаго и безотносительнаго. Оно вѣдь только и дѣлаетъ возможнымъ понятіе относительнаго; иначе это относительное стало бы само абсолютомъ. Мы не можемъ его познать, но мы сознаемъ его существованіе. Это есть самое общее и самое непреложное изъ обобщеній всего нашего опыта. Какъ ни мѣняются воззрѣнія на сущность вещей, всегда остается убѣжденіе въ существованіи ея. А такъ какъ единственнымъ мѣриломъ вѣрности нашихъ относительныхъ знаній служитъ степень ихъ способности сопротивляться усиліямъ, дѣлаемымъ для ихъ измѣненія, то нужно этой вѣрѣ въ существованіе объективной реальности сущаго, сопутствующей всѣ времена и всякія обстоятельства, и не могущей прекратиться иначе, какъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ самого нашего сознанія, придавать наисильнѣйшую достовѣрность (*F. P.* §§ 25 и 26).

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. С. Гольденвейзеръ.

БАНКОВСКІЕ ДОЛГИ И ПОРЯДОКЪ ИХЪ ВЗЫСКАНІЯ.

(Замѣчанія на проектъ правилъ о взысканіи кредитными установленіями съ заложенныхъ имъ по займамъ имѣній) [1]).

I.

Проектомъ „положенія о порядкѣ взысканія съ недвижимыхъ имѣній“ предполагаются радикальныя измѣненія въ дѣйствующей системѣ продажи имѣній неисправныхъ заемщиковъ въ поземельныхъ кредитныхъ установленіяхъ.

Важнѣйшее изъ нихъ заключается въ томъ, что по названному положенію заложенныя въ банкахъ имѣнія должны продаваться не въ правленіяхъ банковъ, а въ мѣстныхъ вотчинныхъ установленіяхъ.

Представители кредитныхъ установленій крайне неодобрительно отнеслись къ предполагаемымъ измѣненіямъ. По ихъ мнѣнію, предполагаемыя нововведенія не могутъ быть приведены въ исполненіе безъ разстройства ипотечнаго кредита и замѣшательства въ дѣятельности кредитныхъ установленій, такъ какъ они не соотвѣтствуютъ потребностямъ и состоянію недвижимой собственности и основаннаго на ней ипотечнаго кредита.

Это воззрѣніе на правила проекта привело банковыхъ дѣятелей къ тому заключенію, что выработка надлежащей

---

[1]) Глава XI проекта положенія о порядкѣ взысканій съ недвижимыхъ имѣній, изд. 1896 г.

редакціи постановленій, касающихся предположеннаго въ проектахъ порядка взысканія съ неисправныхъ заемщиковъ кредитныхъ установленій и порядка совершенія залога, *представляется излишней.*

Съ точки зрѣнія банковыхъ дѣятелей такое рѣшительное veto вполнѣ понятно. Проектъ отнимаетъ у банковъ право быть хозяевами и безконтрольными распорядителями заложенными имъ имѣніями при неисправности собственниковъ таковыхъ и судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Но мы не намѣрены входить въ обсужденіе тѣхъ софизмовъ, на коихъ основано мнѣніе о неминуемой гибели не только ипотечнаго кредита въ Россіи, но и всего состоянія недвижимой собственности у насъ. Не будучи заинтересованы въ дѣлѣ ни съ какой стороны, т. е. ни со стороны заемщика, ни со стороны его кредиторовъ и пріобрѣтателей продаваемыхъ въ банкахъ имѣній, мы намѣрены разсмотрѣть, насколько цѣлесообразны, удобны и желательны проектированныя правила.

Тридцатидвухлѣтняя практика въ качествѣ судьи, которому приходилось сотни разъ встрѣчаться съ дѣйствующей системой банковыхъ взысканій, даетъ намъ основаніе сказать, что вышеупомянутое важнѣйшее измѣненіе въ этой системѣ должно быть горячо привѣтствуемо каждымъ, матеріально не заинтересованнымъ въ дѣлѣ.

Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что привилегія банковъ продавать въ своихъ правленіяхъ заложенныя имъ имѣнія является прямымъ противорѣчіемъ общему духу нашего законодательства, составляя ничѣмъ неоправдываемое (какъ это будетъ доказано ниже) исключеніе изъ того принципіальнаго правила, по которому всякое юридическое дѣйствіе, касающееся вещныхъ правъ на недвижимое имѣніе, должно быть совершаемо въ учрежденіяхъ, въ районѣ дѣйствія коихъ находится то имѣніе. Изъ многочисленныхъ по этому предмету правилъ устава гражданскаго судопроизводства (ст. 212, 213, 213[1], 2 п. 584, 1133, 1401, 1409, 1424, 1438, 1451 и 3 п. 154 ст. пол. о нот. части) особое значеніе для разсматриваемаго вопроса имѣютъ 1133 ст. дѣйствующаго устава гражданскаго судопроизводства и 1416 ст.

проекта новаго устава. По силѣ первой изъ нихъ, „недвижимыя имѣнія, оцѣненныя ниже пятисотъ рублей, продаются *при мѣстномъ* мировомъ съѣздѣ; имѣнія, оцѣненныя въ пятьсотъ рублей или выше, а также всѣ имѣнія, лежащія въ уѣздѣ того города, гдѣ находится окружный судъ, продаются *при семъ судѣ*"; по силѣ второй—„недвижимыя имѣнія, оцѣненныя ниже двухъ тысячъ рублей, продаются *при мѣстномъ* уѣздномъ или городскомъ отдѣленіи окружнаго суда, причемъ имѣнія, оцѣненныя ниже пятисотъ рублей и лежащія внѣ того города, гдѣ находится отдѣленіе окружнаго суда, могутъ быть, по взаимному согласію взыскателя, должника и залогодержателей, продаваемы *и мѣстнымъ участковымъ судьею*; имѣнія же, оцѣненныя въ двѣ тысячи рублей или выше, продаются *при окружномъ судѣ*. По особымъ мѣстнымъ условіямъ, продажа можетъ быть произведена *и при другомъ ближайшемъ* судебномъ мѣстѣ".

Изъ содержанія этихъ статей съ очевидностью явствуетъ, что, постановляя эти правила, законодатель особенно заботился о томъ, чтобы возможно болѣе оградить интересы какъ собственника продаваемаго имѣнія, такъ и всѣхъ его кредиторовъ, имѣющихъ право обратить свои взысканія на то имѣніе, такъ какъ нигдѣ недвижимое имѣніе не можетъ быть продано съ такою выгодою, какъ въ мѣстѣ, возможно ближайшемъ къ этому имѣнію. Дѣйствительно:—то переходное состояніе, въ которомъ въ настоящее время находится недвижимая собственность въ Россіи, создало особый видъ покупателей, котораго не было прежде и который долженъ будетъ исчезнуть, коль скоро будутъ приняты мѣры къ охраненію и упроченію истиннаго *землевладѣнія* въ Россіи. Въ настоящее время у насъ сильно развита спекуляція недвижимыми имѣніями. Появилось значительное число лицъ, пріобрѣтающихъ недвижимыя имѣнія не съ тѣмъ, чтобы владѣть ими и правильно эксплоатировать ихъ обычнымъ порядкомъ, а съ тѣмъ, чтобы возможно скорѣе выжать изъ нихъ всѣ тѣ соки, которые могутъ быть выжаты: вырубить лѣсъ, воспользоваться нѣдрами, распродать въ тридорога по мелкимъ кускамъ землю мѣстнымъ жителямъ, по преимуще-

ству крестьянамъ, перезаложивъ предварительно имѣніе въ какомъ-либо банкѣ, всегда готовомъ къ услугамъ этихъ новыхъ „землевладѣльцевъ“. Рядомъ съ этими маклаками и гешефтмахерами появилась цѣлая армія факторовъ, коммиссіонеровъ и посредниковъ, постоянно снующихъ при правленіяхъ поземельныхъ кредитныхъ установленій и, такъ сказать, вынюхивающихъ добычу, которую услужливо предлагаютъ ищущимъ легкой наживы. Каждому, кто обращается къ содѣйствію этихъ коммиссіонеровъ, прежде всего предлагается вопросъ: „вы желаете пріобрѣсти имѣніе *для дѣла* или *такъ*“?—„для дѣла“—означаетъ для спекуляціи; „такъ“—для себя.

Покупатель этого типа, преслѣдуя одну цѣль—наживу, ничѣмъ не стѣсняется. Онъ заинтересованъ не въ томъ, чтобы пріобрѣсти извѣстное имѣніе, а въ томъ, чтобы купить какое-нибудь, лишь бы покупка была выгодна съ его спекуляторской точки зрѣнія. Поэтому онъ при содѣйствіи названныхъ приспѣшниковъ избираетъ не одно, а нѣсколько имѣній, назначенныхъ банкомъ къ продажѣ, съ тѣмъ, что если одно будетъ снято съ торговъ, удастся, быть можетъ, купить другое. Для него, вслѣдствіе этого, нисколько не затруднительно являться на торги, гдѣ бы они ни производились.

Совершенно иное представляютъ тѣ покупатели, которые намѣрены пріобрѣсти имѣніе для себя—„*такъ*“—по выраженію маклеровъ и факторовъ. Для каждаго изъ этихъ покупателей важно купить не какое-либо имѣніе, а то, которое ему хорошо извѣстно; которое только и можетъ быть желательно для него. Такой покупатель, обыкновенно мѣстный житель, никогда не будетъ рисковать далекой поѣздкой въ правленіе банка, но легко можетъ рискнуть явиться на торги въ городъ недалекій сравнительно и отъ назначеннаго въ продажу имѣнія и отъ его собственнаго мѣстожительства. Такая поѣздка для него не составитъ обремененія, если она и окажется напрасной: не удастся ему купить намѣченное имѣніе, удастся сдѣлать кое-какія другія дѣла въ центрѣ мѣстнаго управленія.

Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ, на основаніи коихъ могли бы утверждать, что имѣнія, продаваемыя въ банкахъ, продаются исключительно не мѣстнымъ жителямъ, но мы знаемъ многочисленные примѣры тому, что мѣстные жители отказывались отъ пріобрѣтенія извѣстныхъ имѣній именно потому, что они продавались за тридевять земель и пріобрѣтались лицами, быстро раздѣлывающимися съ ними.

Если, въ виду этого, говорить о потребностяхъ и состояніи недвижимой собственности въ Россіи, то, полагаемъ, не съ точки зрѣнія содѣйствія разнымъ спекуляторамъ, а съ точки зрѣнія желательнаго упроченія нашего землевладѣнія, что съ большимъ удобствомъ можетъ быть достигаемо при продажѣ всѣхъ недвижимыхъ имѣній въ ближайшихъ къ нимъ учрежденіяхъ.

Засимъ не должно быть игнорируемо то обстоятельство, что нынѣ существующая система продажи имѣній въ правленіяхъ банковъ нерѣдко является причиною столкновенія двухъ продажъ одного и того же имѣнія въ одно и то же время. Совершенно невѣрно увѣреніе сторонниковъ дѣйствующей системы въ томъ, что случаи такого столкновенія исключительно рѣдки. Рѣдки случаи двухъ продажъ одного имѣнія, но и они бываютъ и влекутъ за собою вовсе нежелательныя послѣдствія. Уже одно это заставляетъ желать принятіе надлежащихъ мѣръ для устраненія подобныхъ неудобствъ, въ сущности ничѣмъ не оправдываемыхъ. Случаи же разсматриваемаго столкновенія, имѣющіе своимъ послѣдствіемъ безуспѣшность обоихъ торговъ, встрѣчаются гораздо чаще, а случаи малоуспѣшности или невыгодности продажи даже очень часты. Дѣло въ слѣдующемъ:

Въ отвѣтъ на доставленное банку объявленіе о назначеніи заложеннаго въ немъ имѣнія въ продажу за частные долги владѣльца, банки сплошь и рядомъ ставятъ условіе, чтобы причитающаяся имъ сумма платежей была выслана имъ *не позже такого-то числа*, иначе имѣніе будетъ продано въ банкѣ. Если между днемъ, назначеннымъ для производства торга въ окружномъ судѣ, и днемъ, до котораго сумма причитающихся банку платежей *должна быть доставлена ему*,

промежутокъ времени настолько незначителенъ, что требованіе банка фактически не можетъ быть исполнено, то многіе покупатели, являющіеся на торги въ судебное мѣсто, опасаясь нежелательныхъ для нихъ послѣдствій продажи имѣнія и въ банкѣ, благоразумно уклоняются отъ участія въ торгахъ, которые, поэтому, или объявляются несостоявшимися по неимѣнію желающихъ торговаться, или производятся при небольшомъ числѣ соревнователей, и имѣніе, въ ущербъ интересовъ должника и его кредиторовъ, продается за меньшую цѣну, чѣмъ та, которая могла бы быть выручена, если бы часть покупщиковъ и при томъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, наиболѣе солидныхъ, не была запугана объявленнымъ банкомъ условіемъ.

Независимо отъ сего, въ подобныхъ случаяхъ бываетъ налицо и другое нежелательное слѣдствіе одновременности, или почти одновременности двухъ торговъ въ двухъ различныхъ мѣстностяхъ, иногда очень далеко отстоящихъ одно отъ другого: число желающихъ торговаться раздѣляется на двѣ части. Одна,—люди ближайшіе по мѣсту своего жительства къ продаваемому имѣнію обыкновенно являются въ ближайшее къ нимъ учрежденіе, при которомъ производится продажа, т. е. въ мѣстный окружный судъ, тогда какъ другая часть покупателей ѣдетъ въ банкъ, гдѣ, если торгъ не откладывается тоже по неявкѣ желающихъ торговаться, то имѣніе продается за сравнительно низкую цѣну, весьма немногимъ превышающую банковый долгъ съ причитающимися платежами и недоимками. Иногда разница между покупною суммою и долгомъ банку до того ничтожна, что по распредѣленію ея, когда она будетъ прислана для этого въ окружный судъ, между личными кредиторами — удовлетвореніе послѣднихъ опредѣляется долями копѣйки на рубль.

Все это анормально, является какою-то аномаліей, равно ничѣмъ не вызываемою и ничѣмъ не оправдываемою. Правда, банки стараются оправдать этотъ порядокъ, указывая прежде всего на то, что имѣя право продавать у себя заложенныя имъ имѣнія неисправныхъ заемщиковъ, они имѣютъ возможность предоставлять многимъ изъ нихъ такія

льготы, которыя спасаютъ ихъ отъ разоренія, сохраняя за ними имѣнія, и тѣмъ поддерживаютъ землевладѣніе, крайне нуждающееся въ поддержкѣ при нынѣшнихъ условіяхъ экономической жизни Россіи. Нельзя спорить противъ того, что это прекрасныя слова, полныя благожелательства; но нельзя спорить и противъ того, что это только слова. Если владѣлецъ имѣнія долженъ только банку, то послѣдній всегда можетъ предоставить ему упомянутую льготу, гдѣ бы ни продавалось имѣніе; никому другому отъ этого не будетъ ущерба. Но если онъ кромѣ банка имѣетъ частные долги, уплатить которыхъ не въ состояніи, какъ не въ состояніи уплатить и банковую недоимку, то названная льгота не предотвратитъ продажи имѣнія, оно будетъ продано на удовлетвореніе частныхъ взысканій. Если же продажа неизбѣжна, то, кажется, естественно позаботиться и о томъ, дабы и частные кредиторы получили возможно большее удовлетвореніе. А это послѣднее возможно лишь при условіи, когда продажа будетъ производиться учрежденіемъ, не заинтересованнымъ въ дѣлѣ подобно тому, какъ заинтересованъ банкъ, для котораго важно одно—продать имѣніе за такую сумму, которая покрывала бы его собственное взысканіе, о взысканіи же прочихъ кредиторовъ ему никакого дѣла нѣтъ. А между тѣмъ, въ числѣ этихъ кредиторовъ могутъ быть такіе же землевладѣльцы, какъ и ихъ должникъ, и могутъ нуждаться въ возможно полномъ удовлетвореніи своихъ претензій, дабы и самимъ не стать въ такое же положеніе въ отношеніи ихъ имѣній, въ какомъ очутился должникъ. Нельзя, поэтому, односторонне смотрѣть и на это дѣло, какъ и на всякое другое, а тѣмъ болѣе нельзя утверждать, что существующая система взысканій банковыхъ претензій является какимъ то благодѣяніемъ для заемщиковъ, самымъ надежнымъ и непоколебимымъ фундаментомъ нашего землевладѣнія.

Далѣе, банки указываютъ на то, что никакое правительственное или судебное установленіе, не имѣя личнаго интереса въ дѣлѣ и относясь къ нему по чиновничьи, никогда не окажетъ желающимъ пріобрѣсти то или другое подлежащее продажѣ имѣніе того содѣйствія, которое можетъ оказать

банкъ, имѣющій самыя полныя свѣдѣнія о продаваемомъ имѣніи и всегда готовый сообщать ихъ каждому, желающему подробно ознакомиться съ ними. Но во 1-хъ, есть много основаній для сомнѣнія въ томъ, что банки имѣютъ вполнѣ точныя свѣдѣнія о каждомъ заложенномъ у нихъ имѣніи. Судебная практика свидѣтельствуетъ совершенно противное. Не говоря уже о томъ, что по имѣніямъ, проданнымъ банками, очень часто возникаютъ споры о силѣ контрактовъ, о которыхъ банки не имѣли никакого понятія, мы не одинъ разъ встрѣчались съ примѣрами полнаго незнакомства банковъ съ тѣмъ, что имъ закладывается и что ими продается. Вотъ одинъ изъ нихъ: въ Московскомъ земельномъ банкѣ назначены были торги на домъ, находящійся въ Минскѣ и принадлежащій нѣкоему Ц. Постоянный житель Москвы, Л. соблазнился свѣдѣніями, сообщенными ему въ банкѣ, и купилъ тотъ домъ за долгъ банку въ 9000 рублей, въ чемъ очень скоро пришлось раскаяться. Домъ оказался не домомъ, а тремя стѣнами, пристроенными къ стѣнѣ чужого дома, въ которою прежній собственникъ самовольно впустилъ балки, пользуясь тѣмъ, что сосѣдній домъ очень долгое время послѣ пожара 1881 года стоялъ безъ присмотра и надзора. Кромѣ того оказалось, что вмѣсто обширнаго двороваго мѣста, купленнаго Л. вмѣстѣ съ домомъ, никакого двора нѣтъ; домъ тотъ былъ выстроенъ когда-то владѣльцемъ обширной усадьбы Р. и подаренъ праводателю Ц. съ предоставленіемъ ему только права въѣзда во дворъ усадьбы, которая впослѣдствіи перешла во владѣніе купца Ш. Намъ неизвѣстно, какъ было устроено залогодателемъ Ц., что банку ничего этого не было извѣстно, но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что банкъ, и принимая этотъ домъ въ залогъ и продавая его съ публичнаго торга, не имѣлъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній объ истинномъ состояніи принятаго имъ въ залогъ имущества и тѣмъ заставилъ покупщика вести цѣлый рядъ процессовъ и о дворѣ, и о стѣнѣ, и объ убыткахъ.

Впрочемъ, отсутствіе у банковъ надлежащихъ свѣдѣній о продаваемыхъ ими имуществахъ вполнѣ понятно. Кромѣ тѣхъ оффиціальныхъ данныхъ, которыя содержатся въ пред-

ставляемыхъ имъ документахъ при совершеніи залога, они имѣютъ свѣдѣнія отъ своихъ агентовъ, осматривающихъ закладываемое имѣніе. Но эти свѣдѣнія въ огромномъ большинствѣ случаевъ завѣдомо невѣрны. Банки сами признаютъ, что имъ очень часто приходится дѣлать невѣрную оцѣнку, прибавляя 20 и болѣе процентовъ къ дѣйствительной стоимости принимаемаго въ залогъ имущества, дабы удовлетворить желаніе заемщика получить ссуду болѣе той, которую банкъ можетъ выдать, не отступая отъ предписаній устава. Такая невѣрная оцѣнка нерѣдко дѣлается и безъ вѣдома банка, самимъ агентомъ, если послѣдній находитъ возможнымъ или нужнымъ услужить заемщику. Для этого обыкновенно повышается доходность закладываемаго имѣнія: — „вы можете отдавать эту квартиру и за 100 р. въ годъ, если это вамъ угодно, но я, говоритъ агентъ, цѣню ее не ниже 600 рублей, иначе мы не можемъ вывести желаемую вами сумму“. Такія любезности со стороны банковыхъ агентовъ намъ не разъ приходилось слышать, присутствуя при повѣркѣ, производимой агентами, представленныхъ банку свѣдѣній.

Къ этому слѣдуетъ присовокупить еще то, что о послѣдующихъ измѣненіяхъ въ заложенномъ имѣніи, банкъ почти не имѣетъ никакихъ свѣдѣній, что признается всѣми банками и что ими выставляется важнѣшимъ аргументомъ противъ проектируемаго правила о возложеніи на нихъ отвѣтственности предъ покупщиками за обнаруженное впослѣдствіи несоотвѣтствіе дѣйствительнаго состоянія купленнаго имѣнія тому, въ какомъ оно было продано. И дѣйствительно,— откуда банки могутъ знать объ этихъ измѣненіяхъ? Десятки лѣтъ заемщикъ аккуратно вноситъ слѣдующіе съ него платежи, и для банка нѣтъ основанія входить въ повѣрку состоянія имѣнія, въ которомъ за это время можетъ многое измѣниться къ худшему посредствомъ отчужденія всего того, что составляетъ его главнѣйшую цѣнность. Правда, случается, что банки предъявляютъ иски о признаніи недѣйствительными, какъ обезцѣнивающіе заложенное имѣніе, акты, совершенные собственникомъ, и даже послѣдній привлекается къ дѣлу въ качествѣ отвѣтчика, но почти всѣ эти иски возбуждаются не

по собственной инициативѣ банковъ, а по почину или другихъ вещныхъ кредиторовъ, или самого собственника, который, продавъ, напр., лѣсъ на срубъ и получивъ значительную часть денегъ, находитъ, что онъ продешевилъ лѣсъ и что за него можно выручить значительно большую сумму, и вотъ устраивается такъ, что банкъ или начинаетъ дѣло, или вступаетъ въ начатое другими.

Наконецъ, даже о такихъ договорахъ по имѣнію, которые заключены собственникомъ вполнѣ добросовѣстно и должны подлежать исполненію со стороны новаго собственника, если имѣніе будетъ продано, банки далеко не всегда бываютъ поставлены въ извѣстность, и потому лишены возможности сообщать о нихъ покупщикамъ, послѣдствіемъ чего весьма нерѣдки споры пріобрѣтателей съ арендаторами о недѣйствительности договоровъ. Причина этому та, что при продажѣ имѣнія въ банкѣ, мелкимъ арендаторамъ, находящимся на далекомъ разстояніи отъ мѣста нахожденія правленія банка, ничего неизвѣстно о предположенной продажѣ. Публикацій они не читаютъ. Если же имѣніе продается при мѣстномъ окружномъ судѣ, то слухъ объ этомъ быстро разносится въ окрестностяхъ, особенно, когда производится опись имѣнія, и каждый арендаторъ спѣшитъ представить свой контрактъ къ торговому производству для имѣнія въ виду покупщиковъ, чѣмъ вполнѣ гарантируетъ свои права.

Во 2-хъ, неосновательно утвержденіе банковъ, что каждый желающій купить имѣніе легче можетъ получить всѣ необходимыя для него свѣдѣнія въ банкѣ, чѣмъ въ судѣ. Въ судѣ, говорятъ, никто не можетъ интересоваться чужимъ дѣломъ и всѣ относятся по чиновничьи, иногда свысока къ требующему сообщить ему необходимыя свѣдѣнія; въ банкѣ же совсѣмъ другое. Банкъ заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣніе было продано возможно выгоднѣе для него, а потому любопытство каждаго удовлетворяется имъ со всякою предупредительностію.

Ничего подобнаго въ дѣйствительности нѣтъ. Въ судѣ, конечно, никто не заинтересованъ въ дѣлѣ; но въ немъ находятся всѣ необходимыя свѣдѣнія, сконцентрированныя въ

торговомъ производствѣ, которое всякій можетъ разсматривать безъ всякаго препятствія и извлекать изъ него всѣ необходимыя свѣдѣнія, ибо предоставлять его каждому желающему предписываетъ самъ законъ (ст. 1150 уст. гр. суд.), не исполнять который никто не можетъ. Нѣсколько иначе дѣлается это въ банкахъ. По отзывамъ многихъ, являвшихся туда на торги, — получить необходимыя свѣдѣнія — дѣло не всегда легкое. „Заинтересованные" въ дѣлѣ банковые дѣятели очень часто не только не выказываютъ ни малѣйшей предупредительности, но недружелюбно относятся къ обращающимся къ нимъ съ какимъ-либо вопросомъ и съ высотъ своихъ табуретовъ едва удостоиваютъ отвѣтомъ. Добиться же аудіенціи у начальствующихъ, у директоровъ, — сплошь и рядомъ дѣло крайне затруднительное.

Но самое важное, что вызываетъ безусловную необходимость измѣненія существующихъ порядковъ продажи имѣній за банковые долги, — это та аномалія, которая составляетъ отличительную черту этихъ порядковъ, а именно—соединеніе въ одномъ лицѣ и взыскателя, и судьи, и исполнителя распоряженій послѣдняго. Банкъ взыскиваетъ, банкъ опредѣляетъ количество взысканія, время продажи и пр., и банкъ же приводитъ всѣ эти распоряженія въ исполненіе. Все, что имъ дѣлается въ качествѣ того, другого и третьяго, совершенно безконтрольно. Въ чемъ бы ни заключались допускаемыя имъ неправильности, исправленіе ихъ возможно только путемъ иска, т. к. возможность обжалованія того или другого дѣйствія почти не существуетъ и во всякомъ случаѣ ни къ чему не приводитъ, ибо жаловаться можно только тому же самому банку, который, такимъ образомъ, является и высшей инстанціей надъ своими собственными дѣйствіями.

Искъ, конечно, есть средство защиты поруганнаго права, но нужно ли доказывать, что это средство крайне обременительно и далеко не всегда надежно. Несомнѣнно, что собственникъ имѣнія, проданнаго съ грубымъ нарушеніемъ установленныхъ правилъ, всегда имѣетъ возможность предъявить искъ, но всегда ли есть шансы выиграть его? Возьмемъ для примѣра рядъ исковъ, предъявленныхъ къ Московскому

кредитному обществу, которое правило своего устава о необходимости печатать публикаціи „въ столичныхъ вѣдомостяхъ“ нашло удобнымъ истолковать въ смыслѣ вѣдомостей одной столицы и, въ силу этого, допустивъ коренное нарушеніе своего устава, какъ это признано правительствующимъ сенатомъ, неправильно продало такое количество домовъ въ Москвѣ, что когда стали предъявляться иски объ уничтоженіи произведенныхъ имъ торговъ, оно само пришло въ неописанный ужасъ: — „вся Москва находится въ опасности: тысячи новыхъ собственниковъ должны будутъ разстаться съ своими домами и понесутъ неисчислимые убытки“, заговорили банковые дѣятели, страшась за участь самого общества, которое должно было бы отвѣтствовать за эти неисчислимые убытки, если бы всѣ предъявленные иски были присуждены. Простая случайность спасла банкъ и новыхъ собственниковъ, но погубила тѣхъ заемщиковъ, объ интересахъ коихъ такъ усиленно заботятся всѣ банки, возражая противъ измѣненія нынѣшняго порядка продажи имѣній въ банкахъ: истцы пропустили двухгодичный срокъ, установленный 1524 ст. зак. гр., и проиграли свои иски (см. р. гр. д. сената за 1903 г. № 64). Правда, нѣкоторые изъ нихъ предъявили потомъ иски объ убыткахъ, но будутъ ли они присуждены, не будутъ-ли признаны повтореніемъ разъ проигранныхъ—вопросъ еще нерѣшенный.

Неудобство существующей системы защиты нарушенныхъ банкомъ правъ заемщиковъ проявляется и въ томъ, что подобный искъ можетъ быть предъявленъ лишь тогда, когда имущество будетъ продано и поступитъ въ обладаніе посторонняго лица, ни въ чемъ неповиннаго, съ правами котораго нельзя не считаться.

Но если для должника всетаки есть какое нибудь средство защиты, то для его кредиторовъ, а также для тѣхъ, которые желали бы пріобрѣсти то или другое имѣніе, но не были допущены къ тому неправильными дѣйствіями банка, и этого крайне обременительнаго средства нѣтъ. По искамъ каждаго изъ нихъ продажа никогда не будетъ уничтожена, и имъ остается предъявлять иски только объ убыткахъ. Но

какъ доказать эти убытки?.... Да и желательно ли банкамъ, чтобы эти или другіе убытки, причиняемые своими неправильными дѣйствіями кому бы то ни было,—заемщику ли, чье имѣніе продано неправильно, или покупщику, отъ котораго вслѣдствіе такой неправильности оно было бы отобрано—были доказаны и они, банки, были бы присуждены къ уплатѣ ихъ? Въ числѣ возраженій противъ проекта, дѣлаемыхъ банками, приводится еще одно: охраняя собственные интересы, банкъ вмѣстѣ съ тѣмъ охраняетъ интересы тѣхъ многочисленныхъ держателей закладныхъ листовъ, которые вкладываютъ иногда все свое состояніе въ дѣло банка и для которыхъ важно, чтобы пріобрѣтенныя ими бумаги нисколько не теряли своей цѣнности; словомъ, охраняетъ интересы публичнаго кредита.

Позволительно, однако, думать, что охрана этихъ интересовъ не можетъ быть признана дѣйствительною, если она основывается на возможности исправленія разъ допущенныхъ неправильностей только post factum, т. е. тогда, когда все исправленіе должно заключаться въ платежѣ причиненныхъ убытковъ. Хорошо были бы охраняемы интересы держателей бумагъ Московскаго кредитнаго общества, если бы бывшіе собственники неправильно проданныхъ имъ домовъ, не пропустили давности на предъявленіе ихъ исковъ!....

Вотъ, все изложенное не можетъ не приводить къ тому заключенію, что проектированное измѣненіе существующаго порядка продажи имѣній за долги кредитнымъ установленіямъ представляется не только желательнымъ, *но безусловно необходимымъ* не только въ интересахъ частныхъ кредиторовъ заемщика и его самого, но и самихъ банковъ.

II.

Проектъ, однако, сильно ослабляетъ устанавливаемое имъ правило о мѣстѣ продажи имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, предоставляя имъ требовать производства продажи и въ вотчинномъ установленіи той мѣстности,

гдѣ находится кредитное установленіе или его отдѣленіе, если уставомъ кредитнаго установленія предоставлено производить продажу въ этой (какой?) мѣстности (ст. 267). Предоставленіе такой привилегіи банкамъ, какъ это видно изъ объяснительной записки къ проекту положенія о порядкѣ взысканія, объясняется желаніемъ „предоставить банкамъ возможность ближайшимъ образомъ наблюдать за публичною продажею и принимать дѣятельныя мѣры къ обезпеченію успѣшности торга, а также для облегченія банкамъ участія въ производствѣ, предшествующемъ торгу и непосредственно слѣдующимъ за нимъ“ (стр. 335).

Посмотримъ, насколько основательно это объясненіе и насколько оправдывается имъ та цѣль, съ которою допускается такое капитальное отступленіе отъ общаго правила о томъ, что всѣ имѣнія должны продаваться въ учрежденіяхъ, ближайшихъ къ мѣсту нахожденія продаваемаго имѣнія, т. е. отъ правила, установленнаго, какъ сказано выше, съ цѣлію возможно выгоднѣйшей продажи путемъ привлеченія большаго числа наиболѣе солидныхъ покупателей изъ окольныхъ жителей, хорошо знающихъ продаваемое имѣніе и его дѣйствительную стоимость.

По заявленію самихъ кредитныхъ установленій, число продаваемыхъ имѣній составляетъ не болѣе 2—5% того числа, которое объявляется къ продажѣ по неисправности заемщиковъ, въ концѣ концовъ недопускающихъ 98—95% ихъ имѣній до продажи внесеніемъ просроченныхъ ими платежей до дня торга. Такое незначительное число имѣній, продаваемыхъ за долги исключительно кредитныхъ установленій, вовсе не вызываетъ необходимости въ предоставленіи послѣднимъ права, во 1-хъ) отступать отъ названнаго общаго правила, а во 2-хъ) обременять тѣ вотчинныя отдѣленія, которыя находятся въ мѣстахъ нахожденія правленій банковъ или ихъ отдѣленій, сосредоточивая въ нихъ производство продажъ имѣній, расположенныхъ въ различныхъ губерніяхъ, безъ вниманія къ тому, что въ этихъ вотчинныхъ установленіяхъ, какъ находящихся въ центральныхъ пунктахъ Имперіи, всегда будетъ значительное число продажъ тѣхъ имѣній,

которыя продаются по требованію частныхъ взыскателей. Вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что банки не преминутъ воспользоваться предоставляемой имъ привилегіей и будутъ требовать, чтобы каждое имѣніе, назначаемое въ продажу на удовлетвореніе ихъ претензій, продавалось въ городахъ, въ коихъ находятся ихъ правленія или отдѣленія, ибо имъ легче сообщить такое требованіе кому слѣдуетъ, чѣмъ командировать своихъ агентовъ въ другіе города для присутствованія на торгахъ.

Но съ другой стороны,—несомнѣнно и то, что продажа, производимая далеко отъ мѣста нахожденія продаваемаго имѣнія, всегда менѣе выгодна прежде всего для собственника имѣнія. Для него, очевидно, важно, что если его имѣніе должно быть продано, то пусть оно будетъ продано за возможно большую сумму; банку же нужно одно—выручить свой долгъ, лежащій на имѣніи, на что онъ всегда можетъ расчитывать, гдѣ бы ни производилась продажа, такъ какъ въ случаѣ безуспѣшности торга онъ оставитъ имѣніе за собою *только въ суммѣ слѣдующаго ему долга.*

Еще сильнѣе представляется неосновательность разбираемаго правила, если принять во вниманіе, что изъ него не дѣлается исключеніе и на тѣ случаи, когда къ банковому взысканію присоединяются взысканія частныхъ кредиторовъ собственника продаваемаго имѣнія. Проектъ не обусловливаетъ права банка требовать продажи въ городѣ, гдѣ находится его правленіе или отдѣленіе, согласіемъ этихъ кредиторовъ, и такимъ образомъ, въ отношеніи этихъ послѣднихъ разсматриваемое правило представляется прямо несправедливымъ. Если для банка есть интересъ въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы торги были успѣшны, то для частныхъ кредиторовъ этотъ интересъ еще больше. Они должны ограничиваться лишь тѣмъ излишкомъ, который будетъ вырученъ сверхъ долга банку, а потому понятно, что они не могутъ не быть заинтересованы въ томъ, чтобы этотъ излишекъ былъ возможно больше, что, по справедливости, даетъ имъ право имѣть и свой голосъ при разрѣшеніи вопроса о томъ, гдѣ выгоднѣе и удобнѣе производить продажу того или другого имѣнія.

Можно согласиться съ тѣмъ, что банкамъ должно быть

предоставлено право требовать производства *вторыхъ* торговъ въ мѣстѣ нахожденія ихъ правленій или отдѣленій, такъ какъ безуспѣшность перваго торга уже служитъ доказательствомъ тому, что на мѣстѣ нѣтъ такихъ лицъ, которыя желали бы пріобрѣсти продаваемое имѣніе, и что, слѣдовательно, нѣтъ основанія подвергать дѣло риску, производя и вторые торги опять въ мѣстномъ вотчинномъ отдѣленіи. Такое правило было бы полезно еще и въ томъ отношеніи, что если вѣрно замѣчаніе, будто многіе покупатели не являются на первые торги въ надеждѣ, что торгъ не состоится и на вторыхъ торгахъ можно сдѣлать покупку болѣе выгодною, то въ виду возможности перенесенія вторыхъ торговъ въ мѣсто болѣе отдаленное отъ мѣста жительства ближайшихъ къ имѣнію покупателей, заставляло бы послѣднихъ не расчитывать на вторые торги и оканчивать дѣло сразу.

Итакъ, было бы правильнѣе и цѣлесообразнѣе изложить ст. 267 проекта положенія въ томъ смыслѣ, что первые торги могутъ производиться и не въ мѣстѣ, указанномъ въ 81—84 ст. проекта, но лишь при согласіи на то должника и всѣхъ его частныхъ кредиторовъ, присоединившихся къ банковому взысканію, допустивъ при этомъ разрѣшеніе этого вопроса по большинству голосовъ; банку же принадлежитъ право требовать производства вторыхъ торговъ въ вотчинномъ отдѣленіи той мѣстности, гдѣ находится правленіе банка или его отдѣленіе.

III.

Совершенно справедливы возраженія противъ правила, изображеннаго въ 256 ст. проекта. По силѣ этой статьи, „производство о взысканіи съ имѣнія возбуждается въ мѣстномъ по нахожденію имѣнія вотчинномъ установленіи просьбою кредитнаго установленія, которая подается по наступленіи просрочки въ платежахъ и по истеченіи льготнаго срока, если онъ предоставленъ должнику въ уставѣ кредитнаго установленія“. Значитъ, разъ заемщикъ допустилъ просрочку, не внесъ причитающагося съ него платежа въ установленный

срокъ и въ теченіе льготнаго срока, если онъ предоставленъ должнику уставомъ банка, послѣдній долженъ подать прошеніе въ подлежащее вотчинное отдѣленіе и при этомъ съ точностію выяснить составъ взыскиваемой суммы, „дабы можно было повѣрить, сказано въ объяснительной къ проекту запискѣ (стр. 325), соотвѣтствуетъ ли ходатайство банка правиламъ его устава". Исполненіе этого требованія представляется вполнѣ нормальнымъ и крайне простымъ: что стоитъ написать прошеніе и указать въ немъ сумму, подлежащую взысканію, безъ чего послѣднее и невозможно? Но дѣло въ томъ, что банки производятъ взысканія съ неисправныхъ плательщиковъ два раза въ годъ, по полугодіямъ, при чемъ неисправными плательщиками являются не одинъ, два или три человѣка, а цѣлые тысячи, и именно тысячи, изъ коихъ весьма значительное большинство (около $^2/_3$) оказываются не неисправными въ смыслѣ невозможности или затруднительности своевременнаго взноса платежей, а просто небрежными, которые нуждаются въ томъ, чтобы ихъ понудили къ исполненію ихъ обязанностей, и какъ только это сдѣлано, они спѣшатъ внести слѣдующіе съ нихъ платежи, чѣмъ, само собою разумѣется, устраняется всякая необходимость въ дальнѣйшемъ производствѣ взысканія.

Въ настоящее время это понужденіе неисправныхъ плательщиковъ по уставамъ нѣкоторыхъ банковъ заключается въ слѣдующемъ: разъ платежъ не внесенъ въ условленный срокъ, онъ зачисляется въ недоимку, на которую начисляются проценты, и производятся публикаціи о назначеніи имѣнія въ продажу, срокъ которой приэтомъ, однако, не назначается; силою этой публикаціи банкъ пріобрѣтаетъ право повѣрить опись имѣнія, а иногда и взять имѣніе въ свое управленіе, должнику же предоставляется извѣстный срокъ для добровольнаго взноса образовавшейся на имѣніи недоимки съ опредѣленною пенею, или, въ извѣстныхъ случаяхъ, просить о предоставленіи ему льготы, допускаемой уставомъ кредитнаго установленія. Только тогда, когда и въ теченіе этого льготнаго срока недоимка не будетъ внесена или льгота не будетъ исходатайствована, производится вторая публикація о продажѣ

имѣнія, но теперь, такъ сказать, уже въ серьезъ, т. е. съ назначеніемъ времени производства торга.

По свѣдѣніямъ банковъ, этой въ сущности невинной и вовсе необременительной для должника, въ смыслѣ безполезнаго увеличенія расходовъ по взысканію, мѣрой достигается тотъ результатъ, что $^2/_3$ имѣній, назначенныхъ въ продажу по первой публикаціи, освобождаются отъ продажи и дальнѣйшее производство по взысканію съ нихъ прекращается, такъ что вторая публикація о назначеніи имѣній въ продажу на опредѣленный день дѣлается только въ отношеніи $^1/_3$ имѣній, по которымъ платежи были просрочены.

Если теперь примемъ за среднюю цифру 6000 имѣній, по которымъ каждому изъ болѣе значительныхъ банковъ приходится въ теченіе каждаго полугодія производить взысканія понудительнымъ порядкомъ, то изъ нихъ только 2000 дѣйствительно ставятся на торги; остальныя же 4000 не требуютъ никакого дальнѣйшаго производства.

Иначе представляется дѣло по приведенному выше проектируемому правилу. Каждое кредитное установленіе должно подать по каждому просроченному имѣнію особое прошеніе въ подлежащее вотчинное отдѣленіе; слѣдовательно, среднимъ числомъ 6000 прошеній, которыя, если кредитное установленіе частное, должны быть оплачены шестью тысячами гербовыхъ марокъ. При прошеніи должна быть приложена копія его, тоже оплаченная гербовою маркою, для сообщенія вотчиннымъ отдѣленіемъ должнику при особой повѣсткѣ, въ которой онъ предворяется *о предстоящемъ* назначеніи имѣнія въ публичную продажу (ст. 256). Вмѣстѣ съ тѣмъ, вотчинное отдѣленіе вноситъ въ вотчинную книгу запись объ обращеніи взысканія, или, въ извѣстныхъ случаяхъ, налагаетъ на имѣніе запрещеніе. Всѣ эти дѣйствія, однако, не клонятся еще къ немедленному назначенію имѣнія въ продажу,—они только „замѣняютъ установленную въ уставахъ кредитныхъ установленій публикацію о публичной продажѣ имѣнія безъ назначенія дня торга“ (ст. 259). Послѣднее дѣлается только по истеченіи двухъ мѣсяцевъ со дня внесенія записи объ обращеніи взысканія или со дня наложе-

нія запрещенія, о чемъ составляются объявленія и производятся публикаціи установленнымъ порядкомъ.

Но всѣ эти мѣры не лишаютъ должника права не допустить имѣнія до продажи, уплативъ числящуюся за нимъ недоимку.

Такимъ образомъ, всѣ эти мѣры вплоть до объявленія о продажѣ имѣнія имѣютъ то же значеніе, что и нынѣ производимыя публикаціи безъ назначенія дня торга, т. е. значенія деликатнаго понужденія неисправныхъ плательщиковъ къ исполненію своихъ обязанностей. Но если это такъ, то такого рода понужденіе должно давать тѣ же результаты, что и нынѣшнія публикаціи, т. е. освобожденіе $^2/_3$ имѣній отъ назначенія ихъ въ продажу. Для чего же, спрашивается, кредитное установленіе должно составлять по 8000 лишнихъ бумагъ каждое полугодіе (4000 прошеній и столько же копій ихъ), а вотчинныя отдѣленія по 4000 повѣстокъ, по столько же записей объ обращеніи взысканій, или запретительныхъ статей, и по столько же, наконецъ, отмѣтокъ объ уничтоженіи этихъ записей, или разрѣшительныхъ статей по запрещеніямъ, оказавшимися ни для чего ненужными?

Но и это не все. 256 ст. проекта требуется, чтобы кредитное установленіе представляло при своемъ прошеніи въ вотчинное отдѣленіе копію имѣющейся у него описи имѣнія, а при непредставленіи таковой, само вотчинное отдѣленіе распоряжается о составленіи описи чрезъ судебнаго пристава (ст. 261), для чего должно составить еще одну бумагу,— предписаніе приставу. Такимъ образомъ, если признать, что менѣе значительныя кредитныя установленія вынуждены производить только третью, четвертую часть того числа взысканій, которое производится болѣе крупными, то окажется, что число всѣхъ этихъ бумагъ—просьбъ, копій, описей, повѣстокъ, предписаній, записей, запретительныхъ и разрѣшительныхъ бумагъ и пр.—должно опредѣляться числомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ въ годъ по всей Россіи, а пользы отъ этого никакой и ни для кого.

Эти соображенія приводятъ насъ къ тому заключенію, что было бы правильнѣе не требовать отъ кредитныхъ уста-

новленій подачи просьбъ о производствѣ взысканій прежде, чѣмъ ими самими не будетъ установлено, что владѣлецъ того или другого имѣнія не внесъ причитающагося съ него платежа, несмотря на всѣ тѣ мѣры предупрежденія, которыя банки имѣютъ право предпринимать по правиламъ своихъ уставовъ. Вѣдь если заемщикъ всегда вправѣ погасить свою недоимку и не доводить имѣнія до продажи, то вотчинному отдѣленію, не приступающему непосредственно къ производству взысканія, т. е. прямо къ назначенію имѣнія въ продажу, нѣтъ никакого основанія провѣрять правильность требованія, обращаемаго кредитнымъ установленіемъ непосредственно къ своему должнику. Эту повѣрку, если она нужна, вотчинное отдѣленіе имѣетъ возможность произвести и тогда, когда банкъ подастъ ему прошеніе, въ которомъ, объяснивъ, что платежъ не послѣдовалъ, несмотря на всѣ принятыя къ тому мѣры, будетъ просить о немедленномъ назначеніи имѣнія въ продажу. При такомъ порядкѣ совершенно устраняется напрасный трудъ по составленію цѣлыхъ сотенъ тысячъ совершенно безполезныхъ бумагъ.

Но, говорятъ, что и изъ той трети имѣній, которыя въ концѣ концовъ выставляются на продажу, продается очень незначительное число, процентовъ не болѣе 4—5, такъ какъ и особенно неисправные должники въ огромномъ большинствѣ случаевъ погашаютъ свои недоимки до дня торга. Слѣдовательно, и по подавляющему числу имѣній изъ этой трети подача просьбъ является одинаково напрасной. Съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ можно было бы согласиться, если бы была указана возможность не назначать въ продажу большинства и этихъ имѣній, а ограничиться назначеніемъ только тѣхъ 4—5%, которые неизбѣжно будутъ проданы. Но указать эту возможность нѣтъ средствъ. Допустить, напримѣръ, такой порядокъ, чтобы банки разсылали въ вотчинныя отдѣленія напечатанныя уже публикаціи, предварительно вычеркнувъ изъ нихъ тѣ имѣнія, которыя освобождаются отъ продажи, или подчеркнувъ тѣ, которыя подлежатъ назначенію въ продажу,—ничего этимъ не будетъ достигнуто. Это имѣло бы смыслъ, если бы банку приходилось имѣть дѣло съ какимъ-

либо однимъ вотчиннымъ отдѣленіемъ, когда весь трудъ заключался бы въ исправленіи одного экземпляра публикаціи; но вѣдь въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ городскихъ кредитныхъ обществъ, дѣло приходится имѣть почти съ столькими отдѣленіями, сколько имѣній нужно поставить на торги. Слѣдовательно, составить ли по каждому имѣнію особое прошеніе, или исправлять по экземпляру публикацій, оговаривая, для избѣжанія возможныхъ сомнѣній, а иногда и злоупотребленій, какія имѣнія вычеркнуты или какія подчеркнуты,—трудъ будетъ одинъ и тотъ же, если первый не легче послѣдняго, особенно если принять во вниманіе, что и къ публикаціямъ нужно приложить какую-нибудь препроводительную бумагу, хотя бы для того, чтобы сообщить вотчинному отдѣленію о количествѣ причитающагося съ имѣнія взысканія. Если теперь принять во вниманіе, что съ подачей прошенія съ банка снимаются всѣ обязанности по производству вторыхъ публикацій, по сообщенію должникамъ объявленій, если это требуется уставомъ банка, по составленію торговыхъ листовъ и проч., то окажется, что составленіемъ прошеній письмоводство банковъ не только не увеличится, но значительно сократится.

Итакъ, представляется болѣе цѣлесообразнымъ установленіе такого правила, въ силу котораго кредитныя установленія должны обращаться въ вотчинныя отдѣленія съ названными прошеніями лишь по истеченіи тѣхъ сроковъ, по наступленіи коихъ имѣніе должно быть окончательно назначено въ продажу съ опредѣленіемъ мѣста и дня производства торга.

IV.

Обращаемся за симъ къ правилу объ обязанности кредитныхъ установленій представлять копіи имѣющихся у нихъ описей имѣній, назначаемыхъ въ продажу.

Правило это выражено въ послѣднемъ пунктѣ 256 ст. проекта, а санкція соблюденія его въ 261 ст. По силѣ этой послѣдней статьи, непредставленіе кредитнымъ установленіемъ

названной копіи влечетъ за собою распоряженіе начальника вотчиннаго отдѣленія о составленіи описи чрезъ судебнаго пристава. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе та особенность, которая рѣзко отличаетъ разсматриваемое правило отъ всѣхъ другихъ подобныхъ ему правилъ, санкціонирующихъ извѣстное велѣніе закона. Обыкновенно санкція закона заключается въ томъ, что ею устанавливаются нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія исключительно для того лица, которое не исполняетъ предъявленнаго ему требованія. Здѣсь же вся тяжесть послѣдствій неисполненія кредитнымъ установленіемъ своей обязанности падаетъ на собственника имѣнія, такъ какъ онъ долженъ будетъ уплатить всѣ, иногда немалые, расходы по составленію описи. Кредитное же установленіе отдѣлывается тѣмъ, что производство по взысканію можетъ замедлиться на нѣкоторое время, чего въ большинствѣ случаевъ и не будетъ, такъ какъ, по сказанному выше, дѣло по взысканію можетъ быть прекращено добровольнымъ взносомъ взыскиваемой суммы.

Далѣе, нельзя не сдѣлать еще одного замѣчанія, чисто практическаго свойства: проектъ не указываетъ на то, откуда начальникъ вотчиннаго отдѣленія долженъ добыть необходимую сумму для командированія судебнаго пристава въ имѣніе, и въ какомъ порядкѣ и съ кого она должна быть взыскана, если приставу придется израсходовать необходимую сумму изъ собственныхъ средствъ?

Не менѣе интересенъ еще слѣдующій вопросъ, возбуждаемый тою же 261 ст.: содержащееся въ ней правило безусловно и не допускаетъ никакихъ исключеній. При каждомъ прошеніи кредитнаго установленія *должна быть* приложена копія описи или той, по которой имѣніе было принято въ залогъ, или той, *которая была составлена при одномъ изъ предшествующихъ взысканій*; при непредставленіи же ея— опись должна быть составлена судебнымъ приставомъ. Теперь обратимъ вниманіе на то, что взысканіе банками слѣдующихъ имъ платежей очень часто повторяется нѣсколько разъ и можетъ повторяться каждое полугодіе. Представимъ же себѣ, что въ банкѣ нѣтъ описи, и онъ не представляетъ ея; опись

составляется судебнымъ приставомъ по распоряженію начальника вотчиннаго отдѣленія и, очевидно, представляется ему, а не въ банкъ. Значитъ, въ банкѣ нѣтъ ни той описи, которая была составлена при залогѣ имѣнія, ни той, которая составлена при первомъ производствѣ взысканія; и потому, если въ слѣдующее полугодіе банкъ опять подастъ просьбу о производствѣ взысканія и опять не представитъ копіи описи, то опись опять должна быть составлена судебнымъ приставомъ, ибо о возможности довольствоваться той описью, которая имѣется въ вотчинномъ отдѣленіи, въ законѣ не только не сказано, а сказано противное—*„если не будетъ представлена копія описи*, которая была составлена при залогѣ имѣнія, *либо той, которая была составлена при одномъ изъ предшествующихъ взысканій“*.

Такимъ образомъ, если по какому-либо имѣнію банкъ будетъ вынужденъ ежегодно, хотя по одному разу, возбуждать дѣло о взысканіи просроченныхъ платежей, имѣніе ежегодно будетъ подвергаться описи.

Но допустимъ, что у банка есть та или другая опись, и онъ каждый разъ, возбуждая дѣло о взысканіи, представляетъ копію, которая, съ прекращеніемъ возбужденнаго производства, останется въ вотчинномъ отдѣленіи, и такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по одному и тому же имѣнію въ вотчинномъ отдѣленіи окажется цѣлая коллекція копій описей того имѣнія,—для чего же это нужно?

Но самый серьезный вопросъ заключается въ слѣдующемъ: да нужно ли вообще обязывать кредитныя установленія представлять копіи имѣющихся у нихъ описей, а при неисполненіи сего описывать имѣніе чрезъ судебнаго пристава!

По нашему мнѣнію разрѣшеніе этого вопроса должно быть поставлено въ зависимость отъ того,—внесено или не внесено данное имѣніе въ вотчинную книгу. Если оно не внесено, то въ вотчинномъ отдѣленіи не можетъ быть свѣдѣній о томъ, въ какомъ составѣ предполагаемое имѣніе было заложено и въ какомъ оно подлежитъ продажѣ. Въ этомъ случаѣ банкъ обязательно долженъ озаботиться о томъ, чтобы

опись была приложена къ торговому производству, для чего онъ долженъ или представить при прошеніи копію той описи, которая имѣется у него, или просить начальника отдѣленія о составленіи новой описи, представивъ при этомъ необходимую сумму денегъ на покрытіе расходовъ по составленію описи и на удовлетвореніе пристава путевымъ и суточнымъ довольствіемъ, безъ чего прошеніе его не должно подлежать принятію. Но и по такимъ имѣніямъ, разъ опись совершена при одномъ изъ предшествующихъ взысканій, при каждомъ послѣдующемъ банку должно быть предоставлено право ограничиваться въ своихъ прошеніяхъ ссылкою на то, что въ вотчинномъ отдѣленіи имѣется копія описи, представленная тогда-то, или подлинная, составленная тогда-то.

Если имѣніе внесено въ вотчинную книгу, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней имѣется и отмѣтка о залогѣ съ указаніемъ всѣхъ данныхъ, касающихся состава, въ которомъ имѣніе заложено, независимо тѣхъ данныхъ, на которыхъ эта отмѣтка основана и которыя должны находиться въ архивѣ вотчиннаго отдѣленія. Казалось бы, что этихъ данныхъ вполнѣ достаточно для того, чтобы не требовать представленія копіи описи или производства новой описи, коль скоро со стороны кредитнаго установленія нѣтъ ходатайства о такомъ производствѣ. Поэтому было бы справедливѣе, во 1-хъ, освободить банки отъ представленія разсматриваемыхъ описей по имѣніямъ, отмѣченнымъ въ вотчинную книгу, и во 2-хъ, предоставить какъ имъ, такъ и другимъ кредиторамъ собственника имѣнія, требовать составленія описи въ тѣхъ случаяхъ, когда, по какимъ-либо соображеніямъ, они находятъ это для себя полезнымъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что проектъ предоставляетъ право всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ, въ томъ числѣ и самому должнику, представлять доказательства о воспослѣдовавшихъ въ имѣніи измѣненіяхъ въ ту или другую сторону (ст. 261).

V.

Чрезвычайно серьезный вопросъ возбуждается правилами 143 и 255 ст. проекта, по совокупному смыслу коихъ, при продажѣ имѣній и по взысканіямъ кредитныхъ установленій съ заложенныхъ имъ имѣній, второй торгъ можетъ быть назначенъ только по просьбѣ кредитнаго установленія или частныхъ кредиторовъ, если таковые имѣются. Это правило, въ отношеніи кредитныхъ установленій является нововведеніемъ и въ то же время крупнымъ отступленіемъ отъ нынѣ дѣйствующаго порядка. Въ настоящее время, по правиламъ уставовъ всѣхъ кредитныхъ установленій (всѣ эти правила по проекту подлежатъ отмѣнѣ; ст. 275), второй торгъ назначается вмѣстѣ съ назначеніемъ перваго, на случай если послѣдній не состоится, о чемъ и объявляется въ публикаціяхъ о продажѣ, въ коихъ точно указываются дни обоихъ торговъ; вслѣдствіе сего, при безуспѣшности перваго торга, никакихъ новыхъ распоряженій не требуется и не производится. Это весьма важная прерогатива кредитныхъ установленій, полагающая весьма рѣзкое различіе между ними и всѣми прочими кредиторами того же должника, какъ личными, такъ и вещными, имѣетъ свое оправданіе, не лишенное солидныхъ основаній.

Общее правило устава гражданскаго судопроизводства, предписывающее не назначать второго торга безъ требованія кредиторовъ, имѣетъ въ своемъ основаніи два соображенія. Во-1-хъ, личные кредиторы, убѣдившись по первому торгу въ невозможности продажи имущества, на которое они обратили свои взысканія, всегда вправѣ измѣнить способъ послѣдняго, т. е. оставить непроданное имущество и подвергнуть продажѣ другое, если таковое имѣется у должника, и для нихъ выгоднѣе обратить на него свои взысканія; во-2-хъ, при безуспѣшности перваго торга, они вправѣ или требовать назначенія второго торга, или оставить за собою непроданное имущество, при чемъ вопросъ о томъ или другомъ долженъ быть разрѣшенъ по взаимному ихъ согласію,

для чего, а равно для разрѣшенія возможныхъ при этомъ споровъ о томъ, за кѣмъ изъ нихъ и въ какой суммѣ должно быть оставлено это имущество, потребно время, продолжительность котораго не можетъ быть опредѣлена впередъ.

Ничего подобнаго нѣтъ въ большинствѣ случаевъ продажи имѣній по банковымъ взысканіямъ. По уставамъ нѣкоторыхъ кредитныхъ установленій, послѣднимъ принадлежитъ право на удержаніе за собою непроданнаго имѣнія лишь при безуспѣшности вторыхъ торговъ. Это обстоятельство даетъ имъ безусловное право требовать, чтобы вторые торги назначались безъ особаго о томъ требованія съ ихъ стороны, въ силу самого закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ есть и другой интересъ, не только вполнѣ и всецѣло признаваемый общественной властью, но и защищаемый ею въ виду того, что защитою его защищается и другой болѣе широкій интересъ,—интересъ публичнаго кредита. Кредитныя установленія принимаютъ въ залогъ имѣнія подъ ссуды, выдаваемыя не наличными деньгами, а своими обязательствами, по которымъ они сами должны выплачивать проценты и которыя должны постепенно погашать. То и другое они должны дѣлать изъ тѣхъ платежей, которые заемщики обязаны вносить въ опредѣленные сроки, такъ что непоступленіе этихъ платежей въ свое время неминуемо должно отзываться на состояніи всей системы производимыхъ ими операцій, на состояніе всей системы публичнаго кредита, ибо всякое замѣшательство въ исполненіи съ ихъ стороны принятыхъ на себя обязанностей не можетъ не колебать устойчивости ихъ бумагъ, не можетъ не отзываться съ извѣстнымъ ущербомъ на интересахъ тѣхъ третьихъ лицъ, которыя являются держателями ихъ обязательствъ. Все это вмѣстѣ взятое вызываетъ необходимость содѣйствовать банкамъ въ томъ, чтобы взысканія ихъ удовлетворялись съ возможною скоростію, безъ всякихъ излишнихъ, а тѣмъ болѣе безполезныхъ проволочекъ. Посему общественная власть не можетъ быть въ этомъ дѣлѣ совершенно равнодушной, ибо для нея вовсе не безразлично прочное положеніе публичнаго кредита, составляющаго въ настоящее время одну изъ важнѣйшихъ основъ эко-

номической жизни государства. Въ силу этого, задача общественной власти должна заключаться не въ томъ, чтобы излишними и ничѣмъ не оправдываемыми формальностями тормозить дѣло, а, напротивъ того, въ томъ, чтобы всѣми зависящими мѣрами содѣйствовать скорѣйшему окончанію его.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что сущность дѣла требуетъ, чтобы существующее нынѣ правило объ одновременномъ назначеніи обоихъ торговъ сохранило свою силу безъ всякихъ измѣненій. Сему нисколько не препятствуетъ и то, что по проекту къ банковымъ взысканіямъ допускается присоединеніе взысканій частныхъ кредиторовъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго.

VI.

При нынѣ дѣйствующемъ порядкѣ какъ банковыхъ взысканій, такъ и взысканій частныхъ кредиторовъ того же должника, присоединеніе послѣднихъ къ первымъ—немыслимо. Банки сами производятъ взысканія своихъ долговъ, тогда какъ всѣ другіе кредиторы чрезъ посредство судебныхъ установленій. Если такимъ образомъ на одно и то же имѣніе обращаются взысканія банковое и частныхъ кредиторовъ, то является двойное производство—въ подлежащемъ судѣ и въ банкѣ. Если при этомъ банкъ раньше продастъ имѣніе, то возбужденное въ судѣ производство прекращается само собою; если же торги, произведенные прежде въ судѣ, окажутся безуспѣшными въ томъ смыслѣ, что банковый долгъ не будетъ погашенъ, то производство въ банкѣ продолжается. Возможно и то столкновеніе, о которомъ было упомянуто выше.

При томъ же порядкѣ, который предполагается установить проектомъ положенія, а именно—всякая публичная продажа недвижимыхъ имѣній должна производиться въ мѣстномъ по нахожденію продаваемаго имѣнія вотчинномъ отдѣленіи, немыслимой должна являться двойственность производствъ по тѣмъ и другимъ взысканіямъ. Предусматривая случаи одновре-

меннаго обращенія такихъ взысканій на одно имѣніе, проектъ предполагаетъ постановить правило, въ силу коего: 1) присоединеніе къ производству, начатому по требованію кредитнаго установленія, другихъ взысканій не измѣняетъ того порядка, въ которомъ должна производиться продажа по требованію кредитнаго установленія; 2) присоединеніе же кредитнаго установленія къ производству, начатому другими взыскателями,—порядокъ продажи измѣняется; она должна производиться уже въ томъ порядкѣ, который установленъ для банковыхъ взысканій, и 3) въ обоихъ случаяхъ сроки продажи назначаются по правиламъ положенія, если они менѣе продолжительны сроковъ, опредѣленныхъ уставомъ банка; если же послѣдніе сроки менѣе продолжительны, чѣмъ первые, то назначаются сроки по уставу банка (ст. 260).

Нельзя не привѣтствовать въ принципѣ и это нововведеніе, какъ направленное къ объединенію производствъ и устраненію тѣхъ неудобствъ, которыя нынѣ являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ одновременности двухъ производствъ по продажѣ одного и того же имѣнія въ двухъ совершенно различныхъ учрежденіяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сдѣлать слѣдующихъ замѣчаній по поводу приведенныхъ правилъ. Изъ нихъ 2-е и 3-ье изложены такъ, что не могутъ не возбуждать нѣкоторыя недоумѣнія въ практикѣ, такъ какъ они не представляются достаточно ясными. Дѣйствительно,—беремъ такой случай: частный кредиторъ возбуждаетъ производство о взысканіи извѣстной суммы; просьбѣ его дается установленное движеніе: назначается мѣсто и время производства торговъ по 82 и 3 п. 88 ст. проекта положенія, о чемъ и публикуются установленнымъ порядкомъ. Вслѣдъ затѣмъ кредитное установленіе, по уставу котораго торги должны быть назначены черезъ шесть недѣль, проситъ о производствѣ взысканія слѣдующей ему недоимки съ того же имѣнія и о производствѣ продажи въ вотчинномъ отдѣленіи того города, гдѣ находится его управленіе или отдѣленіе,—какъ же слѣдуетъ понимать правила 2 и 3 пп. 260 ст.—„въ случаѣ подачи кредитнымъ установленіемъ указанной въ 256 ст. просьбы по возбужденіи другимъ взыскателемъ про-

изводства о взысканіи съ имѣнія, дальнѣйшія исполнительныя дѣйствія совершаются съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ настоящей главѣ", т. е. правилъ о порядкѣ взысканія по требованію кредитныхъ установленій, и—„какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаяхъ не примѣняются однако правила устава кредитнаго установленія относительно срока для производства публикацій о днѣ торга и относительно срока публичной продажи, *если эти сроки продолжительнѣе опредѣленныхъ въ настоящемъ положеніи*"?— Допустить, что фактъ присоединенія кредитнаго установленія долженъ влечь за собою отмѣну всѣхъ сдѣланныхъ уже распоряженій, какъ относительно времени, такъ и мѣста производства продажи, и необходимость новыхъ распоряженій, а слѣдовательно и новыхъ публикацій,—невозможно уже по одному тому, что о такой отмѣнѣ и о порядкѣ, въ которомъ она должна быть сдѣлана, въ проектѣ не сказано. Да и было бы странно отмѣнять сдѣланныя распоряженія, быть можетъ, за нѣсколько дней до дня торга, назначеннаго и объявленнаго во всеобщее свѣдѣніе. Если же предположить, что въ этомъ случаѣ все должно итти уже тѣмъ порядкомъ, въ которомъ дѣло получило направленіе, то въ чемъ же должно состоять совершеніе „дальнѣйшихъ исполнительныхъ дѣйствій *съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ настоящей главѣ*"? На чемъ вотчинное отдѣленіе можетъ основать свой отказъ въ требованіи банка перевести производство въ отдѣленіе, находящееся въ городѣ, въ которомъ находится правленіе банка?

Очевидно, что, постановляя правило 260 ст., составители проекта имѣли въ виду тѣ лишь случаи, когда присоединеніе одного типа кредиторовъ къ производству о взысканіи, возбужденному другимъ, происходитъ до приведенія въ исполненіе всѣхъ распоряженій относительно назначенія мѣста и времени продажи, т. е. когда есть полная возможность дать дѣлу то направленіе, которое ему должно быть дано по соотвѣтствующимъ ему обстоятельствамъ.

Если же это такъ, а иначе, по нашему мнѣнію, и быть

не можетъ, то редакція 260 ст. должна быть измѣнена въ смыслѣ приданія ей необходимой ясности, чѣмъ будетъ устранено множество неправильностей, жалобъ и противорѣчивыхъ разъясненій, которыя неизбѣжно будутъ появляться доколѣ разнообразіе практики не вызоветъ аутентическаго толкованія, на что потребуется много времени.

Представляется непонятнымъ еще слѣдующее: по 1 п. 19 ст., въ вотчинную книгу вносится лишь одна запись объ обращеніи взысканія или налагается одно запрещеніе по взысканію только перваго кредитора. По всѣмъ впослѣдствіи присоединившимся взысканіямъ ни то ни другое не должно быть дѣлаемо, такъ какъ „внесеніе въ вотчинную книгу статьи объ обращеніи взысканія *нужно только для оглашенія* такого направленнаго противъ имѣнія дѣйствія, которое влечетъ за собою ограниченіе собственника и отражается на интересахъ лицъ, имѣющихъ права на имѣніе. При такомъ значеніи статьи объ обращеніи взысканія, она, не свидѣтельствуя объ обезпеченіи какого-либо вотчиннаго права на имѣніе и не будучи предназначена къ превращенію впослѣдствіи въ какую-либо иную запись, должна быть вносима въ вотчинную книгу въ качествѣ записи, а не отмѣтки“ (объясн. зап. стр. 62).

Но если это такъ, если слѣдовательно, требуется одно,— чтобы объ обращеніи взысканія на недвижимое имѣніе было сдѣлано оглашеніе только разъ, то почему это должно имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда послѣдующимъ взыскателемъ является частный кредиторъ, и не должно, когда таковымъ является кредитное установленіе?—Вѣдь, если первое взысканіе будетъ со стороны кредитнаго установленія, о послѣдующихъ, согласно 19 ст., не должно быть дѣлаемо никакого оглашенія; если же частный кредиторъ прежде предъявитъ свое взысканіе, о послѣдующемъ взысканіи кредитнаго установленія должно быть сдѣлано новое оглашеніе, ибо того требуетъ 259 ст., по силѣ которой, являющейся въ силу 255 ст. исключеніемъ изъ общаго правила, запись объ обращеніи взысканія или наложеніе запрещенія должны быть дѣ-

лаемы немедленно по поступленіи просьбы, о которой говорится въ 256 ст., въ вотчинное отдѣленіе? Отвѣтить на этотъ вопросъ тѣмъ болѣе затруднительно, что производства по взысканіямъ кредитныхъ установленій менѣе прочны, чѣмъ всѣ прочія, въ томъ смыслѣ, что изъ числа взысканій, возбуждаемыхъ банками, не болѣе 5% доводятся до конца, т. е. до продажи имѣнія,а по всѣмъ остальнымъ производство прекращается или взносомъ со стороны должника слѣдующихъ съ него платежей, или предоставленіемъ ему какой-либо льготы.

Такимъ образомъ, если производство началось по требованію кредитнаго установленія, то оно должно продолжаться безъ надлежащаго оглашенія о другихъ взысканіяхъ и тогда, когда кредитное установленіе заявитъ, что оно получило удовлетвореніе, прекращаетъ производство и требуетъ уничтожить сдѣланную въ его пользу запись или снять наложенное запрещеніе. Но въ такомъ случаѣ, чѣмъ же будутъ гарантированы права третьихъ лицъ, въ видахъ гарантіи правъ коихъ и постановляется правило о внесеніи записи? Нужно предположить одно,—подобныхъ случаевъ составители проекта не предусматривали и потому не озаботились о созданіи такого правила, которымъ права третьихъ лицъ дѣйствительно гарантировались бы во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія, что безусловно необходимо.

Два послѣднія замѣчанія мы должны сдѣлать относительно двухъ общихъ вопросовъ, столько же касающихся продажъ имѣній по банковымъ взысканіямъ, сколько и по всѣмъ другимъ. Первое изъ этихъ замѣчаній касается проектированнаго порядка производства вторыхъ торговъ, второе—послѣдствій оказавшагося несоотвѣтствія проданнаго имѣнія съ данными описи, по которой производилась продажа.

VII.

По дѣйствующимъ правиламъ о продажѣ недвижимыхъ имѣній, второй торгъ отличается отъ перваго тѣмъ лишь, что на немъ имѣніе можетъ быть продано ниже оцѣнки (ст. 1182 уст. гр. суд.). Посему, какъ и первый торгъ, онъ начинается прочтеніемъ торговаго листа и объявленіемъ суммы, въ которой имѣніе оцѣнено; но затѣмъ торгующимся предлагается вопросъ не о томъ, „не желаетъ ли кто сдѣлать надбавку противъ цѣны, означенной въ торговомъ листѣ, т. е. той, въ какую имѣніе оцѣнено (ст. 1157) уст.), а о томъ, какую цѣну желаютъ предложить торгующіеся, которые въ этомъ отношеніи ничѣмъ не стѣснены, а потому могутъ предлагать какую угодно сумму. Но разъ кто-либо предложитъ какую бы то ни было цѣну, слѣдующій вопросъ будетъ тотъ же, что и на первыхъ торгахъ:—„кто больше?“ Послѣ сего начинается соревнованіе, заключающееся въ дѣланіи надбавокъ,—конечно, если торгующіеся находятъ это возможнымъ,—и продолжается до тѣхъ поръ, пока никто не пожелаетъ дѣлать дальнѣйшихъ надбавокъ; тогда торгъ прекращается, и имѣніе оставляется за предложившимъ высшую сумму. Словомъ, здѣсь, какъ и на первомъ торгѣ, все идетъ *на повышеніе*.

Совершенно иной порядокъ устанавливается проектомъ разсматриваемаго положенія. Второй торгъ долженъ начинаться такъ же какъ и первый, т. е. прочтеніемъ торговаго листа и объявленіемъ суммы, въ какую оцѣнено имѣніе, и предложеніемъ вопроса—не пожелаетъ ли кто сдѣлать надбавку или, по крайней мѣрѣ, предложить оцѣночную сумму. Разъ послѣдуетъ утвердительный отвѣтъ въ томъ или другомъ смыслѣ,—начинается соревнованіе. Производящій торги спрашиваетъ—„кто больше?“—какъ и на первомъ торгѣ, и дѣло идетъ обычнымъ порядкомъ. Но утвердительнаго отвѣта можетъ и не послѣдовать, и если онъ не послѣдуетъ въ теченіе полчаса съ момента открытія торговъ, производящій таковые уменьшаетъ оцѣночную сумму на $^1/_2$ $^0/_0$, если это

уменьшеніе не превышаетъ 100 руб., а въ противномъ случаѣ на 100 руб., и предлагаетъ купить имѣніе за эту уменьшенную сумму. Если послѣ троекратнаго предложенія никто не изъявитъ согласія, то цѣна понижается еще на такую же сумму и объявляется въ томъ же порядкѣ. При отсутствіи желающихъ, дѣлается новая сбавка и т. д. до тѣхъ поръ, пока кто-либо не заявитъ желанія взять имѣніе за послѣдне предложенную цѣну, или же, пока цѣна не будетъ понижена до суммы издержекъ, недоимокъ, платежей и долговъ, пользующихся старшинствомъ предъ всѣми обращенными на имѣніе взысканіями, а если въ открытомъ объявленіи заявлена цѣна, превышающая эту сумму, то пониженіе предлагается лишь до этой цѣны. Послѣ этого устный торгъ прекращается, оглашаются открытыя и закрытыя объявленія, и если въ нихъ не окажется цѣны выше, чѣмъ предложена приведеннымъ порядкомъ, то имѣніе оставляется за предложившимъ означенную пониженную сумму, или же, если наименьшей изъ указанныхъ цѣнъ никто не предложитъ,—торгъ долженъ быть объявленъ несостоявшимся (ст. 149—154 проекта).

Изъ изложеннаго видно, что проектъ предлагаетъ совершенно новый, до сего времени неизвѣстный нашему населенію порядокъ производства второго торга *на пониженіе*. Посмотримъ теперь, чѣмъ руководствовались составители проекта замѣняя этимъ порядкомъ нынѣ существующій, и почему они нашли полезнымъ предпочесть ему этотъ послѣдній.

Въ объяснительной запискѣ къ проекту (стр. 200—201) сказано:

„Второй торгъ будетъ начинаться или съ суммы старшихъ передъ взысканіями требованій, или съ оцѣнки. Въ первомъ случаѣ, вслѣдствіе невозможности допустить продажу за цѣну, не превышающую означенной суммы (§ XII общихъ объясненій на стр. 67 и 68, ст. 156 сего проекта), могутъ быть и на второмъ торгѣ принимаемы только заявленія о надбавкѣ къ этой суммѣ. Во второмъ случаѣ, когда упомянутая низшая предѣльная цѣна не достигаетъ оцѣнки, хотя второй торгъ и начинается съ оцѣнки, но нѣтъ препятствія къ продажѣ и ниже оцѣнки“.

„Дѣйствующій законъ, допуская на второмъ торгѣ продажу ниже оцѣнки (уст. гражд. суд. ст. 1182), не устанавляетъ никакихъ способовъ противодѣйствія чрезмѣрному пониженію цѣны. *Вслѣдствіе сего часто второй торгъ имѣетъ послѣдствіемъ продажу имѣнія за безцѣнокъ.* Для устраненія этого недостатка въ проектѣ бывшей ипотечной коммисіи и было установлено, что на второмъ торгѣ пониженіе предлагается лишь постепенною, по молотку, сбавкою по полупроценту съ продажной суммы, и имѣніе оставляется за тѣмъ, кто первый передъ молоткомъ оставитъ за собою имѣніе въ пониженной суммѣ (ст. 38 правилъ объ обращ. взыск. на недвиж. имѣнія").

„Въ практическомъ примѣненіи этотъ порядокъ долженъ заключаться въ томъ, что при продажѣ имѣнія, на которое торгъ долженъ начинаться, напр., съ 1000 руб., по обнаруженіи отсутствія желающихъ предложить не только высшую, но и эту цѣну, производящее торгъ должностное лицо спрашиваетъ, нѣтъ ли желающаго купить имѣніе за 995 руб.; если не окажется покупщика за эту цѣну, то слѣдуетъ тотъ же вопросъ относительно цѣны въ 990 р., потомъ въ 985 р., затѣмъ въ 980 руб. и т. д.; когда при провозглашеніи которой либо изъ цѣнъ кто-нибудь изъ присутствующихъ заявитъ о желаніи дать эту цѣну, то имѣніе остается за этимъ лицомъ, и *никакія послѣдующія заявленія не принимаются, хотя бы была предлагаема не только та же, но даже высшая цѣна*".

„При описанномъ порядкѣ каждый явившійся на торгъ съ намѣреніемъ купить имѣніе долженъ поспѣшить заявленіемъ, какъ только провозглашаемая цѣна соотвѣтствуетъ суммѣ, которую онъ готовъ заплатить за имѣніе; медлить заявленіемъ въ ожиданіи, не удастся ли пріобрѣсти имѣніе за низшую цѣну, будетъ опасно, потому что другіе участники торга могутъ опередить въ заявленіи. Въ виду сего проектированное ипотечною коммисіею правило должно содѣйствовать продажѣ имѣнія за цѣну, не слишкомъ далекую отъ его дѣйствительной стоимости. Во всякомъ случаѣ при дѣйствіи этого правила отдача имѣнія за низкую цѣну возможна только

послѣ дѣйствительнаго испытанія продажи имѣнія за всякую изъ высшихъ цѣнъ".

„Эти преимущества проектированнаго ипотечною коммисіею порядка служатъ основаніемъ къ внесенію его и въ настоящій проектъ".

Однако, приведенныя соображенія далеко не убѣдительны. Таковыми ихъ можно было бы признать, если бы было констатировано, что безуспѣшность перваго торга служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ несоотвѣтствія оцѣнки имѣнія его дѣйствительной стоимости, вслѣдствіе чего оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть продано за сумму, въ которую оцѣнено, а тѣмъ болѣе за высшую. Но этого никогда и никто не можетъ констатировать. Опытъ свидѣтельствуетъ, что случаи продажи имѣнія на второмъ торгѣ за сумму, значительно превышающую оцѣнку, весьма многочисленны. Они многочисленнѣе тѣхъ случаевъ возможности продажи имѣнія за безцѣнокъ, о которыхъ говоритъ объяснительная записка, ничѣмъ не подтверждая высказываемаго, не приводя ни одной цифры, свидѣтельствующей вѣрность принятаго за исходную точку положенія. Причины безуспѣшности перваго торга крайне разнообразны и многочисленны. Достаточно какихъ-либо препятствій въ сообщеніи, чтобы на торгъ не явились желающіе и вслѣдствіе этого торгъ объявляется несостоявшимся. Достаточно намѣреннаго поднятія покупной цѣны съ цѣлію сорвать торги цѣною потери задатка и добиться отсрочки ихъ, если это нужно для кого-нибудь. А сколько случаевъ признанія торга несостоявшимся вслѣдствіе невнесенія остальной покупной суммы пріобрѣтателемъ имѣнія, неразумно зарвавшимся и предложившимъ такую высокую цѣну, что выгоднѣе потерять задатокъ, чѣмъ укрѣпить за собою имѣніе въ непомѣрно высокой суммѣ! Не исключительны и тѣ случаи, когда остальная покупная сумма не вносится вслѣдствіе какихъ-либо неблагопріятно сложившихся для покупщика условій. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ, имѣніе часто продается и на вторыхъ торгахъ за цѣну несравненно превышающую оцѣнку. Прибавимъ къ этому, что вопросъ о полезности или безполезности назначенія торга разрѣшается

взыскателями, которымъ не можетъ быть неизвѣстна возможность или невозможность болѣе или менѣе выгодной продажи, и разъ они убѣждены въ невозможности ея, они никогда не допустятъ второго торга, на которомъ имѣніе будетъ продано за безцѣнокъ, а оставятъ его за собою въ суммѣ оцѣнки.

Если же, несмотря на все это, возможны и случаи продажи имѣнія за безцѣнокъ, то развѣ одно предположеніе о возможности ихъ оправдываетъ то высказываемое опасеніе, въ видахъ коего ни въ какомъ случаѣ и пытаться не слѣдуетъ продать имѣніе за сумму, большую оцѣнки?—Вѣдь нельзя же считать попыткой начало второго торга предложеніемъ того же вопроса, которымъ начинается и первый, и неполученіе на него отвѣта въ теченіе получаса времени, такъ какъ неполученіе такого отвѣта въ этотъ короткій промежутокъ времени вовсе не доказываетъ полной безнадежности на успѣшную продажу при возбужденіи соревнованія съ какой-либо предложенной суммы. Дѣйствительно: торги начались. Первые явившіеся не дѣлаютъ надбавки, не видя конкурентовъ и потому надѣясь сдѣлать болѣе выгодную покупку. Чрезъ полчаса начинается пониженіе и все идетъ впередъ, когда являются новыя лица, быть можетъ готовыя предложить значительную сумму, но тутъ кто-либо объявляетъ, что онъ даетъ послѣдне-провозглашенную цѣну,—кончено!—торгъ заключенъ, и уже никакая надбавка не можетъ измѣнить дѣла? Да развѣ это можно назвать соревнованіемъ, которое одно и составляетъ суть публичнаго торга?

Независимо отъ сего нельзя не указать на одно практическое неудобство предлагаемой системы, неудобство, не предусматриваемое проектомъ, не дающимъ поэтому никакихъ указаній на то, какъ оно должно быть устраняемо, какъ должны быть разрѣшаемы возможные при этомъ споры, а именно:

„На второмъ торгѣ имѣніе оставляется за предложившимъ устно или въ письменномъ объявленіи высшую цѣну“, говорится въ 153 ст. проекта. Буквальный смыслъ этой статьи указываетъ на то, что и на второмъ торгѣ возможны и высшія и низшія изъ предложенныхъ цѣны. И дѣйствительно воз-

можны, но только или тогда, когда, на первое предложеніе сдѣлать надбавку, таковая будетъ сдѣлана и послѣ этого начнется соревнованіе, или когда въ закрытомъ объявленіи окажется предложеніе болѣе выгодное. Но разъ дѣло пойдетъ на пониженіе и письменныхъ объявленій нѣтъ, или они не выгодны,—объ одной только цѣнѣ и можно говорить, именно о той изъ пониженныхъ, за которую кто нибудь пожелаетъ пріобрѣсти имѣніе, ибо „когда при возглашеніи которой либо изъ цѣнъ кто нибудь изъ присутствующихъ заявитъ о желаніи дать эту цѣну, *то имѣніе остается за этимъ лицомъ, и никакія послѣдующія заявленія не принимаются, хотя бы была предлагаема не только та же, но даже высшая цѣна" (объясн. зап., стр. 200).* Значитъ, статья 153 невѣрно редактирована,—ею не выражается ясно та мысль, которую она должна выражать. Коль скоро торгъ происходитъ на пониженіе, о высшей цѣнѣ нельзя говорить; слѣдуетъ, для устраненія возможныхъ недоразумѣній, сказать то же, что сказано въ объяснительной запискѣ,—„въ такомъ случаѣ имѣніе остается *за первымъ*, заявившимъ дать объявленную цѣну, если только въ закрытыхъ объявленіяхъ не окажется болѣе высокой цѣны". Но вотъ тутъ и можетъ возникнуть то неудобство, способное возбудить неразрѣшимые споры, о которомъ мы говоримъ. На торгѣ можетъ быть нѣсколько лицъ, готовыхъ заплатить одну изъ понижаемыхъ цѣнъ, и каждое изъ нихъ, имѣя въ виду, что „медлить заявленіемъ въ ожиданіи, не удастся ли пріобрѣсти имѣніе за низшую цѣну, будетъ опасно, потому что другіе участники торга могутъ опередить въ заявленіи" (id., стр. 200—201), поспѣшитъ съ своимъ заявленіемъ, вслѣдствіе чего всѣ они окажутся *первыми*,—какъ же тутъ быть? Какъ установить это первенство, кому изъ нихъ дать предпочтеніе?—Предложить имъ бросить жребій!—а если они не согласятся? предоставить производящему торгъ разрѣшить споръ,—чѣмъ же онъ долженъ руководствоваться? Далѣе: въ 151 ст. сказано: „пониженіе до суммы издержекъ" и пр. . . . ., „а если въ открытомъ объявленіи заявлена цѣна, превышающая эту сумму, то пониженіе *предполагается лишь до этой цѣны*". Какъ же

это слѣдуетъ понимать? Слѣдуетъ ли провозглашать и эту цѣну, объявленную въ открытомъ объявленіи, или не слѣдуетъ? Если слѣдуетъ, то кого признавать первымъ, предложившимъ эту сумму, — того ли, кто сдѣлалъ предложеніе письменно, или того, кто его сдѣлалъ устно? Напримѣръ: сумма, до которой по 1-й части 151 ст. можно дѣлать пониженіе, равняется 5000 р.; имѣніе оцѣнено въ 10000 р.; каждый разъ цѣна эта понижается на 50 р. и дѣло доходитъ до того, что на вопросъ—не желаетъ ли кто-либо взять имѣніе за 5550 р., никто не отвѣчаетъ; въ открытомъ же объявленіи предложена цѣна въ 5500 р.,—какъ слѣдуетъ поступить?—объявить ли, что имѣніе остается за лицомъ, предложившимъ въ письменномъ объявленіи 5500 р., или „понижая цѣну до этой послѣдней суммы, слѣдуетъ спросить торгующихся, не желаетъ ли кто изъ нихъ предложить 5500 рублей? Если на этотъ вопросъ отвѣтятъ утвердительно, то за кѣмъ слѣдуетъ оставить имѣніе, если за тѣ же 5500 р. пожелаетъ купить имѣніе кто-либо изъ присутствующихъ?— На всѣ эти вопросы проектъ не даетъ отвѣтовъ и возможные здѣсь споры не могутъ быть разрѣшаемы силою положительнаго закона.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще слѣдующее: примѣненіе проектированнаго порядка въ нѣкоторыхъ случаяхъ продажъ имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ оказывается совершенно невозможнымъ. По силѣ 272 ст., „если кредитное установленіе, по его уставу, обязано или вправѣ не допускать публичной продажи имѣнія должника ниже долга сему установленію и пользующихся старшинствомъ предъ этимъ долгомъ издержекъ, недоимокъ, платежей и другихъ требованій, или ниже какой-либо иной суммы, то должно заявить объ этомъ предъ вторымъ торгомъ вотчинному установленію, и въ такомъ случаѣ пониженіе цѣны на второмъ торгѣ *предлагается только до означенной суммы*". По силѣ же 2 п. 271 ст., „когда оцѣнка не достигаетъ всего долга кредитному установленію и издержекъ, недоимокъ, платежей и требованій, пользующихся старшинствомъ въ удовлетвореніи предъ означеннымъ долгомъ, то торгъ (первый) начинается

съ этой суммы". Такимъ образомъ, въ случаяхъ, когда означенный долгъ выше оцѣнки, оба торга должны начинаться съ одной и той же суммы. Но какъ ниже этой суммы имѣніе не можетъ быть продано, то второй торгъ будетъ являться ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ перваго, и если на немъ, какъ и на первомъ, никто не пожелаетъ сдѣлать надбавку или купить имѣніе за означенную сумму, то въ сущности второго торга и не будетъ, а будетъ одно повтореніе того предложенія, которое было сдѣлано на первомъ торгѣ и никѣмъ не принято. — Къ чему же тогда этотъ второй торгъ?

Почти ни къ чему не будетъ сводиться торгъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда оцѣночная сумма хотя и будетъ превышать послѣднюю цифру, за которую имѣніе можетъ быть продано, но на весьма незначительную сумму,—на нѣсколько, можетъ быть, рублей.

Вотъ эти соображенія не оставляютъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что предлагаемый проектомъ порядокъ не только не имѣетъ за собою ничего такого, что бы заставляло предпочесть его нынѣ существующему, но имѣетъ такія невыгодныя стороны, которыя вынуждаютъ высказаться противъ него и выразить желаніе оставить тотъ, который всѣмъ извѣстенъ, къ которому всѣ привыкли и который въ огромномъ большинствѣ случаевъ служитъ средствомъ къ достиженію болѣе желательной цѣли, допустивъ для банковыхъ взысканій то исключеніе, что въ тѣхъ случаяхъ, когда оцѣнка имѣнія не превышаетъ суммы этого взысканія, и банкъ не можетъ или не желаетъ, чтобы имѣніе было продано ниже слѣдующаго ему долга, оба торга должны начинаться съ суммы этого долга.

VIII.

Статьею 179 проекта, въ силу 255 ст. онаго, обязательною и для кредитныхъ установленій, предлагается также новое, доселѣ неизвѣстное нашему законодательству правило, коимъ

каждому покупщику предоставляется право, въ годичный со дня внесенія его въ вотчинную книгу срокъ, „требовать уничтоженія продажи имѣнія съ возвращеніемъ внесенныхъ за него денегъ, если въ проданномъ имѣніи обнаружится *значительный недостатокъ земли* противъ показаннаго въ описи пространства, или *такое существенное несоотвѣтствіе съ содержаніемъ въ описи*, которое если бы было извѣстно до торга, *не могло бы остаться безъ значительнаго вліянія на покупную цѣну*, а также, если проданное имѣніе окажется обремененнымъ *такимъ существеннымъ ограниченіемъ права собственности, которое должно было значительно вліять на покупную цѣну*". Очевидно, цѣль этого правила заключается въ желаніи оградить интересы покупщика и въ то же время придать публичнымъ торгамъ силу внушенія къ нимъ особаго довѣрія въ томъ смыслѣ, что пріобрѣтаемыя на нихъ имущества суть дѣйствительно тѣ, которыя показаны въ объявленіяхъ о продажѣ.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что эта цѣль представляется вполнѣ справедливою и даже желательною въ виду того, что случаи несоотвѣтствія проданнаго имущества съ содержаніемъ описи въ практикѣ встрѣчаются не особенно рѣдко, а между тѣмъ въ законѣ нѣтъ и намека на то, въ какомъ порядкѣ покупщикъ можетъ возстановить свое право. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что предлагаемое проектомъ средство къ достиженію этой цѣли представляется не вполнѣ справедливымъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи тѣхъ частныхъ кредиторовъ, которые, обративъ ли непосредственно свои взысканія на проданное имѣніе, или присоединившись къ производству, возбужденному другими кредиторами того же должника, получили удовлетвореніе своихъ претензій изъ суммы вырученной за проданное имѣніе.

Проектъ предполагаетъ предоставить покупщику требовать возвращенія ему уплаченныхъ за имѣніе денегъ или отъ должника или отъ лицъ, получившихъ удовлетвореніе, т. е. отъ взыскателей. Вотъ это послѣднее намъ и представляется несправедливымъ въ отношеніи частныхъ взысканій (не кредитныхъ установленій), несправедливымъ потому, что, стремясь упрочить довѣріе

къ публичнымъ торгамъ у однихъ, разрушаютъ его у другихъ, ибо его не можетъ быть тамъ, гдѣ сегодня общественная власть признала за взыскателемъ право на полученіе удовлетворенія и сама же выдала его, а завтра объявляетъ, что все полученное должно быть возвращено, т. к. произошла ошибка въ ея собственныхъ дѣйствіяхъ, или въ дѣйствіяхъ ея агентовъ, невѣрно показавшихъ въ описи то, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ:

По правиламъ того же проекта, лицо, обращающее взысканіе на недвижимое имѣніе своего должника, обязано: представить исполнительный листъ въ мѣстное по нахожденію имѣнія вотчинное отдѣленіе (ст. 3); затѣмъ просить судебнаго пристава о производствѣ описи имѣнія и при этомъ представить выписку *изъ вотчинной книги*, или копію листа *изъ крѣпостного реестра и справку хранителя вотчинныхъ книгъ* о числящихся на имѣніи запрещеніяхъ (ст. 38). По исполненіи этого, опись производитъ уже *судебный приставъ*, при чемъ присутствіе взыскателя не обязательно. Приставъ отправляется на мѣсто, требуетъ отъ должника представленія плановъ и другихъ актовъ, если имѣніе не записано въ вотчинную книгу, и свѣдѣній о договорахъ, не внесенныхъ въ ту же книгу и пр. (ст. 39 и 40). *На основаніи данныхъ*, значитъ, *исходящихъ отъ общественной власти* и представленныхъ должникомъ, судебный приставъ, т. е. агентъ той же общественной власти, показываетъ въ описи и пространство земель, лѣсовъ и водъ, и находящіяся въ имѣніи постройки хозяйственныя, фабричныя или иныя заведенія, и ограниченія, обременяющія имѣніе, и прочія свѣдѣнія, объясняющія положеніе и составъ имѣнія (ст. 42). При этомъ, по имѣнію, записанному въ вотчинную книгу, пространство земли показывается *соотвѣтственно свѣдѣніямъ, приведеннымъ въ выпискѣ изъ вотчинной книги* (ст. 43), а при неизвѣстности этого пространства, *оно показывается приблизительно* (ст. 44). Итакъ, опись составляется *органомъ общественной власти и на основаніи данныхъ, ею же доставленныхъ;* провѣрить правильность этихъ данныхъ, т. е. установить соотвѣтствіе ихъ дѣйствительности, взыска-

тель лишенъ всякой возможности, даже если бы онъ желалъ этого и требовалъ отъ пристава. Приставъ никогда не уважитъ просьбы взыскателя о производствѣ измѣренія земли въ натурѣ, о составленіи точныхъ плановъ и пр., такъ какъ на это онъ не уполномочивается закономъ, да и средствъ для этого нѣтъ никакихъ. Въ виду того, что опись составляется судебнымъ приставомъ, т. е. органомъ общественной власти, Правительствующій Сенатъ не признаетъ за покупщикомъ права искать убытки за неоказавшуюся въ купленномъ имѣніи землю даже съ собственника имѣнія (р. 1891 г. № 98), что, кажется, уже излишне строго.

При такихъ условіяхъ представляется несправедливымъ возлагать на взыскателя какую либо отвѣтственность и тѣмъ отнимать у него надежнѣйшее средство получить удовлетвореніе своей законной претензіи. При обязанности отвѣтствовать предъ покупщикомъ за то, что оффиціальные акты оказываются невѣрными и несогласными съ дѣйствительностью, для каждаго взыскателя будетъ не безопасно обращать свое взысканіе на чье либо недвижимое имѣніе, а тогда что же можетъ служить обезпеченіемъ кредита и мѣриломъ платежеспособности всѣхъ и каждаго?

Независимо отъ сего, правило 178 ст. проекта представляется далеко неяснымъ и способнымъ возбуждать и многочисленные споры и весьма серьезныя недоумѣнія. Въ ней сказано: „покупщикъ въ правѣ требовать уничтоженія продажи имѣнія, если въ немъ окажется значительный недостатокъ земли или такое существенное несоотвѣтствіе съ содержаніемъ описи, которое, *если бы было извѣстно до торга*, не могло бы остаться *безъ значительнаго вліянія на покупную цѣну*“. Какъ же это слѣдуетъ понимать? Въ томъ ли смыслѣ, что, благодаря несоотвѣтствію описи съ дѣйствительностью, имѣніе пріобрѣтено покупщикомъ за такую сумму, которой оно не стоитъ и которая никогда не можетъ быть выручена за него, или же въ томъ, что, хотя имѣніе и стоитъ тѣхъ денегъ, которыя за него заплачены, но эти деньги покупщикъ не уплатилъ бы за него, если бы зналъ о названномъ несо-

отвѣтствіи, ибо онъ расчитывалъ не на то, что купитъ вещь, стоющую заплаченныхъ за нее денегъ, а на то, чтобы получить значительную выгоду отъ покупки?

Здравый смыслъ говоритъ, что разсматриваемое выраженіе должно быть толкуемо въ смыслѣ несоотвѣтствія дѣйствительной стоимости имѣнія заплаченной за него цѣнѣ; но въ основаніи права покупщика требовать уничтоженія торга и возврата уплаченныхъ денегъ полагается *заблужденіе* покупщика (см. объясн. зап. стр. 230), которое возможно и въ отношеніи субъективномъ, какъ и въ отношеніи объективномъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что наша судебная практика станетъ на точку зрѣнія объективнаго заблужденія, но прежде чѣмъ она выскажется окончательно по этому предмету, ей не разъ придется разрѣшать иски, которые необходимо и легко предотвратить, редактировавъ разсматриваемое правило въ смыслѣ несоотвѣтствія дѣйствительной стоимости имѣнія заплаченныхъ за него денегъ.

Впрочемъ, возможно, что мы ошибаемся, давая такое толкованіе разбираемому выраженію; очень можетъ быть, смыслъ его тотъ, что и всякое субъективное заблужденіе, послѣдствіемъ котораго будетъ неполученіе только ожидаемой выгоды, безъ всякаго ущерба въ имуществѣ покупщика, должно давать послѣднему означенное право, какъ это признано Правительствующимъ Сенатомъ въ отношеніи права на взысканіе убытковъ, понесенныхъ истцомъ вслѣдствіе неполученія ожидаемой выгоды (р. 1883 г. № 8; 1884 г. №№ 2 и 146); но въ такомъ случаѣ предлагаемое правило должно быть безусловно отвергнуто. Если на обязанности законодателя лежитъ забота объ охраненіи правъ покупщиковъ имѣній съ публичнаго торга, производимаго общественной властью не съ какими либо спекулятивными цѣлями, то эта забота не должна распространяться далѣе принятія мѣръ къ устраненію возможнаго ущерба въ имуществѣ покупщика платежомъ за пріобрѣтаемое имущество такой суммы, которой оно не стоитъ.

Далѣе,—о какихъ существенныхъ ограниченіяхъ, обре-

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

меняющихъ имѣніе, скрытыхъ отъ покупщика, говоритъ та же статья? Вѣдь если тѣ лишь ограниченія признаются дѣйствительными, о которыхъ имѣются отмѣтки въ вотчинной книгѣ, то всѣ прочія для покупщика имѣнія не обязательны. Если здѣсь идетъ рѣчь о договорахъ, обременяющихъ имѣніе, то зачѣмъ говорится объ этомъ здѣсь,—вѣдь объ обязательности или необязательности ихъ для пріобрѣтателя говорится особо? Если, наконецъ, здѣсь имѣются въ виду тѣ договоры, которые будутъ признаны обязательными для покупщика, то едва ли это обстоятельство можетъ служить причиной къ уничтоженію продажи.

Наконецъ, ни въ разбираемой статьѣ, ни въ какой либо другой не говорится о судьбѣ имѣнія, отъ котораго покупщикъ отказывается: у кого оно должно находиться до окончанія возникшаго спора? кому оно должно быть возвращено по уничтоженіи торга? должно ли оно являться объектомъ обезпеченія тѣхъ взысканій, на удовлетвореніе коихъ оно продано? могутъ ли на него быть обращаемы новыя взысканія, или не могутъ? Всѣ эти вопросы неминуемо возникнутъ въ практикѣ и пройдетъ очень продолжительное время, прежде чѣмъ практика не установитъ извѣстный modus vivendi и тѣмъ восполнитъ оказавшійся въ законѣ пробѣлъ.

Нельзя при этомъ не выразить сожалѣнія о томъ, что проектъ не предусматриваетъ возможности отреченія покупщика отъ сдѣланной имъ покупки съ возвращеніемъ внесеннаго имъ обезпеченія, если несоотвѣтствіе имѣнія съ описью будетъ имъ обнаружено до укрѣпленія за нимъ имѣнія. Случаи обнаруженія такого несоотвѣтствія и въ настоящее время встрѣчаются въ практикѣ, несмотря на то, что по дѣйствующему закону (ст. 1162 уст. гр. суд.) покупщику дается менѣе краткій срокъ для представленія остальной покупной суммы и крѣпостныхъ пошлинъ,—именно *семидневный*,—чѣмъ по проекту, по 136 ст. котораго этотъ срокъ удваивается, т. е. увеличивается *до двухъ недѣль*. Отсутствіе закона, предусматривающаго подобные случаи, порождаетъ значительное разнообразіе въ практикѣ. Намъ извѣстны примѣры признанія су-

домъ такого права за истцомъ, послѣдствіемъ чего произведенный торгъ объявляется *недѣйствительнымъ;* извѣстны и противные сему примѣры, т. е. примѣры отказа покупщику въ его ходатайствѣ на томъ основаніи, что въ законѣ (ст. 1180 уст.) точно перечислены случаи, въ коихъ произведенный торгъ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ; въ числѣ же этихъ случаевъ не указано на право покупщика, внесшаго задатокъ, отказываться отъ внесенія остальной покупной суммы подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Еще недавно Правительствующій Сенатъ (по отдѣленію) отмѣнилъ опредѣленіе мироваго съѣзда, который не только отказалъ покупщику въ подобной просьбѣ, но и обвинилъ его въ неисполненіи правила 1162 ст., подвергнувъ его послѣдствіямъ, установленнымъ въ 1176 ст. уст.

Всѣ эти соображенія приводятъ къ мысли о цѣлесообразности установленія приблизительно такихъ правилъ:

Покупщикъ имѣнія вправѣ отречься отъ сдѣланной имъ покупки и требовать возвращенія внесенныхъ имъ денегъ, если до момента укрѣпленія за нимъ имѣнія онъ представитъ доказательства несоотвѣтствія имѣнія съ описью.

По укрѣпленіи за нимъ имѣнія онъ вправѣ требовать уничтоженія продажи, если будетъ доказано, что, вслѣдствіе несоотвѣтствія дѣйствительнаго его состоянія съ содержаніемъ описи, оно пріобрѣтено имъ за такую сумму, *которой оно не стоитъ.* Въ такомъ случаѣ имѣніе продается съ публичнаго торга, вырученная за него сумма возвращается покупщику, а недостатокъ до той суммы, которая была уплачена за имѣніе, взыскивается съ должника, какъ единственнаго незаконно обогатившагося на чужой счетъ.

До продажи имѣнія по рѣшенію суда, вступившему въ силу закона, оно отдается въ администрацію въ видахъ сохраненія его въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится въ моментъ предъявленія иска.

Иначе представляется дѣло въ отношеніи кредитныхъ установленій. По нашему мнѣнію было бы совершенно справедливо возложить на эти установленія отвѣтственность предъ

покупщиками за несоотвѣтствіе дѣйствительнаго состоянія имѣнія съ содержаніемъ описи, *по которой имѣніе было продано съ публичнаго торга.* Это мы основываемъ на слѣдующемъ:

Принимая имѣніе въ залогъ, кредитное установленіе *обязано* и имѣетъ всѣ средства провѣрить опись, по которой собственникъ закладываетъ ему свое имущество. Эта провѣрка производится съ цѣлью гарантировать банку вѣрность погашенія выданной имъ ссуды. А какъ это погашеніе дѣлается посредствомъ продажи заложеннаго имущества, то, выставляя таковое на торги въ томъ составѣ, въ которомъ оно было принято банкомъ, банкъ этимъ самымъ ручается предъ покупщикомъ въ вѣрности того, что онъ продаетъ именно то, что имъ было принято въ залогъ. Уже это одно служитъ достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы на банкъ и вообще на кредитное установленіе, продающее имущество на покрытіе слѣдующаго ему долга, была возложена обязанность отвѣтствовать предъ покупщикомъ за все то, чего въ проданномъ имѣніи не окажется согласно описи, по которой то имущество было принято въ залогъ и поставлено на торги. Допустить противное, допустить, что банкъ не отвѣтствуетъ, и въ этихъ случаяхъ было бы равносильно допущенію всякаго рода злоупотребленій со стороны кредитныхъ установленій. Это тѣмъ болѣе справедливо, что если кредитное установленіе сомнѣвается въ вѣрности первоначальной описи, то оно опять имѣетъ всѣ средства оградить себя отъ всякой отвѣтственности, произведя провѣрку первой описи, что предоставляется почти каждому банку ихъ уставами, а затѣмъ поставить на торги лишь то, что въ данный моментъ находится въ дѣйствительномъ обладаніи должника и можетъ быть передано покупщику. Если же и послѣ этого окажется какое либо несоотвѣтствіе, то, конечно, оно должно быть поставлено въ вину кредитному установленію, не сумѣвшему съ должнымъ вниманіемъ оградить свои интересы при производствѣ провѣрки описи. Но, само собою разумѣется, кредитному установленію должно быть предоставлено право искать съ заемщика ту сумму, которая осталась недовырученной, благо-

даря неправильнымъ его дѣйствіямъ, что либо незаконно отчудившаго изъ заложеннаго имущества, или не сумѣвшаго сберечь его въ цѣлости.

Въ виду этихъ соображеній мы считаемъ совершенно справедливымъ предоставленіе каждому покупщику имѣнія, проданнаго по требованію кредитнаго установленія и оказавшагося несоотвѣтствующимъ той описи, по которой оно продавалось, права требовать отъ кредитнаго установленія или принятія отъ него имѣнія и возвращенія ему уплаченныхъ денегъ, или же взысканія разности между суммой, за которую имѣніе пріобрѣтено, и дѣйствительной его стоимостью въ день торга. Понятно, однако, что такое право не можетъ быть предоставляемо покупщику, знавшему о несоотвѣтствіи описи съ дѣйствительностью.

IX.

Сводя за симъ все сказанное во едино, приходимъ къ тому заключенію, что справедливыми и цѣлесообразными представляются слѣдущія правила, относящіяся, главнымъ образомъ, къ порядку взысканій кредитными установленіями съ заложенныхъ имъ имѣній:

Мѣсто продажи такого имѣнія опредѣляется правилами, изложенными въ ст. 81—84 проекта положенія, но на случай безуспѣшности перваго торга, банку предоставляется просить о производствѣ второго торга въ вотчинномъ отдѣленіи того города, гдѣ находится правленіе банка или его отдѣленіе, если по уставу банка торги могутъ производиться при отдѣленіяхъ.

Такое требованіе должно быть заявлено при возбужденіи производства о взысканіи съ заложеннаго имѣнія.

Производство о взысканіи возбуждается просьбою кредитнаго установленія, подаваемаго въ подлежащее вотчинное отдѣленіе.

Просьба эта подается по наступленіи срока, когда, при неисправности заемщика, имѣніе должно быть назначено въ продажу съ указаніемъ дня производства оной.

Если имѣніе не внесено въ вотчинную книгу, при прошеніи должна быть представлена опись имѣнія, составленная при пріемѣ имѣнія въ залогъ или впослѣдствіи.

При послѣдующихъ производствахъ о взысканіи съ того же имѣнія, кредитное установленіе должно указать, когда имъ представлена опись, если таковая, за прекращеніемъ производства, не была возвращена ему.

Составленіе описи чрезъ судебнаго пристава допускается лишь по просьбѣ кредитнаго установленія, которое при этомъ должно представить необходимую на расходы сумму денегъ.

Если производство о взысканіи возбуждено кѣмъ либо изъ кредиторовъ заемщика, кредитное установленіе, обращающее и свое взысканіе на то имѣніе, обязано присоединиться къ производству, начатому по требованію частныхъ кредиторовъ.

Когда просьба о присоединеніи подана до учиненія публикаціи, всѣ дѣйствія по производству должны быть дѣлаемы съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для производства взысканій по требованію кредитныхъ установленій.

Каждому кредитору должника предоставляется присоединиться къ производству, возбужденному кредитнымъ установленіемъ, но этимъ не устраняется примѣненіе къ этому производству постановленныхъ для него особыхъ правилъ.

Въ обоихъ случаяхъ присоединенія, если оно послѣдовало до учиненія объявленій о продажѣ, назначаются тѣ сроки оной, которые короче изъ указанныхъ въ положеніи и въ уставѣ кредитнаго установленія.

О взысканіи присоединяющихся вносится запись въ вотчинную книгу, или на имѣніе налагается запрещеніе на общемъ основаніи.

Второй торгъ производится по правиламъ, установленнымъ для перваго, съ тѣмъ только различіемъ, во-1-хъ,—что на второмъ торгѣ имущество можетъ быть продано и ниже оцѣнки,

и во-2-хъ, что онъ начинается съ цѣны высшей изъ предложенныхъ въ открытыхъ объявленіяхъ, если таковыя были поданы.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда кредитное установленіе, на основаніи своего устава, обязано или вправѣ не допускать публичной продажи имѣнія должника ниже слѣдующаго ему долга и пользующихся старшинствомъ предъ этимъ долгомъ издержекъ, недоимокъ, платежей и другихъ требованій или ниже какой либо иной суммы, то должно заявить объ этомъ вотчинному отдѣленію въ просьбѣ о возбужденіи производства или о присоединеніи, или же въ отдѣльномъ прошеніи, которое можетъ быть подано до момента открытія торга, и тогда второй торгъ начинается съ означенной суммы, если въ поданномъ кѣмъ либо открытомъ объявленіи не предложена цѣна, превышающая эту сумму.

Имѣніе оставляется за предложившимъ высшую цѣну; а если надбавокъ не послѣдовало, за тѣмъ, кто предложилъ сумму, съ которой начался второй торгъ.

Въ теченіе года со дня внесенія въ вотчинную книгу покупщика, пріобрѣвшаго имѣніе, которое продано на удовлетвореніе претензій частныхъ кредиторовъ, покупщикъ можетъ требовать искомъ, предъявленнымъ къ должнику, продажи того имѣнія и взысканія съ должника разности между уплаченной имъ суммой и дѣйствительной стоимостью имѣнія, если послѣднее вслѣдствіе несоотвѣтствія дѣйствительнаго его состоянія съ содержаніемъ описи окажется нестоющимъ заплаченныхъ за него денегъ.

По предъявленіи такого иска имѣніе берется въ опекунское управленіе.

Если имѣніе продано на удовлетвореніе долга кредитному установленію, то въ случаѣ такого-же несоотвѣтствія его съ содержаніемъ описи, покупщикъ вправѣ требовать отъ кредитнаго установленія принятія отъ него имѣнія и возвращенія ему уплаченныхъ денегъ. О такомъ требованіи долженъ быть предъявленъ къ кредитному установленію искъ въ тотъ же годичный срокъ.

Кредитное установленіе вправѣ привлечь къ производству по такому иску должника въ качествѣ третьяго лица.

Если до укрѣпленія имѣнія за покупщикомъ послѣдній представитъ доказательства тому, что дѣйствительное состояніе имѣнія не соотвѣтствуетъ описи, по которой оно было продано, то торгъ признается недѣйствительнымъ, и покупщику возвращаются внесенныя имъ суммы.

В. Л. Исаченко.

ПСИХОЛОГІЯ СВИДѢТЕЛЬСКИХЪ ПОКАЗАНІЙ И СУДЕБНОЕ СЛѢДСТВІЕ.

I.

Если вѣрить словамъ современныхъ, по преимуществу, нѣмецкихъ изслѣдователей, изучающихъ свидѣтельскія показанія съ точки зрѣнія психологіи, можно и въ самомъ дѣлѣ подумать, будто до нихъ никому въ голову не приходило предположить, чтобъ человѣкъ, желающій сказать всю правду, могъ, тѣмъ не менѣе, самъ того не желая и не сознавая, весьма существенно извратить видѣнное и слышанное имъ [1]). Однако,

---

[1]) Stern Aussagestudien въ его Beiträge zur Psychologie der Aussage I, 1903, стр. 47—48: „Die erste Leistung, welche die Forschung Lier (sc. inbezug auf die Beurteilung der Aussagen und der Aussagenden) zu vollziehen hat, ist eine negative: Erschütterung gewisser einfacher Formeln, nach denen der natürliche Menschenverstand die Aussagen logisch und ethisch zu bewerten geneigt ist. Diese Formeln der naiven Beurteilung lauten etwa: 1. Eine mit bestem Wissen nnd Gewissen gegebene Aussage ist im allgemeinen als korrekte Wiedergabe der Wirklichkeit anzusehen. 2. Eine mit Uberlegung gegebene Aussage, die sich als falsch erweist, ist als beabsichtigte Fälschung (Lüge, Meineid) oder mindestens als strafbare Fahrlässigkeit anzusehen“.—Gross, Das Wahrnehmungsproblem und der Zeuge im Strafprozess, въ Archiv für Strafrecht, 49 Jahrg., 1902, стр. 186: „Hatte man früher keinen Grund, den Zeugen für schlecht, für verlogen zu halten, war er nicht deutlich geisteskrank und hat er gar seine Aussage beeidet, so war das von ihm Gesagte Wahrheit und Grundlage für den Urteilsspruch. Jetzt geht man von Tag und Tag mehr daran festzustellen“... и т. д.—Stoos, Zur Reform des Strafprozesses въ Archiv für Kriminalanthropologie und Kriminalistik, т. XIV, 1903, стр. 119, прим.: „Hans Gross hat die prozessualische Wahrheitserforschung bahn-

приписывать нѣмецкой наукѣ jeune siècle ту заслугу, будто она впервые указала на существованіе безсознательной лжи рядомъ съ ложью сознательной, психологической [1]) недостовѣрности рядомъ съ недостовѣрностью нравственной, было-бы не болѣе правильно, нежели утверждать, что обезьяну нѣмецъ выдумалъ. И то и другое существовало до него и помимо него.

Въ сущности вѣдь всѣмъ давно прекрасно извѣстно было, что, передавая о видѣнномъ и слышанномъ, люди не только сознательно лгутъ, но и ошибаются. Однако, свойственная человѣку лѣность мышленія, истинные размѣры которой начинаютъ лишь теперь выясняться благодаря новѣйшимъ психологическимъ изслѣдованіямъ, побуждаетъ его, по общему правилу, останавливаться только на тѣхъ явленіяхъ, которыя представляютъ для него непосредственный практическій интересъ. Вопросъ о психологическихъ основахъ ошибочности разсказа о видѣнномъ и слышанномъ имѣетъ именно такую практическую цѣнность — и притомъ весьма существенную — въ судебной области, гдѣ отъ надлежащаго пользованія ма-

---

brechend gefördert, indem er den Glauben an die Zuverlässigkeit der Zeugenaussage zerstört und die Fehlerquellen der Wahrnehmung und des Berichts über die Wahrnehmung aufgedeckt hat". Ср. также Mohr, Entstehuug und Wert von Zeugenaussagen въ Deutsche Rundschau за 1903—1904 г., IV, стр. 426. Görres, Der Wahrspruch der Geschworenen und seine psychologischen Grundlagen, 1903, стр. 38 сл.— Нѣкоторое исключеніе составляетъ Liszt (Strafrecht und Psychologie въ Deutsche Juristen-Zeitung за 1902 г., № 1), указывающій на „Untersuchungskunde" инквизиціоннаго процесса.—Господствующій въ нѣмецкой литературѣ взглядъ высказываютъ и русскіе изслѣдователи. „*Изъ юристовъ*, утверждаютъ гг. Елистратовъ и Завадскій (Къ вопросу о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, въ Трудахъ Казанскаго Юридическаго Общества за 1903 г., стр. 76), *одинъ профессоръ Гроссъ*, создатель криминалистики, попытался собрать и научно обработать"... и т. д.— Ср. статью О. Б. Гольдовскаго, Психологія свидѣтельскихъ показаній, въ Судебномъ Обозрѣніи за 1904 г., № 16, а также замѣчаніе г. Ширяева въ Правѣ за 1904 г., № 11, стр. 668: „*Новѣйшія изслѣдованія* въ области экспериментальной психологіи показали, до какой степени среднее показаніе нормальнаго не предубѣжденнаго свидѣтеля можно считать правильнымъ воспроизведеніемъ объективнаго факта".

[1]) Выраженіе „психологическая недостовѣрность" употребляется здѣсь, какъ и въ послѣдующемъ изложеніи, въ противоположность моральной („интеллектуальная недостовѣрность" по Бентаму, „логическая" у Штерна); хотя и послѣдняя объемлется понятіемъ „психологической" въ широкомъ смыслѣ слова.

теріаломъ, собраннымъ для установленія спорныхъ фактовъ, зависитъ благосостояніе людей, а иногда и жизнь ихъ. На континентѣ, однако, лишь изслѣдованія, сдѣланныя подъ вліяніемъ общихъ теоретическихъ положеній въ области экспериментальной психологіи, заставили впервые жрецовъ Ѳемиды обратить вниманіе на психологическую ошибочность свидѣтельскихъ показаній [1]) и всмотрѣться наконецъ въ то, что происходило предъ ихъ глазами изо дня въ день, изъ года въ годъ. Объясненіе такого страннаго явленія слѣдуетъ искать въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, въ которыя поставлены были судъ и уголовный процессъ континентальной Европы.

Вѣковое господство формальной системы доказательствъ и смѣшеніе явившейся ей на смѣну системы свободной оцѣнки доказательствъ съ рѣшеніемъ на основаніи безотчетныхъ впечатлѣній—равно препятствовали сознательному и вдумчивому сужденію о достовѣрности представленныхъ доказательствъ и совершенно исключали всякую возможность выработки общихъ положеній въ руководство для такого сужденія. Хожденіе на привязи не допускаетъ, конечно, изученія вѣрнѣйшаго пути, ведущаго къ намѣченной цѣли; но не къ лучшимъ результатамъ приводитъ и блужданіе на обумъ, по полямъ и лѣсамъ, безъ картъ и плановъ мѣстности.

Столѣтіями сложившееся англійское судоустройство помогло англійскому процессу пройти между этой Сциллой и Харибдой. Его спасло вѣковое участіе въ отправленіи правосудія элемента народнаго, находящагося, однако, подъ постояннымъ руководствомъ ученыхъ спеціалистовъ-судей. Англичане никогда не говорятъ о разсмотрѣніи дѣла присяж-

---

[1]) Я не хочу сказать, что „безсознательной лжи“ на судѣ никто никогда не замѣчалъ; но, въ виду отсутствія обмѣна мыслей по поводу ея, наблюденія отдѣльныхъ лицъ пропадали совершенно безплодно. Задумывались-же надъ разсматриваемымъ явленіемъ не только профессіональные криминалисты (ср. м. п. рѣчь Н. П. Карабчевскаго по дѣлу Имшенецкаго), но и наблюдательные неспеціалисты. „Неоднократно участвуя въ судѣ, въ роли присяжнаго засѣдателя,—пишетъ одно лицо, присылая въ редакцію Судебнаго Обозрѣнія отобранныя имъ показанія о сценѣ убійства изъ „Юлія Цезаря“,—я много разъ останавливался на мысли о возможности *невольныхъ* ошибокъ въ показаніяхъ свидѣтелей очевидцевъ, ошибокъ въ частностяхъ, но подрывающихъ, нерѣдко, довѣріе къ искренно-правдивому показанію по существу“. Ср. также Leuss, Aus dem Zuchthause, 2 изд., 1903, стр. 27—42.

ными засѣдателями, но о „trial by juge aud jury“—судьею (короннымъ) и присяжными засѣдателями. Въ дружномъ взаимодѣйствіи двухъ этихъ органовъ и заключается центръ тяжести англійскаго процесса.

Оцѣнка доказательствъ составляетъ функцію присяжныхъ: [1]) этимъ всегда устранялась возможность укрѣпленія формальной системы доказательствъ на англійской почвѣ. Судья не можетъ указывать присяжнымъ обстоятельствъ, которыя они должны считать доказанными. Но, съ другой стороны, онъ не безучастный свидѣтель того, какъ у присяжныхъ слагается убѣжденіе по спорному вопросу. Во-первыхъ, онъ устраняетъ всѣ тѣ доказательства, которыя признаются закономъ непригодными для сужденія о дѣлѣ. Во-вторыхъ, онъ даетъ присяжнымъ общія руководящія указанія для сужденія о допущенныхъ имъ доказательствахъ и для постановленія вердикта на основаніи ихъ. Но не ratione auctoritatis, а auctoritate rationis внимаютъ присяжные словамъ его [2]). Своего собственнаго мнѣнія англійскій судья, обыкновенно, не высказываетъ [3]). Въ важныхъ дѣлахъ онъ не органичивается юридическими разъясненіями; въ своемъ резюме онъ подвергаетъ подчасъ тщательному разбору всѣ свидѣтельскія показанія, но по вопросу о виновности онъ ничѣмъ не обнаруживаетъ своего мнѣнія [4]). Ибо судья, говорилъ еще Бэконъ, „долженъ быть для присяжныхъ свѣточемъ, открывающимъ имъ глаза, но не проводникомъ, ведущимъ ихъ за носъ“ [5]).

---

[1]) Taylor, A treatise on the law of evidence, 6 изд., I, 1885, стр. 37. Best, The principles of the law of evidence, 8 изд., 1893, стр. 64.

[2]) Фойницкій, Курсъ уголовнаго судопроизводства, 2 изд., II, 1889, стр. 212.

[3]) Taylor, I стр. 38—39. Американская практика разсматриваетъ это даже какъ злоупотребленіе со стороны судьи, что во многихъ штатахъ санкціонировано статутами. (Владиміровъ, Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ, I, 1882, стр. 135—136; Harris-Force, Principles of criminal law, 1880, стр. 338 сл. Walkev, Introduction to American law, 5 изд., 1869, стр. 610).

[4]) Franqueville, Le système judiciaire de la Grande Bretagne, II, 1893, стр. 395.

[5]) Bacon, Speech to Justice Hutton (Works, изд. въ 10 томахъ 1826 г., IV стр. 508).

Къ вопросу объ англійской системѣ допустимости доказательствъ мы еще вернемся. Теперь мы остановимся на тѣхъ случаяхъ оцѣнки доказательствъ, которыя обратили вниманіе англійскихъ юристовъ на возможность безсознательныхъ ошибокъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ.

Свидѣтель, дважды передавая о видѣнномъ и слышанномъ имъ, нѣсколько видоизмѣняетъ свой разсказъ; представитель стороны, для которой выгодно поколебать силу сдѣланнаго показанія, указываетъ присяжнымъ на эти различія, какъ на доказательство лживости свидѣтеля. Или: два очевидца, свидѣтельствующіе объ одномъ и томъ-же происшествіи, расходятся относительно какого нибудь побочнаго обстоятельства; обвинитель или защитникъ и въ этомъ видитъ основаніе для того, чтобъ не вѣрить свидѣтелямъ, такъ какъ одинъ изъ нихъ то ужъ навѣрное лжетъ. Но англійскіе судьи относились всегда крайне отрицательно къ подобнымъ пріемамъ дискредитированія свидѣтельскаго показанія и тщательно разъясняли присяжнымъ всю неправильность подобныхъ выводовъ. Точь въ точь въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, говорили они, повторяютъ лишь заученный урокъ; отсутствіе такого буквальнаго тождества при повтореніи свидѣтелемъ даннаго имъ-же показанія, напротивъ, доказываетъ лишь честность его. Но и нѣкоторое разногласіе въ показаніяхъ нѣсколькихъ лицъ объ одномъ и томъ-же одновременно воспринятомъ ими явленіи не всегда должно подрывать довѣріе къ свидѣтелямъ и вызывать сомнѣніе и въ истинности той части показанія, въ коей свидѣтели говорятъ одно и то-же. Напротивъ того, точное и буквальное совпаденіе возбуждаетъ подозрѣніе въ предварительномъ уговорѣ и обманѣ [1]).

Служа предметомъ постоянныхъ разногласій между адвокатами и судьями, [2]), вопросъ этотъ былъ всесторонне раз-

---

[1]) Ram, A treatise on facts as subjects of inquiry by a jury, 3 америк. изд. 1873, стр. 169—170, 193—207. Wills, An essay on the principles of circumstantial evidence, 3 изд. 1850, стр. 222—224. Taylor, I стр. 80—81, 826—827. Cox, The advocate, his training, practice, rights and duties, перепеч. въ прил. къ ук. соч. Рама стр. 352—353 и 355.

[2]) Cox, стр. 351—352.

смотрѣнъ и разработанъ англійскими изслѣдователями, и результаты судебнаго опыта пошли на пользу не только отправленія правосудія, но и научныхъ изслѣдованій въ области богословія и исторіи [1]). И въ свою очередь, сопоставленіе съ соотвѣтствующими историческими фактами, благодаря большей рельефности ихъ, существенно уяснило вопросъ возбужденный въ залѣ суда. Законовѣды, изучавшіе этотъ вопросъ, приводятъ, между прочимъ, слѣдующіе историческіе примѣры.

Прескотъ, въ своей Исторіи царствованія Фердинанда и Изабеллы, говоритъ относительно турнира, состоявшагося въ 1502 г. въ Трани въ Италіи: „Объ этомъ знаменитомъ турнирѣ, о поводахъ къ устройству его и о томъ, какъ онъ происходилъ, сообщается въ столькихъ-же версіяхъ, каково число повѣствователей,—а между тѣмъ борьба происходила въ присутствіи толпы свидѣтелей, у которыхъ не было другого дѣла, какъ глазѣть и примѣчать происходившее у нихъ на глазахъ. Единственное, въ чемъ они сходятся, это—что такой турниръ былъ и что ни одна сторона не одержала побѣды“. Этому то мы и въ правѣ вѣрить, не смотря на разногласіе во всемъ остальномъ. „Отправленіе евреями посольства, которое должно было просить о томъ, чтобъ указъ Клавдія о помѣщеніи статуи его въ храмѣ не былъ приведенъ въ исполненіе, Филонъ относитъ къ осени, Іосифъ Флавій-же къ веснѣ: оба современные писатели. Но ни въ комъ изъ ихъ читателей несовмѣстимость этихъ свидѣтельствъ не вызвала сомнѣнія въ томъ, было-ли вообще отправлено такое посольство или былъ ли отданъ такой приказъ. . . Относительно смерти маркиза Аргайля въ царствованіе Карла II лордъ Кларендонъ передаетъ, что онъ былъ приговоренъ къ повѣшенью, что и было исполнено въ тотъ-же день; наоборотъ, другіе современники согласно утверждаютъ, что онъ былъ обезглавленъ и что приговоръ состоялся въ субботу, приведенъ-же въ исполненіе въ понедѣльникъ. Но среди интересовавшихся англійской исторіей не нашлось такого скептика, который на основаніи этого возбудилъ бы сомнѣ-

[1]) Ram, стр. 206—207.

ніе въ томъ, дѣйствительно-ли маркизъ Аргайль былъ казненъ" [1]).

Разсказчики во всѣхъ этихъ случаяхъ не лгали; они лишь ошибались; они не старались ввести другихъ въ заблужденіе, они сами заблуждались относительно нѣкоторыхъ обстоятельствъ, какъ заблуждаются подчасъ и на судѣ честные свидѣтели одного и того же происшествія, давая не совсѣмъ тождественныя показанія о немъ.

Что же это за обстоятельства, относительно которыхъ честные люди могутъ передавать разное? Другими словами: при какихъ условіяхъ разногласіе въ показаніяхъ не должно колебать довѣрія къ правдивости свидѣтеля? Когда оно касается обстоятельствъ побочныхъ, на коихъ не было сосредоточено вниманіе свидѣтелей и которыя произвели на нихъ столь слабое впечатлѣніе, оставили въ ихъ памяти столь неясный слѣдъ, что одинъ и тотъ же свидѣтель въ разное время, разные свидѣтели въ одно и то же время могутъ различно воспроизвести ихъ, несмотря на все свое желаніе ни на шагъ не уклоняться отъ правды. [2]) Сообщая о происшествіи, очевидцами котораго они были, и которое обратило на себя ихъ вниманіе, свидѣтели обыкновенно будутъ показывать согласно о томъ, что составляетъ остовъ этого происшествія; но показанія ихъ могутъ существенно разниться касательно времени, мѣста или иныхъ сопутствующихъ обстоятельствъ. [3]) На сессіи суда въ Ланкастерѣ судья Лебланъ упалъ во время засѣданія въ обморокъ; когда, нѣкоторое время спустя, среди многочисленной группы адвокатовъ—очевидцевъ зашла рѣчь объ этомъ, они никакъ не могли столковаться относительно того, въ какой именно изъ двухъ палатъ, въ которыхъ засѣдаетъ гражданскій судъ, произошелъ этотъ непріятный инцидентъ. [4]) Современный англійскій судья едва-ли счелъ бы поэтому разногласіе въ точнѣйшемъ опредѣленіи рода дерева,

---

[1]) Тамъ-же. Wills стр. 223.

[2]) Ram, стр. 205—206. Wills. стр. 222. Cox, стр. 355.

[3]) Ram, стр. 206.

[4]) Тамъ-же, стр. 207 прим.

подъ которымъ по словамъ свидѣтелей совершено было прелюбодѣяніе, за доказательство ихъ лживости (ср. кн. прор. Даніила гл. XIV, 51—62); но, имѣя это въ виду, и англійскій адвокатъ не ограничился бы, подобно Даніилу въ библейскомъ разсказѣ о Сусаннѣ, вопросомъ о томъ, подъ какимъ деревомъ свидѣтели застигли виновныхъ, но, осыпавъ ихъ вопросами о цѣломъ рядѣ иныхъ, быть можетъ, болѣе существенныхъ, болѣе бьющихъ въ глаза обстоятельствъ, онъ составилъ бы такой букетъ противорѣчій, который устранилъ бы всякое сомнѣніе въ лживости свидѣтелей; правосудіе не пострадало бы, оно было бы лишь ограждено отъ возможности печальнаго промаха.

Возможность безсознательныхъ искаженій всего легче и яснѣе обнаруживается при сопоставленіи нѣсколькихъ показаній. Но изъ этого не слѣдуетъ, что они отсутствуютъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ только показаніемъ. Разъ мы признаемъ, что свидѣтель можетъ при всей своей правдивости невѣрно передать нѣкоторыя обстоятельства, явленіе это само по себѣ пріобрѣтаетъ громадный интересъ.

Уже Бентамъ, въ своемъ изслѣдованіи о судебныхъ доказательствахъ, подвергъ вопросъ о психологическихъ—или, какъ онъ называетъ ихъ, интеллектуальныхъ—основаніяхъ ошибочности свидѣтельскихъ показаній обстоятельному разсмотрѣнію. [1]) Соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе показанія съ дѣйствительностью, говоритъ Бентамъ, зависитъ отъ психическихъ свойствъ свидѣтеля, т. е. отчасти отъ его интеллектуальныхъ, отчасти отъ его моральныхъ качествъ. [2]) Моральныя или волевыя свойства, необходимыя для дачи правильнаго показанія, суть: съ одной стороны—правдивость (veracity), заключающаяся въ стремленіи къ тому, чтобъ показаніе въ конечномъ результатѣ соотвѣтствовало дѣйствительности, съ другой—вниманіе (attention), проявляющееся въ стараніи припомнить все, что извѣстно свидѣтелю, и изложить это, не поддаваясь видоизмѣняющему вліянію сочувствія къ одной

---

[1]) Bentham, Rationale of judicial evidence, 1827, т. I, кн. I, гл. VIII—X.
[2]) Тамъ-же, гл. IX стр. 153.

изъ сторонъ. [1]) Интеллектуальные акты, коими обусловливается полнота и правильность показанія, суть: воспріятіе посредствомъ одного изъ пяти чувствъ, впечатлѣніе, произведенное воспринятымъ на центральную систему (Бентамъ называетъ актъ этотъ сужденіемъ о воспринятомъ), сохраненіе впечатлѣнія въ памяти и, наконецъ, сообщеніе сохраненнаго въ памяти. Всѣ эти моменты не ограждены отъ возможности нѣкоторыхъ недочетовъ. Свойства воспринимающаго субъекта (напр. дряхлость) или условія, въ которыхъ находится воспринимаемый объектъ (напр. слабое освѣщеніе), невыгодно отражаются на воспріятіи. Болѣзненныя состоянія души могутъ совершенно извратить впечатлѣнія, которыя должны были бы получиться отъ воспринятыхъ объектовъ. Что же касается силы впечатлѣнія, то она и у здоровыхъ людей весьма различна, завися отъ познаній воспринимающаго. „Гдѣ химикъ или врачъ замѣчаетъ опасный ядъ, судомойка видитъ быть можетъ лишь неважное пятнышко на кастрюлѣ, а поваръ— безвредное средство для того, чтобъ внѣшнимъ видомъ хорошо зарекомендовать изготовленное имъ кушанье; гдѣ ботаникъ замѣчаетъ рѣдкое, быть можетъ новое растеніе, крестьянинъ видитъ лишь сорную траву; гдѣ минералогъ открываетъ новую руду, блистающую невѣдомымъ металломъ, глазу рабочаго представляется лишь комъ земли, отличающійся отъ остальныхъ только вѣсомъ, да тѣмъ, что онъ причиняетъ больше труда; то же различіе можетъ быть прослѣжено чрезъ всѣ роды занятій, чрезъ всѣ области знанія“. Но то-же условіе вліяетъ и на сохраненіе впечатлѣнія въ памяти: ассоціируясь съ другими, однородными, оно закрѣпляется лучше и прочнѣе. Вообще степень живости воспоминанія зависитъ, помимо силы воспріятія и впечатлѣнія, съ одной стороны—отъ того значенія, какое придаетъ ему данный субъектъ, съ другой— отъ времени, истекшаго съ момента воспріятія, при чемъ, однако, стушевывающее вліяніе времени можетъ быть ослаблено благодаря промежуточному освѣженію факта въ памяти посредствомъ новыхъ ассоціирующихъ представленій. Запамя-

---

[1]) Тамъ же, гл. IX стр. 155—160, гл. XI стр. 184—249.

тованіе не единственное проявленіе несовершенства памяти человѣческой: рядомъ съ нимъ стоитъ невѣрное воспоминаніе. „При полномъ отсутствіи сознанія лживости, намѣренія или желанія въ чемъ либо отступить отъ прямого пути правды, предполагаемое воспоминаніе можетъ оказаться ложнымъ не только касательно количества, качества или иныхъ обстоятельствъ, но даже во всемъ своемъ объемѣ". Каждому изъ насъ достаточно внимательно присмотрѣться къ собственнымъ воспоминаніямъ, чтобъ открыть среди нихъ такія, которыя не имѣютъ подъ собой никакой реальной почвы. Послѣднимъ интеллектуальнымъ качествомъ, порождающимъ неточность показанія, является неспособность выразить свою мысль по незнанію языка, робости и инымъ причинамъ [1]).

Разсужденія Бентама объ интеллектуальныхъ причинахъ ошибочности свидѣтельскихъ показаній легли въ основу дальнѣйшихъ работъ въ этой области. Бентамъ не только подмѣтилъ самый фактъ безсознательной лжи, онъ указалъ и на тѣ психическіе акты, коими она порождается. Но особенно важнымъ является тотъ общій выводъ, къ которому приходитъ Бентамъ. „Въ тѣхъ случаяхъ, говоритъ онъ, гдѣ ошибочность касается лишь количества или качества, уклоненіе показанія отъ правды можетъ сопровождаться той сознательностью, благодаря которой уклоненіе это называютъ умышленнымъ, *но сознаніе это можетъ и отсутствовать*; тамъ же, гдѣ показаніе невѣрно въ цѣломъ, ошибочность не можетъ не сопровождаться этимъ преступнымъ сознаніемъ, она должна быть умышленною, развѣ если она проистекаетъ изъ того рода безпорядочнаго воображенія, которое, поскольку оно длится, должно быть поставлено въ счетъ безумію" [2]).

Крайне интересенъ также одинъ частный выводъ, который Бентамъ дѣлаетъ изъ этого общаго положенія. Разграниченіе интеллектуальныхъ и моральныхъ причинъ ошибочности показаній должно, говоритъ онъ, „удержать судью отъ обвиненія въ лжесвидѣтельствѣ тамъ, гдѣ оно на дѣлѣ от-

---

[1]) Тамъ же, гл. X стр. 161—183.

[2]) Тамъ же, гл. VIII, стр. 143.

сутствуетъ" [1]) Такимъ образомъ, Бентамъ уже сто лѣтъ тому назадъ высказалъ тѣ соображенія, по которымъ въ настоящее время нѣмецкіе криминалисты требуютъ исключенія неосторожнаго лжесвидѣтельства изъ германскаго уголовнаго уложенія [2]).

Идя по стопамъ Бентама, развивая и дополняя высказанныя имъ положенія, подкрѣпляя ихъ все новыми и новыми наблюденіями, позднѣйшіе англійскіе и американскіе изслѣдователи, однако, въ одномъ существеннѣйшемъ отношеніи пришли къ совершенно иному заключенію: это—по вопросу о тѣхъ размѣрахъ, въ коихъ безсознательная ложь содержится въ свидѣтельскихъ показаніяхъ.

Бентамъ былъ еще, повидимому, склоненъ весьма низко оцѣнивать роль ея. Не видоизмѣненіе, а неполнота показанія представляется ему наиболѣе существеннымъ проявленіемъ интеллектуальныхъ факторовъ, вліяющихъ на показаніе. Такъ, недочеты въ актахъ воспріятія и впечатлѣнія, по его мнѣнію, сказываются не столько въ неправильности представленія о фактѣ, сколько въ недостаточной живости его. „Совершенную правильность представленія, говоритъ Бентамъ, слѣдуетъ быть можетъ признать результатомъ болѣе обычнымъ, болѣе регулярнымъ, нежели какую бы то ни было степень неправильности" [3]). Это положеніе, выраженное, правда въ весьма осторожной формѣ, не могло быть признано правильнымъ. „Мы часто ошибаемся, говорилъ судья лордъ Поллокъ, даже въ томъ, что̀, какъ намъ кажется, мы видимъ; и еще чаще ошибаемся мы въ томъ, что̀, какъ намъ кажется, мы слышимъ" [4]). Но и помимо того, что всѣ чувства наши сплошь и рядомъ обманываютъ насъ [5]), надлежащее истолкованіе

---

[1]) Тамъ же, гл. X стр. 182.

[2]) Ср. Thomsen, Kann der Zeugeneid aus Fahrlässigkeit verletzt werden? Gerichtssaal т. LX; Der Zeugeneid kann nicht aus Fahrlässigkeit verletzt werden, Gerichtssaal т. LXIV; Martin, Soll die Strafbarkeit der fahrlässigen falschen Aussage vor Gericht beibehalten werden? Archiv für Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik т. XI, 1903.

[3]) Bentham, т. I, кн. I гл. X, стр. 166.

[4]) Reg. v. Manning and wife, 1849 (Wills, стр. 221).

[5]) Taylor, I § 61, стр. 81, прим. 4.

всего воспринятаго черезъ ихъ посредство представляетъ собою задачу далеко не легкую, требующую часто отъ наблюдателя спеціальныхъ познаній. Такъ, напримѣръ, вопросъ о разстояніи является однимъ изъ обычныхъ, съ которыми обращаются на судѣ къ свидѣтелямъ; а между тѣмъ рѣдко кто способенъ мало-мальски точно опредѣлить на глазъ разстояніе: для этого необходимъ навыкъ, который даютъ лишь немногія спеціальныя занятія [1]).

Но всего хуже обстоитъ дѣло съ памятью. Совершенное искаженіе дѣйствительности отнюдь не требуетъ долгаго воздѣйствія времени или особой незначительности воспринятаго факта [2]), созданіе воображеніемъ совершенно новыхъ представленій не составляетъ процесса, относящагося къ другой категоріи, чѣмъ видоизмѣненіе дѣйствительно воспринятыхъ впечатлѣній [3]), какъ думаетъ Бентамъ; это—лишь крайнее проявленіе того же несовершенства памяти нашей.

Прежде всего, что касается стушевывающаго и искажающаго вліянія времени, отнюдь не слѣдуетъ думать, будто оно сказывается медленно, постепенно, въ теченіе многихъ лѣтъ. Уже самъ Бентамъ замѣчаетъ, что „нѣкоторые факты—и таково подавляющее большинство наблюдаемыхъ нами—до того незначительны, что они способны испариться изъ чьей бы то ни было памяти чрезъ минуту послѣ того, какъ они были восприняты“ [4]). Но не больше времени требуется и для искаженія ихъ. „Разспросите, говоритъ Коксъ, о происшествіи, случившемся на ближайшей улицѣ десять минутъ спустя,—и отъ полъ-дюжины очевидцевъ вы получите столько-же различныхъ описаній подробностей его, причемъ каждый будетъ настаивать на вѣрности своего разсказа и ошибочности другихъ; точно также обстоитъ дѣло со всѣми показаніями“ [5]). Рамъ приводитъ слѣдующій любопытный от-

---

[1]) Burill, Circumstantial evidence, стр. 101; Ram, стр. 96—98.
[2]) Bentham, т. I, кн. I, гл. X, стр. 166—169.
[3]) Тамъ же, стр. 176 сл.
[4]) Тамъ же, стр. 166.
[5]) Cox, стр. 346.

рывокъ изъ романа Вальтеръ-Скотта Айвенго. Аббатъ и тамплiеръ Брiанъ просятъ повстрѣчавшагося имъ шута указать дорогу къ замку Седрика. „Ваше преподобiе, отвѣчалъ Уомба, должны держаться этой тропинки, пока вы не достигните ушедшаго въ землю креста, который едва лишь на локоть торчитъ надъ поверхностью; тогда держите путь на лѣво— тамъ сходятся четыре тропинки—и я увѣренъ, что ваше преподобiе очутитесь подъ кровлей прежде чѣмъ разразится гроза“.... „—Вотъ ушедшiй въ землю крестъ шута, а ночь такъ темна, что не разберешь въ какую сторону мы должны направиться“. — „Мнѣ кажется, онъ сказалъ: налѣво“.— „Направо, возразилъ Брiанъ, насколько я помню“.—„Налѣво, навѣрное налѣво; я помню, какъ онъ ткнулъ своимъ деревяннымъ мечомъ“.—„Да, но онъ держалъ мечъ лѣвой рукой и показалъ имъ мимо своей груди“, возразилъ темплiеръ. Каждый съ большимъ упорствомъ настаивалъ на своемъ мнѣнiи, какъ оно обыкновенно бываетъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ“.

Художественное воспроизведенiе дѣйствительности не можетъ, конечно, замѣнить ее самое, но когда оно преисполнено такой художественной правды, какъ приведенный отрывокъ, оно можетъ явиться наилучшей иллюстрацiей къ положенiямъ, выведеннымъ изъ наблюденiя реальныхъ явленiй. Приведенный отрывокъ интересенъ не только какъ наглядное изображенiе того, какъ мы забываемъ только что слышанныя нами слова даже когда онѣ имѣютъ для насъ весьма существенное практическое значенiе; — онъ иллюстрируетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и одну изъ важнѣйшихъ причинъ ошибочности свидѣтельскихъ показанiй. Аббатъ въ сущности вѣдь совершенно не помнитъ, что̀ сказалъ Уомба; но у него осталось воспоминанiе о томъ, какъ онъ указывалъ мечомъ мимо груди своей; а такъ какъ мечъ обыкновенно держатъ въ правой рукѣ, то аббатъ и выводитъ изъ этого, что Уомба показалъ налѣво. У Брiана, наоборотъ, сохранилось лишь воспоминанiе (неправильное) о словахъ шута; выводъ изъ этого воспоминанiя и порождаетъ у него другое мнимое воспоминанiе о тѣлодвиженiяхъ его.

Уже Бентамъ обратилъ вниманіе на такое смѣшеніе выводовъ съ непосредственнымъ воспріятіемъ. Участвуя въ каждомъ воспріятіи, въ каждой передачѣ воспринятаго факта [1]), умозаключеніе можетъ, очевидно, внести и моменты, на дѣлѣ вовсе отсутствовавшіе [2]). Явленіе это не изъ ряду вонъ выходящее; оно принадлежитъ къ числу обычнѣйшихъ погрѣшностей въ показаніяхъ [3]); это, замѣчаетъ судья Ромили, одна изъ тѣхъ трудностей и опасностей, съ которыми суду постоянно приходится имѣть дѣло даже при допросѣ безусловно достовѣрныхъ свидѣтелей [4]).

Умозаключеніе не единственный путь, которымъ мнимыя впечатлѣнія заполняютъ пробѣлы памяти или вытѣсняютъ истинныя впечатлѣнія. Какъ-бы ни проникъ въ сознаніе наше такой привходящій элементъ, онъ не применетъ оказать вліянія на сформированіе воспоминанія о фактѣ. Такое вліяніе сказывается, между прочимъ, когда съ тѣмъ, что мы сами-же

---

[1]) Bentham, т. III, кн. V, гл. I, стр. 7. Whewell, History of scientific ideas, I, 1829, стр. 638. Blackwoods Edinburgh Magazine LXXXVIII, 1860, Seeing is believing, стр.381—382, 395.—Ср. Feuerbach, Aktenmässige Darstellung merkwürdiger Verbrechen, II, 1829, стр. 638 сл.; Kries, Lehrbuch des deutschen Strafprozessrechts, 1892, стр. 356 и Gross, Kriminalpsychologie, 1898, стр. 5, 208 сл., 243 сл. Послѣдній иллюстрируетъ это положеніе слѣдующимъ остроумнымъ примѣромъ. Заявляя „тамъ стоялъ стаканъ", говоритъ онъ, мы въ сущности дѣлаемъ цѣлый рядъ выводовъ; чтобъ избѣжать ихъ, слѣдовало-бы сказать: „Въ виду того, что я не замѣчалъ, чтобъ я страдалъ галлюцинаціями, и, насколько мнѣ извѣстно, не находился ни въ какомъ другомъ болѣзненномъ состояніи; такъ какъ, далѣе, я не имѣю основаній предполагать, чтобъ кто-либо, посредствомъ оптическаго обмана или иныхъ какихъ физическихъ фокусовъ, создалъ во мнѣ иллюзію стакана, или чтобъ на столѣ находилась столь художественная живопись, чтобъ я могъ принять нарисованный стаканъ за настоящій; и такъ какъ, наконецъ, нельзя думать, чтобъ живущіе въ томъ домѣ употребляли стаканы изъ горнаго хрусталя,—то я, кажется, вправѣ предположить, что то, что я видѣлъ на столѣ, былъ обыкновенный стаканъ". (Gross, Handbuch für Untersuchungsrichter, 4 изд., 1904, I стр. 66). Это уже нѣсколько напоминаетъ Мольерова философа изъ „Женитьбы по принужденію", который находитъ, что нельзя сказать: „я пришелъ сюда", а надо сказать: „кажется, что я пришелъ", такъ какъ философскій взглядъ на вещи не допускаетъ рѣшительныхъ предложеній.

[2]) Bentham, т. I кн. I гл. X стр. 168.

[3]) Ram, стр. 158—159.

[4]) Тамъ же, стр. 60.

видѣли или слышали, мы знакомимся еще и изъ иного источника, напримѣръ, изъ бесѣды съ другимъ очевидцемъ того-же факта. Нельзя согласиться съ взглядомъ Бентама, будто чужое мнѣніе дѣйствуетъ на насъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственно добытое впечатлѣніе было смутно или неопредѣленно [1]). Если, предположимъ, нѣсколько человѣкъ, присутствовавшихъ при какомъ нибудь происшествіи, послѣ того разговариваютъ о немъ между собою, то „не только возможно, но и вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ, нѣкоторое время спустя, будутъ думать, будто они видѣли или слышали то, чего они сами не видѣли и не слышали, но о чемъ другіе разсказывали какъ о видѣнномъ или слышанномъ, т. е., теряя одни элементы и пріобрѣтая другіе, первоначальный разсказъ каждаго изъ нихъ можетъ быть сильно измѣненъ;... здѣсь щедро обмѣниваются и правдой, и вымысломъ“ [2]). Къ той-же категоріи принадлежитъ и вліяніе чтенія частныхъ сообщеній—случая, на который британская судебная практика давно ужъ обратила вниманіе. Такъ, въ одномъ процессѣ по обвиненію въ приведеніи къ незаконной присягѣ, выяснилось, что свидѣтели видѣли въ газетѣ текстъ присяги, по поводу которой шла рѣчь въ парламентѣ, и что поэтому не могло быть точно установлено, дѣйствительно-ли указанныя ими слова взяты изъ присяги, въ коей они участвовали, или-же заимствованы изъ газетной замѣтки [3]).

Нѣтъ, конечно, никакой возможности перечислить всѣ тѣ обстоятельства, которыя создаютъ подобныя пертурбаціи въ нашей памяти. Сюда относятся, между прочимъ, и такія рѣзкія, но сравнительно рѣдкія явленія, какъ приводимое Бентамомъ смѣшеніе сновидѣнія съ дѣствительностью [4]), и столь обычное, стоящее правда уже на рубежѣ моральной недостовѣрности, окрашиваніе свидѣтелемъ происшедшаго подъ вліяніемъ образовъ, созданныхъ мечтами и надеждами; вообще

---

[1]) Bentham, I стр. 169.
[2]) Ram. стр. 62.
[3]) Тамъ-же, стр. 61—62.
[4]) Bentham, I стр. 177—179.

кристаллизація въ видѣ воспоминаній того, что̀ было предметомъ постоянныхъ размышленій [1]); словомъ, воздѣйствіе всего того, что объединяютъ обыкновенно весьма неопредѣленнымъ терминомъ воображенія [2]); воображенія, которое мы должны разсматривать не, подобно Бентаму, какъ нѣчто исключительное, а какъ—количественно, правда, весьма разнообразную, но качественно неотъемлемую—составную часть всякаго изъ воспоминаній, выплывающихъ на поверхность нашего сознанія.

II.

Почти сто лѣтъ тому назадъ англійскій ученый богословъ Палей, опровергая выводы, дѣлаемые изъ противорѣчій, встрѣчающихся въ Евангеліяхъ, говоритъ: „Обычнымъ свойствомъ показанія человѣческаго является правильность въ существѣ дѣла, соединенная съ видоизмѣненіемъ соотвѣтствующихъ обстоятельствъ: *вотъ чему учитъ насъ повседневный судебный опытъ*“ [3]).

Лишенный свѣта и воздуха, пропитанный мертвящимъ духомъ канцелярской волокиты и бюрократическаго формализма, континентальный судъ не только самъ никого ничему не научилъ, но созданной имъ атмосферой, казалось, препятствовалъ и усвоенію чужого опыта.

Ссылаясь на приведенныя слова Палея, Глазеръ совершенно произвольно относитъ ихъ къ случаю сознательнаго искаженія второстепенныхъ обстоятельстъ [4]), между тѣмъ какъ послѣдующія слова Палея не оставляютъ сомнѣнія въ истинномъ смылѣ словъ его. Мало того, разсужденія Глазе-

---

[1]) Ram, стр. 159.

[2]) Тамъ-же, стр. 59, 67—69.

[3]) Paley, Evidences of Christianity. 1830, ч. III, гл. I, стр. 158.

[4]) Glaser, Beiträge zur Lehre vom Beweis im Strafprozess, 1883, стр. 267, прим. 114.

ра, по поводу которыхъ такъ неудачно потревоженъ англійскій богословъ, показываютъ что и по существу крупнѣйшій нѣмецко-австрійскій процессуалистъ былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ знакомства съ тѣмъ, что въ Англій уже болѣе полувѣка до него считалось ходячей истиной. Противорѣчіе въ показаніи, говоритъ Глазеръ, „обнаруживаетъ либо что свидѣтель сознательно говорилъ неправду, либо что онъ не обладаетъ тѣми качествами, которыя гарантируютъ достовѣрность его показанія". По поводу сознательной лжи и приводятся слова Палея въ противовѣсъ изрѣченію „mendax in uno mendax in omnibus"; что-же касается „недостаточныхъ способностей свидѣтеля, которыми объясняется противорѣчіе" въ его показаніи, Глазеръ замѣчаетъ: „Если невозможно обнаружить недостатокъ и точно выдѣлить ту область, въ которой онъ проявляется, то все показаніе теряетъ свое значеніе". О какихъ же недостаткахъ идетъ здѣсь рѣчь? Это—„неточность наблюденія или воспоминанія, неспособность привести въ порядокъ мысли свои, понятно выражаться, распознавать сущность и связь явленій (den Zusammenhang der Dinge su übersehen), отдѣлить пережитое отъ впослѣдствіи слышаннаго или отъ явившихся впослѣдствіи предположеній и мн. др." [1]). Глазеръ, повидимому, и не подозрѣваетъ, что подобные недостатки составляютъ неотъемлемую принадлежность всякаго показанія, хотя они и проявляются лишь изрѣдка въ видѣ противорѣчій; и что послѣдовательное проведеніе предлагаемой имъ методы должно совершенно обезцѣнить всякое показаніе въ виду несомнѣннаго несовершенства какой нибудь изъ способностей свидѣтеля, до показанія его относящихся.

При подобной постановкѣ вопроса въ фундаментальнѣйшемъ изслѣдованіи, посвященномъ спеціально системѣ доказательствъ [2]), насъ, конечно не удивитъ, если мы встрѣтимъ даже въ спеціальныхъ трудахъ континентальныхъ процессуалистовъ либо полное молчаніе касательно интеллектуальныхъ основъ оши-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 267—268.

[2]) Еще о томъ-же у Глазера на стр. 214—215 и 275; замѣчанія на стр. 235 касаются болѣзненной слабости памяти.

бочности свидѣтельскихъ показаній, какъ напримѣръ у Боннiэ [1]) и въ книжкѣ Рупа [2]), либо, въ лучшемъ случаѣ, напр., у Эли [3]) и у Гейера [4]), кое какія заимствованныя у Бентама, не разработанныя и безцвѣтно переданныя замѣчанія на счетъ того, что молъ, помимо сознательной лжи, свидѣтель можетъ ошибиться воспринимая какое-либо обстоятельство или передавая о немъ [5]). Какъ мало къ тому же проникли эти чужія мысли въ сознаніе тѣхъ, которые ихъ повторяютъ, наглядно выступаетъ при обсужденіи стараго вопроса о значеніи противорѣчій въ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Для нѣмецкихъ юристовъ и въ XV в. [6]) и въ концѣ XIX в. [7]) библейскій разсказъ о Сусаннѣ и старцахъ является альфой и омегой премудрости. Иногда-же его приправляютъ схоластическими разсужденіями о singularitas obstativa, diversicativa и adminiculativa. И это даже въ такихъ преимущественно практическихъ руководствахъ, какъ „Судебное краснорѣчіе" Ортлофа [8]).

---

[1]) Bonnier, Traité des preuves en droit civil et en droit criminel, 5 изд., 1888.

[2]) Rupp, Der Beweis im Strafverfahren, 1884, отдѣльныя фразы на стр. 83 и 126.

[3]) Faustin Hélie, Traité de l'instruction criminelle, 2 изд., IV, 1866, стр. 433—434. Слѣдуя Бентаму, хотя и не ссылаясь на него, Эли указываетъ, какъ на извѣстныя причины ненамѣренной ошибочности показанія, на заинтересованность, обманъ чувствъ, ошибочность сужденія, воображеніе, вліяніе долгаго промежутка времени.

[4]) Geyer, Der Beweis im Strafprozess въ Holtzendorffs Handbuch des deutschen Strafprozessrechts, I, 1879, стр. 297 сл., 261.

[5]) Исключеніе составляетъ Mittermaier, Die Lehre vom Beweise im deutschen Strefprozesse, 1834. Основываясь на Бентамѣ (ср. стр. 288—290), Митермайеръ обстоятельно разсматриваетъ вліяніе интеллектуальныхъ свойствъ свидѣтеля на воспріятіе фактовъ (стр. 343—344, 324, 294; спеціально о вліяніи возраста—стр. 316, пола-стр. 324); но сохраненія и видоизмѣненія воспринятаго въ памяти и онъ почти не касается (ср. стр. 324, 350).

[6]) Klagspiegel, tit. Exceptiones contra inquisitiones: der ein sagt es wer gescheen under eim birnbaum, der ander under eim maulberbaum.

[7]) Geyer, стр. 298—299. И англійскіе юристы приводятъ разсказъ о Сусаннѣ, но по другимъ поводамъ (ср. Bentham, т. I, кн. II, гл. IX, стр. 446—447; Taylor, II, § 1402, стр. 1194).

[8]) Ortloff, Die gerichtliche Redekunst, 2 изд., 1890, стр. 442 прим.: Unter Singularität versteht man „das Verhältnis mehrerer Zeugenaussagen über denselben Umstand, welche aber verschieden lauten; obstativ ist sie, wenn über die Hauptsache miteinander unvereinbare Aussagen vorliegen, die sich in der Glaubwür-

Въ Англіи, какъ мы видѣли, въ виду возможности непроизвольныхъ искаженій въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, указывалось на необходимость крайней осторожности при осужденіи за лжесвидѣтельство [1]). На континентѣ, напротивъ того, боязнь ослабленія уголовной репрессіи заставляла закрывать глаза на случаи проявленія безсознательной лжи, какъ-бы ярки они ни были. 28 марта 1885 г. хозяева гостиницы въ Кимперлэ во Франціи замѣтили поутру исчезновеніе цѣннаго сундучка. Прислуга гостиницы согласно показала, что еще 27-го вечеромъ сундучокъ былъ на своемъ обычномъ мѣстѣ. Подозрѣніе пало поэтому на нѣкаго Лебаля, который 27-го вечеромъ привезъ гостя въ отель и, переночевавъ, уѣхалъ 28-го въ 6 часовъ утра. На произведенномъ по этому поводу дознаніи Гаколонъ, служившій у того хозяина, въ чьемъ экипажѣ Лебаль возилъ гостя, и помогавшій ему распречь лошадей, показалъ, что онъ видѣлъ, какъ, распрегши лошадей, Лебаль унесъ къ себѣ сундучокъ, соотвѣтствовавшій по указаннымъ имъ признакамъ исчезнувшему. Лебаля осудили. Нѣкоторое время послѣ того, какъ онъ отбылъ наказаніе, дѣйствительный виновникъ кражи сознался въ ней, при чемъ выяснилось, что сундучокъ былъ похищенъ не 28-го, а 26-го марта. Гаколонъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за лжесвидѣтельство, осужденъ и приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію [2]). Виновникъ былъ наказанъ, правосудіе восторжествовало и

---

digkeit aufheben; diversicativ dagegen ist die unvereinbare Abweichung in Nebenpunkten, welche die Beweiskraft nur beschränkt, adminiculativ ist die Abweichung der Aussagen in Nebenpunkten, welche möglicherweise eine Vereinbarmachung nicht ausschliesst".—Другія несущественныя замѣчанія на стр. 409 сл., 435 прим. 1 и 2, 437 сл. Относительно ложнаго пониманія значенія противорѣчій въ показаніяхъ ср. также Frydmann, Systematisches Handbuch der Verteidigung im Strafverfahren, 1878, стр. 203—204.

[1]) О тѣхъ предосторожностяхъ, которыми обставляется преслѣдованіе за лжесвидѣтельство на практикѣ ср. Best, стр. 556 сл.; Marquardsen, въ его переводѣ Бэста (Bests Grundzüge des Englischen Beweisrechts, 1851) стр. 368 сл.; Taylor, I, стр. 823 сл.

[2]) Lailler et Vonoven, Les erreurs judiciaires et leurs causes, 1897, стр. 401—403.

жрецы его были избавлены отъ необходимости задуматься надъ своею собственной виною въ происшедшей судебной ошибкѣ и надъ тѣмъ, что вѣдь и служащіе въ гостиницѣ, которыхъ никто не подозрѣвалъ въ лжесвидѣтельствѣ, также несогласно съ истиной утверждали, что они видѣли сундучокъ еще 27-го вечеромъ.

Исторія психологическаго изслѣдованія показаній представляетъ собою любопытнѣйшій примѣръ крайней слабости не только международнаго научнаго общенія, но и общенія между различными областями знанія въ предѣлахъ литературы одного и того-же народа. Подобно работамъ англійскихъ юристовъ, внѣ кругозора нѣмецкихъ процессуалистовъ оставались и изслѣдованія ихъ соотечественниковъ—историковъ. А между тѣмъ уже въ XVIII в. историческая методологія обратила вниманіе на тѣ разнообразныя искаженія, которыя возможны въ разсказахъ очевидцевъ, несмотря на все ихъ желаніе передать одну лишь правду [1]). Но и позднѣйшая детальная разработка условій, вліяющихъ на воспріятіе фактовъ и передачу ихъ [2]), не могла обратить вниманіе континентальныхъ юристовъ на попытки историковъ разобраться въ тѣхъ именно вопросахъ, которые играютъ столь важную роль въ отправленіи правосудія.

Въ концѣ XIX в. возникла новая, основанная на опытѣ и наблюденіи наука—экспериментальная психологія и, несмотря на все стараніе замкнуться въ изученіе абстрактныхъ нормъ, юриспруденціи не удалось уберечься отъ повѣявшей оттуда свѣжей струи бодрящаго воздуха.

Впервые — на континентѣ — австрійскій криминалистъ практикъ и теоретикъ Гансъ Гросъ пытается въ своемъ „Руководствѣ для судебныхъ слѣдователей“ [3]), а затѣмъ и въ спеціальномъ трудѣ, посвященномъ криминаль-

---

[1]) Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode, 2 изд., 1894, стр. 370 прим.

[2]) Ср. гл. обр. Bernheim, стр. 368—390, 135, 355. Первое изданіе Бернгейма вышло въ 1889 г. Тѣ же вопросы разобраны до него у Freeman'a, The methods of historical study, 1886, III: The nature of historical evidence.

[3]) Gross, Handbuch für Untersuchungsrichter, перв. изд. вышло въ 1893 г.

ной психологіи [1]), использовать, для изученія интересующихъ криминалиста вопросовъ, соотвѣтственный содержащійся въ трудахъ психологовъ матеріалъ, присоединивъ къ нему и тотъ „быть можетъ ещє болѣе обширный живой психологическій матеріалъ, который находится въ распоряженіи самихъ криминалистовъ“ [2]). Что касается использованія судебнаго опыта, онъ повторяетъ—и, надо сказать, превосходно повторяетъ—работу, которую задолго до него производили англійскіе юристы; что же касается извнѣ заимствованныхъ знаній, то онъ въ этомъ отношеніи находится въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ его англійскіе предшественники половины XIX вѣка, такъ какъ, рядомъ съ наблюденіями отдѣльныхъ лицъ, онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи уже и нѣкоторыя общія положенія психологіи, изъ которыхъ онъ и дѣлаетъ частные выводы для примѣненія къ критическому разсмотрѣнію судебныхъ доказательствъ.

Мы не станемъ излагать всего того, что Гросъ высказываетъ относительно психологической недостовѣрности свидѣтельскихъ показаній: для этого пришлось бы подробно передать содержаніе цѣлаго отдѣла его „Руководства“ и едва ли не всей „Криминальной психологіи“. Укажемъ лишь на одну внѣшнюю черточку въ его работѣ, свидѣтельствующую, кажется, однако, о внутренней однородности исходныхъ пунктовъ изученія психологіи свидѣтелей у Гроса и у его англійскихъ предшественниковъ. Главу, трактующую о допросѣ правдиваго свидѣтеля („Wenn der Zeuge die Wahrheit sagen will“), Гросъ начинаетъ слѣдующими словами: „Уже изъ повседневной жизни намъ извѣстно, что люди различно воспринимаютъ обычнѣйшія происшествія, различно сохраняютъ ихъ въ памяти и различно передаютъ ихъ. Для уясненія этого полезно заставить всѣхъ свидѣтелей точно разсказать о какомъ нибудь происшествіи, очевидцемъ котораго самъ былъ или ко-

---

[1]) Gross, Kriminalpsychologie, 1898.

[2]) Тамъ же, стр. VII. Цѣлый рядъ въ высшей степени интересныхъ фактовъ, извлеченныхъ изъ уголовныхъ процессовъ, содержитъ также приведенное выше сочиненіе Lailler et Vonoven; здѣсь же, на стр. 46—85 много заслуживающихъ вниманія общихъ замѣчаній.

торое происходило въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ.... Почти въ каждомъ случаѣ поражаешься, какъ различно каждый передаетъ дѣло, не обнаруживая при этомъ ни малѣйшаго колебанія" [1]). Но не менѣе поражаешься сходствомъ этихъ замѣчаній съ приведенными выше словами Кокса, книгой котораго Гросъ, конечно, совершенно не пользовался при составленіи своего руководства.

Гроса читали—и, судя по количеству изданій нѣмецкихъ и переводныхъ, много читали—но, повидимому, весьма мало вдумывались въ читанное. По крайней мѣрѣ, когда въ 1902 г. въ журналѣ Листа появилась статья бреславльскаго приватъ-доцента Штерна, весь юридическій міръ принялъ ее съ тѣмъ живымъ вниманіемъ, которое выпадаетъ на долю совершенно новыхъ научныхъ открытій. Не криминалистъ уже знакомилъ здѣсь товарищей своихъ съ тѣми вопросами психологіи, изученіе которыхъ могло бы быть имъ полезно при ихъ работѣ: спеціалистъ-психологъ сдѣлалъ попытку использовать общія положенія науки своей и, что еще важнѣе, выработанные ею методы, для изученія вопросовъ, центръ тяжести коихъ лежитъ въ области судебнаго слѣдствія, и подносилъ юристамъ плоды работъ своихъ. Его приняли съ распростертыми объятіями. Разумѣется, заслужено. Заслужено уже потому, что всякая попытка примѣненія результатовъ, добытыхъ въ одной области знанія, на пользу другой является чрезвычайно цѣнной при все возрастающей научной дифференціаціи.

Отличнымъ отъ сего является однако вопросъ о томъ, что же собственно по существу-то дали намъ работы Штерна и другихъ идущихъ по его стопамъ нѣмецкихъ изслѣдователей? Ничего и очень много. Ничего—скажемъ точнѣе: почти ничего—новаго, почти никакихъ новыхъ, дотолѣ невѣдомыхъ явленій, до нихъ не высказанныхъ обобщеній. Но за то: блестящее подтвержденіе путемъ систематическихъ, искусственно поставленныхъ (а потому могущихъ безчисленно быть повторенными) опытовъ того, что было лишь плодомъ болѣе или менѣе случайныхъ наблюденій; и переводъ столь зыбкихъ

---

[1]) Gross, Handbuch, стр. 64.

описательныхъ опредѣленій на ясный и точный языкъ цифръ. Въ этихъ двухъ обстоятельствахъ, въ этой методологической сторонѣ, заключается, кажется намъ—пока что, по крайней мѣрѣ,—вся цѣнность новѣйшихъ изслѣдованій психологіи свидѣтельскихъ показаній [1]).

Способы постановки опытовъ надъ свидѣтельскими показаніями должны будутъ еще, конечно, подвергнуться весьма существенному совершенствованію. Не входя въ описаніе постановки произведенныхъ доселѣ опытовъ—о нихъ писалось уже очень много, быть можетъ слишкомъ много—напомнимъ лишь, что, сообразно двумъ главнымъ органамъ, посредствомъ которыхъ мы воспринимаемъ окружающія насъ явленія, это—либо оптическіе, либо акустическіе эксперименты. Послѣдніе заключаются въ передачѣ „свидѣтелемъ" сообщеннаго ему разсказа [2]); первые, важнѣйшіе, въ отобраніи показанія о предложенныхъ свидѣтелю картинкахъ [3]), предметахъ [4]) или

[1]) Отдѣльныя стороны вопроса изслѣдовались научно-экспериментальнымъ путемъ еще до Штерна и Бинэ, въ особенности въ Америкѣ. Ср., напр., работу Seashore'a, Measurement of illusions and hallucinations in normal life (Scripture, Studies from the Yale psychological laboratory, III, 1895, стр. 1—67), изучавшаго вліяніе ожиданія (expectant attention) на ошибочность воспріятія, (Интересныя общія замѣчанія на стр. 66—67). Ср. также Studies in Memory въ Harvard Psychological Studies, ed. by Hugo Münsterberg, I, 1903 (The Psychological Review, Monograph Supplements IV, 1).

[2]) Stern, Zur Psychologie der Aussage, 1902, стр. 48. Minnemann, Aussageversuche (Beiträge zur Psychologie der Aussage, IV, 1904). Елистратовъ и Завадскій, въ сообщеніи „Къ вопросу о вліяніи вопросовъ безъ внушенія на достовѣрность свидѣтельскихъ показаній", сдѣланномъ 7 апрѣля 1904 г. въ Казанскомъ юридическомъ обществѣ (Отчетъ въ „Правѣ" за 1904 г., № 24, стр. 1332 сл.). Гольдовскій, въ докладѣ „Психологія свидѣтельскихъ показаній", читанномъ 20 марта 1904 г. въ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ.

[3]) Binet, La suggestibilité, 1900. Stern, Zur Psychologie der Aussage и Die Aussage als geistige Leistung und als Verhörsprodukt I, 1904 (Beiträge zur Psychologie der Aussage, III). Wreschner, Zur Psychologie der Aussage въ Archiv für die gesamte Psychologie, I, стр. 148—183. Minnemann, указ. статья. Borst, Experimentelle Untersuchungen über die Erziehbarkeit und die Treue der Aussage (Beiträge, Zweite Folge, I, стр. 73—120). Елистратовъ и Завадскій, Къ вопросу о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, и указанное сообщеніе. Lobsien, Aussage und Wirklichkeit bei Schulkindern (Beiträge, II, стр. 26—79), показывалъ, кромѣ картинки, 12 нарисованныхъ на листѣ предметовъ. Diehl, Zum Studium der Merkfähigkeit, 1902, показывалъ нарисованныя на листѣ бумаги цифры и разноцвѣтныя геометрическія фигуры.

[4]) Binet, ук. соч. Lipmann, Experimentelle Aussagen über einen Vorgang und

движущихся сценахъ. Сцены эти либо могутъ быть показаны въ кинематографѣ [1]), либо представлены въ натурѣ [2]): здѣсь возможно и соединеніе оптическаго опыта съ акустическимъ.

Всѣ эти опыты не даютъ, конечно, права пренебрегать непосредственнымъ наблюденіемъ фактовъ, проходящихъ предъ нами въ дѣйствительности [3]), но они являются весьма существеннымъ дополненіемъ къ этимъ наблюденіямъ. Помимо возможности изолировать какую либо опредѣленную, намеченную къ изученію сторону явленія [4]), помимо возможности многократнаго воспроизведенія того же факта въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, важнымъ преимуществомъ экспериментальнаго изслѣдованія является пригодность полученнаго чрезъ ея посредство матеріала для цифровой обработки. Конечно, и здѣсь приходится пока-что довольствоваться весьма неточными пріемами. Взять хотя бы наиболѣе общій вопросъ, на который желательно было бы отвѣтить цифрами: какова степень соотвѣтствія показанія дѣйствительности? Она слагается изъ двухъ элементовъ: во 1) изъ объема свѣдѣній, содержащихся въ показаніи, могущаго быть выраженнымъ (процентнымъ) отношеніемъ вѣр-

---

eine Lokalität (Beiträge, II, стр. 95—99). Stern, Wirklichkeitsversuche (Beiträge, Zweite Folge, I стр. 1—15).

[1]) Ср. Stern, Aussagestudium, стр. 70.

[2]) Jaffa, Ein psychologisches Experiment im kriminalistischen Seminar der Universität Berlin (Beiträge, I стр. 79—99: описаніе извѣстнаго опыта съ револьвером, поставленнаго Листомъ). Lipmann, стр. 91—95. Minnemann, указ. статья Weber, Ein experimenteller Beitrag zur Psychologie der Zeugenaussagen (Beiträge, IV). Stern, Wirklichkeitsversuche, стр. 15—31. Ср. также Gross, Kriminalpsychologie, стр. 297.—Lobsien (Aussage und Wirklichkeit, стр. 79—89) спрашивалъ дѣтей о первомъ дѣйствіи пьесы Лесинга „Минна изъ Барнгельма", на представленіе которой онъ повелъ ихъ. Однородный опытъ (смерть Юлія Цезаря) поставленъ нынѣ въ большихъ размѣрахъ по иниціативѣ „Судебнаго Обозрѣнія"; показанія дали здѣсь свыше 500 человѣкъ.

[3]) На необходимость продолжать собираніе случаевъ изъ дѣйствительности указываетъ и Stern, Aussagestudium, стр. 62—67.

[4]) Изолируемость эта, однако, лишь относительная: неотдѣленными другъ отъ друга остаются даже столь важные моменты какъ воспріятіе (въ широкомъ смыслѣ слова) и воспоминаніе. Неизвѣстнымъ остается поэтому, какому психическому акту должны быть поставлены въ счетъ содержащіяся въ показаніи ошибки. (Ср. Gross, Wahrnehmungproblem стр. 188).

ныхъ отвѣтовъ къ общему числу всѣхъ заданныхъ вопросовъ, и во 2) изъ точности сообщаемыхъ свѣдѣній, выражающейся (процентнымъ) отношеніемъ вѣрныхъ отвѣтовъ къ общему числу всѣхъ опредѣленныхъ отвѣтовъ [1]). При такомъ счетѣ мы исходимъ, однако, изъ того предположенія, что всѣ даваемые отвѣты, всѣ составныя части показанія одинаково существенны, вслѣдствіе чего мы и выражаемъ ихъ всѣхъ равнымъ образомъ черезъ единицу. Но предположеніе это оправдывается на дѣлѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ въ нежизненныхъ опытахъ; въ дѣйствительности же цѣнность различныхъ элементовъ показанія крайне различна. „Если сопоставить вопросъ о томъ, видѣлъ ли свидѣтель въ данной обстановкѣ одного или двухъ лицъ, съ вопросомъ о томъ, держалъ ли одинъ изъ нихъ палку въ правой или лѣвой рукѣ, то отвѣты на эти вопросы имѣютъ при нормальныхъ условіяхъ столь различное значеніе, что равная оцѣнка ихъ должна дать совершенно неправильное представленіе о показаніи“ [2]). Поэтому, если мы задаемъ свидѣтелю 10 совершенно равноцѣнныхъ вопросовъ, и онъ отвѣчаетъ вѣрно на 6 изъ нихъ и невѣрно на 2, а на остальные 2 ничего не отвѣчаетъ, то мы вправѣ сказать, что „знаніе“ его равно 60% (6 изъ 10), „достовѣрность“ же показанія 75% (6 изъ 8) или, что то же, „ошибочность“ 25%. Но чуть вопросы неравноцѣнны, подобный подсчетъ дастъ, конечно, весьма неточные результаты. Для улучшенія ихъ предлагаются поэтому разные болѣе или менѣе неудачные пріемы: считать однѣ ошибки за двойныя, другія—за полъ-ошибки; выдѣлить наиболѣе важные или наиболѣе сомнительные элементы для особаго сверхъ общаго или отдѣльно отъ общаго счета.

Такимъ образомъ и постановка самихъ опытовъ, и обра-

---

[1]) Если мы обозначимъ черезъ $\underline{N}$ общее число вопросовъ, черезъ $\underline{V}$ вѣрные отвѣты, $\underline{F}$—невѣрные и $\underline{P}$—неопредѣленные („не помню“), то „степень знанія“ (п. 1-ый) выразится формулой $\frac{V}{N}$ или $\frac{V}{V+F+P}$; а „достовѣрность“ (п. 2-ой) формулой $\frac{V}{V+F}$, которую дополняетъ до 1 „ошибочность“ $\frac{F}{V+F}$.

[2]) Stern, Aussagestudium, стр. 72.

ботка полученнаго посредствомъ ихъ матеріала, еще очень далеки отъ совершенства.

Но что даетъ намъ обработанный экспериментальный матеріалъ? Постараемся кратко формулировать добытые доселѣ результаты, поскольку они касаются вопроса о безсознательной лжи.

1. Нормальное показаніе вполнѣ правдиваго свидѣтеля содержитъ въ себѣ нѣкоторую долю ошибочности (въ опытахъ, гдѣ снимались въ непродолжительномъ послѣ воспріятія времени показанія о видѣнныхъ свидѣтелемъ непредставляющихъ особой трудности объектахъ, ошибочность эта въ среднемъ равна приблизительно 25%, другими словами изъ четырехъ опредѣленныхъ отвѣтовъ одинъ невѣренъ [1]).

2. Ошибочность эта значительно меньше въ свободномъ разсказѣ свидѣтеля, чѣмъ въ отвѣтахъ его на спеціально предложенные ему вопросы (въ новѣйшихъ опытахъ Штерна съ картинкою: 6% и 27½% [2]), въ такихъ же опытахъ гг. Елистратова и Завадскаго: 7% и почти 35%, въ ихъ же акустическихъ опытахъ: почти 11% и 56% [3]).

3. Ошибочность возрастаетъ отъ вліянія времени [4]), что особенно сказывается въ показаніяхъ количественныхъ [5]).

4. Ошибочность достигаетъ крайне высокихъ размѣровъ (помимо умственнаго разстройства свидѣтеля): a) въ зависимости отъ нѣкоторыхъ особыхъ свойствъ объекта—при показаніяхъ относительно цвѣтовъ (въ новѣйшихъ опытахъ Штерна на вопросы о краскахъ почти половина отвѣтовъ были невѣрны; а именно у дѣтей ошибочность опредѣлялась 40—50%, у молодыхъ людей почти 30% [6]); b) при наличности внѣшняго воздѣйствія (suggéstion), особенно у дѣтей. (По от-

---

[1]) Ср. Stern, Aussage, стр. 21, 52—54, 112 и табл. XXIII на стр. 109, гдѣ приведены поразительно-сходные результаты опытовъ другихъ изслѣдователей (Binet, Wreschner, Lipmann).

[2]) Stern, Aussage, стр. 60—63.

[3]) Елистратовъ и Завадскій, указ. сообщ.

[4]) Stern, Aussagestudium, стр. 53.

[5]) Stern, Zur Psychologie der Aussage, стр. 39.

[6]) Stern, Aussage, стр. 50.

ношенію къ вліянію формы вопроса на достовѣрность отвѣта: въ опытахъ Бинэ ученики народной школы дали въ среднемъ на вопросы, связанные съ сильнымъ внушеніемъ, 7,9 невѣрныхъ и 5,09 вѣрныхъ отвѣтовъ, на вопросы со слабымъ внушеніемъ 4,9 невѣрныхъ и 8,09 вѣрныхъ, между тѣмъ какъ при отсутствіи внушенія въ среднемъ дано 2,9 невѣрныхъ и 8,1 вѣрныхъ отвѣтовъ [1]); ошибочность показанія при нормальныхъ вопросахъ равна, слѣдовательно, 26%, при наводящихъ же вопросахъ она возрастаетъ до 38 и даже 61%; въ опытахъ Штерна семилѣтнія дѣти отвѣтили подъ вліяніемъ наводящихъ вопросовъ невѣрно на половину заданныхъ имъ подобнымъ образомъ вопросовъ [2]).

Какую же практическую пользу для отысканія истины на судѣ можемъ мы извлечь изъ этихъ положеній? Польза эта двоякаго рода, сообразно тому, находятся ли причины, порождающія ошибки въ показаніяхъ, въ нашей власти или внѣ ея. Въ первомъ случаѣ надлежитъ дѣйствовать для устраненія ошибокъ; во второмъ—помнить, что онѣ имѣются.

III.

Что касается устранимыхъ причинъ ошибочности, то мы не станемъ останавливаться на продолжительности времени, по истеченіи котораго дается показаніе, хотя вліяніе момента этого весьма значительно; не станемъ останавливаться потому, что судебная волокита, противъ которой мы получаемъ здѣсь еще одинъ новый аргументъ, составляетъ и помимо лжи въ свидѣтельскихъ показаніяхъ—безсознательной ли или сознательной—великое и едва ли кѣмъ либо отрицаемое зло при современномъ отправленіи правосудія.

Кромѣ ошибокъ, порождаемыхъ временемъ, устранимы тѣ ошибки, которыя возникаютъ въ тотъ самый моментъ, когда со свидѣтеля снимаютъ показаніе.

Большую роль играетъ здѣсь, повидимому, та обстановка,

---

[1]) Binet, стр. 244 сл., въ особенности табл. на стр. 313.

[2]) Stern, Aussage, стр. 45.

въ которой свидѣтель даетъ свое показаніе; но вліяніе ея пока еще весьма мало изслѣдовано. Съ одной стороны, простой человѣкъ теряется при торжественныхъ формахъ судебной процедуры [1]), но едва ли не опаснѣе чрезмѣрная простота, ослабляющая столь цѣнный контроль воли надъ воображеніемъ [2]): нигдѣ, кажется, не курсируетъ, столько безсознательной лжи, какъ въ дружеской бесѣдѣ въ уютной домашней обстановкѣ.

Но не эту сторону имѣемъ мы въ виду. Мы коснемся лишь наиболѣе важнаго пункта: вліянія формы, въ которой снимаютъ устное показаніе, на его правильность.

Здѣсь мы прежде всего сталкиваемся съ тѣмъ любопытнымъ явленіемъ, что связный разсказъ о чемъ либо, какъ уже указано, даетъ значительно меньшій процентъ ошибочности, чѣмъ отвѣты на вопросы. Штернъ, человѣкъ, видимо, рѣшительный, называетъ, поэтому, рядомъ съ наводящими вопросами, и перекрестный допросъ in toto зломъ, съ коимъ надлежитъ бороться [3]). Конечно, необходимо дать свидѣтелю сперва связно разсказать все, что онъ знаетъ, прежде нежели подвергнуть его допросу: но такъ оно на дѣлѣ и происходитъ (у насъ: ст. 718 уст. угол. суд.; ст. 68 герм. устава, ст. 167 австр., ст. 319 франц., ст. 304 итал.). Но нѣтъ ни малѣйшаго основанія итти дальше въ этомъ отношеніи. Изученіе психологіи свидѣтелей, не даетъ, правда, правилъ для установленія того, гдѣ показаніе свидѣтеля совпадаетъ съ дѣйствительностью, но напоминаетъ намъ, что мы часто въ состояніи установить, въ чемъ свидѣтель несомнѣнно ошибается. А для выясненія этого необходимъ разспросъ его, тщательнѣйшій и всестороннѣйшій разспросъ; разспросъ,

---

[1]) Heilberg, Zum Aussagestudium въ Beiträge, II, стр. 105—106. Ср. также Gross, Kriminalpsychologie, стр. 386—387.

[2]) О значеніи присяги съ этой точки зрѣнія ср. Stern, Aussagestudium, стр. 53 и Zur Psychologie der Aussage, стр. 22.

[3]) Stern, Aussagestudium, стр. 57. „Пусть они (выводы изъ опытовъ Штерна и Бинэ), замѣчаютъ гг. Елистратовъ и Завадскій (стр. 115), приведутъ процессуалиста къ самымъ неожиданнымъ результатамъ и относительно отдѣльныхъ институтовъ современнаго процесса, какъ то устность (?), перекрестный допросъ и относительно всей настоящей системы доказательствъ...“

который при томъ же долженъ вестись не якобы безпристрастнымъ предсѣдателемъ, а именно пристрастными, т. е. заинтересованными въ выясненіи отдѣльныхъ пунктовъ представителями сторонъ. Авторитетнѣйшій изъ англійскихъ криминалистовъ называетъ въ качествѣ задачъ перекрестнаго допроса, рядомъ съ провѣркой добросовѣстности свидѣтеля и даже прежде всего—провѣрку его памяти и способности къ наблюденію [1]). Гдѣ нѣтъ настоящаго перекрестнаго допроса, тамъ неминуемо являются сомнѣнія въ томъ, „что свидѣтель быть можетъ говорилъ правду, но не всю правду; или что онъ говорилъ правду, но кое что кромѣ правды; или что часть правды не была выяснена въ виду того, что ему не были заданы вопросы, могущіе извлечь ее; что свидѣтель, быть можетъ, заблуждается относительно того, что онъ считаетъ фактомъ; что онъ невѣрно понялъ его; что онъ, быть можетъ, не видѣлъ того, что ему кажется видѣннымъ, не слышалъ того, что ему кажется слышаннымъ; что онъ говорилъ о фактѣ съ большей увѣренностью, нежели можетъ быть оправдана неполными знаніями его о фактѣ“ [2]).

Мало того, именно для раскрытія безсознательной лжи необходимо итти еще дальше. Слѣдуетъ отказаться отъ той теоріи, будто свидѣтель какъ таковой обязанъ лишь говорить, а не дѣйствовать [3]); будто даже если возникаетъ существенное для дѣла сомнѣніе въ годности какого либо лица къ свидѣтельству, обстоятельство это можетъ быть выяснено исключительно лишь опросомъ самого свидѣтеля и третьихъ лицъ [4]). Что касается послѣдняго случая, т. е. рѣшенія вопроса о допустимости къ свидѣтельству, то у насъ ст. 710 уст. уг. суд., къ сожалѣнію, дѣйствительно преграждаетъ путь къ часто столь важному освидѣтельствованію свидѣтеля; но

---

[1]) Stephen, A history of the criminal law of England, I, 1883, стр. 432: In cross-examination the great object is to test the memory, the power of observation, and the good faith of the witness.

[2]) Ram, стр. 142. Ср. Archbold, Pleading and evidence in criminal cases, 15 изд., 1862, стр. 237.

[3]) Heinze, въ Gerichtsaal за 1862 г., стр. 458. Фойницкій, II, стр. 304. Ср. Glaser, Handbuch des Strafprozessrechts, I, 1883, стр. 464, 486 сл.

[4]) Фойницкій. II, стр. 305.

общее положеніе о томъ, что обязанность свидѣтеля—лишь обязанность къ слову, а не къ дѣлу, ни прямо ни косвенно въ законѣ не выражена, а потому нѣтъ основаній дѣлать другой частный выводъ изъ этого положенія и воспрещать производство опытовъ надъ свидѣтелями для выясненія недостовѣрности какого либо пункта въ его показаніи. Такіе опыты, едва ли возможные тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о памяти свидѣтеля, могутъ дать весьма цѣнные результаты коль скоро необходимо выяснить, былъ ли свидѣтель въ состояніи правильно воспринять то, о чемъ онъ разсказываетъ. „Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, говоритъ Гросъ, гдѣ отъ воспріятія свидѣтеля (Sinneswahrnehmung des Zeugen) зависитъ нѣчто важное, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о воспріятіи, въ коемъ можно предположить ошибку, *необходима* опытная провѣрка (muss nachgepruft werden), и, притомъ, не только когда мы имѣемъ дѣло съ единичнымъ показаніемъ, но и когда предъ нами лежатъ согласныя показанія нѣсколькихъ свидѣтелей“, ибо причина ошибки можетъ скрываться какъ въ субъектѣ, такъ и въ объектѣ воспріятія [1]). Подобные опыты не могутъ, повторяемъ, дать положительной увѣренности въ правильности показаннаго свидѣтелемъ, такъ какъ способность къ правильному выполненію чего либо не гарантируетъ еще безошибочности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но выяснившаяся благодаря опытамъ неспособность свидѣтеля къ правильному воспріятію какого либо явленія низводитъ до нуля значеніе показанія его о будто бы воспринятомъ имъ явленіи.

Наконецъ, модный вопросъ о безсознательной лжи не долженъ заслонять отъ глазъ нашихъ лжи сознательной. А между тѣмъ эта непрошенная гостья, не менѣе часто навѣщающая залы суда, нежели ея отъ воли человѣческой не-

---

[1]) Gross, Wahrnehmungsproblem стр. 196. Въ Kriminalpsychologie, стр. 270, Гросъ касается необходимости прибѣгать къ помощи экспертовъ во всѣхъ сложныхъ случаяхъ этого рода. Ср. Klaussmann, Zeugenprûfung, въ Archiv fûr Kriminal Antropologie und Kriminalistik, I, 1899, стр. 38—60; Gross, Encyclopâdie der Kriminalistik, 1901, s. v. Zeugenprûfung; Weingart, Kriminaltaktik, 1904, стр. 52, 54; а также Mittermaier, Beweis, стр. 349—350.

зависящая подруга, по послѣдствіямъ своимъ является несравненно болѣе опасной. Нечаянно ошибаются обыкновенно лишь въ деталяхъ, намѣренно исказить можно и самую суть передаваемаго факта. Въ послѣднихъ опытахъ Штерна, при средней ошибочности въ 24%, ошибочность въ отвѣтахъ на 11 главныхъ вопросовъ выразилась лишь 7%; „достовѣрный же лжесвидѣтель" не остановился бы, конечно, и передъ тѣмъ, чтобы отрицать и присутствіе на картинкѣ мужчины или женщины, относительно которыхъ не дано было ни одного неправильнаго отвѣта. Ограничиваться тѣмъ, чтобъ предложить свидѣтелю разсказать все, что онъ знаетъ о дѣлѣ— фактически равносильно легализированію лжесвидѣтельства; и, напротивъ, для изобличенія его нѣтъ лучшаго средства, какъ подвергнуть свидѣтеля серьезному перекрестному допросу.

Причина того, что отвѣты на спеціально предложенные свидѣтелю вопросы даютъ большій процентъ ошибокъ, чѣмъ связный разсказъ, заключается въ томъ, что при связномъ разсказѣ свидѣтель передаетъ лишь то, что онъ твердо запомнилъ, каждый-же обращенный къ нему вопросъ невольно заставляетъ его дать на вопросъ этотъ опредѣленный отвѣтъ. Неопредѣленный отвѣтъ „не помню" представляется отвѣчающему равносильнымъ съ воздержаніемъ отъ всякаго отвѣта. Не зная, что отвѣтить, онъ—подчасъ безсознательно, подчасъ сознательно—кое какъ восполняетъ пробѣлы въ своихъ воспоминаніяхъ. Но хуже всего, что почти каждый вопросъ, въ какой бы безобидной формѣ онъ ни былъ предложенъ, вызывая въ сознаніи спрашиваемаго опредѣленное представленіе, побуждаетъ его включить это представленіе въ сохранившуюся въ его памяти картину того явленія, о которомъ его допрашиваютъ. Иными словами: любой вопросъ является въ нѣкоторой степени наводящимъ.

Но невозможность совершенно устранить изъ вопросовъ моментъ воздѣйствія спрашивающаго на отвѣчающаго не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для допущенія такой системы допроса, при коей свидѣтелю вкладываютъ въ ротъ отвѣтъ, который отъ него хотятъ получить. Изъ того, что мы не въ силахъ бороться со слабыми примѣсями яда

внушенія не слѣдуетъ, что мы должны, сложа руки смотрѣть на то, какъ сервируютъ отраву въ чистомъ, несмѣшанномъ, неразбавленномъ видѣ.

Въ зависимости отъ степени содержащагося въ нихъ сугжестивнаго вліянія вопросы могутъ быть раздѣлены на четыре рода [1]). Къ первому относятся тѣ вопросы, гдѣ все „воздѣйствіе" на свидѣтеля сводится къ ближайшему ограниченію того круга понятій, которыя должны заключаться въ отвѣтѣ; сама-же формулировка его всецѣло предоставляется отвѣчающему: таковъ примѣнительно къ картинкѣ Штерна вопросъ: „какого цвѣта передникъ женщины?", обращенный къ лицу, указавшему уже, что на картинкѣ изображена женщина въ передникѣ. При вопросахъ второго рода свидѣтелю предоставляется выборъ лишь между двумя отвѣтами: „да" или „нѣтъ", какъ, напр., если его спрашиваютъ: „изображена-ли на картинкѣ собака (или нѣтъ)"? Третій родъ вопросовъ, предоставляя также выборъ между двумя отвѣтами, указываетъ, однако, въ каждомъ данномъ случаѣ на предпочтительность одного изъ нихъ: либо положительнаго, либо отрицательнаго; напр.: „не изображенъ ли шкафъ на картинкѣ?" или еще болѣе рѣзко: „вѣдь шкафъ изображенъ на картинкѣ, неправда ли?" или наоборотъ: „развѣ на картинкѣ изображенъ шкафъ?" или „вѣдь на картинкѣ никакого шкафа нѣтъ"? Наконецъ, четвертый родъ отличается тѣмъ, что при немъ предполагается извѣстнымъ то, что на дѣлѣ вовсе еще не извѣстно; неправильное предположеніе это можетъ заключаться либо въ формѣ вопроса—когда свидѣтеля спрашиваютъ, было ли А или Б, въ то время, какъ возможно кромѣ А или Б и В, Г, Д—либо въ его содержаніи—когда спрашиваютъ о свойствахъ А прежде, нежели установлена сама наличность его. Таковы вопросы: „бѣлаго-ли или краснаго цвѣта передникъ женщины?" между тѣмъ какъ на дѣлѣ онъ можетъ быть и синимъ или какимъ либо инымъ; или: „разорвана-ли

---

[1]) Stern, Aussage, стр. 71—77; п. 3 и 5 дѣленія Штерна я соединяю въ одинъ п. 4; п. 6 для разсмотрѣнія вопроса о предѣлахъ, въ которыхъ допустимы наводящіе вопросы, значенія не имѣетъ.

куртка мальчика?“ въ то время, какъ на немъ вовсе нѣтъ куртки; таковъ-же былъ бы и всякій вопросъ о цвѣтѣ передника прежде нежели вообще выяснено, что на картинкѣ изображена женщина въ передникѣ.

Что касается вопросовъ перваго рода, то о допустимости ихъ и говорить не приходится: „Было-бы совершенно безсмысленно, замѣчаетъ судья лордъ Лэнгдоль, спрашивать свидѣтеля, не извѣстно-ли ему что-нибудь о чемъ нибудь“ [1]). Съ другой стороны несомнѣнно также, что не слѣдуетъ допускать не только вопросовъ чертвертаго рода, основанныхъ на введеніи свидѣтеля въ заблужденіе, но и вопросовъ третьяго рода, гдѣ допрашивающій всей силою своего авторитета—и чѣмъ больше авторитетъ этотъ тѣмъ хуже—заставляетъ свидѣтеля безвольно присоединиться къ готовому отвѣту.

Вся трудность заключается, очевидно, въ вопросахъ второго рода. Относительно ихъ допустимости нельзя дать общаго правила. Требовать отъ свидѣтеля, чтобъ онъ назвалъ всѣхъ, кого онъ видѣлъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, вмѣсто того, чтобъ попросту спросить его, встрѣтилъ ли онъ тамъ NN, о чемъ только и идетъ рѣчь, значило-бы совершенно безцѣльно и безсмысленно затягивать дѣло и мучить свидѣтеля. Но, съ другой стороны, едва-ли было бы правильно допустить, чтобъ свидѣтелю разсказывали цѣлую длинную исторію и затѣмъ спрашивали его, такъ-ли все это было.

Но какъ провести границу между дозволеннымъ и недозволеннымъ? Граница эта болѣе или менѣе правильно можетъ быть проведена лишь индивидуально, для каждаго даннаго случая, и дальше общихъ указаній здѣсь трудно итти.

Попытку провести такую подвижную границу дѣлаетъ англійское право; повторяю: попытку, не болѣе какъ попытку, признаваемую притомъ и самими англичанами далеко не вполнѣ удачной. Тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ нашего вниманія, не только потому, что она единственная въ своемъ родѣ [2]), но и потому, что въ соотвѣтствующихъ положеніяхъ

---

[1]) Ram, стр. 140.

[2]) На континентѣ вообще лишь въ послѣдніе годы обращено вниманіе на

англійскаго права отлилась масса судебнаго опыта, на основаніи котораго предвосхищены были болѣе чѣмъ на сто лѣтъ тѣ выводы, къ которымъ нынѣ приходятъ нѣмецкіе и французскіе экспериментаторы-психологи.

Исходной точкой для опредѣленія понятія недозволенныхъ наводящихъ вопросовъ (leading question) служатъ у англійскихъ юристовъ несомнѣнно соображенія, относящіяся не къ безсознательной, а къ сознательной лжи. Здѣсь имѣется въ виду не столько воспрепятствовать воздѣйствію на свидѣтеля добросовѣстнаго, сколько помѣшать свидѣтелю пристрастному формулировать отвѣты свои согласно указаніямъ „дружественной" стороны. Отсюда основное правило, согласно которому наводящіе вопросы воспрещаются въ допросѣ свидѣтеля тою стороною, которая его вызвала (examination in chief), но допускаются въ передопросѣ свидѣтеля, вызваннаго противникомъ (cross-examination) [1]). Правило это покоится на той презумпціи, что свидѣтель дружественно настроенъ по отношенію къ той сторонѣ, которая на него сослалась. Поэтому, коль скоро предположеніе это на дѣлѣ не оправдывается, коль скоро обнаруживается, что свидѣтель враждебно настроенъ

роль внушенія при постановкѣ вопросовъ. Правда, уже въ началѣ XIX в. недопустимость сугжестивныхъ вопросовъ признавалась и теоретиками (Mittermaier, Die Lehre vom Beweise стр. 293—294, 357 сл., 257 сл.; Das Strafverfahren in den deutschen Gerichten, 2 изд.. 1832, I стр. 428) и законодательствомъ (ср. Löwe—Hellweg, Die Strafprozessordnung für das deutsche Reich mit Kommentar, 10 изд., 1900, прим. 2 къ ст. 68, стр. 328; Schneickert, Zur Psychologie der Zeugenaussagen, Archiv für Kriminal—Anthropologie, XIII стр. 199); но послѣдующее развитіе уголовнаго процесса столь твердо укрѣпило убѣжденіе въ возможности и необходимости предоставить выборъ пріемовъ допроса такту самого допрашивающаго, что даже само понятіе сугжестивности изгладилось изъ памяти криминалистовъ и стало чуждымъ для нихъ (Schneickert, стр. 200, 198; ср. Glaser, Handbuch I, стр. 554—555).

[1]) Stephen, A digest of the law of evidence, 4 изд. 1893, ст. 128; стр. 143—144. Trial of Thomas Hardy a. 1794 (Howell, A complete collection of state trilas, XXIV, 1818, стр. 659—660, 755—756; ср. прим. на стр. 659 и т. X, Rosewell's Case, стр. 190). Best, § 641, стр. 591. Taylor, II, §§ 1404, 1431, стр. 1196—1223. Archbold, стр. 254 и 256.—Такъ же въ американскомъ правѣ (прим. Chamberlaine'а къ 8 изд. Бэста, стр. 599—600).—Въ Шотландіи наводящіе вопросы прежде не допускались ни при допросѣ, ни при передопросѣ; однако, современная практика шотландскихъ судовъ придерживается англійской системы.

къ вызвавшей его сторонѣ, заинтересованъ въ успѣхѣ противной стороны или не желаетъ показывать,—изъ общаго правила дѣлается исключеніе, наводящіе вопросы не возбраняются. [1]) Соотвѣтственно этому надлежало бы воспретить дальнѣйшую постановку наводящихъ вопросовъ и при передопросѣ свидѣтеля, обнаружившаго свою услужливость по отношенію къ противной сторонѣ—и такова дѣйствительно американская практика, но англійская не рѣшается на этотъ шагъ, [2]) признаваемый желательнымъ весьма крупными авторитетами. [3]).

Было бы, однако, крайне ошибочно дѣлать на основаніи приведенныхъ положеній тотъ выводъ, будто, борясь съ наводящими вопросами какъ орудіемъ обмана и лжи, англійскіе юристы совершенно упускаютъ изъ виду то безсознательное воздѣйствіе, которое оказываетъ на свидѣтеля формулировка вопроса. Уже Бэконъ замѣтилъ: „Ловкій пріемъ хитрости заключается въ томъ, чтобъ формулировать отвѣтъ, который хотятъ получить, собственными словами и выраженіями своими; ибо это побуждаетъ другую сторону весьма мало колебаться [4])“. А Рамъ говоритъ: „Если свидѣтель недобросовѣстенъ и стакнулся съ допрашивающимъ, или, если мы предположимъ, что добросовѣстенъ лишь первый, но не послѣдній,—ясно, что наводящій вопросъ способенъ вызвать отвѣтъ, желательный для допрашивающаго. Но и предполагая, что оба они добиваются правды—и здѣсь имѣется налицо опасность, какъ бы свидѣтель, если онъ мало или ничего не помнитъ, если онъ тупъ, невнимателенъ, чѣмъ либо смущенъ, испуганъ,

---

[1]) Taylor, II, § 1404, стр. 1197. Best, § 642, стр. 592—593. Archbold, стр. 254.

[2]) Taylor, II, § 1431, стр. 1224. Russell, III стр. 599—600.

[3]) Taylor, тамъ-же. Russell, тамъ-же. Best, стр. 593. Судья лордъ Кэмбль находилъ старое правило англійскаго процесса, вовсе запрещавшее наводящіе вопросы, едва-ли не предпочтительнымъ въ сравненіи съ тѣми ужасающими злоупотребленіями, которыя практиковались въ его время посредствомъ вкладыванія словъ въ уста дружественно настроеннымъ свидѣтелямъ, которыхъ противная сторона по неволѣ должна была вызвать (Campbell, Lives of the chief justices, 1849, II, стр. 50.

[4]) Bacon, Essays: XXII, Of cunning (Works, II, стр. 298).

не повторилъ-бы при обращеніи къ нему съ наводящимъ вопросомъ, въ отвѣтѣ своемъ, какъ эхо, не думая и не соображая, слова вопроса, и не сказалъ бы такимъ образомъ неправду" [1]). „Наводящіе вопросы, резюмируетъ одинъ изъ современныхъ англійскихъ криминалистовъ, недопустимы не только потому, что они указываютъ недобросовѣстному свидѣтелю, какъ онъ долженъ лгать, но и потому, что добросовѣстный свидѣтель изъ умственной лѣности склоненъ давать утвердительные отвѣты" [2]).

Сообразуясь съ возможностью безсознательнаго воздѣйствія наводящихъ вопросовъ, нельзя ужъ проводить и столь рѣзкой грани между свидѣтелемъ, дружественно и враждебно настроеннымъ, какъ имѣя въ виду одинъ лишь сознательный обманъ. И если мы внимательнѣе присмотримся къ англійской практикѣ, мы замѣтимъ, что рѣзкое разграниченіе между допросомъ и передопросомъ, которое англійскіе юристы ставятъ во главѣ положеній, регулирующихъ допросъ свидѣтелей, далеко не передаетъ всего существа англійской системы. Дозволенность наводящихъ вопросовъ при передопросѣ свидѣтеля противной стороны „не означаетъ, говоритъ Тайлоръ, что адвокатъ можетъ позволить себѣ вкладывать самыя слова въ уста свидѣтеля, которому такимъ образомъ пришлось-бы только повторять ихъ; не санкціонируется этимъ также постановка вопросовъ, предполагающихъ доказанность обстоятельствъ, которыя не были доказаны, или что уже даны были отвѣты, которые на дѣлѣ не были даны" [3]).

Въ послѣднемъ случаѣ имѣется въ виду, выражаясь языкомъ новѣйшихъ психологовъ, внушеніе, основанное на предположеніи извѣстности неизвѣстнаго. И такимъ образомъ изъ четырехъ указанныхъ нами видовъ вопросовъ вопросы послѣдняго вида, наиболѣе опасные, недобросовѣстно-наводящіе вопросы, въ англійскомъ судѣ вовсе не допускаются со-

---

[1]) Ram, стр. 138.

[2]) Kenny, Outlines of criminal law, 1902, стр. 349.

[3]) Taylor, II § 1431 стр. 1223—1224, Phipson, The law of evidence, 1892, стр. 356.

вершенно независимо отъ того, на чьей сторонѣ лежатъ симпатіи допрашиваемаго.

Но что слѣдуетъ понимать подъ другимъ пріемомъ, равнымъ образомъ не допустимымъ и въ cross-examination, подъ вкладываніемъ свидѣтелю въ уста словъ его отвѣта? Обратимся къ руководящему казусу по этому предмету. Это—политическій процессъ Томаса Гарди. Недопустимые, по мнѣнію суда, вопросы были предложены защитникомъ подсудимаго при передопросѣ свидѣтелей противной стороны. Въ виду особаго характера процесса [1]) предсѣдатель лордъ Эйръ не счелъ возможнымъ настаивать на практическомъ осуществленіи впервые установленнаго положенія о недопустимости нѣкоторыхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что оно невыгодно отражалось какъ разъ на защитѣ [2]), и ограничился лишь замѣчаніемъ, что самостоятельно формулированное свидѣтелемъ показаніе произвело-бы на присяжныхъ въ десять разъ большее впечатлѣніе, нежели повтореніе имъ словъ допрашивающаго [3]). Допросъ, предшествующій пререканіямъ между судомъ и защитой въ этомъ процессѣ, даетъ, однако, ясное понятіе о томъ, какого рода вопросы судъ призналъ нежелательными. Планъ защиты, блестяще осуществленный ею заключался въ томъ, чтобъ доказать, что сообщество, въ участіи въ которомъ обвинялся Гарди, не имѣло въ виду насильственнаго ниспроверженіи королевской власти и существующаго образа правленія, а желало лишь легальными средствами добиться отъ парламента введенія всеобщаго избирательнаго права. И вотъ, передопрашивая свидѣтеля противной стороны, который самъ нѣкогда былъ членомъ того-же сообщества, адвокатъ Эрскинъ задалъ ему, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: „Я спрашиваю васъ какъ честнаго человѣка, оставались-ли вы-бъ въ теченіе двухъ лѣтъ членомъ этого общества, если-бъ вы не имѣли основаній вывести изъ всего видѣннаго и слышаннаго вами то заключеніе, что

---

[1]) Hardy's Trial, у Howell'я стр. 660.
[2]) Тамъ-же стр. 756.
[3]) Тамъ-же, стр. 660.

вы имѣете дѣло съ людьми, преданными своему королю?“ Свидѣтель отвѣтилъ: „Нѣтъ“. Далѣе, когда онъ показалъ, что первое постановленіе ихъ основывалось на планѣ герцога Ричмонда, Эрскинъ спросилъ его: „Касающемся избирательнаго права?“—„Да“. Затѣмъ, прочтя печатное письмо Ричмонда, гдѣ онъ излагаетъ свой планъ, и получивъ отъ свидѣтеля отвѣтъ, что именно это письмо читалось въ собраніи, Эрскинъ сказалъ: „Теперь отвѣтьте мнѣ согласно данной вами присягѣ: насколько вамъ извѣстно—что происходило въ чужой душѣ, вы не можете узнать—насколько вы освѣдомлены изъ разговоровъ съ вашими сочленами, не представлялось-ли вамъ, что въ этомъ именно (въ осуществленіи плана герцога Ричмонда) заключалась ихъ цѣль, и не высказывались ли они сами въ этомъ смыслѣ [1])“? Мы имѣемъ здѣсь такимъ образомъ цѣлый рядъ вопросовъ, въ которыхъ разными способами подчеркивается предпочтительность, указывается на правильность такого именно, а не какого либо иного отвѣта. Вотъ по поводу этихъ то и подобныхъ вопросовъ лордъ Эйръ и замѣтилъ: „Не вкладывайте въ уста свидѣтеля самыхъ словъ“. А когда Эрскинъ возразилъ, что вѣдь онъ не своего свидѣтеля допрашиваетъ, предсѣдатель повторилъ: „Вы не должны вкладывать свидѣтелю въ уста словъ даже при передопросѣ“ [2]).

Итакъ, и вопросы третьяго (согласно приведенной нами классификаціи) рода—по крайней мѣрѣ болѣе рѣзкія формы ихъ—признаются въ англійскомъ судѣ столь же мало допустимыми, какъ и вопросы четвертаго рода. Другими словами, почти всѣ тѣ вопросы, которые новѣйшіе психологи называютъ въ тѣсномъ смыслѣ наводящими (Suggestives) въ англійскомъ судѣ вовсе не допускаются. Разграниченіе же между своими свидѣтелями и чужими дѣлается относительно вопросовъ, въ слабой степени наводящихъ, гдѣ, какъ мы указывали уже, вообще весьма трудно провести границу между допустимымъ и недопустимымъ. Для недопустимости англійская практика

---

[1]) Тамъ же, стр. 658—659.

[2]) Тамъ же, стр. 659.

требуетъ во всякомъ случаѣ наличность слѣдующихъ условій: 1) вопросъ долженъ быть предложенъ при допросѣ собственнаго свидѣтеля, 2) долженъ касаться существенныхъ обстоятельствъ (во вступительной части, напр. когда, спрашиваютъ свидѣтеля о его имени, мѣстожительствѣ, профессіи и т. п., форма вопроса безразлична) и 3) долженъ встрѣтить возраженіе со стороны противника (objected). Помимо того, для нѣкоторыхъ случаевъ дѣлается исключеніе въ смыслѣ допустимости вопросовъ и при наличности всѣхъ указанныхъ условій. Наконецъ, судья вообще вправѣ разрѣшить постановку подобныхъ вопросовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ найдетъ это въ зависимости отъ обстоятельствъ, безопаснымъ и содѣйствующимъ цѣлямъ правосудія [1]). И эта дискреціонная власть судьи—едва-ли не самое существенное въ англійской системѣ: она то сглаживаетъ недочеты ея и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ ее столь недосягаемой, для всѣхъ тѣхъ народовъ, чья правовая жизнь не течетъ такъ нормально, какъ англійская [2]).

---

[1]) Taylor, II, §§ 1404—1405, стр. 1196—1198. Best, §§ 641—642, стр. 591—592. Stephen, Digest, стр. 143—144. Относительно Америки—прим. къ Бэсту, стр. 599—600.

[2]) Изъ этого не слѣдуетъ, что правила о наводящихъ вопросахъ, выработанныя англійскимъ судомъ, не могутъ и не должны быть въ общемъ усвоены. Примѣненіе ихъ, какъ неумѣло бы оно ни было, будетъ на практикѣ во всякомъ случаѣ болѣе содѣйствовать правильному установленію фактовъ на судѣ, нежели господствующіе въ настоящее время, напр. въ Германіи, пріемы допроса, въ число которыхъ входитъ и обращеніе къ непомнящему свидѣтелю съ замѣчаніями вродѣ того, что «вѣдь вы должны были видѣть это, вы же были при этомъ, другой свидѣтель показалъ то-то и то-то, не такъ ли это было? итакъ, желаете вы присоединиться къ его показанію?» (Heilberg, стр. 106—107). Наконецъ, и теперь уже можно указать на кое-какіе пункты, въ которыхъ принятый въ Англіи порядокъ требуетъ дополненія и исправленія. Такъ, различіе, дѣлаемое между дружественно и враждебно настроенными свидѣтелями, не выдерживаетъ критики въ виду элемента безсознательнаго, элемента внушенія. Далѣе, чрезвычайная подверженность дѣтей внушенію дѣлаетъ необходимымъ особенно строгое примѣненіе при допросѣ ихъ правилъ о недопустимости наводящихъ вопросовъ. Это, конечно, далеко не все. Такъ, напр., англійская практика дозволяетъ напомнить свидѣтелю имя, которое онъ не можетъ вспомнить, но которое онъ по его словамъ узнаетъ, если его назовутъ ему; Бентамъ, при всемъ своемъ несправедливо-отрицательномъ отношеніи къ воспрещенію наводящихъ вопросовъ, предлагаетъ въ подобныхъ случаяхъ называть то имя, которое имѣется въ виду,

И у насъ уголовный кассаціонный департаментъ находитъ, что предложеніе свидѣтелямъ вопросовъ въ такой формѣ, изъ которой непосредственно вытекаютъ отвѣты, не согласуется съ существенною цѣлью судебнаго слѣдствія, состоящею въ безпристрастномъ раскрытіи предъ судомъ истинныхъ обстоятельствъ дѣла (1872 г. № 1018 Корибутъ-Кубитовича). Вообще Сенатъ разъясняетъ, что „ст. 611 и 614, возлагая на обязанность предсѣдателя руководить судебнымъ засѣданіемъ и устранять на судебномъ слѣдствіи все то, что можетъ служить препятствіемъ къ открытію истины, тѣмъ самымъ даютъ предсѣдателю право останавливать стороны, если онѣ, пользуясь какими либо правами, намѣренно или по ошибочному пониманію своего права или обязанности, употребятъ при этомъ пріемы, которые противорѣчатъ главной цѣли судебнаго слѣдствія—раскрытію истины“ (1872 г. № 997 Старикова).

А если предсѣдатель употребитъ подобные пріемы? Себя самого онъ не остановитъ. По мнѣнію-же Сената надъ нимъ въ этомъ отношеніи вообще не должно быть контроля: неумѣстный вопросъ, сдѣланный предсѣдателемъ свидѣтелю не можетъ служить къ отмѣнѣ приговора, такъ какъ защитникъ имѣлъ полную возможность предлагать, съ своей стороны, вопросы тому-же свидѣтелю и, такимъ образомъ, ослабить то впечатлѣніе, которое, по мнѣнію его, было произведено на присяжныхъ отвѣтомъ свидѣтеля на вопросъ предсѣдателя (1872 г. № 687 Зименко). Въ такомъ случаѣ, казалось бы, послѣдовательно разсуждая, нельзя препятствовать и сторонамъ предлагать неумѣстные вопросы, такъ какъ впечатлѣніе, произведенное этими вопросами, можетъ быть, согласно взгляду

среди нѣсколькихъ другихъ именъ (Bentham, т. II кн. III, гл. 3, стр. 54). Точно также при опознаніи по фотографической карточкѣ желательно предъявленіе свидѣтелю нѣсколькихъ разныхъ портретовъ, при опознаніи въ натурѣ—нѣсколькихъ разныхъ лицъ (Schrenk-Notzing, Über Suggestion und Erinnerungsfälschung im Berchtold-Prozess, 1897; Schneicket, Zur Psychologie des Zeugenaussagen, стр. 204, 205, 197 прим. 5; Die Zeugenvernehmung im Lichte der Strafprozessreform, Beiträge, IV 1904, стр. 49—49. Stern, тамъ же, стр. 121. Lailler et Vonoven, стр. 77), какъ оно опредѣлено въ ст. 304 итальянскаго уст. угол. суд. Вообще при всякомъ идентифицированіи надо стараться искусственно создать необходимость выбора между нѣсколькими различными отвѣтами.

Сената, ослаблено послѣдующими вопросами противника и самого-же предсѣдателя. По существу-же правильны, конечно, разъясненія Сената, осуждающія неумѣстную форму допроса, а не санкціонирующія ее. Едва-ли надлежитъ допускать такія процессуальныя нарушенія, вліяніе которыхъ можетъ быть лишь ослаблено, но не устранено.

Ст. 696 проекта новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства должна быть поэтому признана цѣнною попыткою выразить въ законѣ то, что съ трудомъ и крайне неполно регулируется кассаціонной практикой. „Вопросы, предлагаемые свидѣтелю, гласитъ статья эта, должны быть, по возможности, кратки и ясны и не должны излагаться въ формѣ, заключающей въ себѣ отвѣты на эти вопросы". Къ сожалѣнію, включеніе въ проектъ правила этого коммисія для пересмотра законоположеній по судебной части мотивируетъ необходимостью устранить „замѣчавшіяся на практикѣ злоупотребленія *сторонами* при перекрестномъ допросѣ" [1]). Чему приписать умолчаніе о злоупотребленіяхъ со стороны предсѣдателя при допросѣ имъ свидѣтеля? Недосмотру-ли или невѣдѣнію того, что отмѣчено даже въ рѣшеніяхъ Сената, или проявляющемуся по разсматриваемому предмету и въ кассаціонной практикѣ воззрѣнію, согласно которому изъ подъ кассаціоннаго контроля должны быть изъяты тѣ именно, надъ кѣмъ нѣтъ иного контроля?

Но и кассаціонный контроль не болѣе какъ слабый палліативъ. Дѣйствительной же гарантіей надлежащаго формулированія вопросовъ, какъ и правильнаго веденія всего судебнаго слѣдствія, явилось бы прежде всего ограниченіе роли предсѣдателя—подобно тому какъ это дѣлается въ Англіи [2])—

---

[1]) Объяснительная записка, III стр. 2-3.

[2]) Mittermaier, Das englische, schottische und nordamerikanische Strafverfahren, 1854, стр. 312—314. Такова же, приблизительно, должно была быть система допроса и у насъ по мысли составителей судебныхъ уставовъ; предсѣдатель предлагаетъ лишь дополнительные вопросы, если отвѣтами на вопросы сторонъ предметъ показанія не вполнѣ объясненъ (уст. уг. суд. ст. 718—724. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны, изданные Государственною Канцеляріею, 2 изд., II, 1867, стр. 260.

однимъ лишь контролемъ надъ тѣмъ, какъ его ведутъ другіе [1]). „Противъ неумѣстныхъ вопросовъ заданныхъ свидѣтелю стороною или ея адвокатомъ, говоритъ Бэстъ, противникъ можетъ возражать и судья разрѣшитъ, основательно ли возраженіе. Но если судья самъ нарушаетъ долгъ свой, кто призоветъ его къ порядку [2])“?

Е. Кулишеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Объяснительная записка къ проекту новой редакціи уст. уг. суд., III, стр. 239 сл.). На практикѣ-же предложеніе вопросовъ предсѣдателемъ до допроса сторонами стало обычнымъ явленіемъ; Сенатъ не усматриваетъ въ этомъ кассаціоннаго повода, если стороны не были лишены затѣмъ возможности произвести перекрестный допросъ свидѣтеля. Въ коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части большинство признало этотъ въ настоящее время терпимый порядокъ желательнымъ и полагало, въ измѣненіе ст. 719 уст. уг. суд., постановить въ проектѣ, что „по изложеніи свидѣтелемъ своего показанія, предсѣдательствующій, если находитъ нужнымъ разъяснить или дополнить показаніе, предлагаетъ свидѣтелю съ этою цѣлью вопросы, а затѣмъ предоставляетъ сторонамъ...“ и т. д. (Объяснительная записка, III, стр. 241—243. Проектъ, ст. 691).

[1]) Въ послѣднее время было высказано то мнѣніе, что психологическое изслѣдованіе свидѣтельскихъ показаній, въ особенности изученіе роли внушенія въ допросѣ, требуетъ, чтобъ предсѣдателю было предоставлено исключительное право задавать свидѣтелю вопросы. „Когда свидѣтель, говоритъ Шнейкертъ, наконецъ, успѣваетъ освоиться съ обыкновенно предупредительнымъ (rücksichtsvoll) способомъ допроса со стороны предсѣдателя, когда онъ научается слѣдить за его вопросами и разъясненіями и такимъ образомъ можетъ быть возвращенъ на безсознательно оставленный имъ путь воспоминаній, достаточно одного вопроса со стороны прокурора или защитника, чтобъ вывести свидѣтеля изъ его спокойнаго состоянія, а главное сдѣлать его подверженнымъ внушенію и посредствомъ этого завлечь его на ложный путь“ (Schneikert, Zeugenvernehmung, стр. 24—25. Ср. также прив. выше слова гг. Елистратова и Завадскаго, Къ вопросу о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, стр. 115). Какъ будто бы лѣтописи континентальныхъ судовъ не были полны вопіющими злоупотребленіями со стороны предсѣдателей при допросѣ свидѣтелей (Ср., между прочимъ, Lailler et Vonoven, стр. 48 сл. Weingart, стр. 48).

[2]) Best, § 557, стр. 512. Бэстъ видитъ въ этомъ препятствіе для рекомендовавшагося въ прежнее время перенесенія въ Англію континентальной системы допроса подсудимаго (Ср. также Rathenau, Die eidliche Vernehmung des Angeklagten als Zeugen nach englischem Recht въ Zeitschr. für die ges. Strafrechtswissenschaft, XXII, 1902, стр. 548—549). Нынѣ онъ, какъ извѣстно, допрашивается по собственному желанію какъ свидѣтель сторонами подъ присягою.

УѢЗДНЫЙ ЧЛЕНЪ ОКРУЖНАГО СУДА.

XI.

По закону докладъ дѣлъ въ уѣздномъ съѣздѣ возложенъ (ст. 122 и 226 прав. о пр. суд. д.) на одного изъ его членовъ. Земскіе начальники, городскіе судьи и почетные мировые судьи не имѣютъ, однако, возможности посѣщать съѣздъ внѣ времени, назначеннаго для публичнаго засѣданія, чтобы приготовиться къ докладу. Послѣдній сопряженъ, притомъ, съ изготовленіемъ рѣшеній въ окончательной формѣ. Дѣла необходимы съѣзду какъ передъ слушаніемъ, для обозрѣнія сторонъ, такъ и послѣ рѣшенія—для справокъ, выдачи исполнительныхъ листовъ, исполненія рѣшеній, и потому выпустить ихъ изъ съѣзда уѣздный членъ суда не можетъ. Помощь земскихъ начальниковъ свелась, de facto, къ тому, что они развозили доложенныя въ съѣздѣ дѣла къ себѣ въ усадьбы, запаздывали составленіемъ рѣшеній, дѣла едва выручались потомъ почтою путемъ напоминаній и требованій, мотивы рѣшенія не были пригодны ни по существу, ни по изложенію, копіи выдавались недовольной сторонѣ съ пропускомъ срока на обжалованіе и жалующіеся требовали возстановленія пропущеннаго срока.

Поэтому какъ докладъ дѣла по существу, такъ и изложеніе соображеній или мотивовъ, на которыхъ рѣшеніе основано, перешли всецѣло къ одному уѣздному члену окружнаго суда. Между тѣмъ въ рѣшеніяхъ, составляемыхъ по

большинству голосовъ, пестрый составъ даетъ пестрыя и убѣжденія: обычаи не собраны и мало извѣстны, законы неясны и съ трудомъ сопоставляются, а практика не можетъ установиться, такъ какъ она основана на мнѣніи лицъ, знакомыхъ съ бытомъ крестьянъ, но разсматривающихъ его по отношенію къ обсуждаемому спору подъ разными углами зрѣнія. Уѣздный членъ суда, вводящій въ разборъ спорныхъ вопросовъ свои взгляды, коренящіеся въ судебной практикѣ общихъ судебныхъ мѣстъ, никогда не составитъ такого рѣшенія въ окончательной формѣ, которое было-бы отраженіемъ своднаго мнѣнія всего состава съѣзда. Земскій начальникъ вправѣ сказать: „всѣ мотивы такого рѣшенія мнѣ чужіе и я подписываюсь подъ ними, закрывъ глаза". Въ губернскомъ присутствіи, гдѣ кассаціонный пересмотръ тоже не зависитъ отъ согласія только лицъ судебнаго вѣдомства (прокурора и предсѣдателя окружнаго суда), составляющихъ опять-таки меньшинство, рѣшеніе подвергается новымъ спорамъ и ставится въ зависимость отъ административныхъ воззрѣній большинства. Рѣдкое рѣшеніе первой инстанціи обладаетъ, притомъ, разработаннымъ всесторонне матеріаломъ, нужнымъ для правильнаго вывода. По уголовнымъ дѣламъ слаба дѣятельность сельской полиціи, производящей дознаніе; по гражданскимъ дѣламъ не только стороны, но и судъ, по своему невѣжеству, незнакомы ни съ существомъ и рамками спора, ни съ доказательствами, которыя сторонѣ слѣдовало собрать для подтвержденія ея права. Въ дѣлахъ уголовныхъ рѣдкій осмотръ удовлетворяетъ своему назначенію, показаніе рѣдкаго свидѣтеля изложено ясно, отчетливо и подробно. Въ дѣлахъ гражданскихъ исковое требованіе предъявляется по запискамъ и лавочнымъ книжкамъ, писаннымъ съ помарками, карандашемъ, безъ итоговъ и подписей; уплата доказывается свидѣтелями внѣсудебнаго разсчета или признанія. Самое существо дѣлъ о захватѣ нѣсколькихъ саженей усадьбы, овина, передѣлахъ полевой земли, спорахъ по раздѣлу домашней рухляди или по обидной раскладкѣ уплаченной недоимки, близко извѣстное только сторонамъ, вмѣсто разъясненія запутывается ими и требуетъ напряженнаго внима-

нія суда, лишеннаго возможности выяснить суть дѣла по представленнымъ сторонами доказательствамъ. Истецъ забѣгаетъ впередъ и предъявляетъ искъ, требующій разрѣшенія преюдиціальныхъ вопросовъ, или альтернативный, или просто безъ просительнаго пункта ищетъ покровительства и защиты въ пространномъ смутномъ изложеніи цѣлаго ряда неправдъ, соединенныхъ въ одномъ заявленіи и требующихъ раздробленія по разнымъ основаніямъ спора. Съ точки зрѣнія циркуляровъ его просьба требуетъ разрѣшенія голосомъ патріархальной совѣсти, но земскіе начальники выдвигаютъ въ состоявшемся по ней рѣшеніи то или иное явное неправосудіе, а юристъ по общимъ законамъ и кассаціонной практикѣ можетъ предъявить только одно требованіе—о прекращеніи дѣла производствомъ по дефектамъ самой просьбы, неподлежащей принятію и разсмотрѣнію. Затрудняясь разрѣшить такое дѣло правильно и ссылаясь только на его неполноту, земскіе начальники склонны отмѣнить кажущееся имъ неправосуднымъ рѣшеніе и передать дѣло на разбирательство другого ближайшаго суда, гдѣ дѣлопроизводитель толковѣе и въ состояніи уяснить себѣ предлагаемыя новому суду указанія съѣзда,—а уѣздный членъ суда полагаетъ, что этотъ второй, болѣе далекій судъ еще менѣе будетъ проникнутъ интересами сторонъ и правосудія и во всякомъ случаѣ не можетъ исправить того, что испорчено съ самаго начала. Въ большинствѣ споровъ требованія судебныя оказываются и непригодными къ быту, такъ какъ волостной судъ, выросшій на воззрѣніяхъ крестьянскаго населенія, держится своихъ выработанныхъ уже вѣками понятій: аренда, залогъ, запродажа по его понятію даютъ уже право на полное распоряженіе имѣніемъ, тогда какъ на своей надѣльной землѣ, которою онъ владѣетъ съ X-ой ревизіи, онъ еще не собственникъ. Платежи по векселямъ поступаютъ не деньгами, а предметами первой необходимости: хлѣбомъ, льномъ, шерстью, поденными работами, ѣздою, доказываются свидѣтелями и не отмѣчаются никогда на векселѣ; захватъ усадьбы покрывается промѣномъ въ полевой землѣ съ помощью сельскаго схода, и т. п. Черезполосное владѣніе ключ-

ками по условіямъ, уступочнымъ актамъ, сдѣлкамъ и договорамъ, совершеннымъ въ правленіи или на сходѣ, раздробленіе недвижимой собственности, купленной обществомъ или товариществомъ по одной купчей крѣпости, между отдѣльными пайщиками, новое дробленіе паевъ между нарастающимъ потомствомъ—все это создаетъ такую зыбкость въ отношеніяхъ къ землѣ, что суды завалены спорами о правѣ собственности, завладѣнія или арендѣ, право держится лишь на памяти сосѣдей, показанія которыхъ стоятъ въ зависимости отъ пристрастія, угощенія и степени невѣжества. Вмѣсто земельныхъ ямъ идутъ въ ходъ затески топоромъ на деревѣ, границы владѣній черезъ косу, деревенскія примѣты, воспоминанія о чьей-либо смерти, о проводахъ собственника въ солдаты или въ работу, о сдачѣ при томъ земли въ кортому, о захватѣ опекуномъ у сиротъ и т. п. Достигшій совершеннолѣтія крестьянинъ, лишенный кѣмъ-то, когда-то и какъ-то родового клочка въ 1—5 десятинъ, идетъ въ судъ съ пустыми руками, не зная, чего ему просить: изъятія изъ владѣнія, арендной платы, неустойки или убытковъ отъ завладѣнія. Суды ощущаютъ неправду только совѣстью, но не въ состояніи присудить невѣрно или произвольно постановленный искъ.

Крестьянскій правовой бытъ требуетъ глубокаго всесторонняго и историческаго изученія. Корни его сидятъ въ тѣхъ еще дореформенныхъ временахъ, когда были тяглые люди, старожильцы, нетяглые бобыли, задворные люди, монастырскіе дѣтеныши, холопи, посадскіе, подворники, заполовники и т. п. Въ самомъ движеніи современнаго законодательства отмѣчены три смѣны идей, соотвѣтствующихъ тремъ главнымъ моментамъ его развитія: 1) освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и упорядоченіе временно-обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, 2) оппортунизмъ 1874 года, когда крестьянство вступило въ обладаніе правами сельскихъ обывателей, и 3) опека или вотчинное попечительство, усматривающее въ лицѣ земскихъ начальниковъ идеальныхъ отцевъ крестьянства. Въ силу этого и узаконенія особ. прилож. къ 9 т. св. законовъ сложились изъ цѣлаго ряда

наслоеній, не объединенныхъ внутреннею связью. И по существу, и по деталямъ законы эти не могутъ быть разсматриваемы какъ нормы частно-правовыхъ отношеній, а являются актомъ публичнаго права, наложившимъ на стороны (крестьянъ, помѣщиковъ и казну) опредѣленныя обязанности и оставившимъ за сторонами право нормировать добровольными сдѣлками неопредѣленныя закономъ частныя отношенія. Судъ, призванный къ разрѣшенію крестьянскихъ дѣлъ, долженъ быть озабоченъ прежде всего охраною „публичнаго" интереса, заключающагося „въ обезпеченіи быта крестьянъ". Поэтому большинство вопросовъ крестьянскаго права потребовало теоретическихъ изслѣдованій, допускающихъ сложный анализъ, и толкованій, на которыя потратилъ много труда Правительствующій Сенатъ; но его рѣшенія, послѣдовавшія въ развитіе тѣхъ немногихъ статей закона, которыми опредѣляются отношенія крестьянъ къ землѣ (51 ст. общ. пол., 110—мѣстн. полож. и 164—полож. о выкупѣ) во-первыхъ, недоступны волостнымъ судамъ и во-вторыхъ, при прямолинейномъ ихъ примѣненіи къ современной жизни крестьянства, создаютъ такія коллизіи, съ которыми судъ не можетъ справиться. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Семейный укладъ крестьянства носитъ черты владѣнія рода и не допускаетъ долевого участія членовъ. Институтъ семейной собственности вытекаетъ изъ всей обстановки земледѣльческаго труда. Субъектомъ права является „дворъ" и по изслѣдованіямъ теоретическимъ (Оршанскаго, Лыкошина, Якушкина, Мухина, Пахмана и друг.) и по опредѣленіямъ Общаго Собранія 1, 2 и касс. депар. Правит. Сената. Сенатъ вывелъ изъ существующихъ законоположеній, что за долгъ одного изъ членовъ крестьянской семьи взысканіе можетъ быть обращено на крестьянское имущество только въ томъ случаѣ, если онъ вытекаетъ изъ такого рода сдѣлокъ или вообще дѣйствій члена семьи, которыя представляютъ проявленіе хозяйственно-экономической жизни семьи, обладающей имуществомъ. Между тѣмъ ст. 3 и 5 общ. полож., ст. 127, 133 и 176 пол. о выкупѣ говорятъ о правѣ „домохозяина" распорядиться имуществомъ „двора", такъ какъ со

времени выдачи данныхъ крестьяне подчиняются дѣйствію 159—179 ст. пол. о выкупѣ; отведенная обществу земля распредѣляется между отдѣльными домохозяевами „собственниками“ и пріобрѣтенные ими по 166 ст. участки земли переходятъ по наслѣдству согласно мѣстнымъ обычаямъ (рѣш. гражд. касс. деп. 1885 г. № 3 и общ. собран. 1, 2 и касс. депар. 1898 г. № 2). Статья 167 запрещаетъ категорически раздроблять подворный участокъ при переходѣ къ наслѣдникамъ; никакая доля не можетъ быть отдѣлена въ натурѣ; выходъ изъ рабочей семьи двора ведетъ къ потерѣ права участія въ надѣлѣ семьи и права наслѣдованія; выкупленный участокъ усадебной и полевой земли и при общинномъ и при подворномъ владѣніи составляетъ „неличную собственность“ домохозяина, на котораго участокъ записанъ въ актахъ, а собственность цѣлаго крестьянскаго двора. Лицо, приписанное къ семьѣ, однимъ фактомъ причисленія получаетъ право собственности на надѣлъ наравнѣ съ членами семьи, числящимися въ семейномъ спискѣ (рѣш. общ. собр. 1, 2 и касс. деп. Прав. Сената 23 ноября 1893 года). Рѣшеніемъ общ. собр. 1, 2 и касс. депар. 1 ноября 1899 года по дѣлу Кузнецова разъяснено, что выкупленный участокъ сохраняетъ характеръ земли надѣльной и не подлежитъ продажѣ по закону 14 декабря 1893 г. Законъ этотъ воспрещаетъ крестьянамъ отдавать надѣльныя земли въ залогъ частнымъ лицамъ, хотя-бы выкупная ссуда и была погашена; продажа крестьянскаго участка по закладной, хотя-бы совершенной и до изданія этого закона, должна быть признана судомъ недѣйствительною (рѣш. общ. собр. 1, 2 и касс. депар. 8 марта 1893 г. № 7). Примѣчаніе къ 126 ст. пол. о выкупѣ воспрещаетъ крестьянамъ, за которыми числится долгъ по выкупной ссудѣ, продавать на сносъ постройки двора.

Дѣйствительность доказываетъ всюду, на каждомъ шагу, невозможность подчиненія живыхъ отношеній этимъ пестрымъ требованіямъ закона. Тотъ-же Сенатъ признавалъ, что общинникъ, внесшій за себя всю выкупную ссуду, на основаніи 165 ст. пол. о выкупѣ, имѣетъ право на выдѣлъ изъ обще-

ственнаго мірского надѣла и не подлежитъ въ „распоряженіи“ своимъ участкомъ никакимъ ограниченіямъ (рѣш. Правит. Сената 1883 г. № 2712) и что владѣльцы подворныхъ участковъ могутъ выйти изъ общества (рѣш. гражд. кас. депар. 1871 г. № 751). Въ рѣш. общ. собр. 1, 2 и касс. деп. 30 декабря 1900 г. указано, что раздѣлы между крестьянами не требуютъ письменной формы и могутъ совершаться на сумму не свыше 300 рублей въ волостномъ правленіи. По примѣч. къ 9 ст. пол. о крестьянахъ (изд. 1902 г.) каждый крестьянинъ съ согласія общества можетъ „уступить“ свой надѣлъ другому крестьянину, принадлежащему къ тому же обществу или принятому въ его среду на основаніи 142 ст. общ. пол.; однако, такой актъ переуступки не можетъ быть совершенъ нотаріусомъ, такъ какъ не подходитъ ни подъ одинъ изъ видовъ сдѣлокъ, предусмотрѣнныхъ X т. св. законовъ. Продать строеніе не на сломъ крестьянинъ не можетъ, не имѣя права собственности на землю, а продавать на сломъ воспрещаетъ разъясненіе Сенатомъ 62 ст. пол. о выкупѣ (изд. 1902 г.). Право крестьянъ переуступать усадьбы и порядокъ совершенія такихъ сдѣлокъ указаны въ 164 ст. пол. о выкупѣ; между тѣмъ эта статья поглощена всецѣло закономъ 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости надѣловъ. Уступка крестьяниномъ своего усадебнаго участка можетъ быть допущена лишь въ формѣ отказа отъ него съ послѣдующимъ отводомъ его по приговору схода тому односельцу, которому владѣлецъ желаетъ его передать (ст. 11 мѣстн. полож.), а уступка постороннему не можетъ быть допущена. Судебная практика тѣмъ не менѣе полна письменными сдѣлками о передачѣ усадебныхъ участковъ во владѣніе и даже вѣчное и потомственное распоряженіе лицамъ стороннимъ, то за уходомъ крестьянина въ отхожіе промыслы, то за упадкомъ силъ и отсутствіемъ земли, то вслѣдствіе раздѣловъ на почвѣ наслѣдованія. Нерѣдки столкновенія исковъ о раздѣлѣ крестьянскаго имущества, переходящаго по наслѣдству, съ правомъ постороннихъ лицъ, получившихъ владѣніе по какой-либо сдѣлкѣ съ умершимъ наслѣдодателемъ (1491 ст. уст.

гражд. судопр. и рѣш. гражд. касс. деп. 1885 г. № 117, 1883 г. № 33).

Въ вопросахъ о крестьянскомъ наслѣдствѣ, хотя бы наслѣдство и открылось внѣ сферы крестьянскаго надѣла, напр., въ видѣ торговаго капитала, должно дѣйствовать только примѣчаніе къ 1184 ст. X т. 1 ч. свод. зак., отсылающее судъ къ обычаямъ. При утвержденіи въ правахъ наслѣдства донынѣ не требовалась оцѣнка послѣдняго. Окружный судъ, утверждая къ исполненію духовныя завѣщанія по имуществамъ надѣльнымъ, которыя никакимъ завѣщательнымъ распоряженіямъ не подлежатъ, отказываетъ въ утвержденіи крестьянъ въ правахъ наслѣдства, тогда какъ ст. 1408 уст. гражд. судопр. и 2 п. 15 ст. вр. прав. о вол. суд. изъемлютъ изъ подсудности волостного суда владѣніе, основанное на крѣпостныхъ актахъ, а затѣмъ нигдѣ не установлено, чтобы волостные суды вѣдали и дѣла охранительнаго производства. Волостной судъ рѣшаетъ дѣла на основаніи свидѣтельскихъ показаній, а рѣшеніе гражд. касс. деп. 1868 г. № 363 воспрещаетъ устанавливать пространство и границы земельной собственности на основаніи такихъ показаній. По рѣшенію того же деп. 1887 г. № 36 не можетъ быть удостовѣрена свидѣтелями и сдѣлка сторонъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства. Когда не доказанъ обычай, Сенатъ требуетъ примѣненія общихъ законовъ къ спорамъ о раздѣлѣ наслѣдствъ (рѣш. 1887 г. № 3365). Община не имѣетъ права обезземеливать крестьянъ (рѣш. 2 деп. Правительствующаго Сената 1894 г. № 171), а тѣмъ болѣе отбирать надѣлы у малолѣтнихъ сиротъ (4 п. 51 ст. общ. пол. изд. 1894 г.); но нельзя и обременять общину излишнею землею и излишними платежами. Законъ не устанавливаетъ разницы общаго и частнаго передѣла надѣловъ по наличнымъ душамъ вмѣсто ревизскихъ; гдѣ земля хороша—передѣла требуютъ души наличныя, гдѣ плоха—ее разбираютъ только рабочія руки, а все остальное уходитъ въ промыслы.

Какъ ни важны, съ точки зрѣнія земскаго начальника, приговоры сельскихъ сходовъ о семейныхъ раздѣлахъ и какъ ни преступны въ его глазахъ спорныя отношенія лицъ,

живущихъ нѣсколько лѣтъ въ раздѣлѣ самовольномъ, совершившемся безъ участія схода, жизнь говоритъ иное: сходы мало интересуются тѣмъ, способно ли отдѣлившееся семейство вести исправно хозяйство, уклоняются отъ раздѣла семейнаго имущества по незнакомству съ цѣнностью инвентаря двора. При многолюдности, тѣснотѣ помѣщенія, духотѣ, равнодушіи большинства и шумѣ заинтересованныхъ въ раздѣлѣ трудно требовать отъ схода, чтобы его приговоръ не былъ безучастно формальнымъ. Зачастую болѣе сильный членъ семьи хитростью и находчивостью выживаетъ слабаго, мачиха и дядя берутъ львиную долю и раздѣлъ вызываетъ ссоры, иски и иногда кровавыя послѣдствія. Зная это напередъ, слабый членъ семьи терпитъ неопредѣленное и зависимое положеніе цѣлые годы, живя въ отдѣльной избѣ, съ сиротами, безъ опеки, и судъ не въ состояніи возстановить отношенія, несправедливо нарушенныя сильнымъ членомъ семьи. Живущій въ отхожемъ промыслѣ или въ военной службѣ и привыкшій къ независимости членъ семьи, которая давно привыкла обходиться въ своемъ хозяйствѣ безъ его участія, не можетъ при возвратѣ въ эту семью довольствоваться подчиненнымъ положеніемъ и изъявляетъ согласіе уйти навсегда, если ему выдадутъ желаемый имъ пай; но получивъ его, черезъ два-три года онъ возвращается вновь къ измѣнившемуся уже иногда составу семьи и требуетъ, какъ неотдѣленный членъ, участія въ пользованіи землею и прочимъ имуществомъ. Высочайше утвержд. 4 января 1888 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта по дѣлу Армоласа и рѣш. Общ. Собр. 1, 2 и касс. Департ. Прав. Сената 1898 года № 2 и 1897 г. № 29 даютъ ему полное право участія въ пользованіи семейнымъ надѣломъ. Рѣш. общ. собр. 1, 2 и касс. департ. 1895 г. № 45 идетъ далѣе, говоря, что хотя членъ двора и можетъ потерять право на семейный участокъ вслѣдствіе непользованія въ теченіи давностнаго срока, но для утраты права по закону необходимо, чтобы въ его дѣйствіяхъ проявился опредѣленный отказъ отъ семейнаго надѣла. Законъ, не признающій самовольнаго раздѣла, идетъ ему въ руку. Дѣти, забранныя мачихою ино-

гда въ другую волость къ отчиму, достигнувъ совершеннолѣтія, черезъ 15—20 лѣтъ, жаждутъ своего пая въ старой семьѣ. Сходъ не въ силахъ справиться съ такими пришельцами, родовая собственность которыхъ разбита между другими членами общины, а судъ лишенъ средствъ разрѣшить добросовѣстно и безобидно споры, сопряженные съ массою горя, обидъ и притѣсненій.

Крѣпостное право отмѣнено навсегда, но земскіе начальники несклонны потворствовать семейнымъ раздѣламъ. Земскій начальникъ, имѣя право надзора за всѣми приговорами сходовъ, можетъ признать семейный раздѣлъ не равномѣрнымъ, несправедливымъ и т. под. и отмѣнить приговоръ. Постановленіе объ этомъ окончательное. Всегда легко найти и формальныя нарушенія въ приговорѣ, или признать по существу, что семья по ея рабочимъ силамъ не можетъ вести раздробленнаго хозяйства. Весь экономическій и нравственный строй цѣлыхъ семействъ предоставленъ, такимъ образомъ, усмотрѣнію одного лица. Гибельныя послѣдствія такого усмотрѣнія показаны Новиковымъ въ его статьѣ „Раздѣлъ„ (Русское Богатство 1900 г. № 10). По мнѣнію Пахмана, естественный ходъ крестьянской жизни клонится къ постепенному разрушенію ея патріархальнаго строя; борьба за самостоятельность противъ подавляющихъ элементовъ семейной общности, стремленіе къ индивидуализаціи и созданію быта, основаннаго на самостоятельности личности, вызывается необходимостью сбросить взаимное учитыванье въ семьѣ, мотовство на сторонѣ, возможность спрятываться одному за спиною другого. Каждому дорогъ свой очагъ, свой домъ. Масса дѣлъ, вызываемыхъ необходимостью семейнаго раздѣла, убѣждаетъ въ этомъ на дѣлѣ.

Земельная доля крестьянина представляетъ не опредѣленную величину, измѣняющуюся съ каждымъ передѣломъ; притомъ пай принадлежитъ двору, членъ семьи не можетъ имъ распорядиться, а міръ имѣетъ право отобрать принудительно и передать другому. Всякія права въ передѣльной общинной землѣ поглощаются правами общины. Члены, имѣющіе отдѣльное хозяйство и даже непроживающіе въ деревнѣ, но

формально не раздѣленные, несутъ отвѣтственность за всѣ долги домохозяина Зависимость отъ домохозяина и міра дѣйствуетъ угнетающе; разореніе является слѣдствіемъ внутреннихъ семейныхъ раздоровъ.

Ограниченіе права продажи, переуступки и залога имущества, а равно права пріобрѣтенія частной собственности и потомственнаго пользованія, по словамъ Н. Х. Бунге, „лишаютъ крестьянъ не только побужденія къ пріобрѣтенію имущества, но и необходимыхъ для этого средствъ. Пошатнувъ въ понятіяхъ крестьянъ навсегда представленія о правѣ и личной собственности, правительство достигнетъ того, что крестьяне не будутъ уважать собственности, желать лучшей обработки земли или сѣвооборотовъ, дѣлать сбереженій, а при каждомъ неурожаѣ будутъ ждать, чтобы правительство ихъ кормило, и кормить придется, такъ какъ запасы свободныхъ земель истощаются быстрѣе прироста населенія“.

Міръ, какъ представитель общины и всѣхъ интересовъ общиннаго землевладѣнія, все болѣе и болѣе теряетъ свое обаяніе. Силою сложныхъ давленій онъ лишается тѣхъ членовъ, которые которые стоятъ по образованію или личному складу выше общаго уровня. Въ деревнѣ остается невѣжественная, слабосильная масса, изолированная отъ всѣхъ прочихъ гражданъ въ порядкѣ управленія и суда, держащаяся цѣпко за одно „поземельное обезпеченіе“ и потерявшая въ общей нищетѣ бодрость духа и потребность въ какой-либо иниціативѣ. Извѣстны безотчетность и хищничество сельскихъ опекуновъ, назначаемыхъ сельскими сходами.

При смѣшеніи пользованія и владѣнія—съ распоряженіемъ и собственностью, уступки—съ продажею,—наслѣдованія съ потомственнымъ пользованіемъ, двора—съ домохозяиномъ, невозможно требовать, чтобы практика волостныхъ судовъ дала какіе-либо устои, которые бы могъ охранять и уѣздный съѣздъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи. Если въ рѣшеніи 25 окт. 1890 г. по дѣлу Масловой Сенатъ объявилъ, что дочь, вышедшая замужъ въ другую деревню, лишается права на пользованіе усадьбою умершаго отца, а въ рѣшеніи 1898 г. за № 2 допускаетъ возможность такого наслѣдованія подъ усло-

віемъ завѣдыванія хозяйствомъ отца, хотя бы и изъ другой деревни, то можно ли требовать отъ смѣшаннаго состава уѣздныхъ съѣздовъ, чтобы онъ въ рѣшеніяхъ подобныхъ дѣлъ имѣлъ твердую въ чемъ-либо опору? Кто наслѣдникъ въ усадьбѣ: дочь или вдова—суды рѣшаютъ различно, безъ всякой ссылки на обычай. Обычаемъ часто прикрывается усмотрѣніе волостного писаря или произволъ суда, рѣшающаго дѣло по лицепріятію въ пользу одной изъ сторонъ. Губернскія присутствія никогда не даютъ предписаній о примѣненіи къ дѣлу того или иного обычая. Мотивировка рѣшеній волостныхъ судовъ, къ которой подгоняются скудные протоколы постоянно выдается ограниченную мудрость канцеляриста, основными началами народнаго правосознанія не имѣющую ничего общаго. Производство суда не обставлено никакими гарантіями. Стороны, участвующія въ процессѣ, не могутъ и добиться гарантій, такъ какъ сами негрармотны, а въ качествѣ довѣренныхъ допускаются только родные и односельчане, среди которыхъ народился особый классъ подпольныхъ хлопотуновъ и невѣжественныхъ сутягъ. Въ съѣздѣ допускается профессіональный присяжный повѣренный, но онъ можетъ вести дѣло только опираясь на матеріалъ, собранный представителями безграмотной деревенской адвокатуры. Положеніе съѣзда значительно стѣснено тѣмъ, что онъ обязанъ пересмотрѣть дѣло только въ предѣлахъ апелляціонной жалобы стороны, а ее пишетъ тотъ же подпольный сельскій адвокатъ, безъ ссылки на законы и обычаи, и старается только безграмотными воплями къ справедливости разжалобить съѣздъ въ пользу обиженной стороны.

При такомъ положеніи уѣздному члену окружнаго суда трудно дать рѣшеніямъ съѣзда такіе мотивы, которые были бы отраженіемъ законной правды деревни, были бы приняты ею, какъ законные устои, а также усвоены земскими начальниками.

Область вѣдомства „міра", съ отнесеніемъ волостныхъ судовъ въ ряды административно-судебныхъ установленій, значительно сокращена, такъ какъ сходу подвѣдомы нынѣ по 51 ст. общ. полож. только дѣла о раскладкѣ повинностей, взысканіи недоимокъ, передѣлѣ мірской земли и скидкѣ и накидкѣ тяглъ (Указы

Прав. Сената 1876 г. № 5606 и 8597). Дѣла объ удаленіи старшаго члена семьи отъ домохозяйства на основаніи 188 ст. общ. полож., объ удаленіи изъ двора неотдѣленныхъ членовъ, понужденіи домохозяевъ къ выдачѣ части имущества возбуждаются только во избѣжаніе формальностей семейнаго раздѣла (прилож. къ 5 п. 51 ст. общ. полож.). Дѣла о выдачѣ отдѣльныхъ паспортовъ (законъ 3 іюня 1894 г., нарушеній договора найма, заключеннаго по договорному листу (ст. 19 вр. пр.), споры сельскаго старосты съ обществомъ о деньгахъ, полученныхъ съ общества, но не внесенныхъ по принадлежности, требованія крестьянъ къ обществу о выдачѣ причитающейся имъ части доходовъ, полученныхъ обществомъ, споры должносныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія относительно жалованья подвѣдомственны земскому начальнику. Иски о водвореніи женъ къ мужьямъ, объ отобраніи дѣтей отъ матери для возвращенія къ отцу подсудны окружному суду. Самовольные семейные раздѣлы, нерадѣніе къ домашнему хозяйству, самовольные уходы изъ двора младшихъ членовъ семьи, невыдачи на общее хозяйство членомъ семьи своего заработка, промотаніе какой-либо хозяйственной вещи, не соединенное съ разстройствомъ хозяйства, сдача въ аренду земли безъ согласія общества и т. под. дѣянія не составляютъ проступковъ и не могутъ быть преслѣдуемы ни судомъ, ни міромъ.

Живя подъ давленіемъ выкупныхъ платежей, мірскихъ сборовъ и хищничества кулаковъ, необезпеченный въ правѣ собственности на клочекъ купленной земли ни документомъ, ни межевымъ отграниченіемъ, подвергаясь потравамъ, порубкамъ и захватамъ своего-же міра и въ полевой, и въ усадебной землѣ, терпя малоземелье и утѣсненіе въ постройкѣ, вытертый изъ родного гнѣзда приростомъ населенія, слабо прикрѣпленный къ измотавшемуся міру, крестьянинъ рвется къ общимъ законамъ, дарованнымъ другимъ гражданамъ, и бѣжитъ отъ своихъ патріархальныхъ судовъ. Въ ломовикахъ, дворникахъ, разнощикахъ, огородникахъ и во всякой иной работѣ бойкихъ торговыхъ центровъ стоитъ особо отъ сельскаго „міра“ вся молодая и способная масса

крестьянства, добывающая къ жизни средства напряженнымъ трудомъ и забывшая, вмѣстѣ съ древнимъ бытовымъ благочиніемъ, все оскудѣніе голодной, безправной деревни, гдѣ она не ждетъ даже подъ старость угла для призрѣнія.

Мотивы уѣзднаго члена суда въ изготовленныхъ имъ рѣшеніяхъ съѣзда, опираясь ad libitum то на ждущемъ переработки законѣ, то на противорѣчащихъ разъясненіяхъ высшихъ мѣстъ, то на дикомъ, малоизвѣстномъ обычаѣ, то на угощенныхъ водкою свидѣтеляхъ, смотря потому, къ чему сведется большинствомъ голосовъ случайное мнѣніе административно-судебнаго состава съѣзда, какъ-бы ни были старательно и вразумительно изложены, не въ состояніи дать твердыхъ и вѣрныхъ правилъ, руководящихъ суды въ дальнѣйшемъ развитіи крестьянскаго права и озарить ихъ тьму свѣтомъ закона и правды. Этотъ свѣтъ заимствованъ, слабъ и тухнетъ въ самомъ притворѣ отъ гнилой удушливой атмосферы крестьянскаго строя и правопорядка.

XII.

Всѣ вопросы, разрѣшаемые, какъ общими собраніями, такъ и распорядительными засѣданіями въ судахъ окружныхъ, уѣздный членъ суда вноситъ въ своемъ уѣздномъ съѣздѣ въ одно засѣданіе „распорядительное“, такъ какъ общихъ собраній для съѣздовъ не установлено. Хотя изъ ст. 70 и 75 полож. о зем. нач. и можно заключить, что каждому присутствію, административному и судебному слѣдуетъ имѣть особое распорядительное засѣданіе, но необходимость въ засѣданіи „общемъ“, закономъ не установленномъ, привела къ тому, что всѣ вопросы, подлежащіе разрѣшенію и въ общемъ, и въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, ставятся и предсѣдателемъ съѣзда и уѣзднымъ членомъ суда въ одномъ распорядительномъ засѣданіи и вносятся въ одинъ общій ежемѣсячный журналъ. Въ этомъ журналѣ, наряду съ вопросами общаго свойства— о передѣлѣ участковъ земскихъ начальниковъ, ихъ отпускахъ, сдачахъ дѣлъ, вступленіяхъ въ должность, разсылкѣ имъ

руководящихъ циркуляровъ, денежныхъ книгъ, представленіи ихъ къ чинамъ, допущеніи частныхъ повѣренныхъ—идутъ часто техническіе судебные вопросы:

А. по представленіямъ земскихъ начальниковъ:

1) о затрудненіяхъ въ исполненіи приговора или о допущенныхъ ими отсрочкахъ исполненія,

2) о возобновленіи дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами, примѣнительно къ 20 ст. вр. пр. о вол. суд.,

3) о постановленіи общаго приговора по совокупности по дѣламъ, рѣшеннымъ съѣздомъ и низшими судами (рѣш. общ. собр. 1 и касс. деп. 1894 г. № 16);

Б. по распоряженію уѣзднаго члена суда:

1) объ отсрочкѣ имъ исполненія приговора съѣзда на основаніи 247 ст. прав. о произв. суд. дѣлъ,

2) объ оставленіи безъ разсмотрѣнія представленнаго въ съѣздъ земскимъ начальникомъ гражданскаго дѣла безъ жалобъ сторонъ, при одномъ заключеніи о неправосудіи, или дѣла уголовнаго, представленнаго по 2 п. 31 ст. вр. пр безъ заключенія о неправосудіи,

3) о разрѣшеніи пререканій о подсудности,

4) о частныхъ жалобахъ на отказъ въ представленіи уѣздному съѣзду по 1 п. 31 ст. вр. пр. о вол. суд. апелляціонной жалобы,

5) о жалобѣ на медленность должностныхъ лицъ и т. под.

Такъ какъ обычный очередной составъ съѣзда усиливается въ такомъ распорядительномъ засѣданіи участіемъ 3 лицъ административныхъ—исправника, предсѣдателя земской управы и податнаго инспектора, для которыхъ чисто техническіе судебные вопросы не только неинтересны, но иногда и непонятны, то въ добавкѣ ихъ голосовъ, когда они соглашаются съ юристами (уѣздными членами и городскими судьями) нѣтъ никакой надобности; если-же имъ вздумалось-бы остаться почему-либо при особомъ мнѣніи, это мнѣніе можетъ сдѣлаться рѣшеніемъ, постановляемымъ подъ вліяніемъ такихъ административныхъ взглядовъ, которые уѣздный членъ окружнаго суда никогда-бы не желалъ допустить.

Это привлеченіе должностныхъ лицъ административнаго

управленія, не заинтересованныхъ судебною дѣятельностью Съѣзда и обремененныхъ своими дѣлами, быть можетъ, полезно по административнымъ мѣропріятіямъ, касающимся экономической жизни уѣзда, гдѣ дорогъ голосъ представителей управленія, фиска и земства, но по вопросамъ судебнымъ настолько безцѣльно, что, ознакомясь на первыхъ порахъ съ характеромъ поставляемыхъ на разрѣшеніе вопросовъ, представители эти, хотя и продолжаютъ получать приглашенія къ участію въ распорядительномъ засѣданіи, но перестали посѣщать его и потому на практикѣ всѣ судебные вопросы разрѣшаются уже болѣе правильно очереднымъ составомъ съѣзда.

Наоборотъ, устраиваясь въ уѣздѣ по своимъ личнымъ выгодамъ и соображеніямъ семейнаго или экономическаго свойствъ, земскіе начальники, вслѣдъ за каждымъ измѣненіемъ въ личномъ ихъ составѣ, дѣлали постоянно передѣлы участковъ, пригоняя ихъ площади, то квадратныя, то треугольныя, а иногда и черезполосныя, къ своимъ усадьбамъ или къ городу, и находя голосъ юристовъ помѣхою, протестовали противъ участія уѣзднаго члена суда въ такомъ пересмотрѣ карты уѣзда; между тѣмъ только голосъ этого члена и городскихъ судей и могъ ставить выше личныхъ удобствъ вредъ для населенія отъ передѣловъ, не вызываемыхъ необходимостью. Губернское присутствіе, куда восходилъ вопросъ о такомъ участіи, отмѣнило постановленіе Съѣзда, какъ постановленное не въ административномъ засѣданіи, а въ распорядительномъ, съ участіемъ лицъ судебнаго вѣдомства, голосъ которыхъ не долженъ имѣть значенія въ распредѣленіи участковъ между земскими начальниками.

Такая отмѣна едва-ли была правильна, такъ какъ для уѣзднаго члена суда не безразлично, насколько удобно новое распредѣленіе волостей между земскими начазьниками по исполненію приговоровъ, по опредѣленію подсудности и проч., а главное — по безплодному розыску населеніемъ близкой власти, иногда за 70 верстъ, въ городѣ, кончающемуся обращеніемъ съ своими нуждами къ уѣздному члену суда, какъ единственному лицу, которое не

мѣняетъ мѣста камеры и всегда въ ней присутствуетъ. Устраняя изъ такого засѣданія уѣзднаго члена суда, губернское присутствіе лишаетъ его возможности принять участіе и въ вопросахъ объ отпускахъ, сдачахъ дѣлъ однимъ земскимъ начальникомъ другому, а вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняетъ распоряженія его въ самой канцеляріи съѣзда въ качествѣ непремѣннаго члена, по разсылкѣ порученій и исполнительныхъ бумагъ и обращеній къ замѣстителямъ отбывшихъ въ отпускъ.

Циркуляръ М. В. Д. 10 сентября 1891 г. за № 35, указывающій, что отпускъ земскаго начальника сопряженъ только съ совершеннымъ прекращеніемъ исполненія обязанностей въ уѣздѣ и что его дѣятельность связана съ дѣятельностью съѣзда и потому ему можно исполнять свои служебныя обязанности и внѣ предѣловъ своего участка, далъ земскимъ начальникамъ возможность посѣщать городъ постоянно безъ отпуска, а нѣкоторымъ и жить въ немъ внѣ своихъ участковъ.

По 247 ст. прав. о пр. суд. дѣлъ уѣздный членъ окружнаго суда можетъ отсрочить исполненіе приговора ввиду хозяйственныхъ нуждъ осужденнаго и донести съѣзду, а съѣздъ имѣетъ право найти его распоряженіе неправильнымъ и сообщить окружному суду для привлеченія къ законной отвѣтственности. Такъ какъ вопросъ о надобности въ отсрочкѣ разрѣшается только по существу каждой единичной нужды крестьянина, неподдающейся, внѣ времени полевыхъ работъ, никакой регламентаціи, то такое сообщеніе о неправильности дѣйствій уѣзднаго члена суда и произвольно и безцѣльно.

Вообще всѣ вопросы внутренняго распорядка, неразрѣшенные ни закономъ, ни циркулярными указаніями высшихъ мѣстъ, разрѣшаются донынѣ отдѣльными постановленіями распорядительныхъ засѣданій и не даютъ правильной постановки дѣла, потому, что нѣтъ общихъ собраній, а земскіе начальники, живущіе въ своихъ усадьбахъ и посѣщающіе распорядительныя засѣданія съѣзда по-очереди, то примыкаютъ къ голосу уѣзднаго члена суда, то

протестуютъ, создавая неразрѣшимый расколъ взглядовъ и мнѣній, и вводятъ въ обиходъ своихъ участковъ пріемы и порядки различные, мѣняющіеся съ перемѣною личнаго состава и передѣлами площадей участковъ. Не мало вліяетъ на неустойчивость этихъ постановленій и смѣна выборныхъ уѣздныхъ предводителей, проникнутыхъ различными воззрѣніями на народъ и его нужды, такъ какъ земскій начальникъ, нераздѣляющій взглядовъ уѣзднаго члена суда, можетъ искать опоры для себя въ предводителѣ и добиться желательнаго распоряженія при его предсѣдательствѣ.

Обѣщаннаго М. В. Д. общаго наказа по дѣлопроизводству и внутренему распорядку Съѣздовъ до сихъ поръ не выработано.

XIII.

Въ исполненіи рѣшеній по дѣламъ своей камеры уѣздный членъ окружнаго суда находится въ непосредственномъ сношеніи съ судебными приставами въ городѣ и чинами полиціи въ уѣздѣ, а по дѣламъ уѣзднаго съѣзда его участіе въ этомъ ограничивается только составленіемъ исполнительныхъ листовъ, которые по гражданскимъ дѣламъ выдаются на руки являющимся за ними взыскателямъ, а по всѣмъ остальнымъ—посылаются въ распоряженіе Земскаго Начальника. Фактическій исполнитель по 105 и 106 ст.ст. прав. о произв. суд. дѣлъ въ уѣздѣ по всѣмъ дѣламъ административно-судебныхъ установленій избирается уже земскимъ начальникомъ, который и наблюдаетъ за исполненіемъ. Этотъ порядокъ вызываетъ повсемѣстно жалобы:

1) Уѣздный членъ суда, по выпускѣ исполнительнаго листа, ставится по наблюденію за исполненіемъ рѣшеній въ зависимость отъ исполнителей, назначенныхъ имъ только по городу, а въ уѣздѣ лишенъ средствъ понудить земскаго начальника къ скорѣйшему исполненію.

2) По дѣламъ гражданскимъ въ городѣ взысканіе производится со всѣми гарантіями правильности и быстроты

судебнымъ приставомъ, какъ-бы ни была мала сумма взысканія, а въ уѣздѣ, даже по исполнительнымъ листамъ городскихъ судей на сумму до 300 рублей, хотя-бы отвѣтчикъ проживалъ у самаго города, но за его чертою, взыскатель лишенъ права (105 ст.) просить судебнаго пристава выѣхать для взысканія, а принужденъ терять время и средства только для одной поручительной надписи на розыскъ земскаго начальника, отлучающагося постоянно изъ камеры своей по дѣламъ участка, и быть довольнымъ, если ему удастся получить его надпись на кого-либо изъ мѣстныхъ волостныхъ должностныхъ лицъ, малоисполнительность которыхъ извѣстна всякому.

3. Законъ по испольненію рѣшеній обязываетъ волостныхъ старшинъ, какъ-бы ни были они безграмотны, исполнять въ точности всѣ законныя требованія по описи, аресту и продажѣ движимаго имущества и недвижимыхъ имѣній, указанныя въ 924—1222 ст.ст. уст. гражд. судопр. для общихъ судебныхъ мѣстъ; а такъ какъ продажа недвижимыхъ имѣній производится въ городѣ судебнымъ приставомъ, то рѣдкая опись имѣнія, сдѣланная волостнымъ старшиною, не возвращается обратно для помѣщенія въ ней тѣхъ подробныхъ свѣдѣній, которыя требуются закономъ—и взысканіе оттягивается въ ущербъ взыскателю.

4) Порядокъ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ установленъ 3 примѣч. къ 24 ст. Общ. Полож. и прилож. къ ней. Волостное начальство свободно въ опредѣленіи того, что можетъ быть продано безъ ущерба хозяйству двора (89 ст. общ. пол.). Жалоба на это опредѣленіе подается земскому начальнику и зависитъ отъ его административнаго на нее воззрѣнія. Опись недвижимаго имущества производится только по взысканіямъ свыше 50 руб. (Ц. М. Ю. 1891 г. № 32). Семейное имущество не отвѣчаетъ за долги неотдѣленныхъ членовъ семьи (рѣш. Общ. Собр. Прав. Сената 8 Февраля 1899 г). Эти ограниченія расходятся съ общимъ порядкомъ, указаннымъ въ 968—1258 ст. уст. гражд. судопр. (рѣш. Общ. Собр. 1, 2 и Касс. Деп. Прав. Сената 30 Октября 1889 г. за № 21). Бывали случаи, что зем-

скій начальникъ тормозилъ самое исполненіе, находя его разорительнымъ, вызывающимъ ропотъ среди крестьянъ, и заявлялъ уѣздному члену суда, что онъ, какъ опекунъ, призванный блюсти интересы своего населенія, не допуститъ своего-же волостнаго старшину, обязаннаго руководиться его взглядами, итти на перекоръ его заботамъ о благоденствіи и разорять крестьянъ въ пользу какого-либо кулака.

Исполненіе приговоровъ путемъ посылки исполнителямъ съ нихъ копій вмѣсто исполнительныхъ листовъ, не можетъ быть признано практичнымъ; опытъ показалъ, что копіи терялись въ волостныхъ правленіяхъ и у становыхъ приставовъ, по отсутствію внѣшнихъ отличительныхъ признаковъ отъ обыкновенныхъ бумагъ переписки, а исполнительный листъ и по внѣшнему виду своему имѣетъ уже характеръ документа.

Рѣшенія городскихъ судей и земскихъ начальниковъ стоятъ по исполненію въ рамкахъ 924—1122 ст. ст. уст. гражд. суд., а потому мѣры, указанныя 1222^{1-10} ст. уст. гражд. судопр. (отобраніе подписки о невыѣздѣ и показанія о средствахъ къ уплатѣ), на эти рѣшенія не могутъ быть распространены, и уѣздный членъ окружнаго суда вправѣ отказать взыскателю въ ходатайствѣ о ихъ примѣненіи.

По уголовнымъ дѣламъ самымъ слабымъ наказаніемъ является „выговоръ". Административно-судебныя установленія исполняютъ его обычно при самомъ объявленіи приговора, не выжидая срока вступленія приговора въ силу, но жалобъ на это не бываетъ по самой слабости наказанія.

Слѣдующимъ по строгости наказаніемъ является денежный штрафъ. Онъ идетъ въ пользу мірскихъ суммъ волости, кромѣ штрафа за самовольную охоту, имѣющаго спеціальное назначеніе, и употребляется по усмотрѣнію волостного схода (5 п. 78 и 184 ст. общ. пол. о крест.). Считая совокупность обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, 4 п. 33 ст. вр. прав. о вол. суд. не говоритъ, какое наказаніе можетъ быть опредѣлено по 37 ст. тѣхъ-же правилъ при совокупности денежныхъ взысканій или выговоровъ; затѣмъ не указано, какъ поступать при этой совокупности, когда эти штрафы взыскиваются по мѣсту жительства осужденнаго (Ц. М. В. Д. 1892 г.

№ 42), а проступки, за которые онъ наказанъ, совершены въ разныхъ волостяхъ.

На практикѣ исполненіе приговоровъ о наказаніи денежнымъ взысканіемъ встрѣчается рѣдко, такъ какъ законъ воспрещаетъ волостному старшинѣ прибѣгать къ продажѣ имущества или другимъ принудительнымъ мѣрамъ взысканія. Не составляя даже акта о несостоятельности, онъ приводитъ въ исполненіе обыкновенно ту часть приговора, въ которой указана замѣна штрафа арестомъ. Крестьянское оскудѣніе—явленіе уже установившееся, и подъ несостоятельностью разумѣется фактическое неимѣніе наличныхъ средствъ (рѣш. Общ. Собр. 1 и Угол. Касс. Деп. Прав. Сената 1878 г. № 37, Ц. М. В. Д. и В. Ю. 1894 г. № 7). Сверхъ того уплата штрафа, наложеннаго на неотдѣленнаго члена семьи, не можетъ быть возложена на имущество, составляющее нераздѣльную собственность семьи (Указ. Прав. Сената 2 Декабря, 3 Февраля 1895 г. № 430); даже не полагается и отдачи въ заработки (Указ. Прав. Сената 22 Сентября 1887 г. № 3579). Между тѣмъ денежныя взысканія должны-бы поступать на устройство арестантскихъ при волостныхъ правленіяхъ (Ц. М. В. Д. 1892 г. № 7181). Эти арестантскія за отсутствіемъ средствъ, не вездѣ устроены. Арестанты состоятъ только при правленіяхъ, нерѣдко употребляются волостными старшинами зимою на исполненіе обязанностей сторожа при правленіи или разсыльнаго, а лѣтомъ — даже и на полевыя работы.

Правительствующій Сенатъ указами 8 мая и 22 сентября 1900 года за №№ 4179 и 10190 призналъ за губернскими земскими собраніями право распредѣлять опредѣленное 13 и 30 ст. ст. о содерж. подъ страж. пособіе на устройство и содержаніе арестантскихъ помѣщеній по мѣрѣ дѣйствительной потребности уѣздныхъ земствъ, или установлять порядокъ, по которому пособія эти должны распредѣляться между уѣздами сообразно количеству поступающихъ по каждому уѣзду штрафныхъ суммъ. Опредѣленіе пунктовъ уѣзда, въ которыхъ должны быть устроены арестантскія помѣщенія, размѣръ ихъ и необходимыя на устройство и содер-

жаніе суммы предоставлены усмотрѣнію уѣздныхъ земскихъ собраній. Сумма денежныхъ взысканій, поступившихъ за 30 лѣтъ на устройство земскихъ мѣстъ заключенія по приговорамъ мировыхъ и городскихъ судей, вездѣ довольно значительна. Ея хватило-бы и на покупку домовъ для уѣзднаго съѣзда, съ камерами для городскихъ судей и арестантскими помѣщеніями. Пока этого нѣтъ, наказаніе арестомъ по приговорамъ волостныхъ судовъ, хотя-бы и утвержденныхъ съѣздомъ, какъ-бы ни былъ озабоченъ исполненіемъ уѣздный членъ суда, стоитъ на практикѣ въ зависимости отъ волостныхъ старшинъ и сходовъ.

При опредѣленіи мѣры наказаній волостной судъ не опирается на законныя пружины, сокращающія до минимума и раздвигающія до максимума предѣльные сроки извѣстнаго рода наказанія (134, 135 ст. улож. о наказ. 10—14 ст. уст. о наказ.); у него есть данная только одному ему 33 ст. врем. прав. о вол. судѣ. Въ силу ея за буйство въ уѣздѣ по 38 ст. уст. о наказ. арестъ не ограниченъ семидневнымъ срокомъ, въ ней указаннымъ, а можетъ быть продленъ до 15 дней. При обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, ст. 34 врем. прав. даетъ право постановить какое угодно наказаніе въ мѣрѣ предоставленной суду власти и замѣнить арестъ не только денежнымъ взысканіемъ, но и выговоромъ. Бываетъ поэтому, что похититель, совершившій кражу въ деревнѣ при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, наказывается одними сутками ареста или рублемъ штрафа, а укрыватель, сбывшій переданное ему похищенное на толкучкѣ города, отвѣчаетъ по 172 ст. уст. о наказ. у городского судьи тюрьмою не менѣе 3 мѣсяцевъ. Присвоеніе, предусмотрѣнное 177 ст. уст. о наказ. по 17 ст. врем. прав., неподсудно волостному суду, а въ ст. 38 указано между тѣмъ право суда волостнаго увеличить наказаніе за присвоеніе. При совокупности кражи, подсудной волостному суду, съ присвоеніемъ, подсуднымъ земскому начальнику, послѣднее будетъ наказано несравненно строже первой.

Завѣдуя списками о судимости, доставляемыми ежемѣсячно волостными судами, и встрѣчая часто надобность

въ постановленіи съѣздомъ общаго приговора по совокупности приговоровъ разныхъ административно-судебныхъ установленій, уѣздный членъ суда, какъ непремѣнный членъ съѣзда, обязанъ собрать приговоры для постановки правильнаго дополнительнаго приговора и слѣдить за ихъ исполненіемъ въ отдѣльности или совокупности. Между тѣмъ, надзоръ за фактическимъ исполненіемъ возложенъ на земскихъ начальниковъ и исполнительные органы волостной власти, имѣющихъ всегда право или ускорить исполненіе прежде, чѣмъ будетъ постановленъ приговоръ по совокупности, или отсрочить исполненіе по 247 ст. прав. о произв. суд. дѣлъ, а потому можно невольно впасть въ ошибку, ждать увѣдомленій объ исполненіи иногда годами и терпѣть при этомъ незаслуженно нареканія отъ потерпѣвшихъ. Таковы, напримѣръ, приговоры по 68 ст. уст. о наказ. о сломкѣ строеній, опасныхъ въ пожарномъ отношеніи, приводимые въ исполненіе съ отсрочками, поблажками и вопросами о затрудненіяхъ, встрѣчающихся будто бы при исполненіи.

Вообще отдѣлъ врем. прав. о наказаніяхъ оказывается настолько неразработаннымъ, что, кромѣ затрудненій для суда патріархальнаго, вызываетъ и несоотвѣтствія съ тяжестью проступковъ.

XIV.

Весьма трудна дѣятельность уѣзднаго члена окружнаго суда по изготовленію рѣшеній уѣзднаго съѣзда въ окончательной формѣ и выдачѣ съ нихъ сторонамъ копій для обжалованія. Уѣздные съѣзды по дѣламъ судебнымъ имѣютъ періодическія засѣданія (какъ сессіи окружныхъ судовъ), длящіяся нѣсколько дней подъ рядъ и разсматривающія въ одномъ составѣ 25 и болѣе дѣлъ въ одно засѣданіе. Стороны, собравшіяся въ съѣздъ съ разныхъ концовъ уѣзда и заинтересованныя въ скорѣйшемъ полученіи копіи съ рѣшенія въ окончательной формѣ для его обжалованія, зая-

вляютъ о томъ тотчасъ по объявленіи резолюціи. Такъ какъ всѣ наличныя силы, проведя съѣздъ, отбываютъ къ своимъ камерамъ и въ свои участки, то изготовленіе рѣшеній и выдача копій падаетъ на одного уѣзднаго члена суда, какъ непремѣннаго члена съѣзда. Приходится ему заразъ въ теченіе трехъ дней (93, 117 и 233 ст. прав. о пр. суд. дѣлъ) приготовить массу рѣшеній. Срокъ для этого будетъ еще менѣе, если задаться мыслью избавить пріѣхавшихъ издалека крестьянъ отъ дорогого проживанія въ городѣ и дать имъ возможность обратиться для составленія кассаціонныхъ жалобъ къ профессіональнымъ адвокатамъ, которыхъ дома взять негдѣ. Ни кассаціоннаго залога, ни судебной пошлины по дѣламъ волостныхъ судовъ не установлено; копія получается даромъ. Ее просятъ чуть не всѣ (иногда на цигарки). Нарушить краткій срокъ закона нельзя, а приготовить въ три дня массу рѣшеній, написать копіи, завѣрить и выдать, если и возможно, то съ необычайною спѣшностью, слабою мотивировкою и невольными, при ограниченности силъ, погрѣшностями, вина въ которыхъ затѣмъ падаетъ на весь составъ, подписывающій рѣшенія. Я не знаю, какъ успѣваетъ справиться съ такимъ непосильнымъ трудомъ большинство уѣздныхъ членовъ суда, но приходилось переносить на опытѣ работу нервную, быструю, спѣшную, часто ночную, безъ справки съ законоположеніями и ихъ сопоставленія, то на письменныхъ черняхахъ, то прямо набѣло подъ диктовку на ремингтонѣ и все-таки упрашивать нѣкоторыхъ крестьянъ не ждать копіи, а уѣхать домой и получить ихъ дома отъ волостныхъ правленій, убѣждая, что срокъ для подачи жалобы не будетъ пропущенъ, хотя по уголовнымъ дѣламъ онъ составляетъ только двѣ недѣли, а неисправность правленій, неаккуратность земской почты и разсыльныхъ при правленіяхъ всѣмъ извѣстна. Крестьянинъ проникся необходимостью имѣть у себя копію для представленія ея при своей кассаціонной жалобѣ, которую впрочемъ безъ копіи рѣшенія никто и не напишетъ. Между тѣмъ, трудъ составленія рѣшенія усиливается и тѣмъ, что составъ съѣзда никогда не даетъ уѣздному члену суда

не только всесторонних, но часто и вызываемыхъ обстоятельствами дѣла главныхъ соображеній утвержденія, измѣненія или отмѣны рѣшенія первой инстанціи, а въ большинствѣ случаевъ состоявшаяся резолюція подписывается по внутреннему убѣжденію, основанному на такихъ данныхъ, которыя, коренясь въ личномъ усмотрѣніи, не имѣютъ опоры въ законѣ. Кромѣ того, всѣ эти копіи, и выданныя на руки, и посланныя почтою въ волостныя правленія, завѣренныя уже въ подлинности уѣзднымъ членомъ суда, являются на самомъ дѣлѣ не копіями рѣшеній, такъ какъ разъѣхавшійся съѣздъ можетъ подписать ихъ только при новомъ посѣщеніи съѣзда, а копіями съ проектовъ рѣшеній, подписанныхъ однимъ уѣзднымъ членомъ суда, незаручившимся согласіемъ товарищей. Почти постоянно на такой проектъ бываетъ подана уже и кассаціонная жалоба, ее необходимо представить по закону на третій же день вмѣстѣ съ рѣшеніемъ и дѣломъ въ губернское присутствіе—а подписей подъ рѣшеніемъ нѣтъ. Членъ суда ставится въ невозможное положеніе собрать въ три дня хотя бы одну или двѣ подписи, дѣлающія проектъ рѣшеніемъ. Земскій начальникъ, прочитавъ его, можетъ сказать (бывало и это), что онъ несогласенъ съ мотивами и что его соображенія, единственно пригодныя къ данному дѣлу, по винѣ члена суда не помѣщены. Между тѣмъ копія уже выдана. Излагать мотивы рѣшеній въ публичномъ засѣданіи, при самомъ составленіи резолюціи, также невозможно, такъ какъ при массѣ слушающихся дѣлъ не хватитъ на это времени и явится такая медленность, терпѣть которую не станутъ ни присутствующіе, ни стороны, ни священникъ, приглашенный для привода свидѣтелей къ присягѣ. И какъ бы ни было осмотрительно изложеніе мотивовъ въ это время, недостатковъ и ошибокъ будетъ болѣе по самой краткости срока, въ который рѣшеніе должно быть написано.

Двухнедѣльный срокъ достаточенъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, слушающихъ отъ 1 до 6 дѣлъ, гдѣ приговоръ присяжныхъ засѣдателей избавляетъ отъ изложенія обстоятельствъ дѣла, и гдѣ крестьянинъ побываетъ быть можетъ разъ во всю жизнь; въ уѣздныхъ съѣздахъ, разрѣшающихъ всевоз-

можные, мелкіе и постоянные интересы массами—невыполнимъ безъ тяготы для населенія и излишнихъ тратъ времени и средствъ на неоднократные пріѣзды въ города для полученія копій по такимъ маловажнымъ дѣламъ, какія рѣшаются въ первой инстанціи его сословнымъ судомъ. Если же краткость срока обязательна, нельзя ее охранять непосильнымъ трудомъ одного человѣка, обязаннаго и по самымъ мелкимъ дѣламъ составлять мотивированныя рѣшенія, малодоступныя, уже по юридическому слогу, пониманію безграмотнаго крестьянина.

XV.

Пестротою и сбивчивостью отличается порядокъ обжалованія.

По 77 и 93 ст.ст. пол. о зем. нач. на уѣздномъ членѣ окружнаго суда лежитъ принятіе:

1) *частныхъ* жалобъ (ст. 115 прав. о пр. суд. дѣлъ) на:

а) медленность городскихъ судей и земскихъ начальниковъ въ производствѣ судебныхъ дѣлъ;

б) непринятіе искового прошенія, отзыва или апелляціи.

Остальныя жалобы—по обезпеченію иска, понудительному и предварительному исполненію рѣшенія, спорамъ по исполненію и проч.—идутъ черезъ судъ первой инстанціи.

2) *кассаціонныхъ* жалобъ, подаваемыхъ въ губернское присутствіе (130 и 133 ст. правилъ)

и 3) письменныхъ *объясненій* противной стороны (119, 138 ст. прав. и 40 ст. объ устр. суд. ч.).

На основаніи 104—110 и 138 ст.ст. прав. о произв. суд. дѣлъ жалобы:

1) по исполненію рѣшеній съѣзда, если споръ идетъ о толкованіи рѣшенія, подлежатъ вѣдѣнію и разсмотрѣнію постановившаго рѣшеніе съѣзда,

2) всѣ прочія, на неправильное исполненіе и медленность, поступаютъ:

а) къ уѣздному члену суда, если исполненіе производится судебнымъ приставомъ или полиціею въ городѣ по его порученію;

б) къ земскому начальнику—въ уѣздѣ.

Надзоръ за судебными приставами внѣ города, гдѣ находится окружный судъ, состоитъ въ повѣркѣ ихъ книгъ. Въ случаѣ неправильныхъ или противозаконныхъ дѣйствій уѣздный членъ суда доноситъ предсѣдателю окружнаго суда (ст. 38 прав. объ устр. суд. части).

Законъ не говоритъ, можетъ ли уѣздный членъ окружнаго суда своимъ непосредственнымъ распоряженіемъ оставлять жалобы безъ движенія или возвращать за несоблюденіемъ формальныхъ требованій закона, или за пропускомъ срока. Какъ непремѣнный членъ съѣзда, онъ, конечно, вправѣ дѣлать это; но по 73, 77 и 93 ст.ст. пол. о зем. нач., если онъ и не состоитъ, съ одной стороны, ни въ какихъ зависимыхъ и подчиненныхъ отношеніяхъ къ съѣзду, то, съ другой,—не имѣетъ и права особаго безконтрольнаго усмотрѣнія и распоряженія въ сферѣ, предоставленной послѣднему. Такъ какъ всякое распоряженіе и опредѣленіе по оставленію безъ движенія и возвращенію жалобъ и просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній можетъ быть обжаловано, то такія жалобы не могутъ быть разрѣшены ни съѣздомъ, безъ его участія, въ незаконномъ составѣ присутствія (73, 118 и 180 ст.ст. уст. гражд. судопр.), ни окружнымъ судомъ, которому уѣздный членъ окружнаго суда не подчиненъ, какъ непремѣнный членъ съѣзда.

Поэтому понадобились особыя разъясненія:

1) рѣш. общ. собр. 1, 2 и касс. деп. Правит. Сената 1897 г. № 27 и цирк. М. В. Д. и М. Ю. 1893 г. № 45 и 41, которыми разрѣшено уѣздному члену окружнаго суда возвращать представленныя на разсмотрѣніе съѣзда земскими начальниками дѣла для дополнительныхъ свѣдѣній, безъ права рѣшать единолично вопросъ, подлежитъ или не подлежитъ представленное дѣло разсмотрѣнію съѣзда.

2) Цирк. М. В. Д. и М. Ю. 1893 г. № 23 на уѣзднаго члена возложена обязанность возвращенія неподлежащихъ принятію жалобъ на рѣшенія и приговоры съѣздовъ.

3) Указомъ 2 деп. Правит. Сената 4 сентября 1896 г. за № 4352, опред. распоряд. засѣд. общ. собр. 1 и касс. деп.

10 мая 1893 г. и цирк. М. В. Д. и М. Ю. 1893 г. № 41, разъяснено, что жалобы: а) на личныя по службѣ дѣйствія уѣзднаго члена суда, б) по дѣламъ, ему подвѣдомственнымъ, и в) по продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ при уѣздномъ съѣздѣ, оцѣненныхъ ниже 500 рублей, должны быть имъ представляемы въ окружный судъ, а жалобы на его распоряженія по принятію, возвращенію и оставленію безъ движенія кассаціонныхъ отзывовъ и прошеній, приносимыхъ въ губернское присутствіе на неокончательныя рѣшенія и приговоры уѣздныхъ съѣздовъ, должны быть направляемы въ губернское присутствіе.

4) Возвращеніе дѣлъ, подлежащихъ представленію земскими начальниками лишь съ заключеніемъ о явномъ неправосудіи, но направляемыхъ безъ этого заключенія, дѣлается не по личному распоряженію уѣзднаго члена суда, а по распорядительному постановленію съѣзда.

5) Частныя жалобы на постановленія земскаго начальника о признаніи правосуднымъ рѣшенія, по смыслу 115 ст. прав. о произв. суд. дѣлъ, могутъ быть возвращены и уѣзднымъ членомъ суда, какъ подлежащія разсмотрѣнію губернскаго присутствія въ порядкѣ надзора.

6) Жалобы на отказъ въ возстановленіи срока на подачу жалобъ, пропущеннаго по тѣмъ или инымъ уважительнымъ причинамъ (прилож. къ ст. 17, 113, 220 прав. о произв. суд. дѣлъ, 824 и 825 статей уст. гражд. суд., 147, 966 статей уст. угол. суд., рѣш. Угол. Касс. Деп. 1870 г. № 583, 1871 г. № 1739, № 1712, 1875 г. № 545), уѣздный членъ суда передаетъ въ распорядительное засѣданіе.

При коренныхъ нарушеніяхъ закона по 32 ст. врем. прав. о вол. судѣ отмѣна всякаго рѣшенія волостнаго суда сопровождается передачею дѣла на разсмотрѣніе другого волостнаго суда, а по остальнымъ рѣшеніямъ 137 ст. прав. о произв. суд. дѣлъ даетъ съѣзду и губернскому присутствію право съ отмѣною рѣшенія обратить дѣло для новаго разсмотрѣнія и рѣшенія къ тому же земскому начальнику, городскому судьѣ или уѣздному съѣзду. Почему узаконена такая разница—неизвѣстно. Между тѣмъ, передача тому же

суду всегда стѣсняетъ убѣжденіе судьи, постановившаго отмѣненное рѣшеніе.

Положеніе уѣзднаго члена суда въ случаяхъ передачи дѣла на новое разсмотрѣніе того же съѣзда всегда неудобно, такъ какъ большинство кассаціонныхъ отмѣнъ въ губернскомъ присутствіи, особенно по дѣламъ волостныхъ судовъ, основывается, фактически, на существѣ дѣла—а не участвовать въ новомъ рѣшеніи уѣздный членъ не можетъ по рѣшенію Общ. Собранія 1 и Кассац. Департ. Правительствующаго Сената 2 октября 1900 г.

XVI.

Бросимъ на все изложенное взглядъ общій:

Въ глубинѣ временъ, въ славянскихъ древностяхъ, таятся корни патріархальнаго народнаго быта. Его первобытную цѣльность насиловали издревле княжескія междоусобія, монгольское иго, Литва, нашествія иноземцевъ. Народъ оберегалъ отъ погромовъ свои неистощимыя силы, религію, обычаи и возстановлялъ свои разрушенные дворы съ удивительною настойчивостью. Обремененный и нынѣ податями, оскудѣлый, безграмотный, все еще несобственникъ своего двора и земли, онъ съ покорностью выбиваетъ изъ нея тяжелый податной рубль. Но на великой территоріи Имперіи раскинулась широко масса инородческихъ племенъ разнообразной культуры, различныхъ правовыхъ воззрѣній. Нельзя слить ихъ въ одно цѣлое объединяющимъ словомъ закона безъ коренной ломки языка, нравовъ, религіозныхъ воззрѣній и правовыхъ обычаевъ. Желаніе дать „одинъ гласный судъ, равный для всѣхъ отъ низшаго до высшаго“ осталось только желаніемъ, такъ какъ главная, коренная масса населенія подъ давленіемъ идей крѣпостничества и административной охраны донынѣ признается несовершеннолѣтней и чрезъ своихъ опекуновъ и попечителей—мировыхъ посредниковъ, непремѣнныхъ членовъ, крестьянскихъ присутствій и земскихъ начальниковъ—имѣетъ лишь право вѣдаться съ своими нуждами, правами и спора-

ми въ низшихъ сословныхъ судахъ, по обычаямъ и по велѣніямъ административно-судебнаго произвола. Положеніе 19 февраля 1861 года оставило гражданскую правовую жизнь крестьянъ разныхъ наименованій при скудныхъ нормахъ стараго закона; неувѣренность въ незыблемости правъ собственности и свободы распорядиться имуществомъ отразилась на экономической жизни крестьянства. Упадокъ ея засвидѣтельствованъ министромъ финансовъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ за 1899 годъ, комитетами о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности и представителями земства въ коммисіи объ оскудѣніи центра. Коммисія по составленію гражданскаго уложенія не нашла возможнымъ объединеннымъ сводомъ народныхъ обычаевъ создать изъ нихъ такія гражданскія нормы, которыя сближали бы крестьянъ съ другими сословіями и освободили бы ихъ отъ охраны фискальной и полицейской. Капитальные вопросы объ общинѣ, собственности, семейныхъ раздѣлахъ, неотчуждаемости надѣловъ не освобождены донынѣ отъ воздѣйствія нормъ публичнаго права. Обычное право еще не тронуто рукой юриста. Тлѣющія въ народномъ сознаніи искры этого права находятся подъ давленіемъ насильственной опеки и не могутъ дать пламени, которое бы согрѣло творческимъ огнемъ кодификаціи слабыя попытки интеллигенціи перешагнуть пропасть, отдѣляющую ее отъ народа. Пропасть эта засорена какъ мусоромъ, и явнымъ неправосудіемъ волостныхъ судовъ, и случайнымъ, произвольнымъ вмѣшательствомъ земскихъ начальниковъ, возведенныхъ въ попечители о благѣ народномъ. Государственная задача суда — огражденіе права словомъ одного, независимаго ни отъ чьего усмотрѣнія закона, во имя попеченія о народномъ „благѣ“ — мнится утопическою, гуманныя начала судебныхъ уставовъ — вредными. Закономъ 12 іюля 1889 года введена административно-судебная власть, вопреки прогрессивному ходу законодательства, вѣковому опыту другихъ народовъ и наукѣ. Профессора Даневскій, Фойницкій, Случевскій, Энгельманъ, Духовской, Свѣшниковъ, Кузьминъ-Караваевъ и другіе считаютъ эти суды худшими, чѣмъ дореформенные, расшатывающими всякое понятіе о правѣ и

собственности, роняющими нравственность въ темномъ царствѣ деревни. Административные виды изгнали изъ судовъ надобность въ юридическомъ образованіи. Неисполненіе закона покрыто престижемъ власти, развитіе права сковано усмотрѣніемъ ея органовъ. Деревня остается безправною. Произволъ царитъ въ семьѣ, общинѣ, личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ. При немъ не можетъ быть ни дисциплины, ни чувства законности, ни просвѣщенія. „Ты все можешь", говоритъ донынѣ крестьянинъ этому произволу. „Я тебя упеку", вторитъ онъ. Поклонъ, угощеніе и рубль какъ нельзя болѣе идутъ къ убожеству старостъ и старшинъ, отъ которыхъ зависитъ и обнаруженіе виновныхъ, и приведеніе въ исполненіе судебныхъ рѣшеній. „Міръ" узакоянетъ произвольный раздѣлъ, скидку и накидку тяглъ, полное раззореніе крестьянина, идущаго въ кабалу къ кулаку, вершающему дѣла міра. Отсутствіе закона и дремучій лѣсъ сталкивающихся разъясненій сенатскихъ, министерскихъ и губернаторскихъ мѣшаютъ выйти на свободный путь личности. Дѣла рѣшаются то по Горемыкину, то по Савичу, то по разнымъ инымъ сборникамъ, то безъ всякой справки съ ними, будто бы по голосу совѣсти. Жалоба считается ябедою, кляузничествомъ или даже оскорбленіемъ власти. Въ этомъ темномъ для всѣхъ лѣсу центральной фигурой является предсѣдатель уѣзднаго съѣзда—уѣздный предводитель дворянства, иногда старый крѣпостникъ, обойденный платною службою и сохранившій только воспоминанія о добромъ старомъ времени, когда проѣдались выкупныя ссуды, а мужикъ не смѣлъ пикнуть слова о своемъ безправіи. Работать онъ не привыкъ съ дѣтства, да работѣ мѣшаетъ и обаяніе власти. Участіе въ судѣ съ разборомъ мелочныхъ злобъ деревни—для него непосильное тягло. Оно взвалено на плечи настоящей рабочей силы—уѣзднаго члена окружнаго суда. Какъ непремѣнный членъ съѣзда, обязанный примирять несоединимыя требованія административной опеки съ скудными, устарѣлыми, разнорѣчивыми нормами умирающаго правопорядка и нестройнымъ хоромъ голосовъ пестраго состава съѣзда, эта рабочая сила можетъ считаться только клячею, которая обречена протащить непомѣрно-тяжелый крестьянскій возъ

изъ неприступнаго болота, дремучимъ лѣсомъ, къ рубежу гражданской свободы и, подхлестываемая кнутами высшихъ судебныхъ присутствій и циркулярныхъ требованій, отвѣчаетъ за всѣ свои спотыканія о мусоръ, пни и валежникъ. Нужно много силъ, знаній, ума, такта и выносливости, чтобы обойти эти препятствія, не возбуждая нареканій на неуживчивость. Исторія минувшаго пятнадцатилѣтія, извѣстная только министерству внутреннихъ дѣлъ по конфидиціальнымъ донесеніямъ и дознаніямъ, богата разнообразными, иногда комичными посягательствами уѣзднаго предводителя и его присныхъ на всякую попытку уѣзднаго члена суда соблюсти въ чистотѣ и свободѣ даже свое рабочее положеніе. Грубыя ошибки земскихъ начальниковъ противъ элементарныхъ процессуальныхъ правилъ, смѣшеніе понятій подозрѣнія и обвиненія, соединеніе въ одно разнородныхъ дѣлъ, массовые аресты, личные приказы сходамъ исполнить прихотливыя требованія съ угрозою предварительнаго заключенія, тыканье и издѣвательство въ судѣ, судъ не въ указанное время съ простоями толпы на морозѣ въ ожиданіи разбора, отрицаніе надобности въ ссылкахъ на судебные уставы и сенатскія рѣшенія—все это открывало свободное поле для всевозможныхъ столкновеній съ слабою, единоличною, никѣмъ неподдерживаемою попыткою уѣзднаго члена охранить правду. Все лучшее, созданное въ этой охранѣ его кропотливою работою, уѣздный предводитель приписывалъ себѣ въ томъ высшемъ обществѣ, гдѣ онъ свободно вращается и гдѣ не можетъ бывать уѣздный членъ суда ни по средствамъ, ни по положенію,—а всякій промахъ и непорядокъ брезгливо ставился на его счетъ и вызывалъ требованіе объясненій передъ Министерствомъ Юстиціи, до котораго только и доходятъ отклики верхнихъ нотъ губерніи, а не народное мнѣніе. Подъ вліяніемъ такого modus vivendi всякая судейская опытность и весь богатый запасъ юридическихъ знаній отодвигались въ сторону подъ давленіемъ одного требованія—„ладить съ предводителемъ“, какъ-бы грубъ и невѣжественъ онъ ни былъ; всякій судебный инцидентъ превращался изъ мухи въ слона, подтвер-

ждая неспособность уѣзднаго члена. На уѣздныхъ членахъ оправдалось вполнѣ народное правило: „со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не суйся“, а сдѣлать этотъ монастырь своимъ, когда онъ находится въ вѣдѣніи другого министерства, уѣздному члену суда возможно только при сочувствующемъ ему и дружномъ личномъ составѣ. Достаточно иногда одного столкновенія, чтобы уѣздный членъ суда спасовалъ передъ натискомъ въ неравной борьбѣ и умылъ руки навсегда, оберегая свое положеніе отъ повторенія удара. Единомышленники уѣзднаго члена—городскіе судьи—стоятъ еще ниже его въ судебной іерархіи и поддержать его не могутъ; губернаторъ съ предводителемъ привыкли быть у одного стола; предсѣдатель окружнаго суда не имѣетъ возможности знать все, что дѣлается въ уѣздныхъ съѣздахъ; губернское присутствіе, состоящее въ большинствѣ изъ лицъ административнаго вѣдомства, подчиненныхъ губернатору, прислушивается къ мнѣнію послѣдняго, основанному на келейныхъ докладахъ его чиновниковъ, и незнакомо со всею работою уѣзднаго члена суда. Воплощая массу своей работы въ краткія опредѣленія („не находя поводовъ къ отмѣнѣ рѣшенія“, оставить въ силѣ рѣшенія съѣзда, или наоборотъ—„съѣздъ не вошелъ въ подробное разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла“, а потому отмѣнить), оно можетъ остановиться на какомъ-либо промахѣ уѣзднаго члена суда и выпукло подчеркнуть его работу, какъ тормазъ къ лучшему отправленію правосудія. Какія-бы послѣдствія ни вызвало затребованное отъ уѣзднаго члена суда объясненіе, горько будетъ сознаніе, что законъ предоставилъ первенство на съѣздѣ администратору, не обладающему ни знаніями, ни опытомъ, ни юридическимъ образованіемъ, часто нигдѣ не окончившему курса, избираемому на три года и уже потому не могущему установить единообразную практику.

Въ трудной и отвѣтственной работѣ уѣздный членъ суда не имѣетъ помощи и у земскихъ начальниковъ. На нихъ возложена огромная административная забота по продовольствію, надзору за податными сборами, сельскими сходами, должностными лицами волостнаго и сельскаго управленія,

опеками и проч. Масса этого труда, при увѣренности, что на стражѣ интересовъ судебныхъ стоитъ уѣздный членъ, исключаетъ надобность въ отзывчивости къ участію въ разрѣшеніи спорныхъ судебныхъ вопросовъ. Отсутствіе юридическаго образованія, крайне ограниченная подсудность, посѣщеніе съѣзда не каждый разъ, а по очереди, полное незнакомство съ движеніемъ дѣлъ съѣзда еще болѣе умаляютъ интересъ къ разрѣшенію судебныхъ недоумѣній. Въ разныхъ очередяхъ съѣзда могутъ быть вырабатываемы разныя положенія, а общаго собранія не полагается и по закону. Уѣздному члену суда приходится прислушиваться къ различнымъ и часто непримиримымъ взглядамъ, но трудно ихъ брать въ основу для какого-либо правильнаго вывода. Примѣромъ могутъ служить споры о преслѣдованіи за самовольные семейные раздѣлы.

Городскіе судьи—тоже не помощники уѣздному члену. Призванные къ участію въ судебныхъ засѣданіяхъ съѣзда, они надолго отвлекаются отъ своихъ камеръ, въ ущербъ правильнаго хода ихъ работы. Правосудіе въ городѣ пріостанавливается, публика ищетъ судью въ зданіи съѣзда, съ просьбами, вопросами, обезпеченіями исковъ; ждутъ и арестанты, подвергнутые приводу. Знакомый съ крестьянскими законоположеніями лишь по наслышкѣ, городской судья рѣдко не соглашается съ уѣзднымъ членомъ суда въ томъ или иномъ разрѣшеніи вопросовъ, возбужденныхъ производствомъ дѣлъ въ волостныхъ судахъ, зная, что они встрѣчаются у члена суда ежедневно и практика имъ выработана. Поэтому участіе городского судьи полезно лишь въ томъ отношеніи, что даетъ лишній голосъ для отмѣны рѣшеній, основанныхъ на административномъ произволѣ. Но эта польза мала и несущественна, тѣмъ болѣе, что не во всѣхъ городахъ и съѣздахъ есть городскіе судьи; уѣздному члену суда въ съѣздѣ, состоящемъ только изъ земскихъ начальниковъ, часто остается только быть при особомъ мнѣніи, а когда съѣздъ разойдется—составлять рѣшеніе въ окончательной формѣ по большинству административныхъ голосовъ, возстановляя въ памяти сводъ такихъ мотивовъ, которые не могутъ быть и помѣщены въ судебномъ рѣшеніи, какъ противорѣчащіе закону. Такія рѣ-

шенія часты. Они вызываютъ улыбку въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, ставятся на счетъ негодности административно-судебныхъ учрежденій и кладутъ клеймо на слабость уѣзднаго члена суда. Волостные суды подчинены всецѣло административной власти земскаго начальника и слушаются однихъ его велѣній. Если бы уѣздному члену окружнаго суда и удалось помѣстить въ рѣшеніи съѣзда, для руководства волостного суда, свои соображенія, основанныя на началахъ судебныхъ уставовъ и на указаніяхъ сенатскихъ разъясненій, судъ слушать ихъ не будетъ, пока земскій начальникъ не пойдетъ въ руку съ уѣзднымъ членомъ и неприкажетъ суду обратить особое вниманіе на нравящееся и ему рѣшеніе.

Одинокая, тяжелая, отвѣтственная и стѣсненная со всѣхъ сторонъ работа уѣзднаго члена окружнаго суда, призваннаго быть охраною закона, несомнѣнно приноситъ населенію ту пользу, что въ назрѣвшемъ вопросѣ о лучшемъ устройствѣ близкаго къ населенію суда помогаетъ выбрать мелкій щебень и мусоръ изъ развалившагося зданія и обнажить крупные камни, необходимые для новой кладки по современнымъ требованіямъ закона, быта и строительныхъ правилъ.

Въ этомъ новомъ будущемъ зданіи земскіе начальники, какъ опекуны народа, будутъ излишни, такъ какъ на стражѣ интересовъ послѣдняго встанетъ законъ.

К. Скворцовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Э. Ламберъ. *Очерки общаго законовѣдѣнія или сравнительнаго гражданскаго права.*

(*Études de droit commun législatif ou de droit civil comparé. Première série. Le régime successorial. Introduction. La fonction du droit civil comparé par Édouard Lambert. Paris. 1903.— XXIV+927*).

Сравнительное правовѣдѣніе, не смотря на недостаточную опредѣленность его предмета и цѣли, привлекаетъ къ себѣ все болѣе и болѣе вниманіе ученыхъ. Извѣстный профессоръ Ліонскаго университета, Э. Ламберъ, бывшій докладчикъ конгресса по сравнительному правовѣдѣнію въ 1900 г. въ Парижѣ, предпринялъ обширный трудъ для подробнаго выясненія существа и задачи этой нарождающейся отрасли знанія. Въ небольшомъ предисловіи онъ развиваетъ свои предположенія (стр. 1—5), а въ обширномъ введеніи онъ стремится всецѣло исчерпать вопросъ о сущности и методѣ сравненія въ правѣ. Постараемся сначала ознакомить читателя съ содержаніемъ этого весьма выдающагося труда, а затѣмъ выскажемъ нѣсколько критическихъ замѣчаній.

Авторъ предпринимаетъ изданіе двойной группы работъ, различныхъ по формѣ, но вызванныхъ одною общею мыслію, а именно: 1) изслѣдованія общаго законовѣдѣнія или сравнительнаго гражданскаго права и 2) изслѣдованія по сравнительной исторіи гражданскаго права Франціи и сосѣднихъ странъ. Въ первомъ рядѣ работъ онъ думаетъ извлечь изъ главнѣйшихъ законодательствъ, дѣйствующихъ въ странахъ, близкихъ по степени образованности къ Франціи, общую основу представленій и юридическихъ началъ, пред-

назначенную произвести на каждое изъ этихъ законодательствъ вліяніе, сходное съ тѣмъ, какое произвело на старые французскіе кутюмы „общее обычное право“, или на отдѣльныя нѣмецкія права передъ кодификаціей 1896 г. наука нѣмецкаго гражданскаго права. Сначала авторъ издаетъ право наслѣдственное, такъ какъ, по общепризнанному мнѣнію, въ немъ наименѣе общихъ началъ и наиболѣе національныхъ. Если г-ну Ламберу удастся доказать возможность и полезность установленія общихъ началъ въ правѣ наслѣдственномъ, тогда существованіе общаго права въ глазахъ скептиковъ будетъ доказано.

Вторая группа изслѣдованій будетъ находиться въ строгой зависимости отъ первой. Авторъ будетъ останавливаться только на тѣхъ правахъ, которыя подверглись разсмотрѣнію въ первой группѣ, гдѣ они будутъ изображены со стороны ихъ функцій и ихъ дѣйствительныхъ результатовъ. Вторая группа должна освѣтить ихъ со стороны ихъ происхожденія и послѣдовательныхъ измѣненій, съ цѣлью опредѣлить, происходятъ-ли различія въ этихъ современныхъ правахъ отъ причинъ случайныхъ или отъ глубокихъ и продолжительныхъ. Авторъ вначалѣ предполагалъ слить оба ряда изслѣдованій въ одно общее цѣлое, но потомъ замѣтилъ, что это сдѣлало-бы его трудъ черезчуръ большимъ и разнообразнымъ по содержанію. Тѣсная связь обѣихъ группъ изслѣдованій проявится также и въ томъ, что въ исторической части авторъ въ особенности и почти исключительно коснется тѣхъ учрежденій, которыя сохранились до сего дня и которыя, какъ таковыя, будутъ разсмотрѣны въ догматической части.

Высказавъ въ предисловіи свои предположенія (стр. 1—5), авторъ переходитъ къ чрезвычайно старательному разбору мнѣній о задачахъ сравнительнаго гражданскаго права, которыхъ насчитываетъ пять: три одностороннихъ и два все болѣе и болѣе приближающихся къ истинѣ.

Первое мнѣніе видитъ цѣль сравненія гражданскихъ правъ въ облегченіи жителямъ даннаго государства пріобрѣсти знаніе правъ другихъ народовъ. Такое мнѣніе чрезвычайно распространено; оно и вызвало появленіе многихъ журналовъ и многихъ обществъ сравнительнаго правовѣдѣнія, съ возникновеніемъ и дѣятельностью которыхъ авторъ нашъ обстоятельно знакомитъ читателя. При всей пользѣ и важности вызванныхъ этимъ движеніемъ изданій, часто сводящихся къ переводу важнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ, необходимо замѣтить, что переводы эти иногда очень

несовершенны, что законъ не есть еще право, какъ оно проявляется въ жизни, и что обыкновенно здѣсь ограничиваются однимъ сопоставленіемъ законовъ (стр. 8—15).

Второе мнѣніе, въ послѣдніе годы особенно распространенное во Франціи, желаетъ при помощи сравненія оживить изученіе французскаго гражданскаго права; слѣдовательно, сравненіе здѣсь является средствомъ юридическаго образованія. Съ этою цѣлью появились въ программахъ французскихъ университетовъ „необязательные курсы гражданскаго права, углубленнаго и сравнительнаго“ (cours facultatifs de droit civil approfondi et comparé). Для того, чтобы выяснить это движеніе, нашъ писатель, отличающійся стремленіемъ къ возможной основательности и полнотѣ, излагаетъ исторію всего французскаго правовѣдѣнія съ 1804 г.; онъ обвиняетъ французскихъ юристовъ, дѣлающихъ только выводы изъ кодекса и нисколько не считающихся съ постоянными измѣненіями экономическихъ условій, въ чрезвычайной узости взглядовъ и косности. Комментаторы Cod'а даютъ намъ картины юридическаго быта Франціи, не соотвѣтствующія дѣйствительности, такъ какъ судебная практика и нотаріусы волей неволей, подъ давленіемъ жизни, измѣняютъ дѣйствующіе французскіе законы посредствомъ софистическихъ объясненій. Одною изъ реакцій противъ трудовъ комментаторовъ, исключительно придерживающихся буквы закона, и было учрежденіе упомянутыхъ курсовъ, почти неизвѣстныхъ за предѣлами Франціи, происхожденіе, дѣятельность и малую состоятельность которыхъ нашъ авторъ излагаетъ весьма подробно. Попутно онъ отмѣчаетъ также все болѣе и болѣе проявляющееся стремленіе французскихъ юристовъ перейти отъ комментированія законовъ къ критикѣ судебныхъ рѣшеній, дабы представить систему права, дѣйствительно управляющаго жизнью современнаго французскаго общества. Отъ Франціи г. Ламберъ обращается къ другимъ странамъ (латинскимъ, а также къ Германіи и Англіи), гдѣ выясняетъ, какъ сходныя съ Франціей явленія, способствующія происхожденію юристовъ, строго придерживающихся буквы закона или судебной практики (Англія), такъ и явленія, въ которыхъ видно желаніе оживить туземное право сравненіемъ. Такія попытки, однако, повсюду являются недостаточными, ибо воздѣйствіе экономическихъ и историческихъ наукъ оказывается еще слабымъ, и само сравненіе чрезвычайно затруднено несовершенною обработкою національныхъ правъ, обыкновенно дающихъ системы права законодательнаго, а не права, какъ оно представляется въ жизни (стр. 15—103).

Третье мнѣніе признаетъ сравнительное гражданское право однимъ изъ элементовъ законодательной политики или политики юридической. Такъ какъ здѣсь особенно подчеркивается значеніе законодателя, то нашъ авторъ прежде всего останавливается на его роли и усматриваетъ ее въ двухъ проявленіяхъ: въ элементѣ техническомъ или юридическомъ, гдѣ законодатель только считаетъ себя способнымъ формулировать право, уже до него существовавшее, и въ элементѣ политическомъ, гдѣ законодатель пытается установить новое право или въ замѣнъ стараго обычая или для рѣшенія дотолѣ не разрѣшенныхъ вопросовъ. Какъ извѣстно, г. Ламберъ при установленіи юридическихъ правилъ даетъ видное мѣсто подлѣ законодателя судебной практикѣ, наукѣ права и составителямъ юридическихъ сдѣлокъ; поэтому онъ считаетъ названіе „юридическая политика“ наиболѣе правильнымъ. Дабы еще точнѣе опредѣлить задачу юридической политики при образованіи и измѣненіи юридическихъ правилъ, онъ полагаетъ необходимымъ подвергнуть исчерпывающей критикѣ общепризнанное понятіе объ обычаѣ, какъ о безсознательной, инстинктивной формѣ проявленія права, свойственной первобытнымъ ступенямъ развитія права и теперь чрезвычайно ослабленной, если не совершенно устраненной посредствомъ законодательства, какъ формы сознательной, разумной и подчиненной волѣ человѣка (стр. 103—111). Такъ возникло цѣлое изслѣдованіе, составляющее замкнутую и весьма обширную часть труда, написанную съ рѣдкимъ знаніемъ источниковъ и литературы по этому предмету.

Современное опредѣленіе обычая создано постглоссаторами, канонистами и легистами изъ права каноническаго, озабоченнаго укрѣпленіемъ авторитета и обезпеченіемъ единства организаціи и дисциплины въ лонѣ церкви, и изъ сборниковъ Юстиніана, изданныхъ въ періодъ слѣпой вѣры во всемогущество законодателя. Авторъ, придерживаясь сочиненій г. г. Бри [1]) и Жени [2]), изображаетъ судьбу этого понятія и подвергаетъ строгой критикѣ, какъ внѣшній или матеріальный элементъ его (продолжительное примѣненіе), такъ и элементъ внутренній или психологическій (сознаніе необходимости), и притомъ съ отрицательнымъ результатомъ

---

[1]) Siegfried Brie. Die Lehre vom Gewohnheitsrecht: eine historische, dogmatische Untersuchung; 1-er Th. Geschichtliche Grundlegung (bis zum Ausgang des Mittelalters). Breslau. 1899.

[2]) M. Geny. Méthode d'interprétation et sources en droit privé positif. 1899.

(стр. 111—174). Разсмотрѣвъ происхожденіе и измѣненія современнаго понятія объ обычаѣ, Ламберъ приступаетъ къ провѣркѣ этого понятія явленіями дѣйствительной жизни. Англо-американское общество, какъ почти исключительно пребывающее подъ дѣйствіемъ обычнаго права, указываетъ нашему автору, что при возникновеніи отдѣльныхъ обычаевъ въ древности имѣло нѣкоторое значеніе римское, каноническое и лонгобардское право, а не народныя убѣжденія, и что установленіе ихъ происходило посредствомъ суда, а не вслѣдствіе сознанія необходимости этихъ обычаевъ въ народныхъ массахъ (стр. 174—208).

Не менѣе поучительной въ отрицательномъ смыслѣ является провѣрка при помощи результатовъ сравнительной исторіи права. Здѣсь авторъ останавливается на трехъ видныхъ представителяхъ этой науки, на Семнерѣ—Мэнѣ, Германѣ Постѣ и Колерѣ. По общему убѣжденію этихъ писателей, на первоначальной ступени человѣчества существовало одно чувство правды и справедливости (Rechtsgefühl), безъ всякаго своего проявленія въ опредѣленныхъ началахъ; затѣмъ, вслѣдствіе возникновенія споровъ между людьми, оно начало выражаться въ отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеніяхъ, изъ которыхъ постепенно и слагались юридическія правила. „Чувство правды и справедливости проявлялось тогда подобно тому, какъ теперь существованіе международнаго права. Каждый индивидъ выражалъ сознаніе своего права, осуществляя его своею личною иниціативою, заставляя его уважать воздѣйствіемъ силы, наказывая за его нарушеніе частною местію“. Само судебное рѣшеніе представлялось не какъ примѣненіе правила, котораго еще не существовало, а какъ постановленіе судьи, вдохновленнаго свыше въ моментъ произнесенія приговора. Конечно, и произволъ могъ здѣсь играть нѣкоторую роль, хотя судья долженъ былъ подчиняться многообразнымъ силамъ окружающей среды. Сходные приговоры должны были часто повторяться вслѣдствіе несложности интересовъ тогдашняго общества и запоминаться стариками, если имъ они казались справедливыми. Постепенно возникала необходимость для судьи рѣшать дѣла, сообразуясь съ прежними рѣшеніями, и этотъ періодъ продолжался весьма долго. Въ теченіи его содержаніе сходныхъ судебныхъ рѣшеній превращалось въ юридическія пословицы, которыя и являлись естественною ступенью при образованіи юридическихъ правилъ. Проф. Колеръ при изученіи значенія обычнаго права въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ указываетъ, между прочимъ, и на то, что значеніе обычая и судебной

практики не ослабляется и послѣ появленія законодательныхъ сборниковъ. Наконецъ, исторія права въ Греціи, у Кельтовъ и въ Индіи доказываетъ не только большую важность судебныхъ рѣшеній при образованіи юридическихъ началъ, но и ихъ первоначальный религіозный характеръ (стр. 208—231).

Только что изложенныя обобщенія изъ трудовъ важнѣйшихъ писателей по сравнительной исторіи права о возникновеніи юридическихъ нормъ всецѣло совпадаютъ съ убѣжденіями нашего автора о томъ же предметѣ. Поэтому онъ стремится подтвердить ихъ тѣми правами, которыя не входили въ разсмотрѣніе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ историковъ-юристовъ. Прежде всего онъ обращается къ еврейскому праву, чрезвычайно важному, ибо сохранившему весьма обстоятельныя свѣдѣнія изъ очень отдаленныхъ временъ. При Моисеѣ не было и представленія объ обычномъ правѣ, а только объ отдѣльныхъ рѣшеніяхъ, исходящихъ отъ главы народа вслѣдствіе его сношеній съ Божествомъ. „Божество одно знаетъ право; право есть только часть религіи; это воля Бога относительно управленія человѣческими дѣлами. Іегова есть только посредникъ между его народомъ и Божествомъ“. Вѣроятно въ V в. до Р. Х. окончательно слагается кодексъ еврейскаго народа (Thora), писанный законъ, наиболѣе уважаемый, незыблемый въ своемъ буквальномъ смыслѣ и сохранившій, не смотря на свои переработки, явные слѣды своего происхожденія преимущественно изъ судебныхъ рѣшеній. Вслѣдствіе невозможности измѣнить содержаніе Торы появилось устное преданіе, очень древнее по своимъ источникамъ, посредствомъ котораго происходили усовершенствованія еврейскаго права. Оно было также поставлено подъ покровительство Бога и разсматривалось, какъ исходящее отъ Моисея, который въ теченіе 40 дней и 40 ночей бесѣдовалъ съ Богомъ на Синаѣ. Устное преданіе заключало въ себѣ объясненіе Торы и пополненіе пробѣловъ въ ней; оно было также результатомъ воли и мысли небольшой группы избранныхъ, жрецовъ и ученыхъ, а не народной толпы. Эти реформаторы иногда даже должны были выдержать борьбу со сторонниками старыхъ началъ, что и привело къ образованію разногласій въ преданіи. Наконецъ, появились рѣшенія и постановленія ученыхъ (Мишна и Талмуды); это опиралось на древнее требованіе, чтобы судья, при возникновеніи случая, не разрѣшеннаго Торою или предшествующею судебною практикою, обращался къ жрецу или пророку для полученія откровенія о правѣ. По древне-

еврейскимъ установленіямъ издавна практиковалось даже обращеніе судьи къ жрецу за разъясненіемъ и такого случая, который въ дѣйствительности еще не представлялся въ жизни. Итакъ въ древнееврейскомъ правѣ появляются передъ нами двѣ особенности: а именно отдѣленіе откровенія юридическаго правила (дѣло жреца или ученаго) отъ его примѣненія (дѣло судьи) и поученіе относительно вопросовъ, еще не возникшихъ въ жизни. Понятно, что эти измѣненія могли произойти только тогда, когда откровеніе права перестало быть достояніемъ жрецовъ и пророковъ, а сдѣлалось достояніемъ школъ судей или юристовъ, свѣдущихъ въ религіозномъ правѣ, или даже главъ школъ, занимающихся преподаваніемъ и распространеніемъ преданія. Характеристиками школъ Гиллеля (либеральной) и Шаммаи (строго консервативной), Мишны (произведенія раввина Іегуда Ганаси), Гемары (объясненія Мишны), Талмудовъ Іерусалимскаго и Вавилонскаго, какъ объединенія Мишны и Гемары, а также позднѣйшихъ произведеній оканчивается изложеніе еврейскаго права. Еврейское право, по мнѣнію Ламбера, въ сравнительномъ правовѣдѣніи чрезвычайно важно своимъ вліяніемъ на право каноническое и на право мусульманское, а преимущественно полнымъ отсутствіемъ въ немъ законодательства; оно подвергалось многочисленнымъ и глубокимъ измѣненіямъ, но всегда какъ право обычное, состоящее изъ судебныхъ рѣшеній и юридическихъ работъ, сходныхъ съ разнообразными Зерцалами среднихъ вѣковъ; наконецъ, въ немъ наиболѣе наглядно проявляется связь „отвѣтовъ юристовъ" (римскихъ responsa prudentum) съ религіознымъ элементомъ въ правѣ, который самъ по себѣ проявляется здѣсь съ наибольшею ясностью (стр. 231—279).

Развитіе мусульманскаго права представляетъ большое сходство съ развитіемъ права еврейскаго, ибо и въ немъ не прерывалась связь права съ религіей и не сложилось понятіе о законодательной власти. Коранъ строго соотвѣтствуетъ еврейской Торѣ, при чемъ и въ немъ значительная часть юридическаго содержанія состоитъ изъ судебныхъ рѣшеній, вдохновенныхъ непосредственно Аллахомъ. Однако, общество корана перешло уже ступень отдѣльныхъ рѣшеній и въ немъ выработалось сознаніе пользы единства судоговоренія въ тождественныхъ случаяхъ. Аллахъ даетъ также указанія общія впередъ, не дожидаясь появленія спорныхъ дѣлъ. Далѣе въ коранѣ реформаторскій элементъ несравненно сильнѣе, чѣмъ въ библіи, преимущественно дабы согласить юридическія положенія съ религіей, проповѣдуемой Мухаметомъ. Устное преда-

ніе (Sounnah) появилось по смерти Мухамета съ тѣми же самыми особенностями, какъ у евреевъ, т. е. ради согласованія писаннаго права съ измѣняющимися потребностями жизни, подъ авторитетомъ пророка, какъ результатъ дѣятельности избранныхъ людей и преимущественно ради рѣшенія спорныхъ дѣлъ. Устное преданіе долго сохраняло устную форму, но затѣмъ начали появляться сборники устныхъ преданій. Такъ какъ среди устныхъ преданій существовало немало подложныхъ, а также между ними попадались противорѣчія, то возникла необходимость установить общее соглашеніе, что и составило третій источникъ мусульманскаго права. Названіе этого источника idjmâ al oummah обозначаетъ согласіе всѣхъ; указывается, слѣдовательно, какъ-бы на согласіе всѣхъ вѣрующихъ; оно опирается на слова пророка: „моя община не придетъ къ взаимному соглашенію относительно ошибки“. Однако, не смотря на это положеніе, чрезвычайно сходное съ теоретическимъ опредѣленіемъ обычнаго права, Иджма являлась часто слѣдствіемъ насилій большинства надъ меньшинствомъ и была выработана учеными, а не народною толпою. Такимъ образомъ, различіе между откровеніемъ права и его примѣненіемъ, а также соединеніе подачи совѣтовъ о содержаніи юридическаго правила съ преподаваніемъ проявляются и здѣсь, какъ у евреевъ. Но только у евреевъ и римлянъ дѣятельность юристовъ не нарушила единства права, между тѣмъ какъ у мусульманъ, не смотря на общее признаніе всѣми правовѣрными Иджмы (текста письменнаго и устнаго преданія), произошли существенныя различія, вызванныя какъ религіозными и политическими причинами (Сунниты и Шіиты), такъ и (у Суннитовъ) мотивами научнаго свойства. У послѣднихъ образовались четыре школы, различныя по многимъ существеннымъ вопросамъ, даже очень враждебныя въ началѣ, но впослѣдствіи взаимно признанныя правовѣрными; эти школы весьма обстоятельно характеризованы нашимъ авторомъ, причемъ опредѣлены и мѣстности ихъ современнаго преобладанія. Въ ученія этихъ четырехъ суннитскихъ школъ развѣ только въ одной сотой части входитъ письменное и устное преданіе, а все остальное создано юристами, какъ плодъ свободной науки права, не порвавшей, однако, окончательно своей связи съ религіей. Поэтому эта наука должна была преклоняться передъ предшествующими поколѣніями юристовъ, что въ свою очередь привело къ тому, что научная дѣятельность изсякла въ XIV в. Послѣ XIV в. юристовъ замѣнили комментаторы, не имѣвшіе права свободно разбирать текстъ Корана и Сунны. Наконецъ, нашъ авторъ

отмѣчаетъ, что несмотря на подавляющую силу религіознаго элемента постепенно, особенно со времени исчезновенія юристовъ-канонистовъ, т. е. съ XIV в., отдѣляется система свѣтскаго права, заключавшая въ себѣ право собственности и право обязательственное, отъ права законодательнаго идеальнаго, т. е. дисциплины религіозной, опредѣляющей право семейное, наслѣдственное, обѣты (vota) и отчасти учрежденія религіозно-нравственнаго характера. Мусульманское право въ сравнительномъ правовѣдѣніи занимаетъ чрезвычайно видное мѣсто, потому что представляется единственною системою древняго права, происхожденіе которой мы можемъ легко прослѣдить съ момента его возникновенія до нашихъ дней вслѣдствіе обилія ясныхъ свѣдѣній (стр. 279—389).

Переходя къ римскому праву, нашъ авторъ прежде всего замѣчаетъ, что это право, сравнительно съ предшествующими, отличается отсутствіемъ надежныхъ источниковъ, а это не замедлило отразиться на его научной разработкѣ. Ея общепризнанные разультаты не выдерживаютъ критики, ни съ точки зрѣнія психологической и соціологической, ни въ особенности съ точки зрѣнія сравнительной исторіи права. Въ этомъ отношеніи авторъ не рѣдко слѣдуетъ отрицательной критикѣ Неаполитанскаго профессора Паиса, относящагося съ чрезвычайнымъ сомнѣніемъ къ общепризнаннымъ положеніямъ исторіи римскаго права [1]). При разсмотрѣніи критическихъ пріемовъ профессора Паиса относительно преданій о возникновеніи закона XII таблицъ и обнародованія Cn. Flavius'омъ legis actiones авторъ нашъ дѣлаетъ чрезвычайно длинное отступленіе въ сферу римскаго завѣщательнаго права, такъ какъ формула uti legassit... (полная завѣщательная свобода) г. Паисомъ признается несоотвѣтствующею времени появленія XII таблицъ. Послѣ довольно подробнаго изложенія исторіи римскаго завѣщанія нашъ авторъ приходитъ къ убѣжденію, что завѣщаніе per aes et libram съ большею завѣщательною свободою могло появиться не ранѣе половины II в. до Р. Х., а завѣщаніе окончательно утратило характеръ сдѣлки между живыми (участіе familiae emptor'a, получившаго извѣстныя права на завѣщанное имущество при жизни завѣщателя и долженствующаго передать имущество наслѣднику послѣ смерти наслѣдодателя) только въ Византіи (стр. 411—501). Послѣ довольно обстоятельнаго разбора источниковъ римскаго права и опираясь на переживаніяхъ,

---

[1]) Ettore Pais. Storia d' Italia dai tempi piu antichi alla fine della guerre puniche. 2-ая часть Storia di Roma. Туринъ. I. 1898 и 1899.

обрядахъ при юридическихъ сдѣлкахъ и пословицахъ, освящаемыхъ при помощи сравнительной исторіи права, г. Ламберъ приходитъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ. Отдѣльныя части leges regiae существовали издавна и только во времена Цезаря и Августа вошли въ составъ одного сборника. Точно также и части XII таблицъ были собраны извѣстнымъ юристомъ S. Aelius Paetus'омъ воедино подъ заглавіемъ закона XII таблицъ преимущественно изъ юридическихъ пословицъ, возникшихъ изъ судебныхъ рѣшеній, хотя легенда о XII таблицахъ образовалась около половины II в. до Р. Х. Итакъ, по мнѣнію г. Ламбера, jus Papinianum (leges regiae) и законы XII таблицъ суть сборники, возникшіе по частной иниціативѣ, которые народная фантазія очень скоро превратила въ оффиціальныя произведенія. Оставляя въ сторонѣ легендарную исторію и обращаясь къ дѣйствительной, нашъ авторъ замѣчаетъ, что римское право первоначально всецѣло входило въ объемъ fas, т. е. носило на себѣ строго религіозный характеръ Знаніе права сосредоточивалось въ коллегіи жрецовъ, которая ежегодно назначала одного изъ своихъ членовъ, дабы онъ руководилъ сторонами при составленіи ихъ сдѣлокъ и давалъ отвѣты судьямъ и тяжущимся, ибо вслѣдствіе изгнанія царей, сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ, какъ религіозную, такъ и свѣтскую власть, открытіе невыработанныхъ юридическихъ началъ перешло къ жрецамъ, а примѣненіе юридическихъ правилъ—къ сановникамъ и судьямъ. Итакъ, въ Римѣ право представлялось народу, какъ повелѣніе боговъ, а не какъ постановленія подверженныхъ ошибкамъ людей. Только вліяніе греческой образованности, измѣнившее нравы и обычаи, а также постепенное распространеніе въ народѣ свѣдѣній о правѣ подорвало значеніе жрецовъ при установленіи юридическихъ нормъ. Ихъ мѣсто заняли свѣтсткіе юристы, унаслѣдовавшіе отъ жрецовъ, какъ представителей боговъ, ихъ значеніе. Такъ какъ свѣтскихъ юристовъ было нѣсколько, то иногда происходила неопредѣленность въ правѣ, вызываемая возможнымъ разногласіемъ среди нихъ; это разногласіе, сначала разрѣшаемое судьею на основаніи относительнаго вѣса мнѣнія того или другого юриста, и привело при императорахъ, какъ верховныхъ жрецахъ, къ удѣленію знаменитымъ юристамъ права подавать совѣты. Если древнѣйшее римское право находилось въ вѣдѣніи жрецовъ и даже было скрыто отъ народа, если сознательная мысль избранныхъ создавала его изъ нравовъ и обычаевъ, то, понятно, не можетъ быть и рѣчи объ обычаѣ, какъ о безсознательномъ твореніи народа. Наконецъ, что касается ис-

торіи понятія обычнаго права у Римлянъ, то обычаи (mores) въ древности противополагались законамъ (leges). Когда изъ Греціи въ Римъ перешло понятіе неписаннаго права, обозначавшаго у греческихъ философовъ право естественное всего человѣчества, то римляне всецѣло измѣнили его смыслъ и начали понимать подъ неписанымъ правомъ (jus non scriptum) право обычное въ противоположность законодательству. Въ Византіи старыя опредѣленія позабылись и замѣнились новыми; подъ jus scriptum понимали не только законодательство, но и преторское право и отвѣты юристовъ, а для понятія juris non scripti начали требовать молчаливое согласіе народа и постоянное примѣненіе. Теорія эта была создана римскими писателями безъ юридическаго образованія и заимствована ими отъ греческихъ философовъ и ораторовъ, которые видѣли обязательную силу закона въ договорѣ, заключенномъ членами соціальной группы, при чемъ большинство связывало меньшинство. Понятно теперь, что, опредѣляя законъ, какъ торжественный договоръ гражданъ, римскіе риторы должны были опредѣлить обычай, какъ молчаливое соглашеніе, выражающееся въ постоянномъ примѣненіи одной и той же нормы. Это философское опредѣленіе закона и обычая и было затѣмъ усвоено великими римскими юристами и въ отрывкахъ ихъ произведеній, черезъ сборники Юстиніана, стало извѣстно среднимъ вѣкамъ (стр. 389—717).

Послѣдняя провѣрка современнаго понятія обычнаго права дѣлается посредствомъ анализа средневѣковыхъ обычаевъ. Въ содержаніи leges barbarorum (Volksrechte), особенно въ уголовномъ и процессуальномъ правѣ, проявляется сильный религіозный элементъ, а также замѣтно различіе лицъ, на которыхъ возложено открытіе нормы обычнаго права и ея сообщеніе судьямъ, отъ лицъ (судей), которые должны посредствомъ даже принужденія примѣнять ее къ дѣйствительной жизни. Изъ періодическихъ докладовъ провозвѣстника нормъ обычнаго права (legislator, legifer, sapientes, judices, Gesetzsprecher) народному собранію и произошли первые юридическіе сборники сѣверныхъ народовъ. Засѣдатели при франкскихъ судахъ (rachimburgii) являлись также въ положеніи лицъ, открывающихъ юридическое начало, которое становилось обязательнымъ съ момента одобренія его предсѣдателемъ суда, судьею. По мнѣнію г. Ламбера, лица, открывающія юридическія правила, имѣли въ древнѣйшія времена религіозный характеръ, такъ что свѣтскіе провозвѣстники права появились только съ того момента, когда жрецы и древненѣмецкіе короли, которые одновременно были и

жрецами, исчезли, т. е. право получило свѣтскій отпечатокъ. Итакъ, не соглашеніе заинтересованныхъ творило право, а постановленія религіозныхъ экспертовъ въ правѣ; намеки на народное согласіе (напр. въ словѣ pactus, въ чтеніи провозвѣстникомъ права народному собранію обычнаго права и необходимости молчаливаго согласія народа и т. д.) не были указаніемъ на откровеніе права, а только на удѣленіе санкціи открытому праву посредствомъ молчаливаго обѣщанія уважать и охранять право, уже открытое избранными людьми. Второй типъ юридическихъ сборниковъ, болѣе поздній, или прямо указываетъ на судебную практику, какъ на происхожденіе обычая (Assises de Jérusalem), или заключаетъ въ себѣ перефразы и извлеченія изъ сборниковъ Юстиніана и изъ каноническаго права объ обычаѣ (Livre des droit et commandemens d'office de justice, Grand contumier de France). Въ случаѣ неизвѣстности обычая обращались къ выдающимся людямъ (sages-hommes), которые помнили старыя судебныя рѣшенія, по крайней мѣрѣ, по сходнымъ вопросамъ; этимъ характеромъ, т. е. предполагаемымъ предшествующимъ примѣненіемъ обычной нормы къ спорнымъ дѣламъ, отличаются также нѣмецкія Weisthumer и Schöffensprüche. Наконецъ, въ третьемъ періодѣ, съ XVI в., важнѣйшимъ событіемъ изъ сферы обычая является рецепція римскаго права, которая уже безспорно совершилась подъ вліяніемъ юристовъ, научно образованныхъ, а не вслѣдствіе сознанія необходимости въ римскомъ правѣ народныхъ массъ (стр. 717—799).

На стр. 802 г. Ламберъ дѣлаетъ свой окончательный выводъ объ обычномъ правѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Я не думаю сказать, что обычное право—собственное и исключительное твореніе судебной практики и науки. Я, напротивъ, протестовалъ энергично противъ мнѣнія, очень распространеннаго среди объяснителей классическаго римскаго права, о всемогуществѣ техники. Дѣятельность юридическаго искусства—что не мѣшаетъ ему представлять дѣйствительную силу и оказывать воздѣйствіе—ограничена и обусловлена игрою соціологическихъ законовъ. Спеціалисты въ правѣ раздѣляютъ чувства, страсти, предразсудки, общіе людямъ ихъ времени. Всѣ окружающія вліянія среды умственной, религіозной, экономической и соціальной тяготѣютъ надъ ихъ мыслію и волей. Они только придаютъ форму матеріи, которую имъ удѣляютъ нравы и обычаи, общая почва, откуда вытекаютъ всѣ источники положительнаго права. Но, по крайней мѣрѣ, судебная практика есть необходимый дѣятель при превращеніи юридическаго чувства

въ нормы права. Ея посредство необходимо, дабы превратить простые нравы, торговые обычаи, соглашенія, въ дѣйствительные юридическіе обычаи, освященные постояннымъ порядкомъ примѣненія. Судебная практика имѣетъ, при выработкѣ обычнаго права, роль, аналогическую съ тою, которую играетъ ремесленникъ и ремесленныя орудія при превращеніи первоначальнаго вещества въ ремесленныя произведенія".

При такой постановкѣ вопроса, очевидно, названіе законодательной политики неумѣстно; политика одновременно должна примѣняться, и отчасти примѣняется въ дѣйствительности, и судьями, и адвокатами, и нотаріусами; однако, и въ настоящее время, только одинъ законодатель обращается къ ней сознательно, между тѣмъ какъ другіе спеціалисты въ правѣ пользуются ею отрывочно и подъ обманчивымъ покровомъ примѣненія дѣйствительнаго права. Хотя желательнымъ является возможное ограниченіе нововведеній посредствомъ судебной практики, предназначенной для примѣненія, а не измѣненія юридическихъ началъ, тѣмъ не менѣе медленность законодательныхъ реформъ и необходимость предварительныхъ опытовъ передъ веденіемъ ихъ законодательнымъ путемъ, всегда будутъ удѣлять извѣстное мѣсто юридической политикѣ и въ сферѣ примѣненія юридическихъ правилъ (суды, адвокатура, нотаріатъ). „Она (юридическая политика) должна прежде всего доставлять сановникамъ и вообще всѣмъ экспертамъ въ правѣ *направленія*, необходимыя для добросовѣстнаго выполненія ихъ творческой дѣятельности". На такую внѣсудебную дѣятельность указываютъ т. н. cautèles, т. е. условія, постоянно помѣщаемыя въ юридическихъ актахъ съ цѣлью устранить дѣйствіе постановленій законовъ, теоретически сохранившихъ свою силу, но утратившихъ смыслъ и находящихся въ полномъ противорѣчіи съ требованіями современности. Дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что нормы, такимъ путемъ устраняемыя, уже не существуютъ въ болѣе позднихъ законодательныхъ кодексахъ, въ чемъ и проявляется польза сравнительнаго правовѣдѣнія. Такъ понятая юридическая политика не составляетъ, однако, особой науки, а только не что иное, какъ одну изъ формъ науки права, т. е. юридическаго искусства (стр. 802—825).

Опредѣливъ роль юридической политики, г. Ламберъ переходитъ къ пріемамъ ея разработки. Въ этомъ отношеніи онъ различаетъ политиковъ-романистовъ и политиковъ съ основаніями экономическими и соціологическими. Первые политики обращаются, дабы открыть «общественную обязанность и юридическій идеалъ сов-

ременности“, преимущественно, хотя и не исключительно, къ римскому праву. Ихъ не мало въ Германіи, а также въ Россіи, гдѣ проф. Петражицкій пытается воспользоваться римскимъ правомъ для провѣрки юридическихъ положеній, долженствующихъ быть выведенными изъ основнаго начала—любви, т. е. усовершенствованія души. Г. Ламберъ особенно старательно опровергаетъ взгляды Петражицкаго, отмѣчая въ его основномъ началѣ черезъчуръ много неопредѣленнаго и притомъ напоминающаго построенія естественнаго права, а въ римскомъ правѣ много чуждаго современнымъ идеямъ и потому непригоднаго для провѣрки. Римское право вслѣдствіе своего консерватизма заключаетъ въ себѣ немало устарѣвшихъ началъ; кромѣ того, оно индивидуалистично, а современность стремится къ ассоціаціямъ; оно не помышляетъ объ охранѣ несвѣдущихъ въ правѣ, вообще слабыхъ и безпомощныхъ, на что особенно направлено вниманіе нынѣшняго поколѣнія. Конечно, подлѣ отдѣльныхъ національныхъ юридическихъ политикъ появится гражданская политика вообще или международная гражданская политика для подготовки и приспособленія отдѣльнымъ національнымъ политикамъ общихъ указаній науки. Эта международная политика займетъ посредствующее мѣсто между юридической соціологіей и національными практиками отдѣльныхъ національныхъ юридическихъ политикъ. Относительно политиковъ съ основаніями экономисескими и соціологическими нашъ авторъ замѣчаетъ, что политическая экономія уже выходитъ изъ своего метафизическаго состоянія и въ исторической школѣ, возникшей въ Германіи и пріобрѣтающей все болѣе послѣдователей и въ другихъ странахъ, становится наукою опытною. Не столько, однако, сама наука, сколько искусство, на ней освованное, окажетъ современемъ важныя услуги политикамъ. Что касается соціологіи, то она еще не вышла изъ своего дѣтскаго возраста. Тѣмъ не менѣе и она выяснила свою пользу въ двухъ отношеніяхъ. Она отмѣтила тѣсную связь между всѣми соціальными науками, противодѣйствуя неудобствамъ чрезвычайной спеціализаціи, а также высказала положеніе, что наука не должна ограничиваться однимъ описаніемъ явленій, а должна стремиться къ объясненію феноменовъ и открытію причинъ (стр. 825—892).

Въ концѣ отдѣла о сравнительномъ правовѣдѣніи, понимаемомъ какъ юридическая политика, г. Ламберъ стремится выяснить взаимныя отношенія гражданскаго сравнительнаго права и гражданской политики. Онъ прежде всего отмѣчаетъ сравненіе отдѣльныхъ законодательныхъ сборниковъ, но они не могутъ указать на

измѣненія законодательныхъ началъ въ дѣйствительной жизни и на особенности среды, въ которой былъ сдѣланъ удачный законодательный опытъ. Поэтому правильнѣе избрать иной путь, а именно гражданское сравнительное право, которое, по мнѣнію г. Ламбера, должно остановиться не на всѣхъ народахъ міра, даже не на всѣхъ правахъ образованныхъ народовъ, а только на тѣхъ, которыя сближены сходствомъ образованности и условіями экономической жизни, а также многочисленными историческими вліяніями, одновременно на нихъ дѣйствовавшими. Сравнительное правовѣдѣніе предполагаетъ отсюда, посредствомъ сравненія, извлечь „элементы юридическаго однообразія, которые встрѣчаются въ этой ограниченной международной средѣ", и примѣнить къ явленіямъ общимъ цѣлой этой средѣ, а не къ исключительнымъ, объясняющимся особенностями національной исторіи отдѣльнаго народа. Сравнительное правовѣдѣніе имѣетъ то превосходство передъ простымъ сравненіемъ законодательствъ, что занятія имъ должны быть постоянны и охватывать всю область гражданскаго права; но и оно можетъ только отмѣтить, какія рѣшенія вопроса въ отдѣльныхъ государствахъ болѣе узкаго международнаго общенія наиболѣе соотвѣтствуютъ идеалу. Тѣмъ не менѣе юридическому политику не разъ самому придется придумывать отвѣтъ, еще болѣе удовлетворительный. Не время еще устанавливать критеріи при выборѣ политикомъ лежащихъ передъ нимъ рѣшеній, но объ одномъ, а именно упомянутыхъ выше cautèlies, авторъ нашъ вспоминаетъ. Наличность условій, устраняющихъ законъ, указываетъ на его устарѣлость, а отсутствіе его въ болѣе новыхъ законодательствахъ подтверждаетъ такой выводъ. Изъ всего этого видно, что смѣшивать сравнительное гражданское право и юридическую политику никоимъ образомъ не слѣдуетъ; первое является только необходимымъ пособіемъ для политиковъ, которые должны дѣйствовать самостоятельно. Наконецъ, относительно направленій сравнительнаго гражданскаго права необходимо замѣтить, что такое сравненіе является могучимъ рычагомъ прогресса, возбуждающимъ соревнованіе между отдѣльными государствами, а также что оно будетъ вести къ нивеллировкѣ, къ сближенію различныхъ системъ права, а это считается нашимъ авторомъ тоже весьма цѣннымъ послѣдствіемъ (стр. 892—913).

Покончивъ съ критикой узкихъ и поверхностныхъ опредѣленій сравнительнаго гражданскаго права, нашъ авторъ обращается къ употребленію этого названія для обозначенія *сравнительной исто-*

ріи права. Она составляетъ описательную часть юридической соціологіи, т. е. въ строгомъ смыслѣ слова науку права. Цѣль ея открыть причины измѣненій въ юридическихъ явленіяхъ, доискаться естественныхъ законовъ, которымъ подчинены проявленія общественной жизни, сообща составляющія сферу права. Она должна показать юристу, какія формы каждаго учрежденія соотвѣтствуютъ различнымъ ступенямъ общественнаго развитія, различнымъ экономическимъ состояніямъ. Понятно, поэтому, сравнительная исторія права не можетъ ограничиваться изученіемъ нѣкоторыхъ только народовъ; она должна охватить цѣлый міръ. Напротивъ, *сравнительное правовѣдѣніе* преслѣдуетъ чисто практическую цѣль; оно есть органъ творчества и примѣненія права; оно входитъ въ сферу положительнаго права и является не наукой, а искусствомъ; его роль: изъ сравненія сходныхъ юридическихъ системъ составить общій запасъ представленій, учрежденій и юридическихъ началъ. Для успѣха оно должно ограничиваться сравненіемъ народовъ, экономически, исторически и соціологически близкихъ. Историческіе примѣры такой дѣятельности г. Ламберъ усматриваетъ въ созданіи французскими юристами XVI, XVII и XVIII в. общаго французскаго обычнаго права, а въ Германіи—въ научной дѣятельности творцевъ Deutsches Privatrecht. Что же касается возможности создать путемъ сравненія міровое право или общее гражданское право образованныхъ народовъ, то нашъ авторъ смотритъ на эту мысль, какъ на попытку возобновить построенія естественнаго права, почти не пригодныя къ примѣненію, вслѣдствіе черезчуръ большихъ обобщеній (стр. 913—927).

Изложенное въ общихъ чертахъ сочиненіе безспорно представляетъ большой интересъ. Громадная ученость еще молодаго автора, его чрезвычайная добросовѣстность, дѣлающая даже его трудъ нѣсколько тяжеловатымъ и несистематичнымъ (масса отступленій), оригинальность нѣкоторыхъ его мыслей, придаютъ его работѣ большую цѣну. Г. Ламберъ, очевидно, принадлежитъ къ цѣлому ряду юридическихъ писателей, замѣчающихъ все болѣе рѣзкую противоположность между закономъ, съ одной стороны, и судебной и внѣсудебной юридической практикой съ другой, и желающихъ помочь возникающимъ отсюда затрудненіямъ посредствомъ разработки правовѣдѣнія опытнымъ путемъ. Дабы понять его нападки на Code Napoléon и другіе европейскіе кодексы, а также оцѣнить цѣлесообразность его совѣтовъ, необходимо остановиться на причинахъ

противорѣчій закона и общественныхъ потребностей. По моему мнѣнію, онѣ кроются въ слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ.

Въ основу юридическаго быта континентальнаго Запада легло римское право, мало приспособленное къ европейскимъ условіямъ трудами постглоссаторовъ. Въ Италіи, и въ особенности въ Испаніи, оно никогда не теряло свою обязательную силу; Франція весьма рано начала все болѣе и болѣе подвергаться его вліянію; наконецъ, Германія усвоила его въ XVI в. Между тѣмъ, какъ вѣрно замѣчаетъ нашъ авторъ, оно построено на индивидуалистическомъ началѣ, не сходномъ со стремленіями западной Европы къ групповой жизни; затѣмъ оно предоставляло слабыхъ самимъ себѣ и тѣмъ шло въ разрѣзъ съ христіанствомъ [1]). Пока народныя массы жили по своимъ стародавнимъ правамъ и обычаямъ, а болѣе важныя юридическія отношенія завязывались преимущественно между лицами болѣе образованными и зажиточными, особенной бѣды отъ этого не чувствовалось Но когда съ XVIII в. народныя массы все болѣе и болѣе начали проявлять свою силу, юридическія начала, сколотыя, даже всецѣло заимствованныя изъ римскаго права и мало измѣненныя въ европейскихъ кодексахъ XIX в., начали все болѣе и болѣе проявлять свою несостоятельность.

Въ XIX в. выдвигается новый элементъ, мало дававшій себя чувствовать до самаго прошлаго столѣтія, а именно трудовое начало. Оно проявило себя въ мускульной силѣ (рабочіе) и въ силѣ ума, вооруженнаго знаніями (различныя такъ наз. свободныя профессіи). Прежній рабскій, затѣмъ крѣпостной трудъ замѣнился трудомъ вольнонаемнымъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, между тѣмъ различные кодексы упорядочивали обмѣнъ имуществъ (res, bona), а не энергій. Появились новые чрезвычайно сложные вопросы, которые римскому праву и основаннымъ на немъ законодательствамъ и не снились. Если присоединить къ этому множество открытій, которыми пользовались для увеличенія удобствъ жизни и накопленія богатствъ, и которыя тоже состояли въ израсходованіи энергіи, то станетъ понятнымъ, что законы, приноровленные къ обмѣну веществъ, стали мало примѣнимы.

Итакъ содержаніе европейскихъ законодательствъ XIX в., заимствованное преимущественно изъ римскаго права, и существенныя измѣненія въ общественныхъ условіяхъ привели къ противо-

---

[1]) Отсюда нѣмецкая пословица: Jurist schlechter Christ, а также недовольство народныхъ массъ въ Германіи усвоеніемъ римскаго права.

рѣчію между закономъ и дѣйствительною жизнью. Научные труды не устранили, однако, по мнѣнію г. Ламбера эти несогласія, ибо въ нихъ обработывалось исключительно законодательство. Судебная и внѣсудебная юридическая практика, такимъ образомъ, была предоставлена самой себѣ; она и стремилась не только восполнить пробѣлы закона, но и во многомъ значительно видоизмѣнить его; ея усилія, однако, не проникали въ ученые труды и потому оставались неизвѣстными, а главное, недостаточно теоретически провѣренными. Отсюда возникло существенное различіе между теоріей и практикой въ жизни. Самымъ простымъ лекарствомъ противъ этого зла, казалось, былъ бы, по мнѣнію нашего автора, возможно частый пересмотръ гражданскихъ кодексовъ, о чемъ и озаботилось испанское уложеніе 1889 г. (стр. 805—807); но предполагаемый въ законѣ пересмотръ уложенія по прошествіи каждыхъ 10 лѣтъ не состоялся. Дѣйствительно, переизданіе гражданскаго кодекса представляется дѣломъ труднымъ, да и пользы можно ожидать отъ него только тогда, когда юридическая практика, постоянно сталкивающаяся съ жизнью, намѣтила уже путемъ постоянныхъ опытовъ, рядъ необходимыхъ реформъ. При этихъ усиліяхъ практики удовлетворить быстро измѣняющимся потребностямъ общества, она нуждается въ руководствѣ, въ направленіи, которое и должно быть дано гражданскимъ сравнительнымъ правовѣдѣніемъ, создающимъ посредствомъ сравненія гражданскихъ правъ цѣлой Западной Европы общія начала для примѣненія въ жизни не въ смыслѣ велѣній, а въ смыслѣ предложеній, совѣтовъ. Разсмотримъ, насколько положенія такого рода, дѣлаемыя нашимъ авторомъ, приведутъ къ желаннымъ результатамъ.

Основная и притомъ самая плодотворная мысль автора заключается въ стремленіи разрѣшить нарождающіяся вопросы *опытнымъ путемъ*. Для этого онъ рекомендуетъ сравненіе права народовъ, близкихъ по своему экономическому и общественному состоянію. Но такое сравненіе, по моему мнѣнію, не должно быть ограничено только извѣстною группою сродныхъ по образованности народовъ. Дѣло въ томъ, что чѣмъ богаче и разностороннѣе условія примѣненія даннаго начала, тѣмъ прочнѣе добытые результаты. Еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія было признано истиной, что все человѣчество все болѣе и болѣе становится однимъ цѣлымъ и часто работаетъ надъ разрѣшеніемъ однѣхъ и тѣхъ же задачъ [1]). Весьма поэтому важно знать, какъ видоизмѣ-

[1]) Эта мысль проводится въ сочиненіи покойнаго Альберта Шеффле: Bau

няются рѣшенія этихъ задачъ въ зависимости отъ различій образованности, религіи, климата и т. д. Кромѣ того, лѣтъ 20 тому назадъ была брошена совершенно вѣрная мысль, что въ самомъ образованномъ городѣ или странѣ находятся пласты населенія, крайне разнообразные по своему умственному развитію, начиная отъ самыхъ возвышенныхъ сферъ и кончая варварами въ полномъ смыслѣ этого слова [1]). Такъ какъ правовѣдамъ приходится имѣть дѣло съ самымъ разнообразнымъ составомъ населенія даннаго государства, то, понятно, опытъ въ странахъ варварскихъ можетъ тоже дать весьма практическія указанія.

Второе недоумѣніе, вызванное во мнѣ взглядами г-на Ламбера, заключается въ слѣдующемъ. Онъ вездѣ и повсюду говоритъ о гражданскомъ сравнительномъ правѣ, между тѣмъ основная идея гражданскаго права заключается въ предоставленіи возможно большей свободы отдѣльному лицу распоряжаться своимъ имуществомъ и своими силами. Ограниченія такой свободы вытекаютъ не столько изъ идеи гражданскаго права, т. е. запрещенія вторгаться въ чужую сферу, сколько изъ общественнаго интереса, входящаго въ составъ государственнаго права. Вопросы о предѣлахъ завѣщательной свободы, о маіоратахъ или дѣлежѣ имуществъ по равнымъ долямъ и т. д. входятъ въ сферу и публичнаго права, не только частнаго. Поэтому, казалось бы, нѣтъ возможности выдѣлять сравнительное гражданское право въ особую отрасль вѣдѣнія. Если возможно и должно отличать сравнительную исторію права отъ сравнительнаго правовѣдѣнія, то послѣднее, думается мнѣ, дѣлить не слѣдуетъ на гражданское, уголовное, государственное сравнительное право. Какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ правѣ политическая и общественная точка зрѣнія безусловно должна приниматься во вниманіе, а это далеко переходитъ за предѣлы гражданскаго права.

Третье недоумѣніе вызвано во мнѣ желаніемъ автора добраться до общихъ началъ. Въ этомъ я вижу стремленіе создать новое естественное право, чего онъ такъ боится. Я представляю себѣ результаты сравненія въ слѣдующемъ видѣ: установленіе маіоратовъ вызываетъ аристократію, неограниченный раздѣлъ способствуетъ демократизаціи общества, но можетъ привести и къ край-

---

und Leben des socialen Körpers, 2-ое изд., Тюбингенъ, 1881 г.; см. напр. т. I, 13, т. IV, 481 и т. д.

[1]) Paul v. Lilienfeld. II. 1875. Die socialen Gesetze. 81—93, 102—197.

нему дробленію поземельной собственности и т. д. Очевидно, результатами сравненія будутъ общія положенія, болѣе или менѣе вѣрныя повсюду и могущія руководить законодателемъ, судьями и нотаріусами, помышляющими о достиженіи тѣхъ или другихъ послѣдствій (созданія или уничтоженія аристократіи и т. д.). Конечно, можно дойти и до общихъ направленій, въ родѣ, напр., стремленія западноевропейскихъ народовъ къ возможно большей свободѣ распоряжаться своими средствами, но установленіе такихъ направленій едва ли будетъ имѣть научное значеніе. Это будутъ только временныя настроенія большинства гражданъ даннаго государства, не раздѣляемыя даже довольно большими группами (напр. соціалисты будутъ, вѣроятно, стоять за возможно большее ограниченіе завѣщательной свободы). Я надѣюсь не ошибиться въ моемъ предположеніи, что нашъ авторъ пришелъ къ мысли объ общемъ правѣ подъ вліяніемъ образованія французскаго общаго обычнаго права изъ кутюмовъ и вслѣдствіе созданія Deutsches Privatrecht. Но и то, и другое явленіе было вызвано чисто политическими причинами, а именно проявленіемъ сознанія о народномъ единствѣ во Франціи и стремленіемъ къ нему въ Германіи Мы склонны даже, наоборотъ, думать, что съ бо́льшимъ расчлененіемъ общества и болѣе сознательнымъ отношеніемъ его частей къ праву появится большее количество особенныхъ и мѣстныхъ правъ, т. е. желательное нашимъ авторамъ правовое единство ослабѣетъ нѣсколько даже и тамъ, гдѣ оно существуетъ.

Наконецъ, мнѣ кажется не совсѣмъ подходящимъ вводить англійское право въ одну группу съ западноевропейскими континентальными правами и относиться къ нему нѣсколько свысока Его исторія рѣзко отличается отъ западноевропейскихъ правъ; между тѣмъ, какъ исторія послѣднихъ заключается преимущественно въ приспособленіи римскаго права къ потребностямъ постоянно измѣняющейся общественной жизни, англійское право почти самостоятельно стремилось выработать юридическія начала для упорядоченія своего общественнаго быта. Безспорно, оно крайне казуистично, чрезвычайно отстало со стороны технической, почти не имѣетъ надлежащихъ учебниковъ. Но за то въ его судебныхъ рѣшеніяхъ находится богатѣйшій опытъ при разрѣшеніи самыхъ запутанныхъ вопросовъ посредствомъ здраваго смысла и къ удовлетворенію англійскаго общества. Дѣло въ томъ, что въ Англіи, ранѣе чѣмъ на континентѣ, сложились могучіе классы, живущіе исключительно трудомъ, а потому подверглись анализу вопросы, которые только назрѣваютъ въ западной Европѣ. **Ф. Зигель.**

А. Вейнгартъ. *Новое руководство для судебныхъ слѣдователей. (Kriminaltaktik). Ein Handbuch für das Untersuchen von Verbrechen. Von Dr. A. Weingart.* 1904.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я отмѣтилъ на страницахъ Журнала Министерства Юстиціи [1]) появленіе въ свѣтъ руководства для судебныхъ слѣдователей доктора Гросса. Въ этой выдающейся книгѣ авторъ собралъ массу свѣдѣній, цѣнныхъ для каждаго слѣдователя, и указалъ новые методы для выясненія истины по уголовнымъ дѣламъ. Своимъ трудомъ Гроссъ положилъ основаніе цѣлой наукѣ, которой онъ далъ имя die Kriminalistik. Сочиненіе Гросса было встрѣчено довольно холодно теоретиками [2]), но вызвало полное сочувствіе у практиковъ, которые интересуются своей работой и преданы дѣлу правосудія. Постепенно новая наука пріобрѣла себѣ значительное число приверженцевъ. Съ 1899 года Гроссъ сталъ издавать Archiv für Kriminalistik, на страницахъ котораго юристы и врачи дѣлились своими познаніями и опытомъ по вопросамъ слѣдственной практики. Затѣмъ Вильямъ Штернъ [3]) опубликовалъ свои труды, посвященные психологіи свидѣтельскихъ показаній. Его изслѣдованія настолько заинтересовали все образованное общество, что проф. Листъ въ своихъ практическихъ занятіяхъ со студентами Берлинскаго университета сталъ провѣрять опыты остроумнаго психолога. Съ прошлаго года директоръ Гамбургской полиціи Рошеръ приступилъ къ изданію серіи процессовъ, интересныхъ не только съ бытовой стороны, но и по методамъ веденія слѣдствія. Наконецъ, судя по экспонатамъ Дрезденской выставки 1903 года, полицейскія управленія большихъ городовъ Германіи, а въ особенности Берлина, Гамбурга и Дрездена, постоянно слѣдятъ за успѣхами криминалистики и пользуются ея указаніями при разслѣдованіи уголовныхъ дѣлъ [4]). Все это доказало въ достаточной степени, что работа Гросса была плодотворнымъ зерномъ, которое упало на хорошую почву. Въ настоящее время мы должны отмѣтить новую, серьезную работу въ этой области, а именно

---

[1]) 1895 г. Мартъ. См. также мои статьи въ Журналахъ Юрид. Общества 1896 г. кн. 3-я и 4-я, Мин. Юстиціи 1898 г. кн. 3-я.

[2]) См. докладъ проф. И. Я. Фойницкаго на Съѣздѣ нѣмецкой группы межд. союза криминалистовъ въ Линцѣ въ 1895 г. (Журн. Мин. Юст. 1895 г.).

[3]) Zur Psychologie der Aussage. Experimentelle Untersuchungen zur Erinnerungs treue. 1902.

[4]) См. мою статью: „Дознаніе и розыскъ". Судебное обозрѣніе. 1903 г. №№ 37, 44, 48, 51.

руководство для судебныхъ слѣдователей доктора Вейнгарта. Этотъ послѣдній далъ своей книгѣ довольно своеобразное названіе „Kriminaltaktik“. Для насъ это сочиненіе представляетъ интересъ потому, что оно вышло изъ подъ пера опытнаго судьи и имѣетъ въ виду главнымъ образомъ нужды практическихъ дѣятелей. Авторъ довольно извѣстный саксонскій юристъ, который много лѣтъ состоялъ судьей и слѣдователемъ въ г. Дрезденѣ, а теперь занимаетъ мѣсто товарища предсѣдателя. Въ юридической литературѣ онъ извѣстенъ своей интересной статьей объ изслѣдованія поддѣльныхъ документовъ (Serichfssaal, B. 45) и прекрасной монографіей о предварительномъ слѣдствіи по дѣламъ о поджогахъ (1895 г.). Въ настоящее время предъ нами лежитъ болѣе обширный трудъ, обнимающій всю область предварительнаго слѣдствія.

Въ виду того, что эта книга посвящена разработкѣ того же вопроса, какъ и руководство Гросса, то невольно возникаетъ желаніе сравнить ихъ между собою. Авторъ идетъ намъ навстрѣчу и въ предисловіи говоритъ, что Гроссъ собралъ рядъ спеціальныхъ свѣдѣній, желая прежде всего поставить на должную высоту изслѣдованіе вещественныхъ доказательствъ и всей обстановки, среди которой совершено преступленіе, дабы такимъ путемъ восполнить и исправить неполноту и неточность свидѣтельскихъ показаній. Вейнгартъ же стремится выработать въ своемъ руководствѣ правильную систему (тактику) работы. А такъ какъ эта система должна быть примѣняема при веденіи предварительнаго слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ, то онъ и назвалъ эту систему — Kriminaltaktik (уголовня тактика).

Отъ руководства Гросса новая книга отличается также и манерой изложенія. У Гросса все время идетъ связный, живой и бойкій разсказъ. Авторъ, развивая свои мысли, постоянно пересыпаетъ отвлеченныя положенія интересными фактами. Поэтому вниманіе читателя не ослабѣваетъ. Книга же Вейнгарта написана въ видѣ вопросовъ, на которые онъ отвѣчаетъ, иллюстрируя свое изложеніе множествомъ примѣровъ. Эти примѣры выбраны очень тщательно и составляютъ цѣнную часть книги. Безспорно, что благодаря такому изложенію, она написана очень сжато; но нельзя не сознаться, что при всѣхъ ея достоинствахъ она страдаетъ нѣкоторой сухостью, такъ какъ безконечное число вопросовъ и отвѣтовъ не даютъ возможности увлечься темой ни автору, ни читателю.

Главная прелесть руководства Гросса, которая обезпечила его успѣхъ

заключалась въ новизнѣ для юристовъ собраннаго матеріала. Заслуга этого автора состояла въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе судебныхъ дѣятелей на ту громадную пользу, которую можно извлечь для слѣдствія изъ новѣйшихъ открытій въ области естественныхъ наукъ, изъ многочисленныхъ фактовъ, собранныхъ по этнографіи, наконецъ, изъ чтенія и систематическаго изученія старыхъ дѣлъ. Поэтому Гроссъ указывалъ на необходимость широкаго пользованія услугами экспертовъ и совѣтовалъ приглашать въ качествѣ свѣдущихъ людей не только врачей но также ботаниковъ, минералоговъ, астрономовъ и всевозможныхъ ремесленниковъ, которые, благодаря своимъ спеціальнымъ познаніямъ, могутъ неожиданно внести свѣтъ въ самое темное дѣло. Вейнгартъ идетъ инымъ путемъ. Вполнѣ признавая цѣну и значеніе трудовъ Гросса, онъ указываетъ на необходимость выработать прежде всего систему для всесторонняго изслѣдованія каждаго уголовнаго дѣла. Такимъ образомъ, Гроссъ является новаторомъ, который открылъ судебнымъ слѣдователямъ новые пути. Вейнгартъ — старый судья, который дѣлился съ младшими коллегами своимъ опытомъ и сообщаетъ имъ рядъ правилъ, которыхъ онъ придерживался въ своей работѣ. Благодаря этимъ правиламъ, ему и многимъ другимъ удавалось обнаружить истину и избѣжать ошибокъ.

Относительно содержанія настоящей книги необходимо сказать, что, пользуясь руководствомъ Гросса въ широкой степени, Вейнгартъ работалъ самостоятельно, прекрасно ознакомился съ литературой, и, пользуясь обширнымъ своимъ знакомствомъ и положеніемъ, собралъ богатыя данныя по многимъ спеціальнымъ вопросамъ и множество выдержекъ изъ разныхъ дѣлъ. Подробнѣе, чѣмъ у Гросса, имъ разработана глава о поджогѣ и очень интересенъ отдѣлъ о мотивахъ въ дѣлахъ о поджогахъ и убійствахъ, въ которомъ онъ помѣстилъ, между прочимъ, данныя, собранныя спеціально для него извѣстнымъ психіатромъ д-ромъ Ильбергомъ. Наконецъ, глава о поддѣлкѣ и сбытѣ монетъ и кредитныхъ билетовъ является совершенно новой. Видимо Вейнгарту пришлось нерѣдко вести слѣдствіе по дѣламъ о подобныхъ поддѣлкахъ, вслѣдствіе чего его совѣты и указанія являются особенно цѣнными для практиковъ.

На этомъ мы можемъ кончить общую характеристику настоящей книги. Сказаннаго нами достаточно, чтобы заключить, что сочиненіе Вейнгарта представляетъ интересъ и значеніе для русскихъ судебныхъ дѣятелей. Наши земляки менѣе систематичны, чѣмъ

нѣмцы; мы работаемъ болѣе порывисто и не всегда по плану. На этотъ недостатокъ нерѣдко указывалось въ нашей литературѣ. Еще С. С. Гончаровъ, бывшій прокуроромъ Московской судебной палаты, въ началѣ 80-хъ годовъ, отмѣтилъ въ своей инструкціи чинамъ прокурорскаго надзора, что многіе изъ судебныхъ слѣдователей работаютъ безъ плана, вызываютъ свидѣтелей, не уяснивъ себѣ предварительно, о чемъ они будутъ ихъ спрашивать, допрашиваютъ ихъ по мѣрѣ явки въ камеру, а не въ томъ порядкѣ, который желателенъ въ интересахъ выясненія истины. Съ замѣчаніемъ этого выдающагося практика нельзя не согласиться. Поэтому мы думаемъ, что книга Вейнгарта можетъ содѣйствовать къ устраненію указаннаго недостатка. Цѣль автора пріучить молодежь къ извѣстной системѣ работы, установивъ заранѣе программу, которая должна быть выполнена. Эта программа, представляющая собою рядъ вопросовъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ внесетъ въ дѣло ясность и планомѣрность.

Прежде чѣмъ изложить, въ чемъ состоятъ главныя мысли и положенія автора, мы должны вкратцѣ указать планъ его книги. Она состоитъ изъ общей и особенной части. *Общая часть* распадается на два отдѣла:

I Отдѣлъ. Важнѣйшія слѣдственныя дѣйствія:

1. Допросъ обвиняемаго. Удостовѣреніе личности путемъ свидѣтельскихъ показаній, фотографій, антропометріи и дактилоскопіи (изслѣдованіе папилярныхъ линій въ пальцахъ), заключеніе подъ стражу, пресѣченіе сношеній обвиняемаго съ семьей и сообщниками, полицейскія наблюденія.

2. Допросъ свидѣтелей. Кто знаетъ существенные по дѣлу факты и можетъ быть важнымъ свидѣтелемъ? какъ вести допросъ? степень достовѣрности даннаго показанія.

3. Экспертиза.

4. Осмотръ на мѣстѣ.

5. Розыскъ и изслѣдованіе вещественныхъ доказательствъ (обыскъ отобраніе писемъ, чтеніе шифровъ, сличеніе почерковъ).

II Отдѣлъ. Розыскъ и изобличеніе виновнаго. Общій методъ и важнѣйшія косвенныя улики.

Особенная часть распадается на 7 главъ, въ которыхъ авторъ подробно разбираетъ программу предварительнаго слѣдствія по дѣламъ о кражѣ, укрывательствѣ краденнаго, обманѣ, поджогѣ, подлогѣ документовъ, поддѣлкѣ монетъ и убійствѣ.

Методъ и система, которой придерживается Вейнгартъ, вкратцѣ

сводятся къ слѣдующему. По дѣламъ о кражѣ, поджогѣ, убійствѣ и поддѣлкѣ монетъ авторъ отдѣляетъ изслѣдованіе факта преступленія отъ розыска и изобличенія виновнаго. Сначала устанавливается, совершено ли преступленіе; если да, то гдѣ именно, когда и какимъ способомъ Въ дѣлахъ о поджогахъ и убійствахъ очень часто краеугольнымъ камнемъ предварительнаго слѣдствія является именно установленіе факта преступленія. Поэтому является необходимымъ, чтобы въ дѣлѣ объ убійствѣ судебный слѣдователь прежде всего уяснилъ себѣ, было ли совершено въ данномъ случаѣ убійство, или, что смерь потерпѣвшаго послѣдовала отъ самоубійства, объ болѣзни, или отъ случайной причины. По дѣламъ о поджогѣ очень важно установить, что пожаръ произошелъ не отъ случайныхъ причинъ. Чтобы облегчить слѣдователю эту задачу, Вейнгартъ перечисляетъ всѣ важнѣйшія причины, отъ коихъ можетъ возникнуть это несчастіе, какъ-то: ударъ молніи, солнечные лучи, паденіе метеора, самовоспламененіе, неправильное устройство отопленія, освѣщенія и машинъ и, наконецъ, неосторожное обращеніе съ огнемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ рядъ техническихъ указаній относительно картины пожара, происшедшаго отъ каждой изъ этихъ причинъ. Затѣмъ уже, доказавъ, что случайной причины пожара быть не могло, судебный слѣдователь можетъ приступить къ установленію факта поджога, т. е. къ повѣркѣ прямыхъ и косвенныхъ уликъ, имѣющихся въ дѣлѣ. Только по окончаніи этихъ разслѣдованій, имѣющихъ цѣлью доказать наличность факта преступленія, судебный слѣдователь въ правѣ перейти къ выясненію личности виновнаго.

Чтобы исполнить эту послѣднюю часть своей задачи, судебный слѣдователь долженъ провѣрить тѣ косвенныя улики, которыя встрѣчаются въ каждомъ дѣлѣ вообще, затѣмъ улики по дѣламъ даннаго рода и, наконецъ, тѣ, которыя удалось случайно собрать противъ обвиняемаго по настоящему дѣлу.

Улики, встрѣчающіяся во всѣхъ дѣлахъ, Вейнгартъ распредѣляетъ на 3 группы:

1 группа. Обстоятельства, сопровождающія совершеніе преступленія:

1. Былъ ли обвиняемый въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе? Доказательствомъ его присутствія въ этомъ мѣстѣ: показанія свидѣтелей, забытыя вещи, слѣды ногъ и папилярныхъ линій.

2. Имѣются ли у него тѣ орудія, которыми совершено преступленіе? (Напримѣръ, стамеска, которой сдѣланъ взломъ; кинжалъ, которымъ убитъ потерпѣвшій).

3. Обладаетъ ли онъ тѣми качествами, знаніями, способностями, которыми, повидимому, отличался виновный.

а) Качества физическія (судя по взлому воръ былъ лѣвша, судя по слѣду хромой).

в) Знаніе извѣстнаго ремесла или искусства. Напримѣръ, въ дѣлѣ о кражѣ крупной суммы денегъ у банкира, воры открыли кассу его же ключами; зная, что онъ всегда носитъ ключи съ собою и ночью запираетъ дверь своей спальни, воры вложили въ замокъ кусочекъ дерева, благодаря чему язычекъ замка только на одну треть вошелъ въ замочную щель и далъ имъ возможность съ легкостью отпереть замокъ, тогда какъ банкиръ спалъ крѣпкимъ сномъ, считая, что въ его спальню никто войти не можетъ; когда нашли эту щепочку и предъявили ее разнымъ ремесленникамъ, то оказалось, что ее рѣзалъ мастеръ, изготовляющій головки для сапогъ; по справкамъ же обнаружилось, что бывшій лакей банкира прежде занимался этимъ ремесломъ.

г) Кому извѣстны обстоятельства, необходимыя для совершенія кражи? Напримѣръ, отсутствіе хозяевъ изъ дому, мѣсто храненія денегъ и т. д.

д) Характеръ и прошлое подсудимаго. Необходимо выяснить не только судимость, но и другіе факты, могущіе подтвердить обвиненіе. Напримѣръ, горничная принесла жалобу, что лавочникъ, къ которому она пришла за покупками, покушался ее изнасиловать. По дѣлу было допрошены другія служанки, покупавшія въ той же лавкѣ. Онѣ объяснили, что нерѣдко приходилось обороняться отъ непрошенныхъ любезностей хозяина.

2-ая *группа*. Обстоятельства, предшествующія совершенію запрещеннаго дѣянія.

1. Мотивъ преступленія.

2. Воля совершить преступленіе. Она выражается въ угрозахъ, произнесенныхъ при свидѣтеляхъ, въ неосторожно сказанныхъ словахъ, которыя вырвались у обвиняемаго невольно во время разговора, и въ пріобрѣтеніи средствъ, необходимыхъ для совершенія преступленія (напр., яда для отравленія, револьвера для убійства).

3-ья *группа*. Какъ отразилось преступленіе на обвиняемомъ?

1. Физическія послѣдствія. Напримѣръ, слѣды борьбы на тѣлѣ, какъ-то раны, ссадины (при разбоѣ); слѣды крови на платьѣ (при

убійствѣ); слѣды копоти, пламени, керосина на одеждѣ (при поджогѣ).

2. Нравственныя, психическія послѣдствія: волненіе, раскаяніе, неосторожные разговоры, изъ коихъ видно, что обвиняемый знаетъ такія подробности дѣла, которыя неизвѣстны другимъ лицамъ; неосторожные поступки, указывающіе на виновность обвиняемаго (напр., покушеніе подкупить должностныхъ лицъ) и т. д.

Переходя отъ этихъ уликъ, которыя могутъ встрѣтиться по любому дѣлу, къ дѣламъ о кражахъ, Вейнгартъ напоминаетъ, что здѣсь нерѣдко важнѣйшимъ доказательствомъ является поличное. Поэтому судебный слѣдователь обязанъ подробно остановиться на результатахъ обыска и установить, что имущество, отобранное у обвиняемаго, дѣйствительно, принадлежитъ потерпѣвшему, иначе заявленіе сего послѣдняго о его правѣ собственности на спорное имущество останется голословнымъ и можетъ быть оспорено на судѣ. Въ дѣлахъ объ убійствѣ или разбоѣ существенно важно выяснить характеръ убійцы, его отношенія къ жертвѣ, занятія, а иногда и тѣлосложеніе, если въ дѣлѣ имѣются указанія на то, что между нимъ и его жертвой происходила борьба.

Въ дѣлахъ о мошенничествѣ, обманѣ при игрѣ и подлогахъ, Вейнгартъ не проводитъ такой строгой грани между фактомъ преступленія и виновностью обвиняемаго. Здѣсь все слѣдствіе сводится къ выясненію факта обмана или подлога, ибо съ установленіемъ преступленія виновность подсудимаго обыкновенно выясняется сама собой. Напримѣръ, когда по дѣлу установлено, что игра ведена крапленными картами, то нечего ломать себѣ голову надъ вопросомъ, кто виновный. Очевидно, что шулеромъ является партнеръ, обыгравшій потерпѣвшаго. Въ главѣ о подлогахъ авторъ подробно останавливается на изслѣдованіи документовъ, на производствѣ экспертизъ при участіи каллиграфа, микроскописта, химика и фотографа.

Этимъ мы можемъ закончить наше изложеніе, ибо сказаннаго достаточно, чтобы дать читателю понятіе о содержаніи книги. По нашему мнѣнію она заслуживаетъ полнаго вниманія русскихъ судебныхъ дѣятелей и изученіе ея принесетъ кандидатамъ на судебныя должности, молодымъ слѣдователямъ и товарищамъ прокурора большую пользу. Но намъ могутъ возразить, что вопросы, возбужденные авторомъ и соединенные имъ въ цѣлую систему, ничего новаго не представляютъ. На это мы отвѣтимъ, что теорія уликъ стара, какъ человѣчество, и что при всей извѣстности и безспор-

ности изложенныхъ положеній и возбуждаемыхъ вопросовъ напоминаніе старыхъ истинъ далеко не лишнее; большинство нашихъ слѣдствій страдаетъ неполнотой потому, что они не содержатъ отвѣта на элементарные вопросы, возбуждаемые авторомъ. Его книга представляетъ собою не монографію по спеціальному вопросу, а учебникъ, отъ котораго требуется не столько богатство новыми свѣдѣніями, сколько полное и систематическое изложеніе предмета. Въ этомъ же отношеніи трудъ Вейнгарта заслуживаетъ полной похвалы.

А. Левенстимъ.

УГОЛОВНАЯ ХРОНИКА.

Банковская трилогія. (Процессы: Харьковскаго Земельнаго, Харьковскаго Торговаго и Екатеринославскаго Коммерческаго Банковъ).

Грандіозная трилогія процессовъ трехъ одновременно крахнувшихъ банковъ: Харьковскаго Земельнаго, Харьковскаго Торговаго и Екатеринославскаго Коммерческаго—вызвала, въ общей и спеціальной журналистикѣ не мало статей и изслѣдованій экономическаго финансоваго и бытового характера въ связи съ тѣми вопросами которые этими процессами были впервые затронуты, или, по крайней мѣрѣ, вновь встревожены—послѣ многихъ годовъ счастливой увѣренности, что и здѣсь—въ области долгосрочнаго и краткосрочнаго кредита—„все обстоитъ благополучно".

Но мы затруднились бы указать на работу, посвященную если не разбору, то, по крайней мѣрѣ, подведенію итоговъ тѣхъ юридическихъ вопросовъ, которые въ этихъ процессахъ были подняты, худо ли, хорошо ли, освѣщены и, наконецъ, такъ или иначе разрѣшены; отсутствіе такой работы менѣе всего можно объяснить отсутствіемъ самихъ вопросовъ, ибо, не говоря уже объ апріористической невозможности вполнѣ безмятежнаго теченія столь сложныхъ, запутанныхъ и громоздкихъ процессовъ, нельзя забывать, что въ нихъ пришлось, между прочимъ, впервые толковать совершенно новый законъ 29 апрѣля 1902 г., „объ упроченіи дѣятельности частныхъ банковъ", изданный уже послѣ краха трехъ банковъ и указывающій на то, что „трилогія" не прошла безслѣдно для самого законодателя.

Настоящія замѣтки и имѣютъ цѣлью хотя бы отчасти восполнить вышеуказанный пробѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ любопытно будетъ

прослѣдить, насколько эти банковскіе процессы оправдали ту исключительную подсудность, по которой вотъ уже тринадцать лѣтъ банковскія дѣла вѣдаются судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей, въ ущербъ нормальной подсудности ихъ суду присяжныхъ засѣдателей.

*
* *

И по дѣлу Харьковскаго Торговаго банка и по дѣлу Екатеринославскаго Коммерческаго банка особое присутствіе судебной палаты поставило на свое разрѣшеніе, между прочимъ, одинъ и тотъ же вопросъ: виновны ли члены правленія банка въ томъ, что по предварительному соглашенію между собой, съ намѣреніемъ предоставить себѣ противозаконную выгоду, вопреки закону, разрѣшали себѣ кредитъ въ томъ же банкѣ по учету векселей, что причинило банку убытокъ въ размѣрѣ болѣе 300 рублей.

По дѣлу Харьковскаго банка всѣ безъ исключенія члены правленія были по этому вопросу оправданы, а по дѣлу Екатеринославскаго банка—всѣ обвинены, при чемъ дѣяніе подсудимыхъ было подведено подъ ст. 1155 улож. о нак.

Такъ какъ для состава преступленія, предусмотрѣннаго этой статьей, требуется прежде всего, чтобы банковая операція была совершена служащимъ въ кредитномъ учрежденіи съ нарушеніемъ правилъ, въ этомъ уставѣ дѣйствующихъ (рѣш. 1891 г. № 7 по дѣлу Сушкиныхъ), то палатѣ необходимо было установить, какой же параграфъ устава запрещалъ членамъ правленія банка кредитоваться въ немъ. Такого параграфа ни въ уставѣ Харьковскаго, ни въ уставѣ Екатеринославскаго банка—нѣтъ. Но въ уставѣ Екатеринославскаго банка есть другой параграфъ—71, который обязывалъ членовъ Правленія во всѣхъ случаяхъ, кои не разрѣшаются уставомъ, подчиняться общимъ законамъ объ акціонерныхъ обществахъ, „нынѣ (уставъ утвержденъ въ 1872 г.) дѣйствующимъ и тѣмъ, какіе будутъ впредь постановлены". А 5 апрѣля 1883 г. изданъ законъ, вошедшій въ раздѣлъ X устава кредитнаго, ст. 19 котораго именно запретила членамъ правленія банка пользоваться въ немъ вексельнымъ кредитомъ. Поэтому, казалось бы, что § 71 уст. обязывалъ членовъ правленія Екатеринославскаго банка подчиниться этому вновь постановленному закону; если же они ему не подчинились и продолжали кредитоваться, значитъ, они нарушили параграфъ своего устава,—а посему, при наличности дру-

гихъ данныхъ, составъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1155 улож.—на лицо.

Дѣйствительно, такъ именно истолковали законъ и такъ примѣнили его и по дѣлу Харьковскаго банка, и по дѣлу Екатеринославскаго банка: въ уставѣ Екатеринославскаго банка есть вышецитированный § 71—члены правленія обвинены; въ уставѣ Харьковскаго банка соотвѣтствующаго § нѣтъ—всѣ члены правленія оправданы. Такой взглядъ могъ быть высказанъ палатой съ полной увѣренностью еще и потому, что такое же толкованіе „соотвѣтствующихъ законоположеній" установлено той же Харьковской палатой еще по дѣлу Кременчугскаго банка и во всѣхъ отношеніяхъ поддержано авторитетомъ Правительствующаго Сената въ рѣшеніи 1897 г. № 33.

Но какъ велико должно быть изумленіе, когда при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что вся эта „твердо установившаяся практика"—есть сплошное и на рѣдкость удивительное недоразумѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ: правленія и Кременчугскаго и Екатеринославскаго банковъ обязаны были, въ силу § 71 своихъ уставовъ, подчиниться новому закону 5 апрѣля 1883 г., конечно, всему закону, а не той или иной его произвольно избранной части. Между тѣмъ въ томъ же законѣ имѣется примѣчаніе къ ст. 11-ой (разд. X уст. кред.), которое гласитъ, что правила, изложенныя въ ст. 15—25 (слѣдовательно и въ 19-ой), примѣняются лишь къ тѣмъ учреждаемымъ послѣ закона 5 апрѣля 1883 г. акціонернымъ коммерческимъ банкамъ, въ уставы коихъ не введены отступленія отъ оныхъ, порядкомъ, указаннымъ въ ст. 4 сего раздѣла, т. е. посредствомъ особаго представленія Министра Финансовъ Государственному Совѣту. И такъ, прежде всего: законъ 5 апрѣля 1883 г. самъ объявилъ, что онъ относится къ тѣмъ банкамъ, которые будутъ учреждены послѣ его изданія. А оба банка—Кременчугскій и Екатеринославскій—учреждены въ 1872 г., т. е. за одинадцать лѣтъ до изданія закона. Слѣдовательно, обязанные по своимъ уставамъ подчиниться всякому новому закону правленія банковъ подчинились закону, изложенному въ примѣчаніи къ ст. 11 разд. X уст. кред. А этотъ законъ самъ освободилъ отъ подчиненія ст. 19-ой. И за то, что члены правленія примѣнили весь законъ, слѣдовательно, подчинились ему,—они признаны нарушителями этого самого закона. Такъ иногда Fiat justitia!

Какъ же Сенатъ по „точному разуму существующихъ законовъ"

могъ дать такое толкованіе? Очень просто: огромное на 10 страницахъ рѣшеніе ни единымъ словомъ не упоминаетъ вовсе о существованіи прим. къ ст. 11—какъ будто его нѣтъ и никогда не было. Такъ же поступила и палата. Вмѣсто того, чтобы его толковать такъ или иначе—это другой вопросъ—о немъ, какъ о покойникѣ, не говорятъ вовсе. При такой постановкѣ дѣла никакой споръ, конечно, невозможенъ. О „разумѣ" закона могутъ быть разныя мнѣнія, но о существованіи закона—это уже вопросъ не о мнѣніяхъ, а о фактѣ. Тутъ спорить не о чемъ; достаточно развернуть соотвѣтствующую страницу и ткнуть въ нее пальцемъ.

Но такъ какъ законъ не балластъ, который можно выкинуть за бортъ „для облегченія", а, напротивъ, обладаетъ свойствомъ выплывать (и выводить) на чистую воду, то несомнѣнно, что тезисъ получается совсѣмъ противуположный тому, который установленъ въ 1897 г., а именно по уставу и Кременчугскаго, и Екатеринославскаго банковъ, члены правленія имѣли право въ нихъ кредитоваться. Если бы это и безъ того ясное и безспорное положеніе нуждалось еще въ какомъ либо подтвержденіи, то оно получаетъ его въ законѣ 29 апрѣля 1902 г. „объ упроченіи дѣятельности частныхъ банковъ" (собр. узак. и расп. прав. 1902 г. № 58), статья I отдѣла I-го котораго гласитъ, что члены правленія банка не могутъ пользоваться въ этомъ банкѣ кредитомъ въ какомъ бы то ни было видѣ, а раздѣлъ II начинается словами: „дѣйствіе ст. 1 отд. 1 настоящаго узаконенія... распространить на акціонерные коммерческіе банки, учрежденные до изданія закона 5 апрѣля 1883 г.", при чемъ „на ликвидацію кредитовъ, открытыхъ членамъ правленія банковъ, назначить трехгодичный срокъ со дня напечатанія настоящаго узаконенія въ собр. узак. и расп. прав". Такимъ образомъ ясно, что ранѣе 29 апрѣля 1902 г. самъ законодатель не считалъ, что запрещеніе кредитоваться относится къ членамъ правленія банковъ, учрежденныхъ до 5 апрѣля 1883 года.

Съ этой точки зрѣнія особенно важнымъ представляется самое начало новаго закона, гласящее, что онъ изданъ „въ отмѣну, измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній", ибо если законъ 29 апрѣля „измѣнилъ и отмѣнилъ" существовавшія по этому предмету законоположенія, то, значитъ, существовавшія отмѣненныя и измѣненныя законоположенія были иныя; если же законъ 29 апрѣля есть законъ, „дополнившій" существовавшія законоположенія, то слѣдуетъ признать, что до этого времени другого запретнаго за-

кона не было. А результатъ таковъ: члены правленія всевозможныхъ банковъ, пользовавшіеся въ нихъ кредитомъ, будутъ, въ силу закона 29 апрѣля 1902 г., ликвидировать свои счета, сидя въ мягкихъ креслахъ роскошныхъ директорскихъ кабинетовъ, и могутъ заниматься этой „работой“ вплоть до 1905 года; а члены правленія Екатеринославскаго банка, единственнаго, будутъ за то же самое отбывать тоже работы, но въ арестантскихъ отдѣленіяхъ.

Если не забывать, что законъ 29 апрѣля 1902 года изданъ уже послѣ краха всѣхъ трехъ банковъ, но до разбирательства о нихъ дѣла (Харьковскій процессъ слушался зимой 1903 г., а Екатеринославскій въ 1904 г.), то съ такимъ положеніемъ не можетъ примириться не только правосознаніе юриста, но и обыкновенная обывательская совѣсть.

* *
*

Ст. 1154 и 1155 улож. о нак.—спеціально „банковскія“ статьи. Первая говоритъ о подлогахъ и невѣрностяхъ въ сохраненіи ввѣреннаго служащимъ банковъ имущества, вторая—о неправильныхъ, злонамѣренныхъ и убыточныхъ дѣйствіяхъ въ производствѣ ссудъ или выдачѣ вкладовъ. Составъ преступленія 1155 ст. твердо установленъ непоколебимой въ этомъ отношеніи практикой Сената и опредѣляется: 1) нарушеніемъ устава банка; 2) ущербомъ и 3) злонамѣренностью. Относительно же состава преступленія ст. 1154 нѣтъ не только твердыхъ, но и какихъ бы то ни было указаній въ многолѣтней практикѣ Сената. Наказуема ли, напримѣръ, „невѣрность“ въ сохраненіи банковскаго имущества сама по себѣ, или же и тутъ требуется злонамѣренность и причиненіе ущерба? Въ процессахъ двухъ Харьковскихъ и Екатеринославскаго банка и обвиненіе и защита согласно исходили изъ той точки зрѣнія, что составъ преступленія 1154 ст. тотъ же, что и 1155 ст.,—ибо въ сущности это—одна статья, говорящая о подлогахъ, невѣрностяхъ въ сохраненіи имущества (ст. 1154), въ производствѣ ссудъ и въ выдачѣ вкладовъ (ст. 1155). Слѣдовательно, невѣрность въ сохраненіи имущества наказуема только при доказанности нарушенія устава, злонамѣренности и причиненнаго ущерба. Въ самомъ дѣлѣ, трудно думать, чтобы законодатель охранялъ санкціей уголовнаго закона невѣрности въ сохраненіи банковскаго имущества, если отъ этого никакого ущерба не произошло, ибо не все ли для него равно, хранится кипа какихъ нибудь акцій въ кассѣ, въ письмен-

номъ столѣ, или даже на балконѣ банка—лишь бы эти акціи были и остались цѣлы. Во внутреннюю жизнь, распорядокъ и систему банковской бухгалтеріи, кассы, корреспонденціи—уголовный законъ не вторгается, ибо акціонерные коммерческіе банки не правительственныя учрежденія, гдѣ даже внутренній порядокъ составляетъ часть государственной машины и потому охраняется самъ по себѣ, независимо отъ послѣдствій, уголовнымъ закономъ (416, 470, 471, 474, 475 и др. ст. улож. о нак.). Поэтому нельзя вообразить себѣ прокурора, который, имѣя самыя несомнѣнныя доказательства „невѣрности храненія“ банковаго имущества, потребовалъ бы перенесенія какихъ либо облигацій изъ одной комнаты въ другую, или какого нибудь счета изъ одной книги въ другую; онъ долженъ ждать, чтобы насталъ результатъ такого невѣрнаго храненія, чтобы произошелъ ущербъ,—ибо только тогда преступленіе налицо. Значитъ, безъ доказанности ущерба—нѣтъ состава преступленія.

Къ сожалѣнію, приговоры по дѣламъ Харьковскихъ и Екатеринославскаго банковъ не только не дали какого либо принципіальнаго и общаго отвѣта на эти вопросы, но внесли въ нихъ еще бо̀льшую путаницу.

Члены ревизіонной коммисіи Екатеринославскаго банка, напримѣръ, обвинялись въ томъ, что умышленно, изъ корыстныхъ видовъ, въ своихъ докладахъ завѣдомо ложно удостовѣряли, будто они производили ревизіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они этихъ ревизій не производили, чѣмъ намѣренно ввели въ заблужденіе Правительство и акціонеровъ банка.

Палата признала, что на ревизоровъ „не можетъ упадать никакихъ подозрѣній, чтобы они умышленно скрывали практиковавшіяся въ дѣлахъ банка злоупотребленія“; что преступленіе ихъ „ни въ какой причинной связи съ причиненными банку убытками не стоитъ“,—но тѣмъ не менѣе подвела дѣяніе ревизоровъ подъ ст. 1154 улож. о нак. Казалось бы, что этимъ самымъ палата установила ненадобность для состава 1154 ст. ни „злонамѣренности“, ни „ущерба“, а только (и по крайней мѣрѣ) „подлоговъ и невѣрности храненія“; но нѣтъ, палатѣ и этого не нужно, ибо, говоритъ она, ревизоры „осуждены не за подлоги и невѣрности въ сохраненіи банковаго имущества, и даже не за небрежное исполненіе своихъ обязанностей, а лишь за подложныя удостовѣренія, будто эти обязанности ими исполнялись“.

Такимъ образомъ, выходитъ, что для осужденія по ст. 1154

улож. о нак., говорящей исключительно о подлогахъ и невѣрностяхъ храненія банковаго имущества, не нужно ни злонамѣренности, ни ущерба, ни даже подлоговъ и невѣрностей храненія—ничего, ни одного слова изъ статьи закона, кромѣ цифры „1154", ибо только она не истреблена безжалостно „мечемъ анализа" Харьковской судебной палаты. Зато создано совершенно новое и оригинальное преступленіе: сокрытіе небрежности, какъ подлогъ. Но дѣло въ томъ, что сокрытіе небрежности не есть подлогъ, а все-таки только небрежность, предусмотрѣнная ст. 417 улож. о нак., которая говоритъ о должностномъ лицѣ, „которое, составляя рапортъ или донесеніе о какомъ либо дѣлѣ, не удостовѣрится надлежащимъ образомъ въ истинныхъ обстоятельствахъ и существѣ онаго и представитъ сіе дѣло въ видѣ неполномъ или невѣрномъ", т. е. не соотвѣтствующемъ дѣйствительности: въ которомъ дѣйствительность скрыта, ибо не будь она скрыта, „рапортъ" не могъ бы быть „невѣрнымъ": рапортъ или донесеніе, въ которомъ должностное лицо открыто заявило бы, что оно представляетъ дѣло, „не удостовѣрившись надлежащимъ образомъ въ истинныхъ обстоятельствахъ и существѣ его", не есть уже ни рапортъ, ни донесеніе, а сознаніе обвиняемаго, съ точки же зрѣнія ст. 417 улож. о нак.—это—негодный объектъ, ибо рапортъ или донесеніе съ подобнымъ признаніемъ не можетъ уже никого ввести въ заблужденіе и дать кому бы то ни было „невѣрное" представленіе объ истинныхъ обстоятельствахъ и существѣ дѣла; такому рапорту не „вѣрятъ". Вѣрятъ же только такой бумагѣ, въ которой скрыто, что авторъ ея вовсе не удостовѣрился въ истинномъ положеніи дѣла; поэтому нерадѣніе и можетъ быть только *скрытымъ*,—иного нерадѣнія и не бываетъ.

Харьковская же судебная палата, ничтоже сумняшеся, усмотрѣла здѣсь подлогъ и обвинила ревизоровъ. А та же судебная палата, но въ г. Харьковѣ, поставила на свое разрѣшеніе буквально такой же вопросъ о виновности такихъ же ревизоровъ и при совершенно одинаковыхъ фактическихъ данныхъ (и въ Харьковѣ и въ Екатеринославѣ ревизоры признали себя виновными), не усмотрѣла въ ихъ дѣяніи признаковъ какого либо преступленія и вынесла имъ оправдательный вердиктъ, который благополучно миновалъ уже препоны въ Правительствующемъ Сенатѣ, такъ какъ не былъ опротестованъ прокурорскимъ надзоромъ, а это, въ свою очередь, не помѣшало прокурорскому надзору послѣ этого энергично добиваться обвиненія по этимъ же пунктамъ предъ

той же палатой, но, правда, уже не въ Харьковѣ, а въ Екатеринославлѣ.

* * *

Какъ при этомъ не вспомнить отвода, неизмѣнно заявляемаго противъ суда присяжныхъ, и ссылающагося на непостоянство ихъ рѣшеній; какъ не вспомнить упрековъ, что судьба процесса зависитъ не отъ силы и смысла закона, не отъ установленія безспорныхъ фактовъ, не отъ состава преступленія, а отъ состава самихъ присяжныхъ засѣдателей; что за одно и то же дѣяніе въ одномъ и томъ же судѣ присяжные засѣдатели выносятъ то обвинительный, то оправдательный вердиктъ, между тѣмъ какъ гражданинъ долженъ знать, что можно и чего нельзя, долженъ имѣть непоколебимую увѣренность, что равенъ для всѣхъ не только законъ, но и судъ, его примѣняющій, т. е., что при извѣстномъ правонарушеніи одинаковый законъ будетъ одинаково примѣненъ ко всѣмъ.

И вотъ налицо примѣръ, что за одно и то же фактическое дѣяніе, одинаково квалифицированное юридически и вообще ceteris paribus одна и та же палата выноситъ противоположные приговоры, въ зависимости отъ того . . . города, въ которомъ происходитъ разбирательство дѣла. Вотъ тебѣ и непоколебимая увѣренность!

А второй отводъ противъ суда присяжныхъ: что они считаютъ возможнымъ „отвергать факты, не смотря на ихъ очевидность". Факты! но вѣдь комплексы фактовъ и каждый изъ нихъ въ отдѣльности—явленія не идентичныя и не повторяемыя, ибо въ природѣ нѣтъ двухъ одинаковыхъ людей, умовъ, сердецъ, чувствъ; поэтому присяжнымъ, судьямъ факта, самъ законъ предоставляетъ неограниченную свободу сужденія и приговора. Но законъ — это нѣчто совсѣмъ другое; онъ—не бытовой фактъ, онъ, наоборотъ, стереотипенъ,—и поэтому судьи обязаны подчиняться ему безпрекословно.

Что же мы видимъ въ процессѣ трехъ банковъ? Не фактъ, а самъ законъ отвергнутъ, не смотря на его существованіе. Въ дѣлѣ, гдѣ малѣйшее уклоненіе отъ буквы уставныхъ параграфовъ ставилось подсудимымъ въ тяжкую уголовную вину,—палата игнорируетъ самое существованіе явнаго и прямого закона, притомъ съ величайшимъ „ущербомъ" для свободы, чести и имущества обвиняемыхъ. Таковы факты изъ дѣятельности суда, которому отдано преимущество предъ присяжными засѣдателями, факты, взятые

изъ областей наиболѣе, казалось бы, для него благопріятныхъ: изъ области точнаго примѣненія закона и постоянства приговоровъ. Нужно ли говорить о другихъ сторонахъ этого суда, которыя, по признанію даже его защитниковъ, значительно уступаютъ суду присяжныхъ засѣдателей?

Прошедшіе предъ русскимъ обществомъ процессы трехъ банковъ еще разъ подтвердили, что для изъятія банковскихъ дѣлъ изъ нормальной подсудности присяжнымъ засѣдателямъ нѣтъ ни юридическихъ, ни соціальныхъ, ни политическихъ основаній. Конечно, цѣлый рядъ банковскихъ процессовъ съ начала 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія обнаружилъ множество ненормальностей въ организаціи, законодательствѣ и функціонированіи акціонерныхъ банковъ; вердикты присяжныхъ засѣдателей часто указывали на эту—общественную—сторону дѣла. И вотъ, вмѣсто того, чтобы измѣнить организацію банковаго дѣла, у насъ измѣнили подсудность банковскихъ дѣлъ. Присяжные засѣдатели съ 1891 г. были признаны недостаточно компетентными въ разрѣшеніи „сложныхъ банковскихъ дѣлъ, требующихъ спеціальныхъ знаній въ области счетоводства и финансовыхъ операцій", а члены судебныхъ палатъ, совокупно съ предводителемъ дворянства, городскимъ головой и волостнымъ старшиной оказались спеціалистами именно по бухгалтеріи и онкольнымъ счетамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу ст. 1198 и 1199 улож. о нак., дѣла всѣхъ прочихъ „обществъ, товариществъ и компаній" остались въ вѣдѣніи присяжныхъ засѣдателей и до сихъ поръ превосходно разрѣшаются ими. Поэтому получилась такая аномалія, что самое простое и заурядное дѣло о мелкой растратѣ въ „Ліонскомъ Кредитѣ" слушается въ особомъ присутствіи, а сложнѣйшія дѣла Страховаго и Транспортнаго Общества „Россіянинъ" или „Сѣвернаго Страховаго Общества" разбираются въ судѣ присяжныхъ засѣдателей.

Процессъ Харьковскихъ банковъ отмѣтилъ и то, насколько особыя присутствія удовлетворяютъ требованіямъ „спеціальныхъ свѣдѣній"; по этому дѣлу, продолжавшемуся почти два мѣсяца, потребовавшему огромной работы суда, сторонъ и экспертовъ,— волостной старшина, вошедшій въ составъ особаго присутствія, оказался, когда потребовалась подпись приговора, неграмотнымъ. Между тѣмъ, груды письменныхъ вещественныхъ доказательствъ не были оглашены потому, что палата яко-бы знакомилась съ ними въ совѣщательной комнатѣ. Все это было удостовѣрено самой палатой, но Сенатъ не призналъ этого обстоятельства кассаціоннымъ по-

водомъ,—настолько велика компетентность волостного старшины въ разрѣшеніи сложныхъ банковскихъ дѣлъ!

Такая откровенность лишній разъ подтвердила то, что и раньше не составляло секрета, именно, что вовсе не изъ за сложности изъяты банковскія дѣла изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, а изъ за огорченій, которыя нерѣдко причиняли ихъ вердикты; эти вердикты не разъ указывали, что въ самой основѣ нашихъ банковскихъ учрежденій таится болѣзненное начало, требующее реформъ; тогда съ свойственной намъ чуткостью немедленно откликнулись и прописали традиціонное лекарство: „изъять", изъять банковскіе процессы изъ компетенціи суда присяжныхъ—вотъ и весь рецептъ. Если термометръ показываетъ, что холодно, что нужно согрѣть—что дѣлать? Отвѣтъ: убрать термометръ. Какъ бы ни казался частнымъ случай, здѣсь трактуемый, но и онъ показалъ, что отправленіе правосудія не можетъ существовать отдѣльно и изолировано, какъ въ башнѣ изъ слоновой кости, а всегда раздѣляетъ судьбу страны, въ которой дѣйствуетъ.

Но что, впрочемъ, банковскія преступленія, по сравненію съ цѣлымъ рядомъ другихъ дѣлъ, болѣе важныхъ, глубокихъ и сложныхъ (хотя и не съ точки зрѣнія бухгалтеріи), которыя, какъ изгнанники, ждутъ возвращенія на свою родину—въ судъ присяжныхъ.

Хочется вѣрить, что вѣяніе „весны" оживитъ своимъ тепломъ и давно назрѣвшіе вопросы о нормальномъ отправленіи правосудія въ Россіи, и притомъ по возможности безъ „изъятій".

Однако, есть вопросы, которые должны быть рѣшены во всякое время года, даже осенью, и есть требованія, которыя могутъ быть предъявляемы всякому суду, даже палатѣ съ сословными представителями. Тысячи жертвъ были принесены для торжества „пункта" въ судебныхъ палатахъ съ сословными представителями. Но когда даже пунктъ, и даже въ этомъ судѣ игнорируется совершенно, и притомъ въ сторону, отягчающую участь подсудимыхъ, — то это поневолѣ вселяетъ тревогу. Приведенное выше указываетъ, что основанія для такой тревоги есть и что юристы вправѣ ожидать, что возбужденные вопросы не будутъ похоронены въ „отдѣленскомъ" указѣ, а получатъ надлежащее освѣщеніе въ руководящемъ департаментскомъ рѣшеніи, публикуемомъ во всеобщее свѣдѣніе и подлежащемъ широкой и свободной критикѣ.

М. Л. Гольдштейнъ.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Повсемѣстно и широко развившаяся за послѣднее время, благодаря успѣхамъ техники и машиннаго производства, фабрично-заводская промышленность, выпуская на рынокъ огромное количество фабрикатовъ, крайне нуждается въ ихъ сбытѣ и въ расширеніи круга потребителей своихъ произведеній. Какъ бы, однако, ни удешевились эти произведенія и какъ бы настоятельно не ощущалась въ нихъ потребность со стороны населенія, значительное число лицъ, по недостаточности матеріальныхъ средствъ, лишено тѣмъ не менѣе, возможности пріобрѣтать необходимые для нихъ предметы при условіи единовременнаго платежа сполна всей покупной суммы. Обстоятельство это вызвало на практикѣ продажу разныхъ предметовъ съ разсрочкою въ уплатѣ ихъ стоимости и появленіе въ торговомъ оборотѣ многочисленныхъ сдѣлокъ по куплѣ-продажѣ съ разсрочкою платежа. Получая чрезъ разсрочку возможность пріобрѣсти необходимыя орудіе или машину, не дожидаясь того времени, пока накопится потребная для того сумма, мелкій производитель—ремесленникъ или кустарь—съ тѣмъ вмѣстѣ получаетъ и возможность погасить стоимость этой вещи не только изъ дѣлаемыхъ имъ сбереженій отъ обычнаго своего заработка, но также и изъ того излишка въ этомъ заработкѣ, который несомнѣнно послѣдуетъ отъ примѣненія болѣе совершеннаго орудія. Этотъ излишекъ заработка, усиливающій платежныя средства недостаточнаго покупателя, обезпечиваетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, полученіе продавцомъ стоимости запроданной имъ вещи, и такимъ образомъ дѣлаетъ самую сдѣлку купли-продажи въ разсрочку одинаково выгодною и желательною въ интересахъ обѣихъ сторонъ. Сознаніе такой выгоды приводитъ все болѣе къ широкому развитію этого

рода сдѣлокъ и примѣненію ихъ къ продажамъ не только орудій и машинъ, въ томъ числѣ и сельско-хозяйственныхъ, но и вообще разныхъ предметовъ домашней обстановки, комфорта и даже роскоши, имѣя послѣдствіемъ значительное расширеніе круга потребителей этихъ предметовъ и обезпечивая развивающейся промышленности ихъ сбытъ.

Продажа въ разсрочку весьма распространена въ Австріи и Германіи, гдѣ, однако, на ряду съ несомнѣнною пользою замѣчались и отрицательныя стороны этихъ сдѣлокъ. Вещи, продаваемыя въ разсрочку, часто оказывались плохого качества, плата же за нихъ взималась гораздо большая, нежели при покупкѣ ихъ на наличныя деньги. Вообще, пользуясь тѣмъ, что покупателями при продажахъ въ разсрочку являются обыкновенно люди бѣдные и невѣжественные, продавцы эксплоатировали ихъ, выговаривая по печатнымъ бланкамъ крайне тягостныя для покупателей условія и не стѣсняясь въ средствахъ для того, чтобы навязать вещь покупателю.

Столь нежелательный характеръ сдѣлокъ о продажѣ въ разсрочку объяснялся тѣмъ, что въ Германіи, напримѣръ, солидныя фирмы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вели торговлю въ разсрочку, а занимались подобными сдѣлками преимущественно мелкіе коммисіонеры, получающіе за свой трудъ коммисіонное вознагражденіе и сдѣлавшіе изъ этого занятія особый промыселъ. Большое распространеніе получили также базары, торгующіе въ разсрочку самыми разнообразными предметами, привлекающіе къ себѣ покупателей широковѣщательными рекламами и снабжающіе ихъ часто гнилымъ залежавшимся товаромъ. Понятно, какъ вредно отражалась поставленная въ столь ненормальныя условія продажа въ разсрочку на интересахъ бѣднаго люда, къ эксплоатаціи котораго она направлялась. При этомъ страдали и интересы солидныхъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ, которыя, ведя дѣло честно и поставляя хорошій товаръ, оказывались именно вслѣдствіе своей добросовѣстности не въ состояніи бороться съ конкурентами, торгующими тѣмъ же товаромъ, но гораздо худшаго качества, и не стѣсняющимися въ средствахъ для обмана своихъ покупателей. Вотъ почему, сдѣлки о продажѣ въ разсрочку встрѣтили въ Германіи наиболѣе сильное противодѣйствіе именно среди торговаго и промышленнаго класса.

Движеніе противъ этихъ сдѣлокъ началось подачею въ 1886 г. особой петиціи въ Рейхстагъ Кельнскимъ Verein gegen Unwesen im Handel und sewerbe. Многочисленные цехи, торговыя палаты и промышленные союзы послѣдовали этому примѣру, такъ что къ

февралю 1894 г. общее число подобныхъ петицій достигло 974. Въ петиціяхъ изображались злоупотребленія, наиболѣе часто встрѣчающіяся при сдѣлкахъ о продажѣ въ разсрочку, и требовалось безотлагательное вмѣшательство въ это дѣло законодательной и административной власти. Мѣры предлагались самыя различныя. Подчиненіе сдѣлокъ о продажѣ въ разсрочку правительственному контролю на подобіе операцій ссудныхъ кассъ, допущенія къ занятію ими въ видѣ промысла только съ особаго разрѣшенія правительства, воспрещеніе торговли въ разсрочку предметами роскоши, воспрещеніе подобной торговли разносчикамъ, приходящимъ на домъ, и коммисіонерамъ, законодательное упорядоченіе и опредѣленіе условій сдѣлокъ о продажѣ въ разсрочку и распространеніе на эти сдѣлки правилъ о ростовщичествѣ,—таковы были главныя ихъ предлагавшихся мѣръ. Въ нѣкоторыхъ петиціяхъ требовалось даже совершенное воспрещеніе продажи въ разсрочку, съ признаніемъ сдѣлокъ, заключаемыхъ вопреки такому воспрещенію, недѣйствительными.

Въ 1892 г. былъ представленъ на обсужденіе Рейхстага проектъ правилъ о продажѣ въ разсрочку, при чемъ образованной для разсмотрѣнія его коммисіи сообщены были свѣдѣнія, собранныя по этому предмету Прусскимъ министерствомъ юстиціи отъ судебныхъ мѣстъ. 16 мая 1894 г. означенный проектъ получилъ законодательное утвержденіе.

Изданію Австрійскаго закона 27 апрѣля 1896 г. точно также предшествовала усиленная агитація противъ сдѣлокъ о продажѣ въ разсрочку, исходившая, какъ и въ Германіи, главнымъ образомъ изъ торговой среды.

Къ намъ сдѣлки по куплѣ-продажѣ съ разсрочкой платежа проникли изъ Германіи. Первоначально примѣненіе ихъ ограничивалось швейными машинами, сбываемыми въ огромномъ количествѣ Гамбургскою фирмою Нейдсингера на выработанныхъ послѣднею спеціальныхъ для сего условіяхъ. Вслѣдъ за названною фирмою и другіе представители разныхъ заграничныхъ промышленныхъ фирмъ, въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго распространенія своихъ издѣлій, стали продавать въ разсрочку. Покупка швейныхъ и вязальныхъ машинъ, мебели, музыкальныхъ инструментовъ, картинъ, сельско-хозяйственныхъ орудій, посуды и т. п. съ разсрочкой платежа практикуется у насъ въ очень широкихъ размѣрахъ и вошла окончательно въ права, такъ что къ этому способу покупки прибѣгаютъ зачастую даже и люди болѣе зажиточныхъ классовъ. Обле-

кается продажа въ разсрочку въ фиктивный договоръ найма. Покупщикъ, пріобрѣтая вещь въ разсрочку съ уплатою незначительнаго задатка, выдаетъ продавцу обязательство въ томъ, что онъ получаетъ вещь на прокатъ. Остальную недоплоченную сумму платитъ онъ незначительными взносами въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока и пріобрѣтаетъ вещь въ собственность лишь по уплатѣ этихъ платежей. По наиболѣе твердымъ шаблонамъ производится у насъ продажа въ разсрочку швейныхъ машинъ. Доказательствомъ уплаты срочныхъ платежей служитъ для лица, взявшаго машину якобы на прокатъ, особая, выдаваемая ему фирмою книжечка, въ которую при каждой уплатѣ наклеиваются небольшія марки фирмы, соотвѣтственно уплаченной суммы. Въ договорѣ (прокатная росписка) помѣщается условіе, что при неаккуратности въ платежѣ прокатныхъ денегъ продающая машину фирма имѣетъ право потребовать машину обратно съ уплатой прокатныхъ денегъ по день возвращенія. Въ случаѣ поврежденія, кражи или утраты или потери машины покупатель обязывается уплатить за всѣ убытки. Машина должна находится въ квартирѣ покупателя и ни въ какомъ случаѣ не должна быть передаваема для пользованія другому лицу, въ чемъ собственникъ ея или повѣренный его во всякое время имѣетъ право удостовѣриться. Наконецъ, для удобства продавцовъ включается въ договоръ условіе, крайне стеснительное для покупателя, что въ случаѣ возникновенія споровъ по исполненію сего договора, они должны подлежать разсмотрѣнію мирового судьи того участка, гдѣ находится магазинъ фирмы.

Благодара тому, что купля-продажа облекается въ форму найма, право собственности на вещь сохраняется за продавцемъ и покупатель, который до уплаты полностью покупной цѣны отчудилъ бы купленную имъ вещь, отвѣчалъ бы въ уголовномъ порядкѣ за растрату.

Сдѣлки эти, предоставляющія продавцу исключительныя преимущества и налагающія на покупателя, въ большинствѣ случаевъ болѣе слабаго, только обязанности, пока еще не привели у насъ къ тѣмъ злоупотребленіямъ, которыя проявились въ Австріи и Германіи и вызвали изданіе законовъ 1894 и 1896 г.г. Во всякомъ случаѣ, указаній на злоупотребленія въ нашей литературѣ не имѣется и число судебныхъ дѣлъ, возникающихъ у насъ по этимъ сдѣлкамъ, сравнительно незначительно. Исходя, однако, изъ совершенно справедливой мысли, что необходимость законодательной нормировки этихъ сдѣлокъ не устраняется тѣмъ, что отрицатель-

ныя ихъ стороны не успѣли проявиться у насъ въ столь острой формѣ, какъ заграницей, Министерство Финансовъ выработало еще въ 1898 году проектъ правилъ о сдѣлкахъ купли-продажи движимаго имущества съ разсрочкою платежа.

Проектъ этотъ, ставившій себѣ задачей обезпечить продавцу возможность полученія денегъ за проданную вещь и вмѣстѣ оградить покупателя отъ эксплоатаціи со стороны недобросовѣстнаго продавца, по сравненію съ соотвѣтствующими законами германскимъ и австрійскимъ менѣе льготенъ для покупателя. Измѣненія, которымъ подвергся проектъ при дальнѣйшемъ его обсужденіи, еще болѣе подчеркнули эту его особенность.

Законъ 9 февраля 1904 г. направленъ прежде всего къ огражденію интересовъ продавцевъ-торговцевъ и промышленниковъ; покупателямъ можетъ онъ принести пользу лишь косвенно. Въ настоящее время купля-продажа съ разсрочкою платежа облекается въ форму договора найма въ виду, главнымъ образомъ, стремленія продавцевъ къ удержанію за собою права собственности на проданныя вещи до уплаты полностью всей покупной ихъ суммы. Пока вещь юридически является для покупателя чужой, онъ не можетъ подъ страхомъ уголовной отвѣтственности за растрату ни продать, ни заложить, ни инымъ образомъ отчудить ее. Предоставленіе продавцамъ возможности достигать того же результата, не прибѣгая въ обходъ закона къ фиктивнымъ сдѣлкамъ, должно, по мнѣнію законодателя, устранить ту почву, на которой естественно рождаются злоупотребленія.

Постановленія новаго закона касаются продажи въ разсрочку не всякаго вообще движимаго имущества, понимаемаго, какъ извѣстно, по 1 ч. X т., въ самомъ широкомъ смыслѣ, а лишь продажи опредѣленнаго рода товаровъ, а именно машинъ, орудій, инструментовъ и вообще движимаго имущества, составляющаго предметъ домашней обстановки либо оборудованія сельскаго хозяйства (кромѣ живого инвентаря), мастерства или промысла и предназначенныхъ притомъ для пользованія, но не для уничтоженія и не для перепродажи. Такимъ образомъ, постановленія закона 9 февраля не касаются продажи въ разсрочку процентныхъ бумагъ, въ томъ числѣ билетовъ выигрышныхъ займовъ, очень распространенной, напр., въ Петербургѣ и сопровождаемой часто злоупотребленіями. Онъ не заключаетъ, однако, и прямого запрета такихъ сдѣлокъ, подобно германской новеллѣ 16 мая 1894 г., подвергающей штрафу до 500 марокъ лицъ, продающихъ въ разсрочку лотерейные би-

леты, всякаго рода предъявительскія и съ преміями бумаги или свидѣтельства на право участія въ выигрышахъ. Засимъ, постановленія новаго закона не распространяются на продажу оптомъ, при которой покупателями являются торговцы (ст. 6). Постановленія его не многочисленны.

Недостаточность фактическихъ данныхъ, которыми удостовѣрялись бы серьезныя злоупотребленія при заключеніи сдѣлокъ купли-продажи въ разсрочку, а также отсутствіе провѣренныхъ опытомъ указаній на желательныя мѣры къ упорядоченію сего рода сдѣлокъ, повидимому, побудили законодателя къ осторожности въ регламентаціи этихъ, еще не выработавшихся окончательно и не окрѣпшихъ правоотношеній, дабы излишнею строгостью не стѣснять свободы соглашенія сторонъ и тѣмъ не задержать развитіе полезныхъ въ экономическомъ отношеніи сдѣлокъ.

Установивъ въ ст. 1, что продажа въ розницу съ разсрочкою платежа совершается, если не сдѣлано въ законѣ исключенія, по общимъ правиламъ законовъ гражданскихъ, новелла 9 февраля въ ст. 2 выставляетъ требованіе, чтобы договоръ купли-продажи содержалъ въ себѣ точное означеніе продаваемаго имущества, покупной его цѣны, а также сроковъ и размѣровъ платежей. Письменная, однако, форма для договоровъ факультативна. Статья первоначальнаго проекта, требовавшая, чтобы договоры заключались обязательно въ письменной формѣ, не нашла себѣ мѣста въ новомъ законѣ. Исходя изъ того, что по дѣйствующимъ гражданскимъ законамъ при продажѣ движимости и состоявшейся вмѣстѣ съ заключеніемъ сдѣлки передачѣ проданной вещи покупщику устанавливается переходъ права собственности на нее къ новому ея владѣльцу и покупатель, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ право отчуждать ту вещь всѣми указанными въ законѣ способами, ст. 3 постановляетъ, что до полной уплаты цѣны проданнаго въ разсрочку имущества покупщикъ не вправѣ закладывать, продавать или инымъ способомъ отчуждать это имущество. Одновременно пополняются наши уголовные законы статьею, облагающею нарушеніе этого запрета наказаніями, установленными за растрату.

Купленное имущество служитъ обезпеченіемъ требованій продавца, истекающихъ изъ продажи его въ разсрочку, преимущественно передъ другими, обращенными къ покупщику, требованіями. Совершенные вопреки упомянутому воспрещенію безмездныя сдѣлки недѣйствительны всегда; возмездныя же—отчужденіе и закладъ—когда купившій или принявшій въ закладъ зналъ, что имущество не могло быть отчуждаемо или закладываемо (ст. 3).

Въ случаѣ невзноса покупщикомъ послѣдовательно двухъ срочныхъ взносовъ, продавецъ можетъ либо ограничиться взысканіемъ ихъ, либо потребовать уничтоженія договора, возвращенія имущества и вознагражденія какъ за пользованіе имъ со дня передачи онаго покупщику по день возвращенія продавцу, такъ и за понесенные имъ убытки. Въ слѣдующую на этомъ основаніи продавцу общую сумму засчитываются произведенные покупщикомъ до уничтоженія договора платежи, а если они превышаютъ ту сумму, то излишекъ возвращается продавцемъ покупщику (ст. 8).

Любопытно сравнить съ этимъ постановленіемъ постановленія, заключающіяся въ ст. 2 австрійской новеллы 27 апрѣля 1896 г. „Если продавецъ, выговоривъ себѣ право расторгнуть сдѣлку вслѣдствіе неисполненія покупателемъ принятыхъ на себя обязательствъ, пользуется этимъ правомъ, то онъ обязанъ возвратить покупателю задаточную сумму и поступившіе уже платежи, съ законными на нихъ процентами со дня полученія, и возмѣстить всѣ необходимыя и полезныя издержки, сдѣланныя покупателемъ на купленную вещь. Соглашеніе, противное сему постановленію, не имѣетъ силы. Покупатель обязанъ возвратить продавцу вещь и возмѣстить ему, соотвѣтственно обстоятельствамъ даннаго случая, причиненные убытки. Въ частности покупатель обязанъ вознаградить продавца за пользованіе вещью. Предварительное соглашеніе о размѣрѣ такого вознагражденія недѣйствительно“.

Нѣтъ въ нашей новеллѣ и постановленія, имѣвшагося въ первоначальномъ проектѣ Министерства Финансовъ о правѣ покупщика во всякое время учинить съ продавцомъ полный разсчетъ, съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ установленнаго договоромъ вознагражденія за разсрочку (ст. 4 пр.). Нѣтъ въ ней и постановленій, ограничивающихъ размѣръ могущей быть включенною въ договоръ неустойки за несвоевременный платежъ періодическихъ взносовъ (ст. 5 пр.) и устанавливающихъ недѣйствительность размѣра наемной за проданную въ разсрочку вещь платы, превышающей обычно взимаемую въ подобныхъ случаяхъ плату (ст. 8 пр.).

По ст. 5 закона 9 февраля, въ случаѣ уничтоженія проданнаго въ разсрочку имущества, его утраты или порчи, продавецъ вправѣ потребовать отъ покупщика единовременной уплаты всей остальной неуплаченной за то имущество суммы. Правило это, исходящее изъ начала, что страхъ за поврежденіе имущества лежитъ именно на покупщикѣ, какъ на собственникѣ, предполагаетъ, въ

отличіе отъ первоначальнаго проекта, не только злонамѣренную порчу, но и всякую иную.

Таковы постановленія новаго закона. Будущее покажетъ, насколько они пригодны поставить на правильную почву и способствовать развитію сдѣлокъ по куплѣ-продажѣ съ разсрочкою платежа, одинаково выгодныхъ и для торговцевъ, и промышленниковъ и для обывателя.

Г. Г. Евангуловъ.

40
V.

S0041425
СФ СПбГУ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

Съ января 1904 года

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

выходитъ подъ редакціей

К. К. АРСЕНЬЕВА, М. М. ВИНАВЕРА,
Прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА, В. Д. НАБОКОВА
и Проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (кромѣ іюля и августа) въ количествѣ 10 книгъ въ годъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на годъ	*по полугодіямъ* Январь	Іюнь
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
„ „ съ доставкой	8 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „ — „
Въ другихъ городахъ съ доставкою	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „
За-границей	12 „ — „	7 „ — „	5 „ — „

Подписывающіеся на одинъ мѣсяцъ платятъ 1 р. 20 к. съ доставкою.

Въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ сборника рѣшеній кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ оффиціальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СБОРНИКА РѢШЕНІЙ:

	на годъ	*по полугодіямъ* Январь	Іюнь
Въ С.-Петербургѣ съ доставкой	11 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р.
Въ другихъ городахъ съ доставкой	12 р.	7 р.	5 р.

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 к. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ „Вѣстника Права“: С.-Петербургъ, **ЗАГОРОДНЫЙ ПР., Д. № 2**, и кромѣ того во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія для напечатанія въ „Вѣстникѣ Права“ принимаются въ конторѣ по расчету **16 руб.** за страницу.

сенатская типографія.